НОВЫЙ Журнал

№282

НЬЮ-Йорк

THE NEW REVIEW Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин – 1942
С 1946 по 1959 редактор М. Карпович
С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев
С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль
С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор)
Г. Андреев, Л. Ржевский
1976 – 1981 редактор Роман Гуль
1981 – 1983 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Е. Магеровский
1984 – 1986 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Ю. Кашкаров, Е. Магеровский
1986 – 1990 Редакционная коллегия
1990 – 1994 редактор Юрий Кашкаров
1994 – 2005 редактор Вадим Крейд

Семьдесят пятый год издания

Главный редактор Марина Адамович

Редакционная коллегия:

Сергей Голлербах, Марина Гарбер, Генрих Иоффе, Елена Краснощекова, Валентина Синкевич, Владимир фон Цуриков

Ответственный секретарь – Рудольф Фурман
Редакция – Наталья Гастева, Марина Гарбер, Илья Куксин

The New Review, Inc.:

T.Bobrinskoy; T.Chebotareva; S.Hollerbach; C.Geacintov;
V.Galitzine; G.Glinka; M.Jordan; P.Khlebnikov; V.Kreyd; N.Lobanov-
Rostovsky; G.Mesniaeff; A.Nebolsine; A.Neratoff; O.Radish;
I.Sikorsky; V.Sinkevich; P.Tcherepnine; V. von Tsurikov; M.Adamovitch.

Обложка художника М. Добужинского

THE NEW REVIEW

№ 282, March 2016

© 2016 by THE NEW REVIEW

Рукописи не возвращаются

Перепечатка материалов «Нового Журнала» без письменного разрешения редакции запрещается. Размещение материалов «Нового Журнала» он-лайн без письменного разрешения редакции запрещается.

Редакция не несет ответственность за содержание публикуемых материалов. Авторы несут ответственность за достоверность приводимых ими фактов и цитат.

THE NEW REVIEW (ISSN 0029–5337) is published quarterly
by The New Review, Inc., 611 Broadway, # 902, New York, N.Y. 10012.
Periodical postage paid at New York, N.Y. Publication No. 596680.

POSTMASTER: send address changes to The New Review,
611 Broadway, # 902, New York, N.Y. 10012

СОДЕРЖАНИЕ

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА
Владимир Лидский – Убить оловянного солдата. Повесть 5

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>Мария Розенблит</i> – Темное время перед рассветом. Повесть	49
<i>Марк Зайчик</i> – Для вас, женщины. Рассказ	106
<i>М. Аранов</i> – С Новым годом, с новым счастьем. Рассказ	127
<i>Хельга Ольшванг</i> – Четыре стихотворения и после	132
<i>Андрей Грицман</i> – На пути к Итаке. Стихи	137
<i>Анастасия Юркевич</i> – Стихи	142
<i>Геннадий Кацов</i> – Вершины треугольника. Стихи	146

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

<i>Елена Дубровина</i> – «Твой голос далекий...» Поэт и критик Юрий Мандельштам	150
<i>Мари Стравинская</i> – Мой дедушка Юрий Мандельштам	160
<i>Юрий Мандельштам</i> – Не вошедшее в книги. Стихи (Публ. – <i>Е. Дубровина</i>)	163
<i>Юрий Мандельштам</i> – Статьи 1930-х годов (Публ. – <i>Е. Дубровина</i>)	168
<i>Виталий Койсин</i> – Старческий дом в Юи	180
<i>В. Молодяков</i> – Серебряный век в БСЭ: невышедшая статья	207

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

<i>Сергей Максимов</i> – Рассказы 1950–1960-х годов (Публ. – <i>А. Любимов</i>)	226
---	-----

ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ

Обращение международной группы поддержки номинирования <i>И. А. и В. Н. Буниных</i> на звание «Праведник народов мира»	238
<i>Марк Уральский</i> – Еврейские друзья и покровители Бунина	240
<i>Ренэ Герра</i> – Юрий Анненков – между кистью и пером	273
<i>Юкио Накано</i> – Из переписки Глеба Струве	313
<i>Амир Хисамутдинов</i> – Православие и русская Аляска	318

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

<i>Валентина Синкевич</i> – «Обратная гениальность»	328
<i>Д. Бобышев, Ю. Горячева</i> – «Жить, просто жить сквозь годы, ночи, дни...» Интервью	333

БИБЛИОГРАФИЯ

Василий Молодяков – Георгий Адамович. Собрание сочинений. «Последние новости». 1934–1935; Георгий Адамович. Собрание сочинений в 18 томах. Том 1. Стихи, проза, переводы; Всеволод Иванов. Красный лик. Мемуары и публицистика; **Ростислав Полчанинов** – А. А. Самцевич. Русские и украинцы в вооруженных силах Независимой Державы Хорватии. 1941–1945; **Анна Смутная** – Р. В. Полчанинов. Мы, сараевские скауты-разведчики. Дети Белого движения; **Виктор Леонидов** – Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 4; Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция; И. Л. Жалнина-Василькиоти. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век; **Генрих Иоффе** – Лев Бердников. Евреи в царской России: сыны или пасынки? 345

СТИПЕНДИАЛЬНЫЙ ФОНД ИМЕНИ КН. А. ЩЕРБАТОВА 368

ОБ АВТОРАХ 369

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

Владимир Лидский

УБИТЬ ОЛОВЯННОГО СОЛДАТИКА

Первым убили Касымхана – буднично и как бы между прочим, случилось это в 32-м году в Оше.

Вечером, перед ужином, дверь его камеры открылась, внутрь вошел офицер, и Чанышев встал ему навстречу. Офицер быстро вынул из кобуры пистолет и, не говоря ни слова, выстрелил Касымхану в лицо. Тот повалился, и расстрельщик вздрогнул, услышав гулкий звук ударившейся о бетон головы. Сделав короткий шаг, он выстрелил повторно, и кожа лба Чанышева обуглилась от прикосновения пороховых крупинок. Офицер вложил пистолет в кобуру, тронул подошвою сапога безжизненное тело и вышел из камеры. Через несколько минут двое солдат заняли место офицера, мельком оглядели тесное помещение и, ухватив труп за ноги, равнодушно выволокли его в коридор.

Утром начальник тюрьмы недогнувшей рукой вывел строки секретного донесения: «...застрелен при попытке к бегству».

Спустя пять лет в дом директора МТС села Большой Аксу Уйгурского района Алма-Атинской области Ходжамиарова ворвались люди с топорами в руках. Самого Мухтара не оказалось дома, и пришельцы обрушили свои смертоносные орудия на головы его жены и девятилетней дочери. Это было в начале года, в январе, а в ноябре, после празднования двадцатой годовщины Великой революции, похмельного Ходжамиарова, ставшего к тому времени уже председателем Джаркентского горсовета, арестовали чекисты. Следствие длилось одиннадцать месяцев, и за это время Мухтар не раз пожалел о том, что родители дали ему жизнь. Его обвинили в руководстве уйгурской националистической организацией и в связях с английской разведкой, после чего «тройка» УНКВД вынесла ему расстрельный приговор. Взвод пришлых стрелков, выписанных из области, споро выполнил приказ: Ходжамиарова вывезли на окраину Джаркента и приказали спуститься к каменистому берегу Усека. В свои последние минуты он видел вдалеке тысячелетние вершины Джунгарского Алатау, незыблемые, как само мироздание, и ощущал не страх, а

недоумение – оттого, что его, равного этим горам, через минуту превратят в пыль, которую камни даже не заметят. Упав в едва струящуюся мелкую воду одновременно с винтовочным залпом, он еще успел увидеть дрожащее в колыханиях зноя безоблачное небо, и спустя мгновение река закрыла его остекленевшие глаза.

Чуть раньше Мухтара погиб студент Алма-Атинской высшей коммунистической сельхозшколы Газиз Ушурбакиев. Его тоже расстреляли – за сотрудничество с японской разведкой. Вместе с тремя известными деятелями эсеро-меньшевистского блока, занимавшими когда-то высокие посты в первых Советах и даже в Исполнительном комитете, Ушурбакиева вывели в один из внутренних дворишков Алма-Атинского централа и поставили к шерботой каменной стене. От страха он обмочился и, когда грянули выстрелы, упал на глину двора – прямо во влагу своего предсмертного безумия...

К началу 1921 года атаман Дутов прочно обосновался в Западном Китае.

Воинство его после известных событий было интернировано и расположилось на окраине крохотного городка Суйдин, в 45-ти верстах от русской границы. Городок стоял на кульджинском тракте и всем видом своим сообщал не привыкшему к китайским контрастам путнику, проходящему случаем сквозь него, о своей богатой истории, набегах, разрушениях и восстаниях недовольных убогою жизнью аборигенов. Полвека назад, или даже более того, случился тут мусульманский бунт, который кипел и клокотал полтора десятка лет, а водителем его и непримиримым вождем был военачальник Мухаммед Биянху, непокорный сын легендарного народа хуэй-цзу. Следы давнего бунта и по сию пору оставались еще на лице городка, отчего казакам Дутова, ежеутренне с тоскою озирающим серые окрестности, казалось, что жизнь их в этом захолустье через год-другой придет к своему логическому концу, ибо какие перспективы могут сулить им немощные улицы, саманные дувалы, понурые ишаки, грязные арбы, груды зловонного мусора и пыльные тополя, видевшие, казалось, в иные времена еще и не такое запустение, да фанзы, скосившиеся набок, – с кривенькими оконцами, обшарпанными дверьми и покрытыми соломой полусгнившими крышами...

Придя в Суйдин, казаки разместились в казармах русского консульства, а те, кому не хватило места, поселились в вырытых неподалеку землянках. Глиняная стена, местами осыпавшаяся, отделяла русских от расположения местного пограничного гарнизона, где стояли беленые мазанки и был устроен просторный плац, на котором китайские солдаты весь день, прерываясь лишь на обед и короткий

отдых, маршировали да отрабатывали приемы штыковой атаки или рукопашной схватки.

Сам атаман нашел себе жилье верстах в двух от казарм и снимал его за весьма умеренную плату. Впрочем, платить там было особо и не за что: атаманское укрьвище представляло собой небольшую глинобитную фанзу с двумя крохотными комнатками, одна из которых использовалась как канцелярия, а другая как спальня и столовая. Полы в фанзе, следует заметить ради справедливости, были деревянные, что делало ее немного комфортабельнее иных жилищ сартов, где полом обычно служила утоптанная и отполированная до глянца глина. Обстановка в комнатках была самая простая, если не сказать убогая: в одной располагались железная кровать с никелированными спинками и плотно придвинутый к стене, укрытый чистою рогожкой широкий стол, за которым атаман имел обыкновение трапезничать со своей супругой Шурочкой. Над столом было неровное окно, выходящее на двор, в дальнем конце которого среди зыбкой тени старого тополя стоял еще домик, в котором бессменно обретались атаманские фельдъегери и вестовые. Возле домика был устроен навес и коновязь, — здесь в ожидании дневных забот дремали обычно лошади хозяина. В другой — ближней — комнатке фанзы также возле небольшого оконца стоял письменный стол китайской работы, весьма преклонного, судя по видимым признакам, возраста (каковой мог исчисляться, вполне вероятно, даже и двумя сотнями лет). Стол казался абсолютной ценностью в бедном жилище атамана, и случись тут каким-нибудь невероятным образом заезжий антиквар, он назвал бы это произведение мебельного искусства роскошным, если бы не его плачевное и расстроенное состояние. Рядом со столом вдоль стен теснились потемневшие от времени кособокие стулья, спинки которых были украшены бамбуковой плетенкой, а в углу на небольшой этажерке стояла бронзовая ваза какой-то никем не означенной династии.

Сидя за своим отполированным временем столом, Дутов писал приказы по войскам и воззвания к казакам. Следовало ему написать еще и письмо для генерала Бакича, коего считал он прежде верным другом, — жизнь развела давних соратников, и обидно было атаману, что общая судьба, общая воинская доблесть да общая ненависть к разрушителям России погибли под руинами банальной склоки из-за серебра да властных претензий. Письмо писать вовсе не хотелось, атаман устал и думал лишь о том, что день, слава Богу, уже клонится к вечеру, солнце готовится уйти в туманную ложбину стремительно синееющих вдалеке предгорий и ему можно с относительно спокойной совестью, — потому как дела всё же не доделаны, — отойти ко сну.

Задумавшись, он перебирал бумаги, лежащие на роскошной

полировке, и пальцы его бесцельно бродили по столешнице в поисках какого-то, может быть, действительно существующего, смысла: распоряжения, установления, служебные записки, начатое и брошенное письмо генералу Бакичу... атаман уже ничего не хотел, и день был явно окончен, но руки его все продолжали машинально двигаться, а мысли – ясные, сосредоточенные, весь вечер упрямо искавшие точных формулировок и убедительных доводов, – не желали дремать. Он взял лежавшую в стопке бумаг тонкую книжицу, а лучше бы сказать – брошюру, отпечатанную на грубой бумаге и украшенную блеклою обложкою. То был дипломатический отчет прошлого века, извлечение из «Известий Туркестанского отдела Русского географического общества», изданный в Ташкенте уже в новое время, но еще до переворота. Брошюрку презентовал Дутов секретарь российского консульства в Кульдже Загорский, радатель интернированных русских, – ради украшения атаманского досуга, а может, и ради какого-то своего дальнего резону. Атаман в день дарения, помнится, совершил ответный жест: преподнес другу старинного оловянного солдатика для его коллекции, и солдатик-то был не простой, а уникальный, происходивший чуть ли не из Лефортово, – очень старый, петровских еще времен, и, думается, имевший серьезную музейную цену...

Дутов перелистал читанную уже как-то брошюрку. В ней подробно рассказывалось о повстанцах народа хуэй-цзу, позже получившего именование «дунгане», и о том, как в конце 60-х прошлого, давно ушедшего, но оставившего по себе недобрую память 19-го века, четыре правительственные армии затопили кровью восставших провинцию Шеньси и двинулись неостановимым, казалось, потоком вперед, забирая в чудовищные клещи пока еще не покоренную провинцию Ганьси. В соединениях хуэй-цзу царила растерянность, поражение следовало за поражением, хотя воины сражались отчаянно и храбро; падали и разрушались крепости, а измученные долгими осадами гарнизоны сдавались на милость победителя; пылали подожженные деревни, повстанцев резали, словно скот на императорских бойнях, и уже измена становилась банальным явлением...

Тут и появился бешеный Биянху, в то время предводитель огромного партизанского войска. Несмотря на молодость, Мухаммед Аюб дарын, как звали его дунгане, был опытным и закаленным бойцом; десять лет назад, еще до начала восстания, будучи пятнадцатилетним подростком, он уже командовал отрядом фанатично преданных ему воинов, громивших китайцев по всем направлениям. Во время отступления в Ганьси озлобившиеся хуэй-цзу, теснимые превосходящими силами врага, постоянно огрызались своими арьергардами и

даже решались на отчаянные контратаки, но цинские войска упорно гнали их вглубь провинции, и, в конце концов, Биянху вынужден был закрепиться в цитадели Цзиньцзипу, которая долгое время стояла непоколебимо, отражая все нападения вражеских солдат.

Но осада была столь долгой, что в крепости вскоре не осталось продуктов. Сначала повстанцы получали по одному цзиню хлеба, а потом им пришлось питаться травой, листьями и уличной падалью. Дошло до того, что люди стали есть землю и мелкую кремниевую гальку, становясь при этом стойкими, словно камень, и сражались к ужасу врага без потерь, ибо удары оружия не причиняли им вреда, а только высекали из них искры. Однако запасы кремния в крепости вскоре иссякли, и люди стали поедать друг друга. Начались измены и позорные сделки с неприятелем, а в декабре 1870-го восемь тысяч воинов гарнизона, включая постоянных насельников крепости, сражавшихся бок о бок с повстанцами, смирились со своим поражением и сдались. И только Биянху со своими верными бойцами не сдался...

Дутов положил брошюру на край стола, грузно поднялся. Кликнул вестового, спросил воды... умыться на ночь и спать... Завтра ждут новые дела, новые заботы...

И бытовые проблемы надо решать: снабжения почти никакого нет, китайские власти, пообещав еще весной поддерживать хлебом и углем, не исполнили обещаний; игумен Иона, поставленный при консульстве, по слухам проворачивает за спиной командования какие-то махинации; денег в казне совсем нет, люди недоедают, смотрят на сторону, продают седла и оставшийся еще у немногих нехитрый скарб, кое-кто хочет возвращаться... Отговаривать бесполезно – разве отговоришь тех, кому снятся по ночам родные станицы? Но ведь большевики церемониться не станут, – интересно им вникать в твои желания, мечты, и кому какое дело до того, что ты хочешь пахать свою землю и ни во что не влезать?.. Да и сражаться насильно не заставишь... Только с кем тогда идти в новый поход, с кем воевать против узурпаторов?

Шурочка уже дважды звала. Атаман вышел на двор, умылся; вернулся в дом, пересек свою убогую канцелярию, украшенную роскошной полировкой старинного стола, темнеющего в углу гигантским агатом, и шагнул в спальню. Шурочка, дожидаясь его, сидела под керосиновой лампой с каким-то романом; он подошел к ней вплотную, обнял, нежно поцеловал в душистый затылок...

Тьма за окном была плотной и густой, где-то в глубине ее звякнула конская упряжь и послышался глухой, увязающий в ночной вате голос фельдъегеря Лопатина... Атаман замер на мгновение перед этой

чужой ночью, и сердце его как-то против воли, откликаясь на тоскливый зов бесконечного мира, дрогнуло и часто-часто забилося...

Касымхан Чанышев, как было известно всем в Джаркенте, происходил из старинного княжеского рода и имел богатых родственников не только в Семиречье, но даже и в китайской Кульдже. Совсем юным был он на Великой войне, а осенью 17-го дезертировал и начал искать пути к спасению. Происхождение диктовало ему короткую смертную дорогу, но он не хотел погибнуть и решил встать в ряды своих потенциальных убийц. Большевики были ненавистны ему: сломав устоявшийся уклад, порвав вековые связи и разрушив древнюю иерархию, которая в Туркестане всегда ценилась выше денег, они лишили его родовых привилегий, власти, да еще навязали чуждую, непонятную ему идеологию. Но инстинкт самосохранения оказался у Касымхана сильнее классово-ненависти; понимая, что волей-неволей придется ему шагать в ногу с новой властью, начал он активно действовать и, что называется, втираться в доверие. Через короткое время, очень короткое даже по тем баснословным временам, когда вчерашний изгой уже назавтра становился вершителем судеб, он стал начальником джаркентской милиции, но это было не назначение, а самозахват.

Касымхан был князем и действовал, как настоящий князь.

В начале 18-го года в Джаркенте квартировал 6-й Оренбургский полк, который являлся фактически щитом и защитой города от новомодных увлечений. Далекое эхо петроградского переворота хоть и докатилось до азиатских окраин свергнутой империи, но еще не прозвучало в полную силу, и потому царил здесь пока относительный порядок, шаткий покой и старые установления. Но в марте полк ушел в Оренбург, и председатель Джаркентской городской думы Анастасий Загорский оказался перед лицом новых опасностей, имея в качестве оборонительной силы только три с половиной десятка необстрелянных и привыкших жить сибаритами в сонной азиатской глуши милиционеров.

Касымхан, почуяв слабину уездного начальника, вошел в сговор с управленческим писарем, таким же, видно, как и он, сорвиголовый и таким же ниспровергателем устоев; вдвоем они быстро организовали безжалостную банду числом в 78 человек, решительным штурмом овладели стоявшими практически без охраны казармами и складами с оружием, после чего объявили город находящимся под властью их красновардейского отряда. Тогда же городские чиновники, влиятельные общественные деятели и офицеры были парализованы молниеносными арестами и заключены в местную тюрьму.

Касымхан теми днями пребывал в какой-то неистовой эйфории, метался по городу, отдавая приказы и распоряжения, и в конце концов дошел до того, что потребовал вывести на тюремный двор председателя Городской думы и управляющего Джаркентским уездом Загорского ради показательного расстрела. Загорский, когда его выводили, отказался выходить и вцепился в дверь камеры. Один из бандитов, не церемонясь, дал ему хорошенько по зубам, и председатель Городской думы, увидев, как кровь из разбитой губы капает ему на галстук и грязнит багистовую манишку, неожиданно перестал сопротивляться и покорно вышел в тюремный коридор.

Чанышев думал лично расстрелять его; когда часовые поставили Загорского в углу двора, он вынул из кобуры свой антрацитовый люгер, привезенный недавно с Великой войны, и направил его в сторону председателя. Убить главного человека в уезде Касымхан хотел быстро, как бы походя, почти на бегу, демонстративно показывая всем, как он усекает властную верхушку и сам по праву сильного становится на место убитого. Такой, в его понимании, сакральный акт, что-то вроде жертвоприношения: ритуальной кровью нужно было освятить начало новой дороги. Свита Касымхана и часовые, которые вывели Загорского из камеры, приготовились быстро отправиться дальше по своим делам, но тут произошла заминка. Чанышев, как и было сказано, небрежно вынул из кобуры свой трофейный люгер, выставил вперед руку, цепляя мушкой широкий лоб смертника, и резко, даже не глядяваясь особо в мутный силуэт стоящего впереди человека, нажал на курок.

Осечка!

Кто-то рядом неодобрительно хмыкнул.

Касымхан снова нажал на курок, и опять раздался сухой щелчок.

Чанышев тряхнул пистолет, словно бы желая сместить в нем какие-то неправильно зацепившиеся друг за друга части, глянул раздраженно на своих подельников и поднес оружие к глазам, надеясь распознать неполадку сразу и безоговорочно. «Может, патроны?..» – неуверенно сказал один из часовых. Касымхан снова вскинул люгер и снова нажал на курок.

Осечка!

«Все! – сказал суеверный Чанышев. – Ведите в камеру!»

Взмокшего Загорского отодрали от стены и быстро увели. Касымхан плюнул, угрюмо поглядел на своих головорезов и, не говоря ни слова, тоже покинул тюремный двор...

И вот этот человек, волею судеб ставший начальником джаркентской милиции и купивший у новой власти вечную, как ему казалось, индульгенцию гонениями и убийствами людей так называемой

«белой кости», этот вот человек думал, что его грехи, осуждаемые Священной книгою мусульман, окупятся когда-нибудь благою целью, к которой он стремился: всей душой своей желал он возвращения старого порядка. И стал искать пути к практическому осуществлению задуманного, – несмотря, между прочим, на то, что просто помыслить о противоборстве с безжалостным чудовищем новой власти было опасно и чревато. Касымхан стал искать связей, засылал верных гонцов на Волгу, Дон, в Китайский Туркестан, с большим трудом завязал отношения с Джунаид-ханом в Хорезме и с белогвардейцами Чимбайского участка, проложил тропинки в Ферганскую долину и сумел снестись с Эргаш-баем, а потом даже и с Мадаминбеком. Он пытался организовать тайные оружейные схроны, занимался контрабандой – благо, китайская граница была недалеко; не брезговал и опиумом. Дерзость и кураж его были фантастическими; он творил, что хотел, лишь слегка оглядываясь на джаркентскую ЧК, которую возглавляли такие зубры, как Суворов и Крейвис.

Касымхан знал, что час его еще не пробил, но обязательно пробьет, и уж тогда он вернет себе княжеские привилегии. Только цену, непомерную цену своих достижений и стратегических побед не мог он заранее узнать, а коли узнал бы, то, может, и отказался б от оплаты, да кончил свои земные дни в уютной норе домашней постели, окруженный внуками и правнуками, дожив, вполне вероятно, до мутных восьмидесятых, а то и, чем черт не шутит, до беспокойных девяностых... Но судьба человека способна на такие извороты, какие и не снились мудрецам, прорицателям и даже записным романистам, сиречь летописцам, кои во все века строчили сомнительные сочинения в наивной вере, что уж им-то эпоха точно раскрыла все тайны роковых событий и все последствия необдуманных поступков героев и тиранов. Ан нет! Разве предугадаешь пулю, летящую к тебе на всех парах с той стороны, откуда манят лишь слегка укрытые розовым туманом нечаянной радости приятные поощрения и драгоценные сюрпризы?..

Заснув почти мгновенно, Шурочка безмятежно проспала всю ночь, а утром, едва в низкое окошко спальни стала пробиваться молочная муть чужеземного рассвета, неожиданно проснулась от судорожных всхлипов своего атамана. Дутов издавал такие тонкие прыгающие звуки, какие издает обычно обиженный ребенок, которого пытается успокоить встревоженная мать, не понимающая до поры причины неожиданного каприза обожаемого чада. Шурочка разбудила поскорее мужа, но он и проснувшись все никак не мог успокоиться, и лишь через минуту-другую она поняла, наконец, что атаман не

плачет вовсе, а напротив того – безудержно смеется. Он смеялся неостановимо, все пытаясь унять посреди своей странной истерики рвущиеся из него звуки, а она в недоумении и страхе сидела рядом и только гладила его по стриженной голове, пытаясь успокоить. Наконец атаман затих. «Зайцы, – сказал он удрученно, восседая на постели в окружении скомканного одеяла. – Вот с такими ушами...» И показал размер заячьих ушей. «Зайцы?» – в недоумении переспросила Шурочка. Дутов вдруг нахмурился, сосредоточенно припоминая. «Да... огромные зайцы... выше человеческого роста, – тут он со страхом глянул на Шурочку, – в португезах... с огромными кожаными кобурами...» – «В португезах? – снова переспросила Шурочка. – С кобурами?» И убежденно добавила: «Оборотни... это же оборотни! Не к добру приснились, Александр Ильич!»

К добру – не к добру, а день, однако ж, наступил, пора, стало быть, и за работу. Попив чаю, Дутов сел к письменному столу и снова взял начатое накануне письмо к Бакичу. В последнее время накопились у атамана с генералом Бакичем такие разногласия, какие возможно было разрешить только радикально, ибо генерал Бакич вознамерился, видно, захватить власть в отряде и, игнорируя все приказы атамана, ни разу не удосужился в течение восьми месяцев пребывания в Китае хотя бы снести с ним почтою, телеграфом или посредством командирования фельдъегеря. Что-то странное творится нынче с генералом Бакичем! Вот в лицо он говорит: дорогой наш Войсковой атаман! За спиной же заявляет, что Дутов, дескать, окончил деятельность свою и является в Суйдине лишь почетною фигурою. «Уж ему ли судить, окончил я деятельность свою или не окончил!»

Атаман ухватил ручку, макнул ее в чернильницу и решительно придвинул к себе начатое накануне письмо. «...Что касается прекращения моей деятельности, – это дело мое, а не генерала Бакича! Я русский, а не иностранец, как генерал Бакич, и для меня интересы России дороже всего! А работу свою я прекращаю лишь за смертью, не ранее того!...»

Бакич предал Белое движение, фактически отказавшись от борьбы, думал атаман, ему удобнее пересидеть смутное время в безоблачном Китае... Он не хочет вступать в российские пределы и добиваться для большевиков возмездия... Не хочет сражаться за справедливое мироустройство, а хочет пустить корни на чужбине, смешавшись с китайцами и, в конце концов, в них растворившись... Он даже разведку упразднил и не знает, что делается в приграничной полосе!

Превратно толкуя «Положение о полевом управлении», Бакич пытается присвоить себе права Главнокомандующего! А как этот новоявленный Главнокомандующий ведет свои дела! Как он заботит-

ся о проживании отряда! Баранов купил по одиннадцать рублей, тогда как всякий знает: красная цена бараньей голове в Илийском крае – три рубля и пятьдесят копеек. Шестьдесят тысяч серебром потратил! И пять тысяч баранов купил! А ведь можно было купить втрое больше и обеспечить отряд года на два... Да что бараны! Есть за генералом Бакичем и посерьезнее грешки. Не он ли упразднил Государственное казначейство и выразил недоверие присяжным чинам? Не он ли хранит казенное серебро под своею кроватью? Не он ли приучает казаков к безмятежной нищете, имея под своим началом множество разного рода специалистов – инженеров, ремесленников, агрономов и даже коммерсантов, – владея огромным обозом, лошадьми, мастерскими, инструментами... Полгода просидеть в бездействии! Да как же это можно? В Чугучаке ныне стоит не воинский отряд, а какой-то расхлябанный лагерь беженцев, людей, потерявших дисциплину и воинские навыки. Отчего столько судебных дел и приговоров в отряде генерала Бакича? Отчего судебными установлениями решаются вопросы порядка и отчего приказы исполняются силою, а не уставом либо уважением к начальству? Арестованных казаков сажают с соизволения генерала Бакича в зиндан, а ведь это форменное издевательство! Нынче известно нам, какова сладость китайской ямы, и помещать туда русских героев, с боями и лишениями прошедших пять тысяч верст по пылающей стране, есть неслыханный цинизм. Накажите уставом, не подвергайте унижениям! И я впредь не допущу произвола над русскими в этой деспотической стране!

Господин Бакич видно забыл, что получил от меня в назначенное время производство в генерал-лейтенанты, а ведь это безоговорочно свидетельствует о его месте в начальственной иерархии. Кроме того, отряд, стоящий в Чугучаке, носит мое имя, и уж я не потерплю, чтобы его трепали почему зря!

Я приказывал походный марш в сторону границы, на что генерал Бакич рисковал заявить, что не исполнит приказа, ибо войска его небоеспособны. Я приказывал выдачу серебра для нужд спасения России, но и здесь мой подчиненный не соизволил подчиниться. Все это вкупе превосходит мыслимые пределы терпимости и понимания, и посему я своею властью отрешаю от должности начальника отряда в Чугучаке генерала Бакича...

С тяжелым сердцем атаман отложил в сторону перо, встал из-за стола и, пытаясь размять движением свое грузное тело, вышел на крыльцо фанзы.

Глянув в сторону фельдъегерского домика, увидел: из дверей его, пахнувших душным казарменным теплом, вышел, гремя пустыми ведрами, глухой повар; от ворот, устроенных в дувале, поговорив

о чем-то с часовыми, брел к коновязи урядник Василий, сын фельдегеря Лопатина... Лошади дремали без дела, временами потряхивая заиндеветыми мордами... Высокие тополя стучали в морозной синеве голыми ветками, прихваченными ледяным дыханием предгорий... Все шло своим чередом в этом скучном мире и все было равнодушно к заботам атамана... Он вздохнул и вернулся в обжитое пространство своей временной обители...

По всему Семиречью у Чанышева были доверенные люди; имея связи с самыми непримиримыми курбаши, кочующими по горам, и с небольшими подпольными организациями городов и городков, с людьми, которые и в самом деле были полны решимости продолжить борьбу с распolzающимся по региону большевизмом, он тем не менее понимал, что сил все-таки немного, – слишком они разрознены и разъединены. Туркестанская военная организация, по данным, имевшимся у Касымхана, еще в январе 19-го была разгромлена, осиповский мятеж захлебнулся в крови, а сам Осипов исчез где-то за Чимганом. Правда, весной, по слухам, он вернулся в долину и осел в независимой пока Бухаре. Но с Бухарой у Чанышева связи не было. Единственной реальной силой, к тому же, расположенной в непосредственной близости к Джаркенту, были дутовцы, и Касымхан стал искать подходы к атаману. Заручившись поддержкой своего начальства и поставив в известность Суворова и Крейвиса, Чанышев поехал в Кульджу, якобы к своему дяде-купцу, – там и остановился в его доме.

В Кульдже Касымхан встретился со своим старым знакомцем, бывшим городским головой Джаркента Миловским, которого просил прощупать возможности контакта и сотрудничества с Дутовым, прозрочно намекнув, между прочим, о существовании в Джаркенте готового подполья. Миловский сделал кое-какие шаги, и через короткое время Касымхан попал к игумену Ионе.

Об игумене Чанышев слышал и раньше, ибо информация с супротивной стороны границы для заинтересованного человека всегда была более-менее доступна, и при большом желании добыть ее не представляло особых затруднений. Хитрый и изворотливый служитель культа, главный священник отряда атамана и правая его рука, а по некоторым данным – человек, близкий к его контрразведке, – был, согласно отзывам хорошо знающих его людей, личностью мутной и непредсказуемой. Официально он числился за российским консульством в Кульдже и даже имел внештатную должность личного уполномоченного атамана. В отряде его не любили за темные делишки, которые проворачивались за спиной атамана. Он был не лишен пуб-

лицистического дара и приготавливал иной раз для Дутова пафосные докладные записки, в которых призывал к крестовому, основанному на религиозных принципах, походу на Совдепию. Записки эти трактовали ситуацию в Туркестане и на Восточном фронте как вполне благоприятную для немедленного вторжения в Совдепию, что со стороны выглядело, конечно, авантюрой. На словах игумен провозглашал нравственное самосовершенствование и обуздание страстей и витиевато высказывался в том смысле, что водители армий, несущих свободу поработанному народу, должны быть путеводными звездами на небосклоне демократии. На деле же хитрый поп пытался руководить атаманом, влиять на принимаемые им решения, более того, – Чанышев знал это от своего человечка в разведке Туркфронта, – банально воровал.

К Дутову Иона прибился под Акмолинском, принеся в войска оренбургскую святыню – чудотворную икону Табынской Божьей Матери, оправленную в серебро и украшенную драгоценными камнями. Поговаривали, что богатое убранство иконы было приобретено во время оно по народной подписке и на щедрые купеческие жертвования. Со временем украшения святыни были утрачены, – и куда ж им было подеваться, коли Божья Мать неотлучно находилась при игумене?

Словом, человек он был непростой, противоречивый, но, однако же, весьма влиятельный, и Чанышев осознал, что пробиться к Дутову с большой долей вероятности можно будет лишь через него. При первой встрече в Кульдже, убеждая игумена в необходимости встречи с атаманом, Чанышев напирал на возможность продуктивной координации действий и немедленного восстания в тылах Совдепии.

Такой подход к делу понравился отцу Ионе, что было хорошо заметно по его довольной физиономии. Заглядывая снизу в лицо Чанышева и прожигая его насквозь дьявольским взглядом, игумен вкрадчиво пробормотал: «Мне нравится ваше лицо, князь... Я хорошо разбираюсь в людях и вижу, что такие глаза не могут лгать...» – «Я не князь, батюшка, – отвечал Касымхан, – я начальник джаркентской милиции.» – «Нет-нет... Вы – князь... я вижу это... Вы меня не проведете, – елеиным голосом возразил игумен. – Просите и дано будет вам... будет, будет... Вы ждите, а уж я извещу, дайте только срок...»

Ждать, однако, пришлось долгонько. То ли игумен, имея некие дальние смыслы, не торопился с выполнением обещания, то ли сам Дутов не сильно стремился к новому контакту, опасаясь, как можно предположить, провокаций и не очень доверяя грядущему знакомцу.

Устав ждать, Чанышев написал атаману письмо, где, между про-

чим, сообщал о своем негативном отношении к Советской власти, беззащитно ограбившей его семью, сетовал на утрату конфискованных фамильных владений – домов, садов, угодий, – и заверял атамана в своей преданности Белому движению. В заключение Касымхан просил Дутова о встрече ради изложения плана по осуществлению восстания в Джаркенте.

Атаман на письмо не ответил.

Тогда Чанышев решил действовать самостоятельно. Окольными путями вышел он на давнего своего знакомца и товарища Аблайханова, служившего у атамана переводчиком. Полковнику Аблайханову Дутов доверял безоговорочно, и этот контакт, в отличие от предыдущего, сработал без осечки...

Бытие казаков в Китае не было безоблачным. Глядя на дело с житейской точки зрения, сторонний наблюдатель мог назвать положение интернированных скорее бедственным, нежели нормальным, ибо у новых поселенцев не было почти ничего, а что было – продавали за бесценок ради пропитания. В отрядной казне оставались сушие копейки, на которые нельзя приобрести даже фуража, отчего отрядные лошади слабели и гибли. Да и людям приходилось несладко: конкурировать с китайцами в нормальных работах им было сложно, и потому казаки и офицеры подряжались на самые черные; выходя на местные рисовые чеки, стояли они с утра до вечера по колено в воде, зарабатывая свои гроши, чтобы хоть как-то обеспечить ближайшие дни своего скудного существования.

Несколько лучше складывалась жизнь в Чугучаке, где стоял большой отряд казаков под командой генерала Бакича. В течение почти месяца по прибытии в Китай Бакич ничего не знал о судьбе атамана и, полагая гибель его отряда безусловно свершившимся фактом, взял на себя всю ответственность за судьбу своих людей. Действовал он решительно и бесповоротно: конфисковал 243 пуда серебра, принадлежавшего Отдельной Семиреченской армии и хранившегося в Чугучаке, затем так же браво реквизировал 8000 голов скота, закупленного для армии еще Колчаком, ненавязчиво вытряхнул из купцов-сартов, имевших российское подданство, кое-какое вспомоществование, и купцы рады были добровольно поделиться с казаками излишком средств, ибо резкий Бакич не оставил им иного выбора... Решительные действия командира дали подавленным и отчаявшимся людям, потерявшим всякую надежду, больше шансов на выживание и даже создали некую иллюзию относительной стабильности существования. Однако у Бакича имелись формальные начальники – Дутов и Анненков. С атаманом Анненковым противоре-

чия были всегда и у всех; с Дутовым Бакича связывали приятельские и даже дружеские отношения, но мало оказалось им споров о единоначалии и власти, они долго разбирались потом еще и в денежных вопросах. Отряд Бакича насчитывал 10 000 человек, отряд Дутова – тысячу, и атаман полагал, что серебро, конфискованное генералом в свою пользу, справедливее было бы распределить в соотношении один к десяти. К тому же, Дутов вынужден был принять около шестисот бойцов разложившегося формирования Анненкова, – деваться людям было некуда, и атаман не хотел их бросать...

Вернувшись в свой кабинет, Дутов снова сел за письменный стол. Приказ по отряду? Листовки для распространения на сопредельной территории? Письмо игумену Ионе?

Мысли всё возвращались к генералу Бакичу. Неужели он думал, что мы вовсе не нуждаемся? Неужели думал, что огородничеством, рыболовством или каторжной работой в рисовых чеках можно прокормить себя? Ладно скот... черт с ним, со скотом... его и перегнуть-то с Чугучака непросто, но серебро! Серебром можно было поделиться, ведь оно принадлежит не одному генералу! Лично мне, думал атаман, ничего и не надо, у меня есть смена белья, две-три плошки и даже самовар; я, слава Богу, пока не голодаю, но под моим началом люди! А уж за них я отвечаю в полной мере – перед небом и перед судом своей совести. Бакича надо, конечно, поставить на место и принудить его уважать субординацию; к тому же, продолжая спор о власти, мы не сможем выполнить свою освободительную миссию. Генерал не хочет, видите ли, участвовать в походе на Россию! Как? Как это возможно?! Человек, в течение двадцати лет служивший в русской армии, с восемнадцатого года воевавший в армии Комуча?! Бесстрашный и стойкий командир, в числе других возглавивший Голодный поход и сумевший вывести свой погибающий корпус из района боевых действий...

Атаман прикрыл глаза и уткнулся лицом в ладони. Осень 19-го стала для него крахом всех надежд и отчаянной попыткой выйти из провального положения с честью и достоинством. В конце октября красные взяли Петропавловск и покатались раскаленной лавой вдоль линии Транссиба; озлобленные, искореженные войной люди, – и не люди уже, а наделенные остатками разума боевые машины, призванные и способные только убивать, – с покрытыми коростой лицами, с обмороженными багровыми руками, со звериным блеском в глазах... шли и шли вперед, тесня белые войска к Ишиму и надеясь утопить их в ледяной глубине прихваченной морозцем реки. Атаман же, напротив,

полагал создать здесь линию береговой обороны, чтобы обезопасить главные силы в районе Атбасара и Кокчетава...

...отсюда мы атакуем фланги красных, и их наступление захлебнется... Атаман тяжело вздохнул, припоминая свои оптимистические планы... Как же было страшно в те дни возле смертной воды Ишима, переливающейся за спиной расплавленным оловом... Информации не было, телеграфные линии красные специально взрывали, поэтому слухи витали один нелепее другого, а директивы, сводки и приказы не поступали вовсе... Непролазная грязь, мокрый снег, по ночам морозы... Армия шла по расплзающейся хляби без еды, одежды, едва влача за собой остатки оружия и артиллерии... Тиф! Тиф косил людей направо и налево... лекарств – никаких, перевязочных средств – никаких, механического транспорта практически нет, только гужевой, – и больные, раненые лежат грудой на санях и возках... Лошади падают от усталости и бескормицы... Как я просил, вспоминал атаман, как просил Колчака прислать сапоги, шинели, полушубки и теплое белье! Как молил его о помощи – ведь не было ничего! И чем можно было воевать, когда даже патронов не хватало... Мы бы удержали Ишим, мы бы не попятимся дальше на восток... Но ждали мы напрасно... Нас бросили, а 5-я армия красных все наседала. И мы решили отступить к Атбасару, и это позорное бегство было таким скорым и таким паническим, что мы оторвались от противника и потеряли прямой с ним контакт...

Около двух недель на фронте было относительно спокойно и войска получили небольшой отдых. Но вскоре стало известно о падении Омска, и зыбучее болото разлагающейся Белой армии вновь задышало, тяжело ворочаясь, и медленно, неуклюже двинулось с места. Красные рвались вперед, и фронт удерживал только корпус Бакича. В целом же Оренбургская армия погибала, и люди давно уж потеряли веру и надежду не то что в победу, а просто в возможность остановить этот бег, не подвергать себя смертельной опасности... Все понимали – спасения впереди тоже нет, только гибель, но шли, упорно шли вперед, а точнее сказать – назад, пытаясь сберечь свои, никому, даже самим себе, не нужные жизни... Армии уже не было, а был сплошной обоз, бесконечно тянущийся по заснеженной степи, состоящий из таратаек, саней, повозок, кое-как слепленных и поставленных на кривые доски возков с тысячами завшивленных, сгорающих в тифозном бреду бойцов... Уж и обозом нельзя было назвать это сборище полутрупов, которые тащились из последних сил, в полном отъединении от реальности, – не понимая событий, приказов, возможностей и самой жизни... Погибла армия! Не было в ней уже ничего, что поддерживает и питает в иных условиях гигантскую

массу людей, объединенных одной боевой целью; не было оружия, артиллерии, машин, лошадей, ремонтных мастерских, полевых кухонь, походных лазаретов, обозных складов с медикаментами, фуражом да запасами продовольствия... На двести верст в ширину растянулся этот гибельный обоз и на тысячу двести в длину... Раздевали и грабили местных жителей в деревнях, попадавших на пути... Единственное, что вдруг ободрило людей в эти дни – это чудесное обретение иконы Табынской Божьей Матери, с незапамятных времен считавшейся святыней Южного Урала. В штаб армии ее принесли несколько оборванных монахов во главе с игуменом Ионой. И эти чернецы были похожи на обгоревшие спички, тащились из последних сил, едва не валясь с ног от голода и усталости, и черные одежды висели на них, словно на остовах восставших из могил мертвецов... Табынская Божья Мать! Свет небесный! Как приободрились бойцы да командиры! И видя в этом событии благоволение Господне и Божий перст, уготовлялись они уже к новым подвигам и новым испытаниям...

И – вовремя, ибо страшные события были совсем рядом. Через неделю красные появились в тылу у атамана, обойдя Атбасар с севера и северо-запада. И снова гибнущая армия с трудом поднялась и двинулась дальше к краю земли. Впереди шли казаки Дутова, в арьергарде оборонялся едва успевший вывести из города свой штаб генерал Бакич, на южном берегу Ишима прикрывали отступление отряды есаула Захарова. Красные наседали, совершая дерзкие рейды и нахрапом вклиниваясь в линию непрочной обороны противника; белые озлобленно огрызались и продолжали медленное движение на восток... В конце концов большевики повторили атбасарский маневр и обошли Акмолинск, отбив у Бакича часть обоза; небольшие группы казаков стали сдаваться, не видя возможности биться в отсутствие оружия...

Да и отступать было некуда. Бакич предлагал направиться в сторону Семипалатинска на соединение с Сибирской армией, но в Семипалатинске вспыхнуло восстание большевистского подполья. Положение стало и вовсе отчаянным. Красные всё пытались окружить отступающие соединения, напирали с тыла, с флангов; стремительными маршами совершая дерзкие обходы, яростно набрасывались на авангарды. Оставался единственный путь: оторвавшись от преследования врага, двинуться на Каркаралинск, потом – на Сергиополь и далее в Семиречье. Марш почти невозможный и заведомо гибельный, ведь чтобы достичь цели, нужно было преодолеть страшную Голодную степь, – безводную, малонаселенную и в это время года смертельно опасную морозами. Был еще незначительный шанс соеди-

ниться в районе Новониколаевска или Барнаула с Каппелем, но оба эти белогвардейских оплота вскоре пали под натиском противника...

И вот последняя отчаянная возможность. Войска продолжали неуклонно отступать; прошло совсем немного времени, и эта раскаленная тифозным жаром лава втекла в северные предместья Голодной степи и двинулась вперед тяжелой одышливой рекой, с трудом преодолевая занесенные снегом ледяные суглинки. Уже при начале пути люди гибли сотнями и тысячами, не выдерживая тех тягот и лишений, которыми испытывала их дикая природа. Не в силах двигаться дальше, бойцы присаживались, было, на снег – и уже не вставали более. По обочинам пробитой в снегу дороги лежали умирающие, и напрасно молили они проходящих мимо товарищей – никто не хотел замечать остающихся, разумно полагая, что стоит самому замедлить шаг, как смерть окажется рядом... Лошади не выдерживали изнурительного пути и падали, увлекая за собой верховых да сворачивая навзничь повозки. Ночевать становились под открытым небом, ибо не было в степи ни дерева, ни холма, а только бесконечные, продуваемые ветрами дали; сгрудившись в кучи и пытаясь укрыться за дрогами, люди падали в снег и по-братски обнимали друг друга во сне до тех самых пор, пока не начинало светлеть серой грязной пасмурное небо, и тогда с ужасом в своих объятиях многие обнаруживали окоченевшие трупы товарищей.

И вставала над бивуаком зловещая тень, закрывающая собой полнеба, – то жемчужная вошь, самовластная императрица войны, праздновала свои тихие победы...

А то иной раз кромешной ночью выбирался из общей человеческой кучи какой-нибудь обезумевший казак, мучимый лихорадкой и сотрясаемый тифозным пароксизмом, сбрасывал с себя шинелишку, населенную мириадами вшей, да шел в степную темь, не замечая мороза... И погибель грозила тогда бедняге в течение кратких минут... шел он по заснеженной целине, не понимая ни времени, ни пространства, и был звериным воем, подпевая гудящему на все голоса ветру, который выстукивал угли его бедного большого тела, – до тех пор, пока не падал, наконец, без сил в снежную постель и не засыпал в блаженной истоме, напрасно лелея свою последнюю обманную думу: вот просыпается он утром на своем хуторе – в окно светит солнце, легкий сквозняк колышет чистые занавески и кладет ему на лоб руку любимая жена...

Реальное, не измышленное, утро начиналось с тяжкого пробуждения замученных людей, вовсе и не отдохнувших за ночь, а напротив, смертельно уставших, голодных, едва сохраняющих в себе остатки человеческого, да вдобавок потерявших надежду и не пони-

мающих, для чего нужно идти, для чего надобно спасать свои ничемные, сгорающие на степном ветру жизни... Занимался серый морозный рассвет, и засыпанные сухой поземкой бойцы кое-как вставали, собирались с силами и, пытаясь заставить двигаться замерзших коней, начинали шагать вперед – то ли к спасению, то ли к гибели своей... Вдруг отчаяние хватало путников за горло, когда замечали они со страхом приближение из-за мутного горизонта маленького облачка, которое, разрастаясь, превращалось в огромную тучу, закрывающую собой все вокруг... Тогда снова на головы несчастных обрушивалась вернувшаяся ночная тьма, и злобный буран начинал вспахивать заснеженную целину. Люди становились незрячими – оттого, что в глазах у них крутилась только молочная взвесь, и дышать было уж вовсе невозможно, ибо иссохшие глотки пилигримов насмерть обжигали холодные волны яростного смерча...

«Прах, – думал атаман, пытаясь поддержать какого-то рядом оказавшегося казака, – морозный прах и ледяной пепел! И где в этой преисподней то, что называется коротким словом 'я'? Где та песчинка, называемая душой, – та самая песчинка, которая затерялась среди миллионов иных песчинок, рассеянных по всему свету? Где мое тело на этой земле – посреди безбрежного человеческого хаоса, посреди всей этой бесформенной массы, копошащейся, куда-то ползущей, растекающейся в разные стороны, глухо звучащей посреди миров, – массы, в которой невозможно сыскать отдельную личность, маленького, едва различимого в этом муравейнике отдельного человека с его мечтами, мыслями или смыслами?..»

Атаман глянул в окно, и тихий, чуть припорошенный ласковым снежком двор его фанзы показался ему тихой гаванью в сравнении с тем враждебным пространством, которое открывалось ему всякий день во время страшного перехода по Голодной степи. Сорок дней длилось противостояние человека и дикого ландшафта, заселенного злобными степными духами, завывающими по ночам и мучущими в обожженные лица героев колкий снег и морозные иглы сухого льда; сорок дней длился трагический поединок едва трепещущей жизни со смертным небытием, голодом и жемчужною вошью, самодержавной управительницей Гражданской войны... И этот сакральный срок был для атамана и всего его воинства тем же самым, чем был он для ветхозаветных пророков, ведь и Моисей получил скрижали Завета по истечении сорока постных дней, и праотца Иакова оплакивали в тот же срок, и пророк Илия восходил на Синай те же дни... И тогда, когда душа человека, уходящего в иной мир, прощается с родным домом, с местом своим в мире живых и с теми, кого он любил, – вот тогда-то,

в этот самый срок, в этот сороковой день и вернулась жизнь к погибшей – уже погибшей! – но воскресшей вопреки всему армии! Да и вознесся Господь Наш Вседержитель на свои сороковины... Вот каким символичным оказался этот срок, – ведь мы спаслись, даже и несмотря на огромные потери, мы спаслись и спасем собою – жертвою своею – Родину...

Дважды Касымхан встречался с атаманом, привозил ему оружие, оперативные известия, а увозил директивы и листовки. Дутов как-то сразу проникся к нему, быстро отбросив настороженность и невнимательно относясь к предостережениям Загорского, который убеждал атамана в коварстве Чанышева. Бывший председатель Городской думы, хорошо помня свой расстрел и события, которые последовали после захвата власти в Джаркенте самозванным командиром самозванного отряда, уговаривал Дутова немедленно прекратить всякие сношения с подозрительным Князем, как прозвали его в стане атамана с легкой руки игумена Ионы. Статус Касымхана, кроме Аблайханова, никто не подтвердил, да и полковник мог свидетельствовать только о юных годах своего знакомца, – Чанышева никто не знал. Дядя его, живший в Кульдже, действительно был купцом и в самом деле скрепил своим словом информацию о благородном происхождении племянника, но... сомнений было больше, нежели неоспоримых фактов, и даже всемогущий поп Иона мог поклясться разве что честными глазами Чанышева, который не обманет, не предаст... В то же время, благодаря все тому же игумену, было хорошо известно, что Князь тесно связан с джаркентской ЧК, но как связан – никто не знал, и предполагалось, конечно, что Касымхан, окруженный со всех сторон опасностями, работает в логове врага. Правда, атаман – отчасти сам, отчасти при помощи своей контрразведки – несколько раз устраивал ему проверки, и Чанышев успешно проходил их, точно и четко исполняя приказы Дутова. За Князем внимательно наблюдали люди игумена Ионы, водили Касымхана по Суйдину, Кульдже, незаметно сопровождали в горах, приграничье и даже на советской территории, но ничего, кроме контрабанды опиума, увидеть не могли. Чанышев встречался с подозрительными оборванцами, муллами, дервишами, купцами, с какими-то лощеными господами в аристократических костюмах и даже с военными, заходил в грязные харчевни, дорогие рестораны, китайские лавочки, бани, курильни, – и людей, с которыми он имел контакты или беседы, пытались отследить, но слежка ни к чему не приводила. Игумен Иона одно время думал даже, что Князь, может быть, связан с англичанами или японцами, однако и это не находило подтверждения. В конце концов с особым тщани-

ем прощупанный в разных направлениях Касымхан стал пользоваться безоговорочным доверьем атамана, который в своих далеко идущих планах полагал Джаркентскую область в грядущем и скором антибольшевистском бунте заранее поверженной, поскольку боевую готовность местных милиционеров и свою собственную преданность делу Белого движения Князь расписал так красочно и ярко, как только древние иконописцы, взыскующие Бога, могли расписать мрачную и непритязательную жизнь евангельских насельников, – и сколь было на их кистях кипящего багрянца, охры, перламутра да лазури, столько и в словах Касымхана – уверенности, горячего нетерпения и куража...

Джаркенту в планах атамана отводилась первая строка, ибо этот небольшой заштатный городишко являлся ключом, отмыкавшим двери Семиречья, – Князь, таким образом, становился одной из главных фигур грядущего восстания.

Схема Дутова была достаточно простой и вполне осуществимой. Сначала предполагалось силами Бакича захватить китайский Чугучак, возле коего стояла армия генерала, и смысл этой акции был в том, чтобы вернуть хранившееся там оружие, изъятое недавно при интернировании белых. Далее Бакич двигается в направлении Лепсинска и Сергиополя, выбивает оттуда большевиков, а Дутов со своей тысячей идет на запад, где, соединившись с основной ударной силой, штурмует Верный. Похожий план был у атамана весной 20-го: овладев Джаркентом и Верным, он мог свободно маневрировать в сторону Хивы, Бухары, Ферганы и не останавливать движения вплоть до Каспия. В Семипалатинске и других окрестных городах действовало белое подполье, тайно собиралось оружие и боеприпасы; атаман лично писал листовки. По всему Семиречью набирали силу басмаческие летучие отряды, и лихие наездники с карамультуками наперевес успешно оперировали в горах и возле пограничных застав, принося немало хлопот чекистам, отрядам милиции и красногвардейским гарнизонам. По сообщениям с мест народ под большевиками глухо роптал, и достаточно было, по мнению атамана, лишь искры, чтобы все вокруг вспыхнуло и запылало очистительным огнем.

Но Касымхан неожиданно выбыл из игры. В конце лета, пробираясь из Джаркента в Суйдин, на крутом подъеме из горной ложины он был остановлен отрядом красноармейцев. Небольшой, заросший тальником ручей, который по сути и был границей, уже виднелся невдалеке, – может быть, в километре, может, чуть далее, – Чанышев мог легко уйти в ту или иную сторону, хорошенько пришпорив коня, но для этого нужно было рискнуть и повернуться спиной к красноармейцам, которые уж, конечно, станут преследовать его, полагая

странным и подозрительным нахождение одинокого всадника на контрабандной тропе. Касымхан боялся смерти и не любил рисковать, он был молод и хорошо знал цену маленькому, вовсе не страшному на вид кусочку свинца, поэтому после первого же окрика он покорно отпустил поводья и чуть приподнял вспотевшие ладони.

Конный разезд составляли семь или восемь молоденьких бойцов во главе с пожилым, на взгляд Касымхана, а на самом деле не достигшим еще и сорока лет, усатым командиром, лихо гарцевавшим на своей кобыле.

– Кто такой? – подъехав чуть ближе, дерзко спросил командир. – Куда путь держишь?

Князь внимательно и цепко оглядел отряд. Всадники вооружены новенькими трехлинейками, держатся настороженно, в глазах – тревога... командир медленно приближается, и лошадь его отступает на камнях... выхватить сейчас люгер, первый выстрел в командира, затем в гущу его бойцов... но у них преимущество: если развернуть коня, придется скакать по плоской поверхности лощины и значит попасть в прицелы всех винтовок, если прорываться сквозь них, фронтом, получается – вверх, на тропу, ведущую в гору, – вариант еще хуже, тут живым точно не уйдешь...

– Начальник милиции Джаркента, Касымхан Чанышев! – крикнул он громко и уверенно. – По служебной надобности!

Командир разезда, тронув поводья, подъехал вплотную.

– Документы!

Чанышев медленно вынул из нагрудного кармана свой мандат. Командир взял ветхую бумагу, уже прохудившуюся на сгибах, развернул, вчитался, долго разбирал слова, шевеля губами и пришептывая про себя, наконец вздохнул, словно сожалел о чем-то, сложил бумагу, но не вернул ее Касымхану, а уверенно убрал себе за пазуху. Бойцы разезда подтянулись к своему командиру, стали за его спиной неровным полукругом, словно волчья стая, обложившая жертву.

Князь подобрался, готовый ко всему.

– Оружие! – приказал командир.

Чанышев осторожно достал люгер.

– Курджун! – кивнул командир на переметную суму, забирая пистолет.

– Не имеешь права! – злобно сказал Касымхан.

– А ты поспорь! – отвечал командир. – Поспорь-ка давай со мной!.. – и потащил курджун с крупа коня.

В курджуне обнаружили очень странные для начальника милиции вещицы: два маузера, маленький дамский браунинг, несколько коробок патронов, пулеметный затвор «Максима-

Виккерса» образца 1895 года и холщовая лента на 250 патронов к нему; кроме того, на дне хранилища покоились исписанные лиловыми чернилами и испачканные крупными и мелкими кляксами бумаги, оказавшиеся к вящему изумлению командира разезда серьезными и опасными документами, явно намекающими на скорый грядущий расстрел везущего их курьера, – то были списки большевиков, занимавших ответственные посты в Джаркенте, Верном, Пишпеке, Нарыне, информация о работниках трибуналов, ЧК, особых отделов, адреса ключевых фигур власти всего восточного Туркестана, сведения о наличии и расположении в регионе воинских частей, гарнизонов, складов оружия и боеприпасов... Командир разезда обомлел, с трудом разбирая крамольные бумаги... Через минуту Касымхана сняли с коня, обыскали с особым тщанием, связали ему руки и пустили, развернувшись в сторону Джаркента, впереди разезда...

В горах в это время года бывает уже прохладно, но тот день оказался по-летнему знойным, и Князь шел, обливаясь потом; ему казалось, потеет он вовсе не от жары, а от страха и смертного ужаса, предчувствуя свой скорый и безоговорочный конец. Он представил, как будет стоять через короткое время перед Суворовым, трепеща под его беспощадным взглядом, и пытался собраться с мыслями, чтобы затвердить для себя возможные ответы на неудобные вопросы. Он знал, что церемониться с ним не будут и даже не станут запрашивать мнения Ташкента; что, впрочем, скажет Петерс, когда получит подобный запрос? Он скажет одно слово: «расстрелять!» Разве станет все-таки сильный полпред ВЧК в Туркестане раздумывать о каком-то рядовом агенте не сложившей еще оружия контрреволюции? К стенке – и вся недолга!

Но он ошибался, он глубоко ошибался, час его еще не пробил. Не знал он и что может сделать с человеком новая власть, – такое может сделать, что старой власти и не снилось, со всеми ее тюрьмами, казематами и полчищами полицейских... Он не знал, как новая власть умеет вливаться в человеческую душу, вынимать все силы; как изощренно и со знанием дела смешивает она человека с прахом... Фатальная предопределенность неизбежно проступала в финале любых споров с этой силой, что не от Бога, а напрямик – от черта, что сламывала не только одиночек, стойко стоящих на ветру эпохи, но и целые сословия, если им не было места в программе выхолащивания человека...

Ничего этого не знал Касымхан. Он думал, обреченно шагая по кремнистой дороге, что идет напрямик к своей смерти, – без привалов, без остановок и передышек; идет туда, где уже не имеют никакого значения ни Дутов, ни Суворов, ни игумен Иона, ни даже фантазмагоричный Петерс...

Ему представилось, будто бы он видит всю процессию сверху: караван коней, медленно идущих друг за другом, слегка качающиеся в седлах молодые бойцы, скуластые и черноглазые, во главе отряда – широкоустрый командир в сдвинутой на затылок фуражке, открывающей мокрый лоб, и чуть впереди, но почти вровень с мордой командирской кобылы, – он, Князь, в потной своей гимнастерке... Маленький отряд идет и идет по высушенной летним зноем долине в окружении величественных скал и кажется, что и не идет вовсе, а как бы парит слегка над землей, над бурой безжизненной травой, над остролистым кустарником, и под жилистыми ногами коней – не горный камень, а прозрачные облака... Подымаются, чередуясь, копыта и выныривают из облачной ваты новенькие, нестертые подковы, показывая головки самодельных гвоздей... Он оборачивается и с интересом, словно бы забыв о смертельной опасности, грозящей ему, всматривается в неровную живую ленту своего конвоя: кони медленно машут гигантскими крыльями, то открывая, то закрывая фигуры всадников плавными движениями, всадников, как бы похваляющихся своей особой азиатской посадкой... Каурая кобыла командира особенно красива в этом невероятном полете: несется вперед на всех крыльях, и ее круглые бока, влажные от горячего пота, отливают в закатных лучах красноватым червонным золотом!..

После небольшого отдыха, обычно в два, а порой и в три часа пополудни, Дутов совершал небольшой вояж в казармы своих казаков, стоявших на отшибе верстах в двух от его жилья. Ехать нужно было пустырями, вдоль городской стены, – маршрут привычный, лошадь сама несла хозяина в известном направлении; атаман отвлекался от дороги и, не глядя особо по сторонам, задумывался о чем-то своем...

Мысли, крутившиеся в последние дни вокруг Бакича, не оставляли и сейчас: Бакич фактически предал, как, впрочем, предали Анненков, Щербаков... да все, на кого еще совсем недавно он так рассчитывал. Бакич, выходит, захватил власть в отряде и реагировал на приказы атамана лишь формально, отделяясь при сношении с ним фельдъегерской почтой ничего не значащими отписками, а случались вопиющие случаи, когда и вовсе не реагировал... Правда, атаман сам в этом был повинен: в начале января, вскоре после оставления Сергиополя, он провел реорганизацию армии и добровольно отдал Бакичу и Анненкову все бразды правления, став гражданским губернатором Семиречья. Преемники вели себя пренебрежительно, координации действий не было, оба фактически присвоили материальные ценности армии: Бакич – серебро, Анненков – золото... Все полетело

к чертовой матери. Особенно циничен был Анненков, который и раньше отличался самоуправством, и жалобы на него поступали еще во время ведения боевых действий. Был он таким маленьким царьком, который творил, что хотел. Его люди беззастенчиво грабили беженцев, не стесняясь обирать даже и Оренбургскую армию. Но не только банальными грабежами прославился он, опорочив творимым им насилием саму идею Белого движения, – и массовыми экзекуциями гражданского населения, и зверскими расправами над офицерами и простыми казаками, вступавшими с ним в противоречие. Его бойцы с молчаливого благословения, а порой и по наущению командира, усмиряли деревни, хутора, рубили шашками, вешали, закапывали и сжигали, женщин насиловали, и уж говорить о врагах-красноармейцах – просто нечего... А Щербаков!..

Переведа лошадь на шаг, атаман глянул вдоль городской стены, машинально отметив про себя красоту древних камней, украшенных высокими снеговыми шапками, и поморщился от неприятных воспоминаний. Семиреченского войскового атамана генерала Щербакова Дутов не раз обвинял в превышении власти, в невероятных жестокостях... Случился у Дутова с ним в свое время, уже в Китае, острый конфликт: по рапорту атамана Щербаков угодил под арест, – и выйдя, вызвал того на дуэль. «Надо было убить предателя, – думал Дутов, сонно покачиваясь в седле, – надо было убить его на дуэли! И не слушать своих офицеров, уговоривших отложить поединок до возвращения на родину.» Все бросили его в решающий момент... План возвращения Семиречья был сорван именно Анненковым, который, бросив фронт и наплевав на согласование усилий, решил обойти красных через перевал Сельке... Глупо, глупо все получилось... Нужно было штурмовать Верный и идти дальше... Семиречье было бы нашим! Анненков, в конце концов, двинулся в Китай, к нему присоединился Щербаков... Бакич предпочел действовать самостоятельно... На всех обиди, горькая обиди! Как отвратительно повел себя Анненков, когда полуживой отряд Дутова явился после Голодного похода в Семиречье... 10 тысяч измученных, больных тифом бойцов, и не бойцов уже, а ходячих – по преимуществу лежащих – полумертвецов, раздетых, голодных, не способных воевать... То ли от горьких воспоминаний да от застарелого, навеки проросшего в его сердце отчаяния, то ли от холодного ветра и ядреного морозца выступили на глазах атамана слезы стыда, и он снова, в который уже раз, вспомнил страшную картину своего унижения и позора: длинная вереница обоза, теряющегося в степной беспредельности, и жалкие повозки, едва продвигающиеся усилиями лошадей, заморенных, бодающих вязкое пространство упрямыми лбами; заиндевшие верблюды, словно бы напоказ выстав-

ляющие свои раздувшиеся от голода подбрюшья, укутанные кусками спекшегося снега... На телегах, в санях – беженцы, женщины и дети... Кое-где виднеются стоящие как будто бы на карауле, колеблемые неровною дорогою винтовки, протыкающие штыками своими пласты мутной снеговой взвеси над головами несчастных... Вот застывший в каком-то скорбном оцепенении на проезжающей повозке пулемет... А на обочине дороги, если эту разбитую колею можно называть дорогой, – брошенные снаряды и разбитые снарядные ящики, и... трупы! Множество трупов, зачочневших, застывших в последнем усилии подняться, ползти вслед за уходящим равнодушным обозом... Потому что страшно оставаться покойнику в ледяной пустыне, куда в это время даже степные волки не заходят... Сколько людей потеряли! Из двадцати тысяч к концу похода оставалось едва более половины, и те вряд ли выживут в тифозном пожаре... И вот Анненков не захотел принимать их, этот поголовный лазарет, – пускай, дескать, подышают! Сам же Дутов – и тут сердце атамана схватила цепкая, въедливая боль раскаяния и сожаления – сам он бросил своих бойцов, отбив в Лепсинск на теплое губернаторское место... Анненков ждал только наступления весеннего тепла, чтобы двинуться на юг и снова бросить едва оправившихся оренбуржцев в кровавую рубку! Но они не хотели сражаться и только глухо роптали: мы не знаем атамана Анненкова, кто таков этот атаман? мы знаем атамана Дутова, он есть наш командующий и наш отец, любо атаману Дутову! он хочет, знамо дело, отдохнуть, но и мы хотим отдохнуть; он водил нас, а мы кровь свою проливали за него... Анненкова мы не знаем и не признаём, он нас за скотину держал, а ведь мы природные казаки, нам обидна такая аттестация... И молодой атаман, слыша хулы и поношения, очень возмутился и, вознамерившись искоренить крамолу, приказал: стоять смирно и слушать командира! Не для того, дескать, я принял вас в разорении, голоде и под ярмом жемчужной вши, державшей ваше безотрадное войско в полном рабстве и униженном смирении, а для того, чтобы вы взяли в свои натруженные руки винтовки с примкнутыми штыками, уже обгаренными в иных боях ядовитою кровью проклятых большевиков! Не для того взял я вас, сырых да убогих, чтобы кормить, поить да потакать вашим намереньям, а для того, чтобы вы дрались и зубами рвали изменников Отечества! Коли ж вы не хотите драться, так я сыщу способ вас заставить! Казацкою нагайкою и пуще того – маузером или трехлинейкою будете вы у меня посылаемы в атаку! Крут и дерзок был своевольный атаман и вовсе не боялся крови – ни губителей отчизны, ни радетелей ее, что и подтвердил немедленно показательным расстрелом нескольких бунтовщиков. Шутки в сторону, сказал он оренбуржцам, которым остава-

лось только ради убеждения взглянуть на зазря убитых товарищей своих, – и они взглянули: окровавленные мертвецы, беспокойно раскинувшись, лежали под расстрельной стеной и на застывающих лицах их светились подобиya улыбок...

Доведя до Джаркента, Чанышева сдали Суворову, но тот лишь мельком глянул на него и приказал посадить арестованного под замок. Два дня Князя держали в местной тюрьме, как раз в той камере, где сидел совсем недавно посаженный им председатель Городской думы и управляющий Джаркентским уездом Анастасий Загорский. Касымхан думал, что его станут пытать и под пытками сразу добьются разоблачительных признаний. Он точно знал – добьются, потому что боялся не только смерти, но и боли... и тогда уже ему конец! Его вовсе не кормили и не выводили на оправку, нужду он справлял в жестяную бочку, стоявшую в углу его узилища, и потому воздух вокруг был настолько сгущен, что хотя бы отчасти спастись от злобония можно было, лишь распластавшись на полу.

На третьи сутки он был вызван, и беседовал с ним Крейвис – зам. Суворова, и потом зашел еще незнакомый человек, которого Крейвис отрекомендовал как ответственного сотрудника РВС Туркфронта Василия Давыдова. Спустя час после начала беседы явился и Суворов, – пробежал глазами протокол допроса и, по-своему немного поговорив с Касымханом, подтвердил все сказанное ранее Давыдовым и Крейвисом. «Мы могли бы вменить вам также, – добавил Суворов, – антибольшевистское восстание в Нарынском уезде, контакты с японцами в Синцзяне, сношения с контрреволюционным подпольем Семипалатинска и довольно активную переписку с Эргаш-баем. Но мы не станем этого делать. С вас достаточно и того, что есть. А чтоб вы были спокойны, – обернулся он в дверях, выходя из кабинета, – и всецело сосредоточены на деле, мы задержали ваших родителей, брата, жену и других родственников общим числом 11 человек.»

Чанышев прикусил губу. Он думал – умереть придется одному... Ан нет... За ним погнется семья. Как неосторожно, как глупо он попался... Да и вообще, разве стоило влезать ему в эту авантюру с подпольем, с атаманом, с попыткой вернуть прежнюю жизнь, так неожиданно сбитую с привычного круга... Хотя что ему привычный круг? Успел ли он, будучи совсем еще юным, вкусить того быта и порядка, который был привычен его предкам? Что он видел вообще за короткие годы своей юности? Ничего не видел... Он пытался спастись, мимикрировать, подстроиться под новые порядки... Зачем, зачем полез в дело? Надо было и дальше приспосабливаться, – толь-

ко не биться за первые ряды, не пытаться играть первые роли... Сидел бы сейчас в теплом местечке каким-нибудь писарем или конторщиком, писал бы закорючки на бумаге да щелкал костяшками счетов... Но разве это занятие для князя? Ведь я князь! И место мое – в аристократических салонах, среди изысканных дам и строгих офицеров, а не среди заморенного быдла, которое работает от зари до зари да молится на едва добытую горбушку хлеба... Я – князь, особенный человек, я пришел в этот мир не для того, чтобы прозябать в нем, а для того, чтобы быть наверху, – во всех смыслах. И неважно, какой ценой я этого достигну!..

Он глянул на Давыдова и Крейвиса. Крейвис что-то дописывал в протокол, Давыдов внимательно наблюдал за его царапающим, оставляющим большие и маленькие кляксы пером...

Проведав казаков и выйдя из дверей бывших казарм русского консульства, атаман с удовольствием вдохнул морозный воздух и огляделся. С высоты крыльца за осыпающимся глиняным дувалом виден был очищенный от снега и хорошо выметенный плац, где маршировали китайские солдаты, потешно подымая ноги, отрабатывая приемы построения в каре. Солдаты были в курточках, их тонкие косички подрагивали при движении, в руках они держали бамбуковые палки – так, как brave вояки обычно держат ружья; лица их казались атаману неотличимыми, словно скроенными по одному, раз и навсегда высеченному лекалу, как, впрочем, и фигуры; посему представлялись они атаману набором оловянных солдатиков, вынутых из расписной коробки и хитроумно расставленных по плацу. Невольно он загляделся: первый ряд солдатиков, укладываясь по команде на утрамбованную глину плаца, выставлял вперед свои простонародные бамбуки, второй – «стрелял» с колена, а третий – целился стоя, из-за спин товарищей.

Они, видно, давно тут упражнялись, но вот командир их крикнул что-то зычно, и оловянные солдатика строем потянулись в теплые жилища... Только часовой с огромным настоящим ружьем остановился возле казарменных дверей и, грустно вздохнув, приготовился к долгой, скучной вахте. Тут откуда ни возьмись появились оборванные ребятишки и несознательный страж, приставив свой несуразный карамультук к стене ближней фанзы, вступил с ними в дворовые игры, всей душою отдавшись легкомысленной чехарде...

Возвращаясь из расположения казаков – тем же путем, вдоль городской стены, плотно укрытой слежавшимся снегом, – атаман настроженно, но без страха поглядывал по сторонам. Загорский, помнится, предостерегал от подобных одиночных прогулок, особо

напирая на то, что это пустынное место весьма удобно для засады большевистских агентов, которым ничего не стоит подстрелить атамана... Ни души вокруг, тишина мира, и только топот копыт его коня, нарушая ночное безмолвие, отчетливо звучит посреди скованных морозом окрестностей... Атаман поднял голову: ясное небо, усыпанное светляками звезд, покачивалось над ним, и ему показалось, что эта бесконечная тьма словно бы ластится к нему, широко раскрывая свои бархатные объятия. Он придержал коня... Звезды летели навстречу, а небо, явно желая стать ближе к своему спутнику и, может быть, прошептать ему какие-то важные слова, медленно спускалось к земле... Сердце атамана сжалось, он вспомнил эту ласковую бездну, однажды уже нависавшую над ним и пугавшую своей обманной нежностью, – она парила, слегка колеблясь, над его конвоем и над отрядом, когда измученные, едва способные к сопротивлению люди, притиснувшись к скалам на узком карнизе, стояли в самой сердцевине пустынного мира, и страх смерти сжимал костлявую руку их сердца...

Они вышли из Лепсинска глубокой ночью, узнав о паническом бегстве Анненкова и о крахе армии Бакича, прижатой большевиками к китайской границе. Связи со своими не было, и дальнейшее сопротивление казалось атаману бессмысленной тратой бойцов. Выступали в спешке, не успев собрать лошадей, которые паслись в дальних предгорьях, и выходило так, что половине отряда предстояло идти пешком. Направление атаман назначил в Джунгарский Алатау, имея целью Синцзяньскую провинцию в долине Борталы, но не было туда иной дороги, кроме смертельного серпантина через ледниковый перевал Кара-Сарык. Этот перевал открывается для перехода только в июне, да и то сказать – не все ледники к тому времени успевают стаять...

С отрядом шли семь казаков – женщины, дети, и сначала они бодро шагали, несмотря на полуметровый снег, мешавший движению. Обратная дорога была чиста, красных, слава Богу, в видимой близости не наблюдалось, и это позволяло более-менее без опаски, хоть и медленно, но передвигаться, не ожидая погони или нападения. Люди упрямо шли, понимая, что дорога – их единственная, хоть, может быть, и обманчивая, возможность скорого спасения. Каждый знал: в случае пленения никто не задержится на этой земле.

По долине и замерзшему руслу горной реки, по неровному льду и по ближним вершинам, которые казались издалека большими и неприступными, а по мере приближения к ним превращались в подобия пологих холмов, люди шагали с упрямым, а кое-кто даже и с молодецким, задором, но по мере наступления сумерек, усиления

мороза и подхода темноты все потеряли боевой дух и приуныли. В путь накануне тронулись поспешно, опасаясь окружения Лепсинска красными войсками, и не взяли с собою почти ничего, что могло бы служить подспорьем или хоть небольшой помощью в дороге. Казаки с семьями остались без продуктов, лошади – без фуража, не было речи об огне, так как дѣрева в пути вовсе не встречалось... ничего не встречалось... только скалы и долгие пустые пространства, засыпанные снегом, неприхотливо украшенные вылезавшими кое-где на поверхность ветками засохших кустарников... Воды не было тоже, а жажда мучила нестерпимо, и тогда люди хватали выбитый копытами колючий ледяной наст и остервенело жевали его, хрустя, словно стеклом... Успели взять лишь винтовки, пулеметы и драгоценную икону Табынской Божьей Матери, заступницы сирых да убогих, которую несли три монаха во главе с игуменом Ионой.

Дутов скомандовал двигаться в Сарканское ущелье, которое через некоторое время вывело отряд на узкую карнизную дорогу, покрытую льдом и слежавшимся снегом... Скрепившись кое-как в тщетных попытках побороть свой страх перед ледяною бездною, люди двинулись друг за другом и растянулись длинной цепочкой вдоль отвесной скалы – казаки да измученные бабы и дети, в ужасе цепляющиеся за матерей... и едва бредущие, навьюченные сверх меры лошади, а в конце процессии – раненые на носилках, словно бы плывущие в темной глубине своих углых челнов... Впереди шла чудотворная икона, и моление игумена Ионы растворялось в морозном воздухе, не достигая желаемых небес, – этот полувдох-полувыдох, этот жалкий всхлип измученной гортани мог быть поддержан только крепкой верой и почти несбыточной надеждой на спасение...

Так тянулись они три дня и на четвертый вышли к перевалу Кара-Сарык, на невыслимую для человека высоту чуть ли не в шесть тысяч метров. Дорога стала совсем узкой, и путники, оскальзываясь на обледенелых камнях, срывались в пропасть, лошади теряли выюки, и тогда прихлещенных снимать с обессиленных животных тяжелую поклажу и нести ее в руках. Люди из последних сил карабкались вверх и падали, будучи почти у цели... Тонкие звуки их голосов, полных недоумения и ужаса, летели, отражаясь от каменных громад и вскоре затихали вдали, в сумеречных снежных схронах... Перевал штурмовали двое суток, и когда наконец вышли на вершину, начался буран. Ветер выл и сбивал с ног, засыпая путников ледяною крошкой. Маленький отряд, продираясь сквозь колючие заросли пурги, держался с трудом, последние силы его уже были на исходе... Атаман приотстал и, пытаясь крикнуть что-то вослед уходящим, едва приподнял руку... Редкая цепочка впереди идущих была похожа на вереницу провинившихся солдат, прогоняе-

мых через шпицрутены... И тут Дутову показалось, что за ним кто-то наблюдает... Он поднял голову, но увидел не хмурое небо, занесенное вихрями вьюги, а самого себя, как в перевернутом зеркале, – крохотного, едва различимого посреди циклопических далей безлюдной пустыни, лишенной тепла, света, человеческого жилья и самого человека... Вот он стоит в средоточии всех жизненных дорог, а кругом – сотни километров неизведанных далей: многометровые снежные сугробы и гигантские ледники, горящие под звездами потусторонним голубым светом, тусклым и жидким, – таким именно, каким горит он в покойницких всего мира... За дальней горной грядой – непроходимый лес, которому, быть может, не одна тысяча лет, и если лететь над ним в метельной круговерти, широко раскинув послушные руки, – так, как птицы раскидывают крылья, – и смотреть вниз, то не увидишь, не увидишь, хоть прогляди все глаза, ни одной прогадины и ни одной поляны, где могла бы разместиться пусть небольшая деревенька, – ни огня, ни дымка, ничего! – только сплошной массив черно-зеленых сосновых макушек, слипшихся, спекшихся в чудовищный конгломерат бездушной материи... а где-то здесь, в этих безразмерных, растягивающихся, словно резина, и пугающих своей бесконечностью пространствах, хранится золото, алмазы, драгоценные камни, где-то спят среди скал прозрачные кристаллы хрусталя, изумрудов и аквамарин, где-то в теплых душевных полостях земного чрева сонно дышит маслянистая нефть... Горы пронзают своими пиками самые высокие облака, пытаются пробиться на аудиенцию к Создателю, и пустыни дышат раскаленным песком, океаны вздымают волны, поглощая беспомощные корабли, сравнимые в этих масштабах с жалкими ореховыми скорлупками, и внутри земного шара клокочет бело-оранжевая магма, которая когда-нибудь же погаснет, когда-нибудь же остынет...

...Атаман стоял на вершине перевала, сдуваемый с лица мира яростным ураганом, и ощущал себя мизерной песчинкой, не значимой ни для чего, ни для кого... Пройдут годы, – и, однако, как им пройти, если все мы живем на планете в один общий миг, – пройдут годы, и какой-нибудь школяр откроет учебник и наткнется на фамилию Дутов... Иванов, Петров, Македонский... Разве значимы для истории наши фамилии, которые старательно записывают в свои кондуиты борзые летописцы, добровольно берущие на себя труд перебирать и расставлять по ранжиру песчинки прошлого? А кто вспомнит безымянные, бесфамильные песчинки, канувшие безвозвратно, беспмятно... сотни миллиардов так называемых простых людей, которые только и знали в своей жизни, что пахать землю, строить дома, охотиться, прожигать жизнь посреди мрачных Эльсиноров или ходить в постыльную службу... Да и сами летописцы, выронив из слабеющих рук

уже на краю общей бездны свои испачканные чернилами перья, оставят после себя лишь исписанные листы или вырубленные в скалах письмена, которые все равно не устоят перед временем...

Мир поплыл перед атаманом... Горы, отражаясь в его слезящихся глазах, заколебались и накренились; он качнулся и едва устоял на ногах... Воздух был настолько редок и сух, что царапал глотку, словно наждачная бумага, и Дутов только судорожно открывал рот, пытаясь вздохнуть... Так он стоял под ветром еще несколько мгновений, покачиваясь из стороны в сторону и ощущая странную невесомость своего грузного тела... Наконец тьма стала наползать на него, пожирая и без того уже едва видимый мир, он почувствовал, что теперь клонится вперед, вбок... Снежная целина опрокинулась и ударила его в лицо влажною ледяною коркою! Атамана едва успели подхватить проводники-киргизы, случившиеся поблизости... Авангард отряда, между тем, уже спускался по супротивной стороне перевала; люди, преодолев первую террасу спуска, падали в снег и лежали под ураганным ветром, не в силах пошевелиться; лошади жались к скалам, нависавшим с подветренной стороны, их сбитые о лед ноги дрожали от напряжения... Проводники обмотали безжизненное тело атамана веревками и стали осторожно спускать с карниза – туда, откуда протягивали уже руки верные казаки. Внизу его кое-как привели в чувство и с трудом усадили на лошадь. Люди были изнурены, обморожены и шатались от голода, но по команде игумена Ионы, взявшего с помощниками драгоценную икону Табынской Богородицы, через силу поднялись и двинулись вниз, на китайскую сторону...

Пройдя около тридцати верст и вырвавшись, наконец, из зоны мертвых снегов, путники стали замечать сухие места и редкую еще на этой высоте неприхотливую траву; потом стали попадаться и едва оживающие кустарники, быстро и жадно поедаемые оголодавшими лошадьми; наконец трава стала гуще, и люди остановились, чтобы передохнуть, и вскоре пошли дальше, надеясь уж в совсем теплом месте устроить полноценную днёвку.

Сделав еще один большой переход и достигнув берега реки Борталы, снова стали – в сухом месте, посреди яркой травы и веселых долинных цветов; умылись, напились чистой воды и легли прямо на теплую землю; отдохнув, принялись по приказу атамана строить из зеленых веток кущу для иконы, поскольку шла Страстная Седмица и как раз был Великий Четверг. Игумен Иона пропел воспоминание о Тайной вечери и поведал об омовении Христом ног учеников, а потом призвал православных помянуть молитву Господа в Гефсиманском саду... Бабы плакали, и даже многие казаки, оттаяв душой возле чудотворного образа, прослезались, а игумен в заключение рассказал о

предательстве Иуды. Атаман истоиво и тоже в слезах целовал образ, за ним целовали и другие, – так совпало, думал Дутов, что мы спаслись аккурат на Пасху и, стало быть, жить нам теперь долго и счастливо...

Игумен Иона, чтобы еще поднять дух избежавших гибели людей, пропел Табынской Спасительнице благодарственный тропарь: «Наста днесь пресветлый праздник, Пречистая Дево, честныя Твоя Табынская иконы, Владычице, яже паче лучей солнечных возсия, от Источника приснотекущаго, Христа, Бога нашего, источаеши целебныя дары с верою к Тебе притекающим, Тя бо Христос Помощницу людем Своим дарова, покрывати и спасати от всякия беды рабы Своя, едину Благословенную...» На окрестных холмах собрались конные кочевники и с недоумением разглядывали толпу оборванных людей, плачущих и целующих умиленно черную от времени доску с изображением ясноглазой Богоматери. И, понимая их страсти, видя их голодную тоску и оборванное платье, неграмотные степняки понукали своих коней, подъезжали ближе и, вынимая из полосатых курджунов посыпанные кунжутот тандырные лепешки, протягивали их неведомым пришлецам.

Тут с берега, из-за низкорослых зарослей ивняка, в том месте, где река делала излучину, выехал на низенькой кобылке пестро одетый всадник с короткой саблей в руке; плечи его украшали блестящие погоны, в которых играли солнечные лучи, а на голове красовался штатский котелок, снятый, по всей видимости, при содействии таможни с какого-нибудь эмигрантского приват-доцента. За офицером трусили экзотические китайские солдаты числом не менее десятка, в шароварах и куртках, расшитых иероглифами; на головах у солдат были цветные тюбетейки, прикрывавшие угольные волосы, прямые и блестящие, заплетенные, впрочем, в тугие косицы, весело прыгавшие по их узким спинам; в руках китайцы держали громадные ружья, среди которых можно было узнать только басмаческие карамультуки, прочие же были изготовлены, может быть, даже и в XVIII веке. Офицер, подъехав, соскочил с коня, браво салютнул Дутову своєю почти детскою саблей, озорно блеснувшей полуденным золотом и отразившей на мгновенье безоблачное небо, учтиво снял оказавшийся слегка порывевшим при ближайшем рассмотрении котелок, поклонился и на ломаном русском языке предложил следовать за ним.

Приведя отряд атамана в городок Суйдин, он сдал людей другому, очевидно, старшему по званию офицеру, который торжественно встретил их в расположении бывших казарм Русской миссии и так же на ломаном русском языке, оказавшимся, правда, значительно хуже языка его подчиненного, поздравил всех с благополучным прибыти-

ем, – после чего зачитал приветствие правительства и вежливо попросил сдать оружие...

Атаман снова сидел за своим антикварным столом и перечитывал завещание, написанное им третьего дня. Перед началом решительных действий такое завещание, безусловно, было необходимо, а решительные действия, по всей видимости, уже не за горами. Не всякий отважится писать духовную в 41 год, но атаман написал, поскольку смутное время, по его мнению, еще не закончилось и вряд ли закончится в ближайшем будущем, посему позаботиться о своем скудном имуществе следует заранее. Каким бы ни было положение в Совдепии, думал атаман, я не стану сидеть тут без дела, разбирая местные склоки да занимаясь хозяйственными делами, ведь я не интендант, а боевой генерал! – стало быть, судьбою назначено мне воевать русскую землю да и погибнуть в конце концов за нее! Красные стягивают в Семиречье войска, справедливо опасаясь моих казаков, которые станут биться до последнего, да и китайцы проявляют беспокойство и проводят тайную мобилизацию с целью создания в Синьцзяне буферной зоны, – они не позволят мне интернироваться повторно в случае неудачи на советской территории... У китайцев свои интересы, да и боятся они интервенции большевиков... Так не приду же я снова просить милости у китайских властей – соберу войско и двинусь походным маршем на свою землю... Врангель и Махно уже соединились и вместе рубятся против врага, Дон и Кубань тоже с ними, и даже страны Антанты помогают Добровольческой армии живой силой, оружием, продовольствием и медикаментами... Бухара с Афганистаном поддержат здесь... В Джаркенте – Чанышев... 200 штыков... Оттуда мы начнем, зайдем город и пойдем дальше на запад... Князь не подведет, Князь поможет... Ну, а коли не суждено победить, так умру, по крайней мере, на своей земле!

Перед поездкой в Суйдин, Касымхан отправился в Ташкент, где имел краткую встречу с Петерсом и Давыдовым, которые проинструктировали его и вручили 20 тысяч золотых рублей, выделенных Наркомфином. По возвращении Чанышев организовал ряд встреч уже в Джаркенте и путем недолгих переговоров сколотил боевую группу из контрабандистов, которых хорошо знал, – люди эти не нуждались в дополнительных рекомендациях, Касымхан делал с ними дела не первый год и мог положиться на каждого, как на самого себя. То была самая настоящая уйгурская банда, укорененная в однородной религиозной национальной почве, скованная круговой порукой прежних преступлений. Физической силы, смелости и сно-

ровки было им не занимать. Внешне их жизнь протекала у всех на виду, в другой жизни знали они бешеные скачки по обе стороны границы, мешки с опиумом, засады в узких ущельях и стремительные нападения на караваны. Князь выбрал пятерых: Ходжамиарова, Ушурбакиева, братьев Байсмаковых и Кадырова. Лидером и авторитетом был у них Махмуд Ходжамиаров, хладнокровный, жестокий и беспощадный, прекрасный наездник и стрелок. Эти люди не имели идеологии, им было глубоко плевать на белых и на красных; знали они лишь страсть наживы, признавали только силу и с одинаковым равнодушием резали и человека, и скотину...

Атаман вдруг подумал, что надо бы посоветовать Князю перевести семью в Кульджу – пока не поздно; начнется заваруха, будет не до того, да и в целях безопасности это стоило бы сделать. Чанышев развил активную деятельность, постоянно ездит, шлет донесения, недавно прислал в Чимпандзе полсотни винтовок... Как бы это не стало заметным, ведь ЧК на той стороне не дремлет... Ждать нам как будто нечего, пора начинать! Выступим, как только восстанет джаркентский гарнизон, одним маршем достигнем границы, Князь пере режет телеграф, отправит гонцов в Баскунчи, Баргузир, Апсинск... Дальше – вся территория наша, расширим движение в сторону Верного, через Пржевальск северным берегом Иссык-Куля – к Пишпеку... Подождем регион! Подыдем Чугучак, ведь Бакич не подведет, – как может подвести истинный патриот, брат по крови, славянин? Раздор их – минутное малодушие, короткое сомнение, ведь сколько мы воевали вместе – и сейчас еще повоюем!.. Пора, пора!..

Уже неделю Чанышев с боевиками находился в Кульдже, в просторном доме своего дяди. Все было готово, но постоянно мешали какие-то обстоятельства. Еще прошлым разом, когда в Китай прибыли Ходжамиаров, Кадыров и один из братьев Байсмаковых, группе не удалось не то что доехать до Суйдина, а и даже немного продвинуться вдоль границы – в 3-м пехотном китайском полку поднялось восстание, город оцепили правительственные войска и входы в него были перекрыты. Это было в начале января, и с исполнением миссии все тянули, да и Чанышев никак не мог остановиться на каком-то одном, заведомо беспроигрышном, варианте. Приехал связной из Джаркента с паническими новостями, сообщил, что Ташкент и Москва нервничают: Дутов, по имеющимся данным, спешно готовится к выступлению, и хотя понятно, что он сильно преувеличивает свои возможности, позволить ему осуществить задуманное никак нельзя. При этом связной, пряча глаза, передал жесткий ультиматум

Петерса: провести акцию немедленно, в противном случае семья Чанышева будет расстреляна.

В это же время в Кульджу к игумену Ионе приехал молодой киргиз и привез бумагу, сплошь заляпанную мелкими и крупными кляксами; в бумаге говорилось о необходимости принять срочные меры к усиленной охране атамана Дутова, поскольку над головой его уже занесен карающий меч революционного возмездия; на словах киргиз достаточно внятно изложил обстоятельства дела, но игумен не поверил – или сделал вид, будто не поверил, – в ярости изорвал он бумагу, накричал на связного и отправил его в ближайшую дунганскую мечеть клясться в своих словах на Коране. Киргиз пробормотал про себя древнее проклятие, слышанное им от прадеда, плюнул, развернулся и поскакал прочь: был приказ доставить донесение и объясниться на словах, а никакого приказа ездить в мечеть не было, – и в сердцах, будучи сильно обиженным на русского попа, но не желая перечить ему, ударил камчой по сапогу да и отправился вестовой воссояси.

За ужином атаман был задумчив и рассеян, на вопросы Шурочки отвечал невпопад, и примечала она, что его занимают какие-то тяжелые мысли. Отчего-то пришел ему на ум добрый друг Загорский, который всегда был очень расположен к атаману и много помогал его отряду. Загорского Дутов знал давно – помнил еще по Омску, где как-то в редкую минуту упадка духа сказал ему пророческую фразу: «А ведь мы с вами, Анастасий Прокопьевич, еще встретимся в Китае...» Они сидели в штабном вагоне на большой узловой станции, дорога была парализована замершими паровозами, оставшимися без воды и угля, – как туши гигантских доисторических животных стояли мертвые машины, покрытые ледяными наростами... по путям сновали солдаты, жгли костры возле вагонов... ветер приносил глухие звуки артиллерийских обстрелов... А они сидели в вагоне и ждали неизвестно чего... Еще жив был адмирал Колчак и надежды добровольцев еще не угасли окончательно... Перрон, видневшийся вдалеке, заносило пургой, и в окне вагона метался снег, раздуваемый метельными порывами... «А ведь мы с вами, Анастасий Прокопьевич, еще встретимся в Китае...» И ведь встретились, встретились... А и тут беспокойно... Не раз Загорский пенял атаману на недостаточное внимание к вопросам безопасности, укоряя его в отсутствии надлежащей охраны, – Дутов был беспечен, как юнкер, и всегда отвечал Загорскому в том смысле, что, мол, двум смертям, милостивый государь, все равно не бывать, а одной, как известно, хоть наизнанку вывернись, не миновать... «Мне ж цыганка еще в юности нагадала, Анастасий Прокопьевич, – говорил атаман, снисходительно поглядывая на себе-

седника, – что я успешно пройду две войны... буду ранен, да! – но легко, и после большого поражения обрету большую победу... А главное, вы же знаете, я – фаталист, что случится, тому, стало быть, и судьба...»

Проснувшись еще до рассвета, Касымхан больше не раздумывал – наступало время решительных действий. Отбросив сомнения, он поднял товарищей и приказал быстро собираться. Пойдут трое, решил он, – Махмуд Ходжамиаров, Газиз Ушурбакиев; третьим в группе будет он сам, остальные станут на линиях прикрытия. К дувалу атаманских фанз подойдем глубоким вечером, прикидывал он, не ранее двадцати двух часов, – в это время входные ворота обычно не заперты, а усиленные ночные караулы еще не заступили на дежурство. Атаман в это время не спит, ложится он поздно; в городе и в казармах все затихнет и потеряют бдительность. К атаману войдет Ходжамиаров, имея при себе древний девятимиллиметровый наган образца 1878 года, оснащенный механизмом двойного действия, который позволяет стрелку производить выстрелы, не утруждая себя взводом курка; пули в его револьвере будут отравлены, чтобы даже при легком ранении достичь желаемой цели. Если все получится, как задумано, отходить станем в Кульджу, а не на границу, – главное, оторваться от неизбежной погони и сбить с толку преследователей, ведь они наверняка возьмут направление к советской стороне... Касымхан нисколько не сомневался в успехе предприятия. Страх и опасения, конечно, были, ведь предугадать ход событий в точности не мог никто; какие-то случайности или неожиданные повороты судьбы могли помешать делу. Поэтому в квартиру Дутова и пойдет Ходжамиаров... Мое дело, думал Касымхан, все просчитать, выстроить, организовать... И потом, кто на протяжении всего последнего времени, рискуя собственной шкурой, готовил почву для опасной работы? Кто без конца ездил к атаману и рисковал головой, бессчетное число раз переходя границу; кого подозревали в причастности к спецслужбам Совдепии и кого проверяли?... Кто исполнял опасные и даже провокационные задания, завоевывая доверие дутовской контрразведки? Кто целых четыре месяца ходил под плахой и кого положили, в конце концов, между молотом и наковальней? Хватит с меня, пожалуй, той славы, которая уже есть, главное – родители, родственники, а голову пускай теперь подставляют другие. Одно дело – в горах, в ущельях, что называется, на большой дороге, где всегда есть возможность маневра, где, нанеся удар, вскакиваешь на коня и летишь по свободному пространству, выбирая тайные, лишь тебе одному ведомые тропы... И совсем другое дело – в тесной фанзе, в маленькой полутемной комнате... Неизвестно, как среагирует противник, кто вломится со двора

или выскочит из мрака соседних помещений... да ведь в спальне, кажется, еще его жена... Бабу придется убить! Впрочем, Ходжамиаров справится с этим замечательно; ему, думаю я, и не впервой... ибо знаем мы за ним разные делишки... ничего, справится! Махмуд еще и не такое проворачивал... Ну, а коли неудача – с улицы у меня всегда будет шанс уйти, чего не скажешь, конечно, о Ходжамиарове, которому намного сложнее будет выбраться из фанзы...

Что ж, последний намаз перед трудной работой и – в путь! Аузу билляхи мина-ш-шайтани-р-раджим – прибегаю к защите Аллаха от проклятого сатаны... Аллаху Акбар!

И проговорив «таслим» – как и предписано каноном – сначала направо, а потом – налево, Касымхан встал и, бросив короткую команду подельникам, решительно направился к коновязи.

Восход еще не начинался, но небо уже окрасилось предутренним золотом и тою нежною розовою краскою, какую приобретает кумыс в пиале, налитый путнику возле одинокой юрты и отражающий далекое солнце за краем жайлау...

Атаман снова перебрал бумаги, лежащие на столе – письма, приказы, воззвания... И опять попался ему на глаза дипломатический отчет прошлого века, извлечение из «Известий Туркестанского отдела Русского географического общества». Взяв брошюру, он рассеянно полистал ее и... втянулся.

Еще до того, как дунганский вождь Мухаммед Биянху вступил в непримиримое противоборство с правительственными войсками, повстанцы в Синьцзяне потерпели поражение от ходжи Бузрук-хана и его ставленника Якуб-бека, получившего впоследствии именование Аталык Гази Бадаулет, что означает «защитник веры и счастливцев». Сначала Якуб-бек упразднил Урумчийское дунганское султанство, а потом стал узурпатором Кашгара и двинулся на завоевание других городов Восточного Туркестана. Со временем хуэй-цзу оказались меж двух огней – с одной стороны их теснил Якуб-бек, с другой – правительственные войска. Но они стойко держали свои крепости и сдавались только в исключительных случаях под давлением голода и потому лишь, что китайцы обещали им полную и безоговорочную амнистию. Так было, например, в Манасе, который оборонялся около двух лет, но был сдан после того, как в крепости съели последних собак. Полководцы противника гарантировали гарнизону жизнь и свободу, но нарушили слово, зверски истребив полторы тысячи хуэй-цзу. Дальше Биянху только отступал. К осени 1877 года, потеряв часть своих боевых соединений, он занял оборону в Кашгаре, куда тремя колоннами двинулись китайские войска. Биянху сражался как

лев, но под натиском армии противника вынужден был отступить в пределы Российской империи. Горы встретили повстанцев враждебно. В ущельях уже властвовали ледяные ветра, перевалы были укрыты огромными снежными сугробами...

Дутов вспомнил свой гибельный зимний переход, совсем недавний, еще не изгладившийся из памяти, и ему сделалось дурно, будто бы он снова потерял сознание от страшного «тутека» – горной болезни, которая сначала мучает человека усталостью, апатией и болями во всем теле, а потом стесняет дыхание и разрывает сердце...

...Ему снова привиделось, что он стоит по колена в снегу на темном буранном перевале и за ним кто-то наблюдает, – он представил, как вглядывается, почти ослепнув от нестерпимого сияния льда, в бездонную высь, но видит не хмурое небо, занесенное вихрями вьюги, а самого себя, как в перевернутом зеркале, – крохотного, едва различимого на гигантских пространствах безлюдной пустыни, лишенной тепла, света, человеческого жилья и самого человека... Вот он стоит в средоточии всех жизненных дорог, а кругом – сотни километров неизведанных далей: многометровые снежные сугробы и гигантские ледники, горящие под звездами потусторонним голубым светом, тусклым и жидким, – таким именно, каким горит он в покойничьих всего мира... За дальней горной грядой – непроходимый лес, которому, быть может, не одна тысяча лет, и если лететь над ним в метельной круговерти, широко раскинув послушные руки, – так, как птицы раскидывают крылья, – и смотреть вниз, то не увидишь, не увидишь, хоть прогляди все глаза, ни одной прогалины и ни одной поляны, где могла бы разместиться пусть небольшая деревенька; ни огня, ни дымка, – ничего, только сплошной массив черно-зеленых сосновых макушек, слипшихся, спекшихся в чудовищный конгломерат бездушной материи... И кругом – насколько хватает взгляда – снег, снег, снег, и клубящиеся морозным паром, схваченные по берегам оковами льда замерзающие реки... И вот в этом аду бредет победенный, но не сдавшийся и не сломленный Биянху с остатками своего войска. У этой разбитой армии нет иной дороги – только вверх, только к небу, только в объятия Аллаха, и достигнув узкого ущелья Чак-Мак, отряды хуэй-цзу попадают в засаду. Преследующие их китайские войска учиняют равнодушную резню: ослабевших от голода и холода повстанцев режут методично и даже без остервенения, не испытывая к ним ни ненависти, ни вражды...

Но небольшая часть армии во главе со своим вождем вырывается из этой кровавой каши и, на последнем дыхании преодолев завьюженный перевал в районе укрепления Нарын, спускается на территорию Российской империи под покровительство военного губернатора

Семиреченской области, наказного атамана Семиреченских казаков Герасима Колпаковского...

Генерал-лейтенант Колпаковский был человеком чести и сумел защитить поверженных: в рапорте на имя туркестанского генерал-губернатора он просил защитить беженцев и не выдавать их правителям Поднебесной.

Дутов поближе придвинул закопченную керосиновую лампу к бугристым страницам старой брошюры: «Одно человеколюбие заставляет воздержаться от выдачи Биянху цинским властям, каковая выдача может скомпрометировать нас в глазах туземцев вверенного Вашему Высокопревосходительству генерал-губернаторства и соседних азиатских владений. Толпы дунган, боровшихся за правое дело, искавших с оружием в руках признания за ними со стороны сынов Небесной империи человеческих прав, укрылись от жестокостей и насилия китайского правительства под наш милосердный кров, в наши пределы, благословляя великодушие Белого царя...» Биянху не выдали, но манчжурские власти все продолжали искать его головы и даже подсылали к нему убийц.

Атаман в волнении перевернул страницу.

«Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Колпаковский – Токмакскому уездному начальнику, от 27 ноября 1878 г.

В городе Верном ходят слухи, что во время пребывания здесь Мухаммеда Аюба дарына (Биянху) с людьми своими, состоящий при нем дунганин, Хоза по имени, посещал находившихся тут китайских чиновников и совещался с ними о чем-то; многими высказывается подозрение, что переговоры касались выдачи китайцам головы дарына.

Так как посещение помянутым дунганином китайских чиновников составляет непреложный факт, то ничего нет невероятного в том, что таковое посещение имело содержанием высказанную цель. Сообщая Вашему высокоблагородию об этом известии, предлагаю Вам предупредить Биянху о готовящемся против него коварстве...»

С улицы послышался приглушенный шум, атаман хотя отложил брошюру и выглянул в окно. В темноте ничего не было видно, входные фонари едва светили. Через некоторое время шум приблизился, и Дутов услышал приглушенный разговор на крыльце фанзы. «Кто идет и за какой надобностью?» – спросил приказный конвойной сотни Василий Маслов. «Связной Чанышева – Ходжамиаров! – был ответ. – Срочный пакет Его превосходительству!» – «Атаман, кажись, почивают уже», – неуверенно произнес Маслов. «А ты, братец, изволь доложить», – с напором сказал Ходжамиаров, голос которого был

вполне знаком Дутову. Помявшись перед дверью, Маслов вошел. «Письмо, Ваше превосходительство...» – виновато доложил он.

Безотчетный страх охватил атамана.

«Пускай завтра придет, так и передай... – приказал он часовому. – Нездоров нынче!» Маслов вышел, через некоторое время вернулся. «Они сообщают – дело срочная... Ты думаешь, грит, мне больша дорога нужна? Упрямят, Ваше превосходительство!» – «Хорошо, пригласи», – скрепившись, велел атаман. Маслов вышел, вошел Ходжамиаров – пыльный, небритый, в грязной тюбетейке и мятом халате, мотнул головой в сторону икон, лихо козырнул, подал пакет. Дутов пристально посмотрел ему в глаза, но полумрак комнаты не позволил вчитаться: неразличимая бездонная глубь темнела в зрачках связного. Атаман вскрыл конверт. Махмуд настороженно огляделся. Дутов дрожащими руками развернул бумагу: «...хватит ждать... пора действовать... я готов... дайте команду...» – «А где Князь?» – вдруг отрывисто спросил атаман. «Захворал, Ваше превосходительство», – не моргнув глазом, отвечал Ходжамиаров. «Так я голос его слышал у ворот», – суетливо взглянул в окно Дутов. – «Не извольте беспокоиться, Ваше превосходительство, он нынче ждет вашу милость у себя». – «Вы что себе позволяете? – вскричал вдруг атаман, взъярившись и закипев. – Как это он ждет мою милость у себя?..» Тут Ходжамиаров проворно нырнул правой рукой за полу халата и выхватил оттуда древний девятимиллиметровый наган образца 1878 года... Мгновение... Махмуд увидел прямо перед собой перекошенное от ужаса лицо атамана, расширенные глаза, полуоткрытый рот и вздернутые в изумлении брови... Дутов приподнял левую ладонь, словно бы пытаясь заслониться от выстрела, и выставил перед собою кисть с растопыренными пальцами... Другая рука осталась у него на уровне живота, так как он имел обыкновение держать ее у последней пуговицы кителя... Перед ним, заслоняя всю комнату и даже фигуру Ходжамиарова, зияло дуло нагана, и черная мушка револьвера мелко подрагивала возле глаз... Вот ствол сместился куда-то вниз... Атаман опустил голову и увидел в сумерках комнаты яркую вспышку, одновременно услышав рокошующий раскат выстрела... В этот момент дверь с грохотом распахнулась и в помещение ворвался урядник Василий Лопатин, находившийся в сенцах... Ходжамиаров медленно, рассекая револьвером тягучий застоявшийся воздух атаманского кабинета и ощущая непомерную тяжесть горячего металла, повернул руку, – ему казалось, что медленно, а на самом деле это движение осуществилось в доли секунды... повернул руку... с усилием, словно бы преодолевая сопротивление какой-то немислимо тугой пружины потянул курок... барабан револьвера щелкнул... Махмуд сделал дополнительное усилие,

чуть приподнял оружие и выстрелил Лопатину прямо в лоб! Урядник с шумом повалился на пол... В это мгновение за окном мелькнула маленькая белая вспышка и раздался чуть приглушенный грохот – будто эхо в горах... короткое ругательство по-узбекски... крики, бряцание оружия... Ходжамиаров оглянулся и выстрелил в атамана еще раз... Дутов накренился всем телом и, безуспешно пытаясь ухватиться за край антикварного стола, рухнул головой в проем спальни... Махмуд выскочил наружу, споткнувшись на пороге о тело урядника, быстро перебежал двор, вылетел за ворота, где ему мгновенно подвели лошадь – убийцы впрыгнули в седла, бешено взмахнули камчами и понеслись галопом, взметая клубы снежной поземки.

Утром следующего дня атаман покинул этот мир. Пуля, пробив правую кисть, угодила ему в живот. Слепое ранение.

Загорский, приехавший почти одновременно с доктором и отцом Ионой, застал в кабинете Дутова большой беспорядок, лужи студеной крови и разбросанные повсюду мятые бумаги. У стены стояла принесенная ради исцеления, но не сумевшая совершить чуда икона Табынской Божьей Матери. В спальне рыдала Шурочка. Атамана уже унесли; в дверях маялся растерянный фельдъегерь Лопатин, отец убитого Василия Лопатина...

Загорский поднял с пола брошюру с надорванными страницами... Знакомая вещица! Полистал рассеянно... Дипломатический отчет прошлого века, извлечение из «Известий Туркестанского отдела Русского географического общества». «...после смерти в 1882 году Биянху не оставили в покое. Манчжурские эмиссары не раз засылались на сопредельные территории для разыскания и похищения останков легендарного вождя хуэй-цзу. Голову Биянху хотели видеть в императорском дворце, а тело его предписывалось сжечь без сожаления и развеять прах врага посреди вечных тянь-шанских скал. И могила героя была найдена в свой час на одном из погостов провинциального Пишпека, разрыта и разорена, но к неудовольствию осквернителей праха в ней не оказалось останков полководца, и им пришлось довольствоваться созерцанием полусгнивших бревен и разбитых камней...»

Атамана похоронили в два часа пополудни следующего дня при огромном стечении рыдающего народа. Отпевал вождя игумен Иона. Кладбище в Доржинке, что в 4-х километрах от Суйдина, со дня своего основания не знало еще такого количества скорбящих.

А через два дня морозною ночью могила атамана была разрыта, тело же его вынута из земли и обезглавлено...

...Они остановились перед самым выходом из горловины ущелья и всмотрелись в светлеющий горизонт; восход еще только начинался, но небо уже окрасилось предутренным золотом и тою нежною розовою краскою, какую приобретает кумыс в пиале, налитый путнику возле одинокой юрты и отражающий далекое солнце на краю жайлау... Лошади в нетерпении плясали под ними; Князь ухватил покрепче перепачканный глиною и засохшею сукровицею курждун, выставил его вперед, бешено гикнул и с силой вонзил шпоры в бока лошади! Обезумевшая кобыла взвилась на дыбы с громким ржанием и, перебирая ногами в воздухе, стояла так еще несколько мгновений, а потом скакнула в неистовстве – и понеслась! Следом за ней сорвались с места двое других верховых. Всадники летели уже по советской территории, по новой земле нового мира – три черных тени, три страшных человека, опьяненные своею удалюю, свежим ледяным ветром и свободою бесконечного пространства, неслись бешеным галопом по снежному насту, подставляя обветренные лица пощечинам метели, – с криками, воплями, улюлюканьем, нещадно хлеща камчами тугие бока лошадей... Князь то кричал, упиваясь скачкой, то плакал и, выставляя вперед полосатый курждун со своей жуткой ношей, словно бы предьявлял миру какие-то особые, очень важные для него доказательства... Мрачные горы стояли вокруг, впереди – насколько хватало взора – тянулась пустынная равнина...

Князь оглянулся: в некотором отдалении, справа и слева от него, видны были сумеречные фигуры подельников, а дальше, растягиваясь длинным черным хвостом в сторону китайской границы, неслись незнакомые мрачные всадники в серебряных кирасах и золотых шлемах с плюмажами... Князь несколько не удивился, только взгляделся внимательнее – его конвой поспевал за ним, и воины крепко сжимали в руках мечи, палаши, сабли и тяжелые боевые топоры на длинных топорщах; мелькали в неровном строю луки и колчаны со стрелами, боевые ножи, арканы и тяжелые плети, строй был ощерен пиками, под наконечниками которых трепетали флажки и ленты, а впереди реял посреди метельной круговерти разноцветный бунчук! Топот копыт и истерические крики – словно бы впереди был невидимый противник, которого нужно сокрушить, раздавить, смести с лица земли... Они летели в бешеной скачке – и не было им преград в этом мире!

В глаза Князю ударило показавшееся из-за гор солнце... Он снова оглянулся: всадники медленно летели над землей, и лошади их плавно перебирали ногами, задевая пучки сухой травы, торчащие над снежною коркою, мертвые кусты, заледеневшие валуны... Солнце вдруг вспыхнуло на кирасах и шлемах! И над трепещущими в мете-

ли плюмажами разлилось облако нестерпимого, безжалостно поглощающего весь видимый мир света...

* * *

В ночь с 6-го на 7-е февраля 1961 года в небольшой съемной квартире на окраине Сан-Франциско Анастасий Прокопьевич Загорский взял, по своему обыкновению, коробку с коллекционными солдатиками, одетыми в мундиры армии царской России и с удовольствием расставил их на столе. Коллекция его за долгие годы приобрела невиданный размер – хоть сейчас открывай общедоступный музей, и в посетителях не будет недостатка.

У него имелись солдатика древнего мира, средневековья, эпохи Наполеона и, конечно, вполне современные. Гордостью бывшего дипломата были редкие наборы воинов македонской фаланги, варварских племен и армии Фридриха Второго Великого. Зная коллекционную страсть Загорского, все знакомые его и друзья в течение уже многих лет торопились угодить старику наборами солдатиков, привозимых из разных стран мира или приобретенных в Америке на блошиных рынках, а то и в дорогих сувенирных магазинах. Любовно трогая солдатиков, перебирая их и переставляя, он думал о плате за квартиру, о необходимости завтра непременно сходить в овощной магазин, о деньгах вообще, о стирке, уборке квартиры... о детях и внуках, живущих в далекой Австралии... Солдатики стояли невозмутимым строем... Он встал, погасил верхний свет, достал свечу – огонек ее робко затрепетал перед маленькими оловянными героями... Сегодня сороковая годовщина гибели атамана Дутова... Сколько воды утекло с тех пор и сколько воинов разных армий погибло за это время... Впрочем, во все время существования мира солдаты гибли... и будут гибнуть... безвестные солдаты и офицеры, и даже высшие офицеры, блиставшие когда-то на полях сражений и на светских раутах, чьи имена гремели в газетах, а в древности высекались на глиняных табличках, – обладатели титулов, орденов, наградных шашек, шрамов и увечий... великие полководцы и военные правители, фараоны, эскархи, цари, императоры, короли, цезари, кайзеры, тагаворы, негусы, шахи, шейхи, султаны, халифы, эмиры, ханы, беи, падишахи, богдыханы и махараджи, удостоенные дворцов, храмов, мавзолеев, пирамид и памятных стел, – где они, эти люди? Канули, оставив свои имена на скрижалях истории, понятных и интересных только академическим старцам. Или вот – оловянные солдатика, бледные тени ушедших героев, искаженные вековой перспективой невзрачные фигуры... И он, восьмидесятилетний старик – тоже едва уже различимый призрак канувшего в бездну прошлого... Всё кануло, все канули...

Черногорский герой Бакич ушел со своим отрядом в Монгольский Алтай, бился там до последнего и осенью 21-го попал в плен под Улангомом; в следующем году красные монголы выдали его Советам, он был привезен в Новониколаевск, где его вскоре и казнили после короткого судебного разбирательства. Анненков... С Анненковым было еще хуже, ведь он запятнал себя и свою армию страшными насилиями... Весной 24-го китайцы устроили ему ловушку, благодаря чему он был пленен командующим Первой Китайской народной армией маршалом Фэн Юйсяном, а потом через Монголию вывезен чекистами в Семипалатинск; судила его в 27-м году Военная коллегия Верховного суда и признала виновным в массовых зверствах над пленными и населением захваченных территорий, приговор – расстрел, он и не мог быть иным. Игумен Иона – впоследствии епископ Иона – служил в Пекинской епархии, потом в Манчжурии, занимался благотворительностью, основал школу, приют для сирот, амбулаторию, аптеку... Умер нелепо – от ангины и полоскания горла керосином...

А убийцы атамана, получив от высшего руководства ЧК наградные пистолеты и золотые часы с памятным гравировками, все погибли в свой час в 30-х – от рук своих: кому-то невыгодна ведь была правда о преступлении в Суйдине...

И остался лежать где-то в неприятном китайском красноземе – без головы, без православного креста, да впрочем, и без могилы вообще, забытый родиной выборный Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска и Походный атаман всех казачьих войск, Генерального штаба генерал-лейтенант Александр Ильич Дутов...

Бишкек

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Мария Розенблит

Темное время перед рассветом

Когда-то, при старом правительстве, в этом месте хранилась всякая всячина для нужд войсковой части. Летом жизнь оживлялась – открывался оздоровительный лагерь для школьников, детей военно-служащих, под названием «Звезда».

Для новой власти остались почерневшие от времени, ни к чему не пригодные деревянные домики. Сверкавшие раньше на солнце серебром буквы «Звезды» приобрели грязно-серый оттенок и стали совсем незаметными. Кому-то из власть имущих пришла мысль открыть здесь дом для престарелых. Злые языки поговаривали, что одному из начальников надо было куда-то пристроить старую тещу...

В скором времени подгнившие доски заменили новыми, утеплили стены, обновили канализацию. Строения покрасили, обнаружив в одном из сараев запасы краски. И заброшенные ранее домики вновь засверкали, радуя глаз.

Директором назначили чиновника из районной администрации Игоря Васильевича Кружкова. Тот был рад-радешенек, потому как в скором времени ему предстояло уйти на пенсию, а на новой должности надеялся еще поработать.

Обслуживающий и медицинский персонал определились быстро: в крае, как и везде, процветала безработица. Открытие заведения прошло тихо и незаметно. Для торжеств было не то время – многие еще не оправались после так называемой «перестройки». Поэтому чиновники из района представили директора, пожали всем руки и поспешили уехать.

Первые обитатели заведения начали поступать сразу же.

Народ был разный: выжившие после инсульта, инвалиды с рождения и просто старики, неспособные себя обслужить. Хотя никто из них этого не признавал:

– Сын достраивает дом, еще немножко осталось, и придет за мной. Заберет домой, – ежедневно сообщала соседкам по комнате Наталья Федоровна Кизлякова. Она еще сама себя обслуживала и даже пыталась помогать нянечкам в уборке комнаты.

В отчетных документах дом престарелых все еще именовался

старым названием школьного лагеря «Звезда». Затем «сверху» поступило настоятельное предложение переименовать учреждение, дабы не пропагандировать бывшие символы. Благодарный теперешней власти, Игорь Васильич совместно с женой Валюшкой придумали дому престарелых название «Закат». Безмолвное, смиренное «Закат» заменило отдающую пролетариатом «Звезду». Гордый своим авторством, Игорь Васильич справедливо ожидал от начальства поощрения. Неожиданно к нему в кабинет пришла делегация от обитателей вверенного ему учреждения, чему он искренне удивился.

Делегация была разношерстной, начиная от одноногого деда Петра на костылях и заканчивая всегда поющим дурачком Вадиком. Говорила от ходок бойкая и полюбившаяся всем медсестра Настюша:

– Игорь Васильевич, все требуют другого названия для нашего приюта (старики упорно называли учреждение «приютом»)! Никто не хочет этого «Заката». И даже некоторые боятся! Не по-божески это.

Затем Настя с невинным выражением на лице смиренно предложила:

– Уважаемый Игорь Васильевич! Мы здесь посоветовались и решили, пусть наш дом называется «Зорька». Пожилые люди привыкли вставать рано, на зорьке...

Все выжидательно смотрели на директора. Тот озабоченно нахмурил чело, мысленно произнес несколько раз слово «зорька» и, не найдя аналогии с пролетариатом, важно кивнул головой в знак согласия. Настя оглянулась на свой отряд и нарочито громко произнесла:

– Вот видите, я же говорила, что наш директор – понимающий человек!

Прием нового жильца всегда был событием для всех.

Сегодня новую жилищку привезли из ближайшего села Зорянское. Старушка была слепой. Сопровождали ее председатель сельсовета и молодая девушка Катя. Пока Варвара Поликарповна, старшая медсестра, оформляла документы, Катя отозвала Настю в сторону и взволнованно заговорила:

– Баба Ксения не хочет, чтобы дочки узнали, что она ослепла. Опасается – заберут ее тогда к себе за границу, они там живут. А она призналась мне, что кого-то ждет. Уже давно ждет. Поэтому не может уехать. Вообще-то ей скоро восемьдесят, может, и с головой что-то не в порядке... – Кате стало неловко, она на время замолчала, затем продолжила: – У нее сумочка с письмами, она ее из рук не выпускает.

Будет просить почитать ей вслух. Там последнее письмо я сама написала, будто бы от дочери Наташи. Потому что бабка каждое утро стоит у ворот, меня выглядывает. Я почтальоном работаю. Дочки нечасто пишут. Будешь ей перечитывать – добавляй что-нибудь от себя. Я писала на скорую руку... А вон уже и председатель идет, будем домой двигать... Да! В паспорте бабы Ксени бумажка с адресами дочек, я положила. На всякий случай. Ну ладно, бывай!

Ксению Ивановну в пятую палату привела медсестра Настя. В углу за дверью была свободная койка, там бабушка Ксения и расположилась. Сразу пришлось всем по душе. В первый же день успела рассказать, что не одинока, ни-ни! Есть две дочери, но живут далеко... Все заметили, что Ксения Ивановна совсем не видит. Только свет электрической лампочки различает. Поэтому и оказалась здесь.

– Если бы узнали дочери, что я ослепла, мигом бы приехали, забрали! Но я не признаюсь. Пусть поживут спокойно.

Валентина Петровна, как всегда пребывающая в плохом настроении, язвительно протянула:

– Поня-я-тно! Всех отсюда позабирают дочери, сыновья. Я одна останусь. Меня никто не возьмет... И правильно сделает! Кому я нужна неходячая, в коляске?!

Бабуся Кизлякова не выдержала:

– Я извиняюсь, Петровна! Знаю, что ты раньше работала на умственной работе. А вот отчего такая злая – не пойму! Не дашь людям порадоваться!

Сама Кизлякова считала долгом по утрам задавать настроение своим соседкам. Начинала с рассказа, что видела ночью во сне:

– Мой Юрик наконец-то достроил дом. Приезжает за мной на серебрястой, точь-в-точь как у директора приюта, машине, и мы с сыном уезжаем домой!.. А вы все, будто, должны приехать на следующую неделю ко мне в гости... И в аккурат в этом месте наша Верка закашлялась, а я проснулась!

Валентина Петровна ворчливо заметила:

– Ты уже несколько раз это рассказывала! Забыла разве?

– Значит, сбудется! – быстро нашлась рассказчица.

Сон Кизляковой был в руку. Ближе к вечеру к ним в комнату ввалился мужчина неопределенного возраста, с синяком в поллица. Следы тяжелой жизни отразились также на его надорванном опухшем ухе. Оглядев всех мутными глазами, задержался на Кизляковой, опустился на ближайший стул и заплетающимся языком выговорил:

– Вот, пришел... Мамадя, помоги! Дай денег!

В комнате зависла тишина. Женщины смотрели друг на друга. Кто-то спросил:

– Это к кому?

Ответ нашелся у Валентины Петровны:

– Это к нашей Кизляковой. Там, во дворе, наверное, серебристая машина стоит?

Никто не улыбнулся. Все сочувственно глядели на Кизлякову. Та как-то враз съежилась, стала меньше ростом, беспомощно переводя взгляд с одной женщины на другую... После паузы обреченно молвила:

– Да, это мой Юрик.

Прикорнувший к тому моменту, Юрик встрепенулся и, твердо блюдя свой интерес, как мог членораздельно подтвердил:

– Да! Я – Юра! Мамань, долго не приходил, цени! У тебя собралась пенсия, дай! Не все высчитывают в бухгалтерии, я знаю!..

Кизлякова вытащила из-под подушки узелок, отвернувшись от сына, стала развязывать. Руки ее дрожали, развязать не получалось. Жаждающий Юрик нетерпеливо бросил:

– Да не развязывай! Давай так, потом развяжу, – и протянул было руки за узелком.

Но неожиданно в диалог вступила все та же Валентина Петровна. Она подъехала на коляске к Юрику, едва не задев колесом его ногу, и приказным тоном бывшего физрука школы выдала:

– Ты получишь денег ровно на билет – доехать домой. Еще на хлеб. На остальное – сам заработаешь! Еще раз в таком состоянии приедешь к матери, лично сдам в милицию!

Юрик озирался вокруг в поисках справедливости. Не найдя ее, впал в глубокое уныние, но затем его взгляд опять вернулся к заветному узелку и уже намертво прикипел к нему.

Валентина Петровна повернулась к Кизляковой и мягко молвила:

– Дай, Наташа, я развяжу! – и, передавая в руки Юрику деньги, добавила: – В следующий раз замечание будет физическим! Не гляди, что я на коляске! Понял?

Во время дискуссии новенькая, Ксения Ивановна, с надеждой в голосе периодически вопрошала:

– Кто-то к нам пришел? Я ничего не вижу, только слышу мужской голос... Нет, наверное, не ко мне это...

* * *

Молва о приюте «Зорька» вышла за пределы района. В бухгалтерии лежал длинный список из ожидающих свободного места.

Пришлось пристроить к кирпичному дому, где находилась администрация, дополнительное помещение. Это позволяло иметь в запасе свободные места.

Появились здесь свои старожилы, радеющие за порядок в их маленьком обществе. Одним из таких был дед Петро Николаевич. Он передвигался на костылях; ноги лишился десять лет назад, попав под машину. После смерти жены продал дом и перешел жить к сыну с невесткой. Но почувствовал себя лишним, попросился в приют.

Со временем по следу хозяина к нему пришел пес Борман. Подстать деду, он прыгал на трех ногах, не было половины передней лапы. Как поведал Петро Николаевич, попал Борман когда-то в капкан.

Соорудил дед рядом с сараем, где была им же ранее оборудована кладовка, своему питомцу будку, и Борман чувствовал себя хозяином на вверенной ему территории. В летнюю пору дед Петро и пес заступали в ночь «на вахту». Что они сторожили – никому не известно, в том числе и им самим. Утром, после завтрака, Петро Николаевич с чувством исполненного долга ложился в своей комнате поспать после «ночной смены».

Периодически в их мирный, тихий приют приходила беда. Ее принимала старшая медсестра Варвара Поликарповна. Беда долго не задерживалась на территории приюта. Через пару часов из районной больницы приезжал фургон и покойника увозили. После этого какое-то время все ходили потерянные, избегая смотреть в глаза друг другу. Потом прибывал новый обитатель, и жизнь возвращалась в привычное русло...

В пятой палате вошло в привычку вечером, после ужина, если никто не болел, что-нибудь рассказывать. Рассказывали не все. Баба Вера обычно отмалчивалась, но с интересом слушала других. Расспрашивать было не принято. Не принято было «плакаться». Бабуся Кизлякова попыталась, было, после визита Юрика «пожалиться», как его одна растила, но всегда бдящая Валентина Петровна сразу же прикрикнула:

– Кончайте здесь нюни распускать! Этого нам еще не хватало!

Все умолкли, а Петровна в продолжение темы предложила:

– Рассказываем каждый что-нибудь веселое, что поднимет настроение. Я завтра расскажу про случай на уроке физкультуры у меня в десятом классе. До сих пор все помнят!

Ксения Ивановна, будто получив задание, пыталась отыскать в своем прошлом что-нибудь смешное – не получалось. Хотя представшая перед глазами картинка прошлого была настолько яркой, что женщина даже зажмурилась...

* * *

Начало 1942 года. Замершие в ожидании люди: немцы вот-вот должны появиться. Эту новость из соседнего села, помнится, первой принесла Польшкина Анисья, сообщив о немецкой полиции, разместившейся в соседнем селе Озерки:

– Полиция как бы немецкая, но полицаев набирают из наших. И начальник у них тоже наш. Какой-то Бойчук. Девки говорили, что молодой и очень красивый. – Анисья перевела дух, подытожив: – Ну вот, вроде все рассказала!

Помнится, дед Захар в порыве патриотизма, выкрикнул:

– Главное – не красивый, а предатель! Вешать таких надо!

Его баба Настя тогда перепугалась:

– Замолчи, старый дурень! Тебе какое дело? – Обернулась к соседям, просительно заглядывая в глаза каждому, оправдывалась: – Не слушайте его, люди, он сегодня с утра стакан самогона вылакал, вот и несет не знамо чего!

Затем схватила упирающегося деда за рукав и потащила домой, приговаривая:

– Советы не посадили, так при немцах дуралея угрожают!

Ксюше запал в душу рассказ Анисьи о красавце начальнике полиции. Бойчук... а как звать, не знает... Вскоре пришлось узнать.

Немцы появились на следующий день. Их колонна из грузовиков и танков с черно-белыми крестами остановилась перед сельсоветом. Люди, попрятавшиеся в домах, отгибали уголок занавески на окнах и подглядывали. Помнит Ксения, что немцы стали из машин бросать что-то на дорогу. Все стали выходить во дворы, опасливо озираясь по сторонам. Постепенно подошли ближе к колонне. На земле под ногами лежали яркие бутылки с одеколоном и плитки шоколада – то, что бросали немцы из машин.

Незнакомый, чужой мужик в добротных сапогах и галифе великодушно разъяснял:

– Можете брать себе одеколон, шоколад. Это вам паны солдаты бросили.

Тогда Колька успел подхватить флакон одеколона. Долго еще стояла разрисованная яркими цветами пустая бутылочка. Ксюша приспособилась заливать туда простую воду, через какое-то время из флакона исходил запах, похожий на одеколон....

Затем немецкий офицер поднялся на ступеньку грузовика, намереваясь говорить с народом, как вдруг необычная процессия привлекла к себе общее внимание. Ксения помнит, как они с подружкой Зиной даже рты разинули. Да и не только они.

Дед Захар в начищенных ваксой сапогах и в белой сорочке с вышитой крестиком манишкой на вытянутых руках держал буханку черного хлеба, присыпанную сверху щепоткой соли. Из-под буханки свисали два конца рушника, расшитого петухами. Его жена Настя опасливо выглядывала из-за плеча деда, что-то двумя руками бережно поддерживая в широком фартуке. Сельчане переводили недоуменные взгляды с деда Захара на бабу Настю. Затянувшуюся паузу прервал дед:

– Дорогие наши паны немцы! Мы рады, что вы, наконец, пришли! Но даже нечем встретить таких дорогих гостей! Эти... (баба больно толкнула локтем деда в бок, и тот заменил нецензурное слово) окаянные Советы все у нас отобрали. Вот, возьмите хоть буханочку хлеба и десяток яичек!

Яйца находились у бабы Насти в фартуке. После речи мужа она осмелела и торжественно подошла к офицеру. Тот оторопело посмотрел на яйца в переднике и перевел вопросительный взгляд на переводчика, мужика в галифе. Переводчик спас положение. Хлеб передал солдатам, с машины соскочил немец, подошел к бабе Насте и переложил яйца себе в каску, несколько раз повторяя: «зер гут».

Ксюша с Зиной, боясь расхохотаться вслух, прикрыли рты ладонями. Но дальше было вовсе не до смеха. Пан офицер все-таки держал речь. Никто не понимал немецкий язык, просто слушали гортанные чужие звуки. Потом надоело... Затем переводчик огласил сказанное немцем:

– С этого дня у вас в селе действует немецкая власть. Если кто-либо попытается вредить панам немцам – тот будет расстрелян. Каждый двор должен помогать немецким солдатам в благодарность, что они освободили вас от Советов. Помощь можете оказывать в виде провизии, как то – яйца, сало, куры, гуси и прочее. И еще. Немецкое командование объявляет набор юношей и девушек, которые пожелают работать на благо великой Германии. С завтрашнего дня в сельсовете начнут регистрировать желающих. Если вы будете выполнять все требования панов немцев, вас никто не тронет. Примером сегодня может послужить хозяин, поднесший солдатам хлеб и яйца. Его мы назначаем вашим старостой...

Ксения вспомнила, как баба Настя с почтением взяла под руку своего деда и они с достоинством прошествовали к дому...

А потом началась отправка в Германию. Ксюшу мама одела в рваную фуфайку, голову замотала старым суконным платком так, что видны были только нос и глаза. Нос на всякий случай вымазала сажей и спрашивала младших детей:

– Ну как, похожа наша Ксенька на старушку?

Ксения, как могла, сопротивлялась, младшие брат и сестра, смеясь, отвечали:

– Мам, если бы она не шевелилась, была бы точно, как пугало, что стоит у нас в огороде.

Впрочем, не только в семье Ксении, в других тоже молодые девушки прятались, одевались в лохмотья, чтобы меньше бросаться полициям в глаза...

Горбатая Ленка, младшая сестра Зинаиды, запыхавшись, забежала в дом и с порога выпалила:

– Прячься, Ксюня, быстрее! Немцы по хатам ходят, записывают в Германию. Сейчас у бабы Польки, вот-вот к вам зайдут! Меня Зинка послала к тебе!

Подробностей расспросить не успели, потому как открылась дверь и вошли два немца, один с автоматом. В хате все застыли, горбатенькая Ленка издала мышинный писк и, закрыв глаза руками, присела. Ксюша опустилась на стоявшую рядом скамейку. Мать от испуга не удержала в руках ухват с горшком, и борщ тоненькой струйкой потек с печи.

Увидев женщин, солдаты расслабились, один развернул лист бумаги и по слогам почитал: «Зения Яворски, кто есть?» Мама Ксюши, Александра, решительно выступила вперед, закрыв всех собою. Для убедительности еще и фартук двумя руками растянула вширь. Вывернутый горшок в печи ее обозлил и придал смелости:

– Я Яворская! И в Германию не поеду, у меня дети!

Ведший переговоры немец отчаянно замахал руками:

– Найн, нет, нет! Не надо муттер! Девушка надо!

Обойдя Александру, подошел к Ксении ближе и с явным удовольствием воскликнул:

– О! Фройляйн Зения! Я пишу тебя жить Германия! Завтра приходишь сельсовет, будет машина!

После ухода солдат в хате долго стояла тишина. Затем Ленка, выглянув сначала опасливо за дверь, ушла домой... А Ксюшина мама вдруг стала причитать. Дети еще ни разу не видели в таком состоянии свою всегда уверенную в себе мать. «Уж лучше бы плакала!» – подумала Ксения. Но Александра раскачивалась из стороны в сторону и охрипшим голосом, как заклинание, монотонно бубнила:

– Ванюшка мой погиб в Финскую, детей подымала одна, старший Даня умер от голода, Сашку и Петю забрали на фронт, и ни слуху ни духу-у... – наконец она сделала паузу и заскулила, как голодная Жюлька во дворе на цепи:

– Теперь Сеньку заберут, а это последняя надежда-а-а!

Коля и Лида испуганно жались друг к другу, умоляюще поглядывая на старшую сестру.

* * *

Второй раз Ксения, наверное, не решилась бы на такое. Впрочем, кто знает?..

Она решительно стала наряжаться, выбирая все лучшее. Волосы причесала, как раньше, до немцев, – челка вислась, локонами спадая на лоб. До этого Ксения убирала волосы под грязный платок. Александра и дети во все глаза следили за Ксюшей – куда она? Мать, закрыв собой дверь, еще не оправившись от волнений, жалобно выговорила:

– Не пушу!

– Мама, ни в какую Германию я не поеду! А сейчас пусти меня и не бойся! Все будет хорошо!

И пошла, выбрав свою участь...

Прошли многие годы, – считай, вся жизнь, а Ксения Ивановна до сих пор не понимает, что ею тогда руководило?

* * *

Она спешила в сельсовет, надеясь застать там начальника полиции. Ксении именно он нужен! Бойчук его фамилия.

Немец с автоматом преградил ей путь в кабинет. Не помнит – как, но все-таки зашла. Он сидел за столом. Сразу же поняла, что перед нею – начальник. Чтобы как-то завести разговор, спросила:

– Вы – Бойчук?

– Я, – согласился он. – А ты кто будешь и с каким вопросом?

– Я – Яворская Ксения. В списке на работы в Германию. Мне нельзя ехать, дети малые, а мать больная.

Начальник недоверчиво спросил:

– Сколько же тебе лет, что уже успела нарожать детей?

Ксения в смятении всплеснула руками:

– Ой, ну что вы? У меня нет детей. Это мои младшие брат и сестра

Девушка чувствовала, что надо как-то по-другому, ведь у многих – дети и матери больные...

– Денег у меня нет, чтобы заплатить, но возьмите вот нитку бус, они дорогие. Их было пять, но мама в голодовку поменяла на хлеб и оставила только одну для меня, в приданое. Но мне не надо. – Девушка вытащила из-за пазухи тряпичный узелок, развязала его и положила перед Бойчуком растянутую вдоль нитку розовой яшмы. Парень растерянно переводил взгляд с камешков на девуцу, а она продолжала:

– Все говорят, что вы помогаете своим людям... Помогите и мне, что вам стоит?

– Это кто же такое говорит? – обеспокоенно переспросил парень, про себя добавив: «Еще под расстрел подведут!» – и строго – к девушке:

– Кто сказал такое? Когда, где? Говори!

Ксения испугалась, а главное, поняла, что опять не то говорит, и запаниковала. Чтобы как-то исправить ошибку, призналась:

– Сама только что придумала... Простите меня!

А перед глазами четко встали испуганные лица Лидки и Коли и потерянное – матери. И Ксюша, как в омут головой, выдала:

– Тебе надо на мне жениться! Тогда меня, как жену начальника, не погонят в Германию!

От испуга за сказанное она говорила и говорила, боясь остановиться:

– Ты не подумай, что меня никто не хочет взять замуж! Ко мне сватался Андрей Матюшин, перед тем как уйти на фронт, – я отказала. Петька, сын самого Арсена Кондратьича, сватал, – тоже отказала!

Сидящий за столом машинально перебирал пальцами зернышки бус, словно четки, и во все глаза глядел на девицу, ничего не понимая. А Ксения наконец выдала заключительный аккорд:

– А тебе – не откажу!

– Вот это да! – только и смог воскликнуть парень. Затем расхохотался и сквозь смех уточнил:

– Пока что ты сама меня сватаешь.

Лицо Ксении пылало. Неизвестно кого, мысленно просила: «Помогите! Стыдобище-то какое! Хорошо, никто больше не слышит!»

А Бойчук за столом все хохотал. Ксении стало все равно. Так и сказала, уходя:

– Ладно, пошутила я! Отправляй хоть в туретчину! – Кивнув на бусы, гордо добавила: – Это тебе на память! – И ушла.

Дома молчала, избегая взглядов родных. Мать поглядывала на дочь и скорбно вздыхала.

* * *

Оставшийся один в кабинете, начальник полиции Алексей Бойчук был прямо-таки озадачен происшедшим. Какие случаи бывают при такой должности! А деваха забавная. Как ее звать-то? Ксения, кажется.

Бойчук достал списки подлежащих отсылке в Германию, быстро нашел село Зорянское и действительно прочитал там «Яворская

Ксения». Против ее фамилии стоял жирный крестик. Алексей был ознакомлен с некоторыми условными знаками немцев – крестиками отмечали симпатичных молодых девиц, поступающих в распоряжение отдела, обеспечивающего господ офицеров.

Да-а, придется девице помочь. Алексей криво ухмыльнулся: «Хотя бы потому, что мы здесь не хуже господ офицеров!» Была и еще одна причина. Имелась у Бойчука на то время «азноба» по имени Валька. Вцепилась в него девица мертвой хваткой и просто так от нее не отделаться. Баба она, конечно, горячая и ему было даже приятно с ней, но обещать что-либо у него в планах не было!.. Да и нельзя ему. Человек он подневольный.

Так что, если женитьба будет ненастоящей, он поможет Ксении. Да и понравилась она ему, хоть и молодая совсем – неполных восемнадцать. Даже жаль, что не по-настоящему... А по-настоящему ему до окончания войны нельзя.

Бойчук убрал все бумаги в стол, постового предупредил, что еще вернется и направился к местному старосте, деду Захару, дом которого стоял рядом с сельсоветом. Списки для отправки в Германию составлялись по району при помощи сельских старост, значит, Захар подскажет ему, где живет эта самая Яворская.

Вечером, когда сгустились сумерки, к дому Яворских прискакал галопом всадник. Во дворе спешился, коня привязал к старой груше и концом батога постучал в окно.

– Откройте, это Бойчук!

Поначалу все испугались неожиданного гостя. Затем Александра, узнав, с чем он пожаловал, возмутилась и с негодованием набросилась на пришедшего:

– Хотя бы скажи, кто ты такой? Кто твои отец и мать? И если пришел свататься, то где хлеб-соль, где сваты, почему один?! Будто к босякам каким в хату пришел! Али думаешь, если война, так и людских законов нету?

Александра перевела дух и уже более спокойно продолжила:

– Ксюшка у меня девка с верхней полки! Будь в какие руки я ее не отдам!

Мать стала загибать пальцы на руках, пересчитывая, кто к ее дочери сватался да она отказала: «А все потому, что мужики неотесанные! А мы – Яворские, из шляхетского рода!»

Бойчук попытался вклиниться:

– Погодите, мамаша! Будут и сваты, и хлеб. А пока хочу получить ваше согласие!

– Рано меня называть мамашей! Ты еще мне не зять!

Ксюша сидела ни жива ни мертва. Уверившись, что Бойчук действительно пришел ее сватать, пошла ему на выручку:

– Мама, я его знаю. Он посядет, чтобы меня не отправили в Германию!

Александра недоверчиво спросила:

– Это что ж он за шишка такая важная, что...

Вдруг, оборвав себя на полуслове, уставилась на гостя. Потом протяжно с напрягом вымолвила, не отрывая от него цепкого взгляда:

– погоди-погоди-и, так это ты?..

Все замолчали, воцарилась тишина. Ксения боялась вклиниться в разговор, ожидая. К ее удивлению, парень смешался, покраснел, но ответил:

– Да, я.

Александра совершенно невозможным, чужим тоном проговорила:

– Бог тебе судья! А от нас уходи с миром!

И он ушел. Но на следующий день пришел опять.

* * *

В палате, где находилась Ксения Ивановна, был послеобеденный тихий час. В это время особенно остро вспоминалось прошлое. Женщина подумала, что она может рассказать соседкам историю своего замужества. Конечно, рассказывать не все, выборочно. Когда все проснулись, Ксения торжественно объявила, что сегодня ее очередь рассказывать смешную историю:

– Я расскажу, как выходила замуж. Конечно, это было давно.

Спорить никто не стал, и рассказчица продолжала:

– Меня мой муж украл. Посадил на коня впереди себя и вечером увез в соседнюю деревню в свой дом... А потому, что мама у меня была строгая, не разрешала выходить за Алешу. Уперлась, и никак не упросить ее было.

– Я извиняюсь, а ты, наверное, уже ребяточка ждала... – утвердительно спросила Наталья Федоровна.

– Нет! Я девушкой вышла за Алешу, – с робким достоинством возразила Ксения. На минуту задумалась, затем продолжила: – Мне очень надо было выйти за него замуж!

Она судорожно придумывала, как обойти в рассказе факт, что ее муж служил у немцев. Решила сократить историю и заострить внимание на смешном случае:

– Очень понравился жених моему брату Коле. Ему тогда было, дай Бог памяти, лет двенадцать. На то время мой Алеша ездил на коне, машин-то не было. Звали коня – Кочубей. А у брата моего была

мечта – прокатиться на Кочубее. Конь действительно был необычный. Все люди, даже в соседних селах, знали Кочубея и гадали, откуда взялся такой красавец. Старые бабки шептались, будто Алексей заложил душу дьяволу за своего коня. Глупость, конечно, но то, что Кочубей не раз спасал жизнь своему хозяину, – правда...

Валентина Петровна, считавшая себя автором посиделок, заметила:

– Интересно ты, Ксения, рассказываешь, но давай смешное. Таков был уговор, а то наша Верка уже начала похрапывать.

Вера, любившая рассказывать про своих гусей, вздрогнула, протерла глаза, оправдываясь:

– Нет-нет! Я не сплю! Это я от света глаза закрываю, чтобы не резало. Я все слышу!

Ксения во время паузы продумала, что можно рассказать, и продолжила:

– Ну, значит, привез меня мой Алеша в свой дом. Жил он с матерью и старшей сестрой Павлинкой, отца не было – умер давно. Меня представил честь по чести – мол, моя жена, не обижайте. Свадьба будет позже... Свекровь поняла, что что-то не то, стала выпытывать. Когда узнала правду, отправила Алешу к моей маме просить прощения. Но меня не обижали, нет. На второй день Алексей поехал в наше село, по-тихому встретился с Колькой. Брат у меня смысленный мальчишка был. Он-то и посоветовал Алеше преподнести в подарок будущей теще... селедку: «Ты только, дядя Леша, ищи селедку потолще. Спинка у рыбины чтобы была широкая. Мама ее ну очень любит! Тогда настроение у нее хорошее, и она со всем соглашается...» Мама моя, царство ей небесное, больше всего любила селедку. Но где ее в то время было взять? Но Алеша достал. Снарядила нас свекровь. В кошелку положила подарки: хлеб-соль и главное – селедку. И вот вечером оседлал Алеша Кочубея, меня посадил впереди себя, и посакали мы в Зорянское. Колька уже ждал во дворе, ему главное было поухаживать за Кочубеем. Мы с Алешей зашли в дом. Я сразу же на колени встала перед мамой, а муж сначала развернул подарки так, чтобы на виду была селедка... Простила нас, конечно, мама и благословила. После сказала Алеше: «Да отдала бы я Ксюшку уже и без селедки. Ты же целую неделю с ней как с женой жил. Куда же мне ее теперь пристроить? Бери! Но за селедку спасибо, ублажил!..»

После паузы рассказчица добавила: «Мудрая была у меня мама!»

– Ксюша, а свадьба все-таки была? – заинтересованно спросила Кизлякова. – А то ведь я знаю, как раньше было строго! Раз уже была с мужчиной, так и никакой тебе свадьбы! Так, вечеринка только для самых близких.

Уставшая от воспоминаний Ксения Ивановна, уже жалеющая, что начала рассказывать сокровенное, коротко закончила:

– Да. Именно так и было. Вечеринка.

Все замолчали, чувствуя недосказанность. Рассказчица отвернулась к стенке, намереваясь отдохнуть. Кизлякова скорбно высморкалась в громадный носовой платок.

Подошел излюбленный Ксенией час, когда все засыпали. Она сама в последнее время мало спала, справедливо полагая, что на том свете скоро отоспится. И вот, когда в комнате воцарялась тишина, появлялось ощущение, что живет она одна, в своем доме. Прошлое приобретало реальность, и ее жизнь будто проживалась заново...

* * *

Ее Алешу все считали предателем. И она поначалу так думала. Как же – начальник полиции всего района, якшается постоянно с немецкими офицерами! Особенно мать Ксении Александра в гнев выговаривала:

– Мои сыновья воюют против полицаев и предателей! А сестричка – в постеле под немецким прихвостнем!.. – Александра широко крестилась на образ в углу.

Когда Алеша привез ее к себе в дом, свекровь, покоровшись обстоятельствам, командовала Павлинке постелить молодым в большой пустовавшей спальне. У Ксюши от стыда горели не только щеки. Минутами она даже впадала в беспамятство, потому что не помнила, как оказалась в спальне. На кровати лежала толстая перина; девушка сидела, утонув в ней, не доставая ногами пола.

Алексей, чтобы занять себя, чистил фитиль в зажженной на столе керосиновой лампе. Пытающийся придать обыденность ситуации, бодро говорил:

– Вот смеху было бы, узнай кто-нибудь, что мы с тобой не настоящему...

И замолчал. Что-то его заставляло беспокоиться и суетиться без меры. Именно это неизвестное «что-то» злило. Он никогда не испытывал недостатка в женщинах. Был беззаботен в обращении с ними. Разве что последняя Валька доставила ему некоторые хлопоты, но и их он решил легко, в два счета. Чего же сейчас он волнуется?

Алексей положил на стол карманные часы. К часовой цепочке были прикреплены Ксюшины бусы.

– Наверное, понял, что дорогая вещь, ишь как бережет, – думая совершенно о другом, отметила Ксюша.

А он стал демонстративно раздеваться. По ходу Алексей пояснил:

– Как решишь сама, так все и будет. Я тебя склонять ни к чему такому не буду! Не в моих правилах!

Затем игриво добавил:

– Хотя мог бы. Все-таки нас считают мужем и женой!

А Ксения ничегошеньки не могла решать. Утонувшая в мягкой перине так, что видны были только голова и плечи, в панике придумывала Ксюша, как повести себя с Алешей... У Ксении до сих пор и парня-то не было. Женихались многие, но чтобы остаться с каким наедине – и в голову не приходило! Девушка судорожно стала вспоминать Зинкин рассказ, как та завлекала Сашку Зимина. Зина тогда втихаря оторвала верхнюю пуговицу на блузке и ее груди открылись во всей красе! А у Зинки было чего показать! У Ксюши такого богатства и в помине нет. И одета она не в блузку, а в платье, и пуговицы сверху тоже нету...

Решила Ксюша делать все так, как Алеша. Увидев, что он раздевается, она задрала платье на голову и, барахтаясь в перине, пыталась стянуть из себя одежду.

Алексей, увидев, с облегчением подумал: «Бойкая оказалась деваха! Раздевается даже при лампе. Нет чтобы задуть огонь».

Но раздеться Ксения не смогла. После долгих манипуляций платье полностью опутало ее голову, мягкая перина сводила на нет все усилия, и девушка взмолилась:

– Алеша, помоги снять платье! Хотя бы с рукавов, а дальше я сама.

Алексей, хмыкнув, быстро вытряхнул девушку из платья, и та моментально зарылась в спасительную перину. Лампу потушили. Молодые легли спать, как и положено мужу и жене.

Наверное, если бы Бойчук знал наперед, что его ожидает, он бы откrestился от этой девицы... Но, как всегда говорила его мама: «Планида твоя, сынок, такая!»

– У тебя что, никого не было до меня? – спросил молодой муж.

Ксения, чувствуя себя преступницей, испуганно переспросила:

– Где... не было?

Так и подмывало Алексея показать то место, где именно никого не было!.. Но он лишь безнадежно махнул рукой, затем обнял жену, положив ее голову себе на грудь и обреченно произнес:

– Ладно, спи давай! Чего уж теперь!

А она уже любила его. И ни о чем другом не думала. Забыла о войне, полициях и предателях. Главное – чтобы ему понравиться! У него вон какие красавицы были в подружках!

А утром он уехал, и не было его три дня. Первый день Ксении прошел весь в хлопотах. Надо было застирать простынь и высушить,

чтобы свекровь не видела. Помогла Павлинка. Но свекрови доложила. Та отнеслась милостиво, узнав, что невестка пришла в ее дом девушкой. С тех пор называла Ксюшу только дочкой. А следующие два дня Ксюша металась, не находя себе места:

– Я ему не понравилась! Не хочет меня видеть...

Павлинка видела, как мается невестка, пыталась ее успокоить:

– Ксюня, ты так не переживай. Он, бывало, и по неделям домой не приходил. Дел много, он же на весь район... – Павлинка запнулась и то ли с гордостью, то ли с осуждением, закончила: – Один такой у нас.

* * *

Алексей действительно в это время мотался по району, проверял списки отправляемых в Германию, рассматривал жалобы, принимал в ряды полиции желающих служить немцам. Последние поносили коммунистов и их власть в ожидании одобрения от Алексея. Но мысли его были заняты своими, теперь уже семейными, делами. Мучила мысль, что скверно он поступил с этой девицей, а теперь уже женой. На следующей неделе их зарегистрируют в сельсовете, он уже договорился. Тогда сможет убрать ее фамилию из списка отправляемых в Германию. Не предполагал Алексей, что хомут на его шею как-то сам собой наденется. Нельзя себя связывать никакими узами. Правда, подписки он не давал, но это само собой разумелось. По первому зову, приказу, он может исчезнуть для родных...

Не думал Алексей, что обычная девушка, пусть и симпатичная, сможет целиком залезть в его душу и по-хозяйски расположиться там. По-видимому – навсегда. А главное, что и она, получается, только его одного ждала! Вон, за эту ночь совсем родной стала.

Бойчук отогнал от себя тревожные думы. По жизни он был легким человеком, долго смуту в душе не держал. Вполне вероятно, что это качество было учтено при определении его деятельности.

А сейчас ему надо зайти к гадалке Нюре. Она жила в Зорянском, откуда Алексей вывез свою Ксюшу. Кроме гадалки, другой связи у Бойчука не было. Перед приходом немцев ему было указано лишь одно место, где мог оставить заслуживающую внимания новость или получить указание. Признаться, он до сих пор не принимал всерьез эту гадалку. До войны она работала завхозом в школе и величали ее Анна Кирилловна. В миру, особенно для школьников, – тетя-Нюра. Когда впервые Алексей зашел к ней и обратился по имени отчеству, женщина ворчливо отмахнулась:

– Нюра я! Гадалка. Можно – баба Нюра!

Тогда Бойчук понял, что все серьезнее, чем он думал. Баба Нюра изъявила желание гадать господам офицерам. Так и сказала:

– Подскажи своему начальству, что я угадываю судьбу хоть по руке, хоть по картам. А мне всё выгода – может, кусок рафинада кто оставит.

Баба Нюра лихо управлялась со своей специальностью, и со временем стали к ней иногда парами (если нужен был переводчик), а то и втихаря друг от друга, шастать солдаты и даже офицеры. Промышляла она и самогоном. Шнапс бабы Нюры пользовался популярностью у немцев.

Алексей знал твердо: если у него происходило что-то непредвиденное, он обязан донести это до Нюры. Что он сегодня и сделал. Гадалка как раз провожала посетительницу, напутствуя на дорогу:

– Степанида, казенный дом – это не плохо. Лежит где-нибудь парень в лазарете, подлечивает здоровье. Жди, на побывку приедет, там же шестерка червонная выпала, это к дороге.

Увидев Бойчука, баба Нюра запричитала:

– Давно милоч не заходил. Садись, погадаю!

Дверь закрыла и села напротив Алексея, ждала, что скажет.

– Анна Кирилловна, женился я, – помолчав, добавил: – Так получилось. Это ничего не меняет, но у меня будет к тебе просьба: если вдруг... ну, мало ли что... когда-нибудь позже ты скажешь моей Ксене все?

Женщина молча тасовала карты, по привычке разложила и сердито сказала:

– Не будет никаких «вдруг»! Карта так показывает! Еще чего придумал? Придет время, сам все и расскажешь своей Ксюше. Это Яворская, что ль? Стоящая девка. Иди, у меня дела. Да оставь что-нибудь! Задарма не гадаю!

Бойчук на край стола положил в яркой обертке леденец из немецкого пайка и вышел.

Дома Алексей появился уже в хорошем настроении. Ксюша, увидев его, расцвела. Забыв про стоявших рядом свекровь и Павлинку, кинулась мужу на шею. Опомнившись, покраснелась вся, бросила в пространство: «Ой, извиняюсь!» После ужина, оставшись наедине с женой, Алексей, глядя ей в глаза, серьезно произнес:

– Главное, краса, никого не слушай! Верь только мне! Договорились? Позже я скажу имя одной женщины на случай – вдруг меня не окажется рядом, она поможет...

Ксения глядела на своего Алешу, как на икону Божью, а про женщину она даже не расслышала.

Через какое-то время стало понятно, что у молодых будет ребенок.

* * *

Мать Ксении Александра в конце концов смирилась с ее замужеством. Вернее – покорилась. Большой позор был в то время для девицы сбежать из дому с мужчиной. Если девушка все-таки выходила за него замуж, это хоть в какой-то степени спасало семью от бесчестья. Хотя для их семьи неизвестно, что было бы лучше: с завидным постоянством по утрам на воротах их двора красовалась немецкая свастика, намазанная жирным мазутом, чтобы не отмыть. Александра тогда сказала дочери:

– Забирай своего проходимца и уезжайте в его село. Может, нас оставят в покое.

После замужества дочери Александра избегала называть зятя «полицаем». Не из добрых к нему побуждений, а лишь бы это слово не звучало в ее доме...

* * *

Все обитательницы пятой палаты, кроме Ксении, спали. А она все думала о своих дочках – Наташе и Лене.

Да, они не часто звонят. Последний раз Наташа звонила полтора года назад, когда Ксения Ивановна еще была зрячая. Ну и что? У них же свои хлопоты – дети, внуки!

Наташа – старшенькая. В середине войны родилась. Имя давал Алексей. Приходил вечером домой и первым делом целовал своей Талочке сросшиеся пальчики на ножках. Она родилась с «Божьей отметкой», как сказала свекровь, – на обеих ножках сросшиеся средние пальчики.

А уж как Алеша любил Наталочку, хоть и старался не показывать! Тихонько, думая, что никто не слышит, называл ее «птенчиком»...

* * *

Обитала в «Зорьке» своя долгожительница, баба Миля, давно потерявшая счет годам. Чувствовала она себя довольно бодро и передвигалась еще без посторонней помощи. По документам Криницкой Меланье Андреевне, одинокой и не имевшей родственников, было девяносто шесть лет. Ее перевезли из соседнего района, где дом престарелых закрылся, и вскоре баба Миля стала достопримечательностью приюта «Зорька». Когда приезжали чиновники с очередной проверкой, директор Кружков считал своим долгом завести их в палату долгожительницы, – вот, мол, как долго живут наши старики. Было бы плохо – помёрли бы давно! А баба Миля первым делом сообщала гостям, что «Наши-то погнали фрицев от деревни

Черемушки! Скоро и до Берлина дойдут! Тогда и мой братик Ванечка с фронта вернется. Дом-то надо отстраивать, пепелище одно осталось!»

Гости растерянно поглядывали друг на друга, а директор Игорь Васильич, боясь, как бы долгожительница не стала призывать начальство на фронт «За Родину, за Сталина!», торопливо соглашался:

- Да, Меланья Андреевна, скоро дойдут! – И поспешно уводил проверяющих посмотреть новую пристройку, а после приглашал «перекусить, чем Бог послал, время-то обеденное».

Ближе к осени баба Миля приказала долго жить. Ушла легко, никому не доставив хлопот. Последними словами ее были:

– Война закончилась, победа! Слава Богу, дождались!

Медсестра Настя (все произошло в ее дежурство), вытерев набухший от слез нос куском бинта, сетовала:

– Я отошла всего на пять минут взять новый шприц. Баба Миля меня сама отослала. Сказала: «Не сиди со мной, иди на парад. Там победа, салюты дают!» А когда я вернулась в палату, она спокойно лежала с закрытыми глазами. Я поначалу подумала, что бабушка уснула...

* * *

Подошло послеобеденное время, когда Ксения так любила погружаться в воспоминания. Они были для нее более живыми, чем ее теперешняя жизнь. Женщина высвобождала руку из-под одеяла, брала в ладонь свой оберег и будто здоровалась со своим Алешей. Этот маленький розовый камешек всякий раз заряжал ее верой – она обязательно встретится со своим мужем! Для этого живет так долго...

Он привез ее тогда с трехмесячной дочкой в Зорянское, проведать родных. Спешил, даже не сел поесть, хотя Александра собрала на стол угостить зятя:

– Извините, мама, очень спешу. Как-нибудь потом посидим, поговорим.

Повернулся к жене и буднично бросил:

– Ксюша, проводи меня до ворот!

Она провела мужа, хотела было спросить, во сколько придет вечером ужинать и придет ли вообще, но на полуслове замолчала. Как-то иначе, чем всегда, глядел на нее Алексей. Она даже струхнула и встревоженно спросила:

– Я что-то не так сделала, да, Алеша?

А он, все так же глядя, ровным голосом произнес:

– Краса моя, сейчас скажу то, что никогда не говорил: люблю тебя! И Наталку нашу люблю! Только помни это! Хорошо? И еще знай – я вернусь обязательно, что бы ни произошло!

Потом он ее обнял и поцеловал. Крепко поцеловал.

Всю последующую жизнь Ксения корила себя, что не схватила его тогда изо всех сил за руки, за одежду... да не затолкала в чулан или в погреб... да хоть на печку! И никуда не пустила!.. Она же, дурище, так столбом и стояла. А муж тем временем быстро вскочил на Кочубея и уехал.

Ужинать Алексей не пришел. Он больше не пришел никогда.

В дальнейшей Ксюшиной жизни один только раз ее назвали «красой», после чего она терпеть не могла это слово.

* * *

Стоял 1943 год. Последние дни в селе было тревожно. Немецкие солдаты, пребывающие раньше в относительно мирном настроении, озлобились, ходили по домам с обысками. Участились аресты. Прошел слух, что немцы забрали гадалку Нюру, что для жителей Зорянска стало полнейшим удивлением. А Ксения только собралась пойти к бабе Нюре погадать – что-то Алеши долго нету. Она неделю с ребенком гостит в Зорянском, уже пора бы и домой, к свекрови.

Утром встревоженный Колька забежал в дом, гневно выкрикивая:

– Погодите, сволочи! Получите! Вот только дядь-Леша придет!

На воротах их двора мазутом было написано: «Здесь полицейская шлюха».

Ксению охватила тревога. Не из-за надписи на воротах, она на это давно не обращала внимания! Алексей не появлялся в Зорянке целую неделю, и ее обидчики осмелели. «Что-то случилось!» – твердила женщина. И засобиравшись в Озерки к свекрови. Может Алеша там, а приехать за Ксюшей не может, занят. Александра напутствовала на дорогу:

– Будет ехать какая подвода – просись, чтобы подвезли. С ребенком не откажут. А если не подвезут, и так дойдешь, недалеко. Водички с собой возьми. Да в дороге дай сиську ребенку, чтобы спала. На обочине сядешь где-нибудь на травке, – слава Богу, тепло, сухо.

Ксении повезло на половине пути. На развилке со стороны Дубков выехал старик. Старая кобыла, слепая на один глаз, с натугой везла телегу. Ксюша, пожалев животное, даже не стала проситься, чтобы подвезли, но возница сам остановился:

– Если в Озерки, садись с ребенком, поедем!

Старик взбил солому, подготовив место пассажирам, подержал ребенка, пока Ксюша устраивалась, и они тронулись в путь. Ехали молча, возница был неразговорчив. Ксения старалась отогнать от себя самые худшие предположения:

– Приеду, а Алеша – дома. Допустим, Кочубей сломал ногу, может же такое быть? Поэтому не смог муж за мной приехать.

Со стороны Озерков по дороге им встретились две женщины. Сами остановились и взволнованно, наперебой стали жаловаться:

– Ой, что творится в Озерках! Лучше сейчас туда не ехать! Немцы озверели. Заходят в каждую хату, перерывают все вверх дном, ищут Бойчука. Он у них был начальником полиции, а склад с оружием отдал партизанам. И сейчас немцы убивают всех его родственников. Говорили, что он, якобы, в лес убежал, но немцы вернулись из леса, сказали, что нашли Бойчука и убили.

Рассказ женщин неожиданно прервался детским плачем. Ксения выронила ребенка из рук, и он, плачущий, так и лежал на соломе...

Старик развернул лошадь, довез Ксению до развилки и поехал обратно. Ксюша по инерции пошла по направлению к своему селу. Ребенок не плакал, но и не спал. Еще не определившись с цветом младенческие глаза пристально смотрели в лицо Ксении, не выражавшее никаких эмоций.

– Что-то я должна сделать! – первая мысль мелькнула в голове.

Затем Наталья захныкала, потом откровенно зашлась плачем. «Мама говорила – покормить в дороге ребенка!» – наконец догадалась Ксения и присела на траву на обочине. Вокруг ни в одну, ни в другую сторону никого не было видно. Женщина, вынув теплую сухую пеленку, перепеленала ребенка; девочка уснула.

Постепенно в голову возвращались холодные, будто чужие мысли. То, что ее жизнь оборвалась, это она почувствовала, еще сидя на телеге. А другая жизнь, которая у нее на руках, зависит полностью от Ксении. Она посмотрела на ребенка чужим взглядом, будто со стороны. На детском личике, около крохотных губ Ксюша вдруг четко доглядела Алешину черточку... И все вспомнила. Нет, она не будет плакать! Сказал же, что обязательно вернется. Брешут немцы, что убили!

Каково ей будет жить, бывшей жене полиция, старалась не думать. На поле под самым селом стояла скирда соломы. Женщина выбрала солому, сделав углубление, и расположилась там с ребенком до вечера. Явится домой, когда стемнеет. Первое время придется не показываться на люди.

Только поздно вечером зашла Ксюша с ребенком в дом. Коротко

рассказала, что знала. Мать запричитала, вытирая слезы. Колька и Лидка с испуганными лицами сидели рядышком на лавке, поперек кровати хныкал распеленутый ребенок. Затем Александра взяла себя в руки и сурово промолвила:

– Видит Бог, я была против такого зятя! Но кто же меня слушает? Видать, доля такая. А немцы когда уйдут – от своих житья не жди! Сиди, Сенька, не показывайся на улицу с ребенком! Пусть думают, что тебя нет.

* * *

Через три дня немцы оставили село. Удивительная метаморфоза произошла с дедом Захаром. Несмотря на презрительное отношение сельчан, он, как ни в чем не бывало, продолжал исполнять начальствующую роль на селе. Но при этом ругательски поносил фашистов-захватчиков. Его Настя ходила по соседям, пытаясь обелить мужа. Поджав губы, напустив таинственности в глаза, баба Настя многозначительно изрекала:

– Думаете легко было моему Захарку служить и нашим и вашим? Для такого дела большой ум нужен. И орден надо давать!

Возмущенные бабы, чьи мужья и сыновья на фронте, в ярости набрасывались на Настю:

– Что ты, Настунька, заливаешь? Предатель он, твой Захарко! Сколько людей отправили в Германию по его доносам! И судить его будут как предателя, когда вернется Советская власть!

Александра ворчливо начала выговаривать Ксюше:

– Всю одежду отнесла к свекрови! Явилась домой, как липка ободранная. В чем ходить будешь?

– Мам, ну куда же мне идти, если не домой? Не думала я, что так все обернется!

Александра сердито воскликнула:

– Ты же говорила, что твой Бойчук во всем поможет! Где он? Вон, в люльке лежит вся его помощь!

Ксения старалась не заплакать; как могла, благодушно ответила матери:

– Я уже надумала, мама. Завтра мы с Колей раненько, в пять утра, выйдем и через два часа будем в Озерках. А там огородами, незаметно подойдем к дому. Немцев уже нет, особо бояться нечего. Если удастся – спрошу соседей, что и как. А ты с Наталей побудешь день. Я молока сцежу в стакан, и там еще есть хлебушек. Пожуеть его и в узелке дашь ей пососать, она любит.

Александра не выдержала, заворчала:

– Ты еще поучи меня, а то я не знаю...

* * *

Ксюша с братом, как настоящие лазутчики, сразу не стали заходить в дом, а спрятались в бурьяне понаблюдать, что и как. Двор был разгромлен, никого не было. Заваленная на бок, лежала пустая собачья будка. На кустах и в траве хлопьями снега белели птичьи перья. Взгляд Ксении наткнулся на вытоптанные цветы. Весной она посеяла грядку цинний, в народе их называли «майорами». Они только начали цвести, да как! Всеми красками радуги. Соседи приходили специально полюбоваться – ни в одном дворе такой красоты не было. Сейчас на грядке остался один, чудом уцелевший, стебель без листьев с однобоким цветком на макушке, напоминающий вопросительный знак... Ксения взяла за руку брата и уже не скрываясь, зашла во двор. Она никак не могла отвести глаз от уцелевшего цветка, так напоминающего ее саму. На какое-то мгновение даже захотелось его сорвать и затоптать...

На входной двери висел знакомый замок, но открыть его было нечем. Когда Ксения уходила отсюда последний раз, в доме оставались все родные и брать с собой ключ было ни к чему. Она вспомнила – Павлинка когда-то показала место под собачьей будкой, где в углублении лежал запасной ключ.

– Коля, пойди, поищи, где стояла собачья будка. Там должен быть ключ!

Брат с тревогой в голосе спросил:

– Сеня, а Шайтан где? Вон, цепь лежит, видно отсюда, а собаки нет!

– Наверное, мать с Павлинкой с собой его забрали. Я так думаю, они все у дяди Антона.

Пока Колька искал ключ, Ксения от нетерпения пыталась заглянуть в окна. Яркие лучи от начинавшего подыматься солнца блестяли на стеклах, мешая что-либо разглядеть. Брат задерживался, Ксюша не выдержала, спросила:

– Коля, нашел? Если нет, придется идти к дяде Антону!

Парень подошел и, отвернув голову, чтобы не глядеть на сестру, протянул ключ.

– Ты чего, Коль? В чем дело? Плачешь, что ли?

А Колька не выдержал и в открытую зарыдал. Сквозь всхлипы Ксения расслышала:

– Там... там лежит Шайтан! Убитый! И кровь засохшая, а глаза не закрыты-ы!

Ксюша прижала к себе мальчика так, чтобы заглушить его рыдания и, приглаживая растрепанную голову, напомнила:

– Ты мужчина, забыл? Если так плачешь, что мне остается делать, как думаешь?

Колька, вытирая кулаками глаза и нос, оправдывался:

– Он мне уже лапу давал, я научил. Но слушал всегда только дядь-Лешу. Знаешь, как жалко Шайтана...

Ксения с грустью привычно ответила:

– Знаю. Возьми лопату в сарае и около будки схорони его.

– Хорошо, Сеня, ты иди в дом, я сам все сделаю!

Зайдя в дом, Ксюша поняла, откуда во дворе перья, – все перины и подушки были вспороты. Полы и мебель покрыты пухом. Женщина зашла в спальню, усыпанную перьями так, что ничего не было видно. Лишь в углу, над кроватью под потолком виднелся Божий образ. Расшитый красным и черным крестиком рушник обвивал икону со всех сторон. Ксения остановила взгляд на Божьем лице, единственном предмете, которого не коснулся погром.

Обложенный вокруг блестящей фольгой, лик равнодушно взирал на нее. Ксения перекрестилась, глядя на икону. Потом, подумав, еще два раза осенила себя крестом, вспомнив, что мать учила креститься три раза. Затем стала судорожно придумывать, как бы попросить Бога о самом сокровенном? С чего начать? Стала говорить то, что думала:

– Боже, прости, что не молюсь Тебе! Я умею «Отче наш», мама научила. Приду домой и обязательно помолюсь. А сейчас прошу Тебя, Господи, сделай так, чтобы мой муж, Бойчук Алексей Гаврилович, был живой. Ты же знаешь, он никому зла не сделал! А люди этого не знают и говорят о нем что ни попадя, а все – неправда!.. И даже, Господи, если он не будет рядом со мной жить, а где-то в другом месте, все равно, пусть будет живой!

В порыве благодушия Ксения хотела было добавить: «Пусть даже с другой женщиной, лишь бы был живой!» Но вовремя остановила себя, не став играть с огнем, – вдруг Бог ее депешу примет дословно! И стала креститься – три раза, как мама учила.

Ее просьба к Господу сопровождалась обильными слезами, которых Ксюша не вытирала, – руки были заняты в молитве...

В это время скрипнула дверь и со словами: «Есть кто живой в доме?» – зашла старая бабка Дарья, жившая по соседству. Увидев Ксению, она несколько раз осенила себя крестом и испуганно воскликнула:

– Свят-свят! Сгинь, нечистая сила!.. Или это ты, Ксюня?! Живая?! А все думали, что тебя немцы тоже... ну, того... убили. Антон ходил искал тело. Они с Катериной хоронили всех ваших, кого убили, – бабка шарила любопытными глазами по всей комнате, не забывая рассказывать. – Почти весь ваш род, девонька, немец уни-

чтожил. Все из-за Алешки. Что-то он им не потрафил. Говорили, он, вроде, как бы передал партизанам разные оружия с немецкого склада... Перебегал из хаты в хату, пока не добрался до леса. Даже я видела со своего курятника. Я там пряталась. Ну, а в лесу его, якобы, немцы настигли и убили. Вишь, как он все время притворялся. Вроде бы и немцам угождал, а оружие, ишь ты, партизанам отдал! Так все говорили. Ну а я-то давно знала, что Алешка – хитрющий парень! Как же, на глазах у меня вырос, да будет немцам угождать!.. И све-крови твоей – царствие небесное! Не выдержала Марфа такого, на второй день Богу душу отдала. Говорят – сердце не выдержало. А я говорю, это у Марфы заболели нервы, вот и померла. У нас все от нервов идет... А Павлинку Катерина Антонова забрала к себе. Они, Антон и Катька, эту бойню пересидели в силосной яме. Так и спаслись. Ну вот, вроде все тебе рассказала... Притомилась немного... А ты, значит, живая?

Ксения за все время рассказа соседки не произнесла ни звука. Страшные сообщения оглушили, и она перестала что-либо чувствовать... Зашел Колька, поздоровался, спросил у сестры, что делать дальше. Ксения перевела пустой взгляд в пространство и неизвестно кому пожаловалась:

– Не знаю, как жить, забыла, не могу вспомнить...

Старушка, с опаской поглядывая на Ксению, суетливо засобира-лась домой, бросив на ходу:

– Ну, девка, ты того... не дури! У тебя дитё. – Затем проворчала: – Не вспомнит она! Ишь ты! А я вот помню, как в тридцать третьем человечину ели!

И, уходя, так грохнула дверью, что Ксюша вмиг отрезвела. Она попросила брата помочь завязать на два конца большой платок. Туда положила то, что смогла отыскать, – несколько юбок, две домоткан-ные сорочки, фартук. В сенях на гвозде висел плюшевый полушубок. Его Ксения также сунула в узел. Затем послала брата вынуть из замка ключ, чтобы взять с собой. А будут уходить, замок защелкнут. Чтобы ключ не затерялся, решила его положить в карман полушубка. Когда клала, пальцам попало что-то твердое, будто высохший горох. Ксюша выскребла все из кармана, поднесла к глазам и громко вскрикнула: «Ой, мамочка!»

Колька испуганно бросился к ней, но увидев, что сестра увлеченно рассматривает на ладони какие-то камешки, успокоился. Кажется, это камни из ее бус, у нее такие были, он помнит. Но затем Ксения поднесла ладонь ко рту и стала целовать бусинки. Парню это было совершенно непонятно, он хмыкнул и деликатно напомнил:

– Сень, давай домой двигать! Тучи собрались, вот-вот дождь пойдет. Собирайся быстрее!

Ксюша ошалелыми глазами посмотрела на брата и немислимо радостным голосом выдала:

– Живой мой муж! – Затем взъерошила волосы на Колькиной голове и твердо заявила: – Не убили твоего дядь-Лешу!

Крепко сжатый кулак с камешками Ксюша положила себе на грудь, будто хотела вдавить внутрь себя...

Колька с опаской глядел на сестру – он слышал, что иногда от горя люди становятся дурачками. Как Дунька Матвейха у них в селе. Получила похоронку на своего Матвея и сына Володьку и с тех пор цветов в волосы натывает, якобы она невеста, и ходит по селу, просит всех на свадьбу. Коля испугался и, чтобы не тревожить сестру (где-то он слышал, что с «такими» надо во всем соглашаться), мягко сказал:

– Ладно, Сенья, хорошо, что живой. Пойдем домой!

– Коля, ты не понял! Не бойся, я не сошла с ума! Вот послушай: Лешка прикрепил мои бусы к своим карманным часам. Чтобы все время носить с собой.

Щеки Ксюши заалели, вспомнив, что сказал тогда ее муж: «Как гляну на часы, так твоим запахом и потянет...»

Николай осторожно спросил:

– И поэтому он живой? Не понимаю я, Сенька, что ты хочешь сказать.

– Да что же ты, бестолочь такая! Здесь половина камешков. Это для меня. Он надеялся, что я посмотрю карманы. Вторую половину Алеша взял с собой! Понял теперь?

Колька наморщил лоб, изображая натужную работу мысли и, сделав вид, что понял, согласно кивнул головой. Затем они забрали пожитки и отправились домой в Зорянское.

Пока Ксюша закрывала дверь, Колька забежал к соседке, та хозяйничала во дворе. Заглядывая в глаза старушки, с надеждой спросил:

– Бабушка Дарья, скажите, а конь Кочубей... не знаете где? Может, что слышали?..

Дарья разогнулась, приставила ладонь к глазам, закрываясь от солнца, и нехотя ответила:

– Считаю, нету Кочубея. Данилиха видела, как немцы уводили его с собой. – Помолчав, добавила: – Лошадь-то гладкая, откормленная – мяса много будет!

Колькино лицо жалобно скривилось, хотел было что-то возразить бабе Дарье, но, махнув рукой, покорно развернулся и, понутив голову, пошел к сестре.

По дороге Ксюша научала брата:

– Никому ни о чем не говори! Это очень опасно, понял? Затаскают в сельсовет на допросы. А то еще, упаси и отведи Господь, в энкаведе!.. Пусть думают все, что убили Алешу. Так даже лучше. Маме тоже не надо говорить

* * *

А еще через пару лет произошло событие, после которого все сомнения, возникающие иногда в мыслях Ксении относительно мужа, отпали начисто.

Однажды после обеда работу в поле пришлось прекратить – заладил дождь. Все стали расходиться по домам. У Ксюши с самого утра на душе было тревожно. Непонятно почему, тянуло домой. Казалось, так и полетела бы сию минуту! И сейчас она даже не стала набирать в рядюжку соломы, что негласно разрешалось всем. Так и побежала налегке по тропинке к своим огородам.

Забегала в дом, запыхавшись. Первым делом поспешила к колыбели. Наталя, крепко обняв руками свернутую из старого фартука куклу, мирно посапывала. Александра также прикорнула на топчане. Колька сидел за столом, чинил кнут – ремешок совсем износился. Тем не менее Ксюша осмотрелась вокруг, словно ища чего-то. Затем молча вопросительно взглянула на брата. Тот таинственно, приложив палец к губам, кивнул на дверь, приглашая Ксюшу выйти.

– Сень, это точно был посланный от дядь-Леши! – горячо зашептал Коля. – Только – тихо, чтобы мама не услышала. Она велела тебе не говорить об этом мужике.

Потрясенная Ксения опустила на стоящую рядом лавку и прерывающимся от волнения голосом слабо спросила:

– Где он, этот посланный?

– Не пугайся, пожелтела вся!.. Будешь трусить – ничего не расскажу!

– Говори, Коля, я не боюсь, – как могла спокойно, попросила Ксения.

– Ну, значит, заходит к нам в хату какой-то дядька. Сразу, как ты ушла в поле, он и пришел. Я еще не успел уйти на конюшню. Поздоровался. И спрашивает разрешения переночевать у нас до завтра. Говорит, что ему надо в Калиновку к родственникам, а идти не может, разболелась раненная нога. А сам глазами так и шарит по всей хате. Наталке дал конфету, вон там бумажка осталась на столе, увидишь. Еще спрашивал, а где мама девочки? Это значит – ты... А когда подходил к Натахе, совсем не хромал, я специально смотрел. Так что никакая нога у него не болела.

Колька сделал паузу. Жадно слушающая Ксения с нетерпением поторопила:

– Ну дальше, дальше, Коля! Где он, этот дядька? Почему думаешь, что он от Алеши?

– Ну, что – дальше? Ты же знаешь нашу маму... Сразу в крик: «Колюня, беги в сельсовет, все доложи и узнай, что за квартирантов раненых мне присылают? А если что, так и заяву напиши!» Пока я пробовал ее успокоить, дядька этот говорит: «Напрасно вы, мамаша, кричите», – и пошел к двери, а меня позвал: «Ты, парень, проводи меня до ворот!» Мама еще проворчала: «Нечего провожаться – собака на привязи!»

Николай замолчал. Ксюша глядела на брата и, казалось, не дышала. Она ждала еще чего-то. Между тем, Коля полез за пазуху, долго там чего-то шарил, в конце концов вытащил замусоленный узелок, медленно его развернул и протянул сестре красноватый камешек. Ксюша, подавив восклицание, протянула было руку, потом испуганно отдернула назад, будто от чего-то живого. Удивленный Колька стал увещевать сестру:

– Сенька, чего ты испугалась? Это же от твоих бус, помнишь? Даже я узнал! Бери, не бойся!

С той минуты Ксения ждала мужа днем, ночью, в дождь и слякоть. Двойную суровую нитку подлиннее продела в бусину из яшмы и повесила на шею. Так всю жизнь и носила вместо креста, спрятав на груди.

Однажды Ксюша осталась одна в доме, что было редко, и решила написать письмо Алеше. Вдруг еще придет посланец – она сможет передать весточку. Книга по агрономии осталась от бывшего постояльца-студента, проходившего практику в их колхозе еще до войны. Она вырвала из книги весь в подтеках лист, представлявший собой таблицу севооборота, и, выбирая чистые места, начала писать письмо, старательно зачеркивая химическим карандашом печатные слова.

После нескольких присестов, письмо, хоть и со многими исправлениями, было написано. Ксения любила его перечитывать.

«Добрый день, а может, и вечер, мой муж Алеша!

Во первых строках моего письма пишу, что мы с Натальей живы и здоровы, чего и тебе желаем. А еще очень хотим, чтобы ты приехал и был с нами и защитил нас от всяческих злых языков. Мне уже не впервой, что зовут ‘полицайкой’, а Наталя не понимает и думает, что это ее имя. А сама еще не все буквы выговаривает. Хуже всего в поле – никто не хочет со мной в паре работать. И обедать рядом никто не садится.

Но я все перетерплю, мой муж, лишь бы ты приехал. Твоего

посланца я не застала дома. Поэтому очень мне грустно, может, узнала бы, где ты находишься, есть ли там куда прислонить свою головушку? А за камешек от наших с тобой бус – спасибочки! Ношу его на шею вместо креста. Теперь точно знаю, что ты живой, и будто сил у меня прибавилось от этого!

Пишу письмо, Алеша, а послать его некуда. Но все равно пишу, легче становится, будто с тобой поговорила. Ты, Алеша, не обращай внимания на слова ‘овес’, ‘гречиха’ – это я не все позачеркивала, а листок вырвала из агрономической книжки, другой бумаги нету.

Заворачиваю это письмо в фартук, помнишь, в белых ромашках по синему полю, что подарил мне на Новый год? И прячу в закуток около печи, чтобы ты знал. Туда никто не залезет, он очень маленький. А выгашить письмо оттуда можно прутиком. Как будет минутка, что буду одна, – напишу еще.

Обнимаю тебя, мой родной муж Алексей Гаврилович. Твоя жена Ксения.

Писала вечером в пятницу, в Петров день.»

* * *

Война к тому времени закончилась. Возвращались домой те, кто остался жив. Вернулись Ксюшины братья – Саша и Петя. Прибыл Андрей Матюшин, чья гимнастерка была увешана медалями. Сразу же стал самым видным женихом в Зорянске.

Ксюша жила с убеждением: ее Алеша живой – но прятала это глубоко и вслух заикнуться не смела, даже своим родным. Все считали, что полиция Бойчука пристрелили его же хозяева – немцы. Многие добавляли: «Собаке – собачья смерть!» Единственная поддержка – брат Коля, достигнув призывного возраста, служил в армии. Отношения с Сашей и Петей не сложились. По прибытии им сразу же донесли, что пока они сражались за родину, родная сеструха стала полицейской женой. И приплод в доме имеется. Наверное поэтому братья вскоре женились и ушли из дому в «примаки». Лидка подросла и на людях стыдилась подходить к сестре, которую звали полицейайкой. Старая Александра, как всегда, ворчала: «Завязал аферист свет, а сам сгинул!» И довольно часто вымещала зло на маленькой Наталье, которая, по словам бабки, «вся в татуся пошла!»

С утра до вечера Ксюша работала в поле. Шла уборка урожая, горячая пора. Хотя какой там урожай, если два года подряд засуха? Всюду лютовал голод. На целый день Ксения брала в поле небольшую краюшку хлеба и половину луковицы. В тряпочке – щепотка соли. Запивала водой из бутылки.

Самой приятной порой для всех был обеденный перерыв. Настилали свежей, ароматной соломы, садились в круг, каждый со своей едой, и начинался обед. Поначалу Ксения пыталась присоединиться ко всем, но увидев, что рядом с ней никто не хочет садиться, уходила со своим узелком в сторону. Редко к ней присоединялась ее давнишняя подруга Зинка. Но в последнее время Зинаида не выходила в поле, наколола ногу – случился нарыв.

Однажды Ксюша привычно, поодаль ото всех, помостила соломы, застелив ее фартуком, и приступила к еде. Неожиданно, впервые за последнее время, к ней подошел Андрей Матюшин. В поле он был уважаемым человеком – работал комбайнером.

Ксения вся съежилась, ожидая нападков. Они не замедлили последовать:

– Ну так чем же твой полицай лучше меня? – Во взгляде Матюшина было презрение и злость: – А-а, понятно! Инструмент у него толще, чем у меня! Да, Ксюнька?

Лицо женщины залилось помидорным румянцем. Она давно забыла, как плакать, и лишь пристально, молча глядела в лицо обидчику. Матюшину стало неудобно. Пауза затягивалась, и Андрей, решив забить последний гвоздь, протяжно, с нажимом, выдал:

– С-с-ука! – и ушел.

До ушей Ксении донесся вопрос Володьки Лагутина, подручного Матюшина:

– Что, Андрюха, потянуло на полицейские обеды?

В ответ ему прозвучал отборный мат.

Вышла в поле после болезни Зинаида. Но почему-то так же стала избегать Ксению. А та, привыкшая к опале, не стала навязываться, хотя была удивлена. Поведение подруги Зины вскоре объяснилось. Как-то за ужином Лида, Ксюшина сестра, сообщила:

– Слыхали новость? Зинка наша выходит замуж за Андрюху Матюшина. Что только он в ней нашел? Разве что сиськи – как две тыквы? Девочек-красавиц полно, а он кикимору берет! Она ему совсем не пара.

Александра, убирая со стола, проворчала:

– А то ты – пара? Подрасти еще маленько такие разговоры разговаривать! – И, глянув осуждающе на Ксюшу, добавила: – Хватит нам одной замужней!

Ксения от всей души порадовалась за подругу, поздравила. На свадьбу не пошла, хоть и была приглашена, сказала больно.

С наступлением осени заладили дожди. Иногда в непогоду

устраивали выходной, в поле не шли. Для Ксении это была передышка от нападок. Но дома при постоянном брзужании матери покоя тоже не было.

В один из таких дней Ксюша взяла мешок, приспособив его на голову вместо накидки от дождя, и пошла в поле принести домой соломы. Надо было заготавливать на зиму. После уборки зерна, когда в поле подобрали все колосья (даже школьники помогали), колхоз выделил на каждый двор подводу соломы на трудодни. Лошадей не дожидаться – очередь, и Ксения, договорившись с бригадиром, носила солому сама, – благо, поле было сразу за огородом. В поле – никого, лишь настырный мелкий дождик не прекращался, умывая Ксюшино лицо. Подойдя к скирде, Ксюша первым делом надергала соломы и наполнила мешок. В образовавшееся углубление залезла сама, отгородившись со всех сторон.

Это были самые приятные минуты для Ксении. Здесь она могла вслух рассказывать мужу Алеше все новости. Иногда мечтала, также вслух:

– Ох и заживем мы с тобой, Алешенька! Только приезжай поскорее. Знаешь, наверное, будет лучше нам уехать. А то многие тебя так и считают полицаем. А сами-то в твой след не достойны вступить!.. Я так уже привыкла ко всем прозвищам – и внимания не обращаю. А чтобы тебя обзывали – ни-ни! Боже упаси! Обидно!.. Наталка наша растет. Мама говорит, что характер у нее твой. А чей же он у нее будет? Конечно, твой!

Очень хотелось Ксюше пожалиться, но не позволяла себе. А то придет домой совсем раскисшей.

Сегодня Ксения не мечтала. Она сидела в своем гнезде и упивалась покоем. Солома со всех сторон, если пошевелиться, – шуршит. А больше – никого. Никто не крикнет, не обзовет... Почему-то в последние дни нападки участились. Раньше все-таки к ней обращались по имени, а теперь иначе как «полицайка» не называли.

Ксюша закрыла ладонями глаза и, не ожиданно для себя, заскулила. Хлынули слезы. И казалось, не только из глаз, но и из носа... Последний раз она плакала в разгромленном немцами доме мужа, в Озерках, когда обращалась к Божьему образу. И, видимо, тогда все выплакала: с тех пор ее глаза были сухие, ни одной слезы. И сейчас она испугалась, заставила себя замолчать, лишь изредка всхлипывала и подвывала. Затем высморкалась в подол, вытерлась насухо рукавом и со злостью, громко, неизвестно к кому обращаясь, бросила:

– Ничего! Будет еще у меня все хорошо! Слышите, вы!?

Где-то там снаружи послышался шорох. Ксения испуганно замолчала, отняв руки от лица, выглянула из своего укрытия... Над

нею высился во всю мощь своего роста Андрей Матюшин. От испуга ладони женщины стали влажными, холодный липкий пот потек по спине вдоль позвоночника. Наверное, это отразилось на ее лице, потому что Андрей поспешил сказать:

– Ты не бойся. Не трону. Я подумал, щенок забрался в солому, скулит. У нас сучка оценилась. Только одного и привела. Уполз куда-то... А она ищет, воет все время.

Безмолвная, оцепеневшая Ксения так и сидела в своем убежище, ждала, чтобы Андрей ушел, не хотела при нем вылезать. А Матюшин не спеша достал из кармана клочок газеты, насыпал в него табаку и, сделав самокрутку, закурил. Между затяжками, избегая глядеть Ксении в лицо, с натугой произнес:

– Ты, того... Забудь, что я наболтал прошлый раз! Больше не буду... Понимаешь, злость меня разбирает! Все время перед глазами твое лицо! Думал, женюсь – все пройдет. Ни хрена, еще хуже!.. А Зинка – что?.. Она не виновата, знает все... С самого начала знала. А в тот день, как тебя обидел, – не мог уснуть. Вообще – кранты! Так я полстакана самогона на ночь хватил... Уснул, да-а. Но всю ночь Зинку называл Ксюшей и прощения просил... Представляешь? Утром Зинаида ушла к своей матери, до сих пор у нее живет. А я не могу глядеть, как тебя обижают. Аж руки чешутся – в минуту бы их разбросал! Это же надо, подлюки! Дитё полицейкой обзывать!

Матюшин замолчал, самокрутка за время его объяснения додымилась до конца. Андрей по привычке поплевал в ладонь и, потыкав окурком в слюну, бросил на землю, притоптав сапогом. Вытерев руки о полы пиджака, продолжил:

– Я не дам в обиду ни тебя, ни твою малявку! Кто попробует вас тронуть – со мной будет иметь дело!

Ксюша слушала, затаив дыхание: сколько времени ее никто не жалел – сто лет, двести? Хотелось, чтобы парень говорил и говорил, не умолкал. Она забыла, что это Матюшин, который недавно издевался над ней. Женщина машинально взяла Андрея за руку, пытаясь не пропустить ни одного слова. Тот перехватил ее руку и уже не отпустил. Втиснулся к ней в ее убежище и обнял. Не сильно, а нежно, как обнимал ее муж Алеша. Ксюшины глаза закрылись. Она ткнулась лицом в грудь Андрея, вдохнув мужской запах, еще успела подумать: «Рубаху надо выстирать Алешеньке» и потеряла сознание. Вернее – сознание было, но в другой реальности...

Она была с Алешей! Растворилась вся в нем, себя не чувствовала... Четыре года не слышала его голоса, не ощущала его рук... И вот сейчас наконец-то они вместе. От счастья поднялись ввысь, облако их подхватило и качает, как в мягкой колыбели... А почему он молчит, ее

муж? Пусть говорит дальше! Он, будто услышав ее призыв, глухим голосом произнес:

– Так ждал этого дня! – затем чуть слышно прошептал: – Краса моя...

Услышав слово «краса», женщина встрепенулась. Давно не слышала это от Алеши. Больше ее никто так не называл...

– А почему ты так долго не приходил?..

И вдруг стало тихо. Ксения не помнила, сколько длилась пауза и наконец открыла глаза. Над нею, глаза в глаза, виделось лицо Андрея Матюшина. Затем послышалась возня, парень поднял Ксюшу за плечи и посадил рядом, уже крепко прижав к себе.

– Зато сейчас, Ксенька, пришел! Ты выходи за меня, а? Вот прямо сейчас и выходи! Жалею я тебя сильно, понимаешь? Вот в чем все дело!

Застегивая на ней пуговицы от блузки, добавил:

– Хотя и так теперь ты моя жена! – и по-хозяйски отряхнул с плеч женщины солому.

Ксения молча опустила глаза и увидела зацепившуюся за пуговицу красную бусинку... И вдруг протяжно, с переливами завывла: «Не-ет!» Лихорадочно выбралась из убежища и побежала в сторону своего огорода. Бежала неровно, от спешки одну ногу подволакивая. Матюшин, сделав несколько шагов вслед за ней, остановился. Увидев Ксюшин мешок с соломой, хмыкнул, закинул его себе на спину и понес.

Александра вышла вечером закрыть сарай и увидела рядом с калиткой намокший мешок с соломой. Ругая безалаберность Ксении, она затащила его в сарай, расстелив солому на земляном полу для просушки.

* * *

Матюшин приходил. Много раз. Просил Лидку, чтобы позвала Ксюшу. И даже разговаривал со старой Александрой, склонив ее полностью на свою сторону. Не помогло ничего. Ксения не вступала в разговоры, не отвечала на вопросы – она замолчала.

Однажды Лидка вечером возбужденным голосом сообщила:

– Ну вот, Ксенька, дождалась! Уезжает Андрей со своей кикиморой куда-то далеко. Завербовались на стройку. А могла бы ты с ним уехать! И всем бы стало хорошо, а тебе с Натахой в первую очередь!

Ксюша мысленно ответила вопросом: «А муж мой вернется, на какой стройке будет меня искать?»

Зинаида с Матюшиным уехали. Со временем к ним пересели-

лась вся родня Андрея. Больше Ксения с ним не виделась. Еще через полтора месяца она узнала, что беременна.

В положенный срок Ксения родила свою вторую дочку – Леночку. Александра взывала к Богу:

– Да что же это творится, Господи? Одни байструки в доме! Второй ребенок – и без отца!

Затем взяла Ксению, что называется, «за грудки» и потребовала:

– Немедленно сообщи Андрею, что родился ребенок! Возьми адрес в сельсовете. Он сразу же примчится, я знаю. Сохнет он по тебе, дура такой!

Лидка в свою очередь наподдала:

– Ксюш, ну мы-то с мамой знаем, что отец Леночки – Андрей. Чего ты противишься, не понимаю?

Ксения с посеревшим лицом близко подошла к матери с сестрой и монотонно, будто читала по слогам, произнесла:

– Это Алешин ребенок! – И дальше глухо добавила: – Скажете кому про Матюшина – повешусь!

Повернулась на угол к образу и перекрестилась. Три раза, как учила мама.

Лида испуганно глядела на сестру, а Александра, замахав руками, будто отгоняя нечисть, приговаривала:

– Свят, свят! Никак девка умом тронулась! Окстись, Ксюня! Убили же его, мужа! Забыла?

Оробевшая повернулась к Лидке и распорядилась:

– Вечером ступай к бабе Фанихе! Пусть придет да почитает над ней! Скажи, мама просили. Лечить Сеньку надо. Прилестила она этого афериста! Вот мертвый к ней и ходит!

Оробевшая Лида прерывающимся голосом спросила:

– А что такое «прилестила», мама?

Александра сердито ответила:

– Ни к чему тебе это знать! – Затем, после паузы, видя, что младшая дочка напугалась, добавила: Это когда думать о мертвом как о живом. Вот мертвяк это почувствует и зачистит.

* * *

Баба Фаниха приходила несколько раз. Катала яйцом по голове Ксении, крестилась на образ в углу и начинала скороговоркой нашептывать заклинания. Иногда Ксюша улавливала отдельные фразы: «Ходи по долинам, ходи по байракам, ходи по лесам дремучим, а к рабе Божьей Ксении повернись спиной!» Затем плевала через плечо три раза, крестила Ксюшу и садилась за стол угоститься, чем Бог послал.

Что же касается рождения Леночки – так только Ксюша может правильно рассказать все Алеше... Она сумеет. Поэтому ни минуты не сомневалась, что Алеша поймет и будет девочку считать своей дочкой. К счастью Ксении, девочка личиком пошла в сестру Лидку. Отчество записали ей «Алексеевна». А как иначе? У Ксении в помыслах никого не было, кроме ее мужа!.. Ослабела она в тот момент. От одиночества ослабела. Алеша обязательно поймет все и простит. Хотя сама Ксюша считала, что и прощать-то нечего!

Странно, но после рождения второго ребенка отношение жителей Зорянска к ней переиначилось. Особенно у мужской части населения, которое признало, что Ксюнька – самая казистая девка в селе. Ее перестали называть «полицайкой», резонно рассудив, что мужик бабе нужен, а кто он – полицай или красноармеец, ей, то бишь бабе, все равно. Числится Ксения Яворская одиночкой, но двоих детей родила, значит – сговорчивая. И попытать удачи стоит, авось не откажет. Все сельские бабы ополчились против Ксении и обзывали «шлюхой». «Уж лучше бы полицайкой, как раньше», – горько ухмылялась Ксения и, как могла, отбивалась от ухажеров.

В один из таких тяжелых моментов женщина вдруг припомнила, что давно не получала вести от мужа. Она пытливо вглядывалась в каждого нового человека, появляющегося в селе, втайне надеясь, что это посланец от ее Алеши. Все было тщетно, и Ксюша запаниковала: «Дошло до Алеши, что родился второй ребенок! Муж уверен, что я изменила ему... Дура я, а как иначе можно это понять?! И что думала я до сих пор?» Ксения уставилась взглядом в одну точку, затем, делая паузы между словами, вслух произнесла: «Он ко мне не вернется!»

* * *

Однажды Александра позвала деда Павла починить в сарае загородку для свиней. Павло приходился Яворским сватом, так что за работу платить не придется – обойдется магарычем. Деду помогала Ксения – подавала гвозди, молоток. Когда подносила кусок горбыля, споткнулась и упала, больно ободрав ногу. Дед кинулся ее подымать, одергивая на женщине задравшуюся юбку. Именно в этот момент в сарай зашла жена деда, баба Павлиха с криком:

– Так вот какую работу тут работают! Ну что, старый кобель, попался? А ты, подлая, хоть юбку одерни да срам прикрой!

От свалившихся неожиданностей дед скороговоркой частил:

– Фроська, не дури! Не дури, Фроська!

Затем, придя в себя, разгневанный Павло крикнул:

– Ну-ка замолчи! Не позорь наши седые головы, карга старая! Тьфу! Выдумать такое!

* * *

Продумала Ксюша все тщательно и кое-что подготовила. Вместо лестницы она использовала куриный насест. Но в последнюю минуту шест от насеста не выдержал и оторвался, а Ксения с шумом и грохотом полетела вниз, крепко зажав в кулаке веревку. Она хотела перебросить конец веревки через балку и закрепить. Не получилось. Но хуже всего, чего так боялась Ксения, поднялся шум. В темноте всполошились куры, попадали с насеста на землю, хрипло орал петух. Скрипнула входная дверь хаты, – и вот уже идет с зажженным керосиновым фонарем Александра. Ксения, не дожидаясь вопросов, шагнула матери навстречу с объяснением:

– Хотела собрать яйца в гнезде. Да вот, заплуталась в соломе и упала. Смех один! Яйца подавила, вся юбка теперь скользкая!

Александра полным тревоги голосом воскликнула:

– Какие в темноте яйца? И почему куры орут? Я думала, хорь залез.

Ксюша ухватилась за спасительную соломинку:

– Да, мама, правда! Это точно – хорь! Но теперь он напугался и убежал. – Дочь заискивающе заглянула матери в глаза и предложила: – Давай закроем сарай и пойдем в дом!

Не слушаясь, Александра зашла в помещение. В углу светлым пятном выделялся ворох соломы. Рядом сбились в кучку всполошенные куры. Под насестом торчал конец оторванного шеста. Мать Ксении подозрительно озиралась вокруг. Слабый луч от фонаря скользнул по насесту и высветил веревку. Один ее конец змеей вился на земле, на втором была завязана крупным, с кулак, узлом петля. Она зацепилась за гвоздь и покачивалась как живая. Они увидели ее одновременно...

Ксюша, пытаясь отвлечь мать, скрутила тугой соломенный жгут и отчищала юбку, приговаривая:

– Вот смеху-то сколько! Упасть юбкой прямо в яйца!

Александра, прикипевшая взглядом к петле, не отрывая от нее глаз, осторожно поставила фонарь на порог. Затем сдернула веревку с гвоздя, с трудом развязав узел, аккуратно свернула ее и положила на место в угол. Ксении бросила:

– Иди в дом, я сама закрою сарай!

Дети уже спали. Александра старательно протирала от пыли мокрой тряпкой толстый, из бычьей кожи, ремень. Пряжки не было,

давно потерялась. Это был ремень ее мужа. Ваня, когда воевал в Финскую, на несколько дней попал домой, на побывку. Затем ушел, а ремень оставил дома. С войны он не вернулся...

Александра озабоченно провела рукой вдоль ремня, решив, что все готово, хотя многолетняя пыль с коготью влезла в кожу и не отчистилась. Ксения заворожено глядела на действия матери, боясь шелохнуться. Александра, наматывая конец ремня на ладонь, спокойно потребовала:

– Сьмай одежду! – затем рассудительно добавила: – Выбирай сама, что будешь оголять – спину или зад? Не вздумай отбрыкиваться – позову Петьку!..

Ксения издала только первый то ли стон, то ли взвизг, когда ремень опоясал ее спину. Дальше она, закусив нижнюю губу и крепко зажав обеими руками спинку железной кровати, лишь вздрагивала после очередного взмаха ремня.

Мать остановилась, когда увидела на подбородке дочери струйку крови от закушенной губы...

Александра неизвестно кому жаловалась:

– Здесь мужская рука нужна! Раньше-то у меня тоже сила была, а теперь... – Она безнадежно покачала головой и, протиснув руку за печку, повесила ремень на место.

Наверное от одиночества Ксения с первобытным любопытством заглядывалась на супружеские пары.

Однажды, возвращаясь с поля домой и решив сократить дорогу, женщина пошла тропинкой вдоль берега ручья. Через него был перекинут сколоченный из досок мостик. Для Ксении это место было особенным – целовалась она когда-то с мужем на этом мостике. День тогда был такой же, как сегодня, – жаркий, солнечный. И ничего, что шла война...

А не так давно ей бабка Фаниха по секрету нашептала, что если долго всматриваться в свое отражение в воде, можно увидеть лицо, по которому тоскуешь... А уж сколько раз на денёчку Ксюша вспоминала своего мужа – так, наверное, в арифметике и чисел столько нету!

Сегодня Ксения намерилась проверить, правду ли поведала Фаниха, которую все считали колдуньей.

Подходя к заветному месту, сразу огорчилась – мостик занимали двое, недавно поженившиеся. Хорошо Ксюша вовремя успела остановиться и спрятаться за куст.

Вот молодуха набирает в ладони воду и со смехом пропускает ее сквозь пальцы. Брызги воды сверкают, распространяя вокруг

радость. Молодка наклонилась еще раз за водой, и ее трусики сдвинулись в одну сторону. Молодой муж заботливо поправил штанцы на ее попке, ласково приговаривая:

– Ну-ка прикройся, а то птенчик вылетит!

Расширенными от зависти глазами Ксения жадно подглядывала за этими двумя, пока прозвучавшее из уст мужика слово «птенчик» не хлестнуло ее наотмашь. Это же ее слово! Ей принадлежит! Алеша так называл Наталю. Еще и трусы этой девки в белых ромашках по синему полю! Точно, как у Ксюши фартук, подаренный мужем!.. Кто-то ее обворовывает, прямо в открытую, на глазах!

Ксения намеренно с треском обломала толстый сук и под этот шум вышла из своего укрытия. Затем со словами «дайте пройти, а то еще уляжетесь здесь!», протиснулась мимо счастливой пары, обронив на мокрую землю висевший на ветке, сверкающий белыми ромашками по синему, сарафан. Остолбенелые молодожены постояли какое-то время молча, затем вслед Ксении послышался веселый смех.

* * *

От Алексея так и не было никаких вестей.

Ксения взяла себе за правило два раза в год, весной и осенью, ходить в Озерки – на родину Алеши и Натали. Родственников осталось мало, и то – все троюродные. Тех, кто породнее, выбили немцы. Чудом уцелела Павлинка, сестра Алексея. К ней-то Ксюша каждый раз и стремилась, хотя та вела себя сдержанно. А Ксении так хотелось к ней прижаться, ощутить связь с Алешей и говорить, говорить о нем! У себя в Зорянском эта тема была запрещена, не говоря уже о том, что те редкие фотографии, которые Ксюша припрятала, Александра нашла и сожгла в печке. В Озерках также не было ни одной фотографии.

Однажды Ксении все-таки удалось разговорить Павлинку:

– Павцю, ты у нас с Наталей одна осталась! Не отворачивайся, посмотри на меня! Ты мне только скажи – он помнит обо мне? То, что он живой, я знаю. Одно словцо, Павлинка, скажи!

Павлинка впервые за время их разговора жалостливо поглядела на Ксюшу и, решившись, выдала:

– Ксюня, мой тебе совет – пока молодая, ищи себе пару. Алешка не простит тебе второго ребенка, я знаю.

Ксения схватила женщину за обе руки и потребовала:

– Откуда знаешь? Скажи!

Павлинка расплакалась, затем, вытерев фартуком лицо и считая себя палачом, глухо, чужим голосом выговорила:

– Женился Алеша. А сам сейчас под следствием. Ходит раз в

неделю, отмечается в органах... Человек от него приходил. Но где Алешка живет, нам не сказал, вроде как – не положено.

Последние слова она выговаривала опять сквозь всхлипывания. У Ксении глаза загорелись сухим блеском. Она не отрывала взгляда от Алешкиной сестры, будто прощалась. Испуганная Павлинка тормозила ее, даже начала щипать, выкрикивая:

– Ну не гляди ты так, Богом прошу! Поплачь!

Она не заплакала. Буднично подумала: «Домой надо идти, мать заждалась! Да! И не забыть выйти замуж – сарай совсем набок завалился, мужских рук требует». Машинально взяла со стула свой платок, которым накрывалась в дороге от ветра, затем не спеша вышла из дома. Павлинка дрожащей рукой крестила ее вслед...

Она только к утру явилась домой. Четкого представления, как шла полем ночью, у нее не осталось. Помнится, закинув голову, кричала в небеса: «Но это же неправильно! Так быть не должно!..» И голосила, вздымая руки над головой, грозя кому-то кулаками... Потом припустил дождь, она спряталась в копне соломы, благо, копна оказалась под ее огородом. Когда зашла в дом, мать к тому времени растапливала печь, ставила горшки к огню. Дети еще спали. Старая Александра всполошилась, увидев дочь в такую рань:

– Я думала, будешь ночевать в Озерках! Что же это родственники выставили среди ночи?

Увидев на Ксении мятую юбку, а на спине приставшие соломинны, мать заохала:

– Это где же ты в соломе валялась и с кем? – кивнув на спящих детей, добавила: – Мало двоих?

Ксюша ничего тогда не ответила, лишь долгим взглядом посмотрела на мать, сказав:

– Не валялась ни с кем. Под огородом в скирде дождь пережидала. – После паузы добавила: – Нет больше родственников в Озерках. А я – выхожу замуж.

Александра всплеснула руками, испуганно глядя на дочь, воскликнула:

– Свят-свят, окстись! За кого? И когда?

Ксения, убирая юбку в сундук, деловито ответила:

– Еще не знаю, за кого. Но скоро. А то сарай совсем завалится.

Мать испуганно молчала и потом долго еще с опаской приглядывалась к дочери...

* * *

Ксения механически ела, спала, работала. Единственным живым

местечком были дети. На дочках ее взгляд задерживался и вроде как оживал. Ради детей Ксения начала обдумывать свое замужество, как если бы приобретала что-то необходимое в хозяйстве.

Оказалось, выбор был небольшой, а если точнее – никакого выбора. Для тайной связи – это всегда и пожалуйста, при условии, что жена не узнает. Пришлось Ксюше вспомнить, что когда-то советовал брат Коля. К тому времени он был женат, жил в соседнем селе Калиновка. Брат его жены Аньки, Иван, слыл старым холостяком. Лет ему было за тридцать. Причину его холостяцкой жизни знали все – скупость. По иронии природы фамилия у него была – Загребан.

Ксения вспомнила, как Николай полушутя предлагал сестре «породниться» со сватами. Значит, так и будет, решила Ксения! Дождалась, когда брат пришел проведать мать и сестру с племянницами и, отведя Николая на кухню, шепнула: «Помнишь, что говорил насчет Ивана? Я – согласна». Колька поначалу испугался. Потом увидел, что сестра вполне разумна – обрадовался.

Разладица началась сразу же. Ксения намерилась забрать с собой в дом мужа старшую дочь Наталью, а младшую Ленку оставить с бабушкой Александрой. Но Иван уперся:

– Нет, возьмем с собой младшую Ленку!

Когда Ксюша потребовала объяснения, муж, отводя глаза, промямлил:

– Мама мои сказали, что будут соседи пальцами тыкать, – вот, мол, полицейское дитё ходит. А помогать во дворе будет и Ленка, пусть приучается!

Во время этого разговора девочки были здесь же, в комнате. Они тесно прижались друг к другу и во все глаза глядели на «дядю Ивана».

– Меня не берут, – прошептала Наталя на ушко сестре.

– А может, и меня, и тебя возьмут, – успокаивала младшая старшую.

Ксения тогда, стиснув зубы, согласилась, но поставила условие:

– Приведем полностью в порядок сарай и только потом поедем в Калиновку!

* * *

В замужестве Ксения пробыла с весны до осени. Иногда честно пыталась быть довольной жизнью, но ее усилия разбивались об очередное замечание свекрови:

– Могла бы поласковой быть с Ванюшкой. Он твой позор покрыл, а ты лишний раз добрым словом не обмолвишься! Ходишь – набычилась!

Возмущенная Ксюша пробовала объяснить, что никакого позора на ней нет, но вопрос свекрови – «а двое байстрюков бегают без отца – это не позор?» – заставлял Ксюшу молчать.

Однажды вечером в дом зашел брат Ксюши Николай. Был он какой-то взбудораженный, и Ксюша даже испугалась и начала допытываться, тормозить брата – что случилось? Николай отдышался, прикрикнул на сестру: «сиди тихо, сам все расскажу!» – и рассказал:

– В Зорянский сельсовет пришла бумага из области. Там написано, что следствие по делу Бойчука Алексея еще продолжается. Но сообщают, что Алексей Гаврилович Бойчук во время войны выполнял задания подпольного партизанского центра. Во как! Так что – герой наш дядя Леша! В этой же бумаге сказано и про бабу Любу. Помнишь, Сеня?.. Ее награждают орденом, только посмертно. И приписано там, в бумаге, что погибла она в борьбе с фашистами.

Коля все это выдал одним духом и остановился. Известие было поразительным – какое-то время стояла тишина. Затем засуетилась свекровь, начала собирать сумку Николаю.

– Отнеси Анюсе сметанки баночку. Свежая, сегодня собрала. Она любит.

Похоже, Ксюшина свекровь хотела побыстрее выпроводить Николая. Иван в это время, засунув руки в карманы, мерил шагами комнату от стола до порога.

Ксения неотрывно глядела куда-то в угол, в одну точку. Казалось, на ее лицо набежала легкая тень, враз отгородившая Ксюшу от всех.

Николай, выслушав на дороге напутствия: «Не нагружай Аночку, сам больше работу работай! Вон какой здоровый!» – ушел. Свекровь торжественно села за стол, скомандовала сыну и невестке: «сядьте!» – и начала:

– Завтра раненько идите вдвоем в правление колхоза. Они как раз утром заседают. Смело заходите и просите материала на крышу дома. Давно просится перекрыть! Напишите заяву, если надо. Ты, Ванька, скажи, что воспитываете ребенка этого самого героя, который партизанские поручения исполнял. Так что от Советской власти вам положено. Заодно проси еще парочку поросят. Не помешают, корма много. Только не просите утром...

Оторопевшая Ксения растерянно поглядывала на мужа, не зная, как себя вести. Наконец свекровь ушла, а Иван с довольной улыбкой разьяснил Ксении:

– Умная все-таки наша мама! Ты всегда ее слушай, глупого не посоветует. Надо будет побыстрее детей поменять: Натаху привезти сюда, а Ленку отвезем к бабке в Зорянское.

Ту ночь Ксюша не спала. Так до утра и лежала с открытыми гла-

зами. Первые петухи пропели в четыре утра, и Ксения, поднявшись, начала тихонько собираться. Бросала в сумку только самое необходимое, чтобы не вызвать подозрений. К тому времени, как Иван поднялся, Ксюша уже одевала Ленку. Не ожидая вопроса, объяснила:

– Схожу в Зорянское, в сельсовет. Бумага-то туда пришла. А здесь, в Калиновке, никто ничего не знает. Попрошу, чтобы дали копию. Вот тогда и поросят можно просить с бумагой на руках.

– Да нам главное, материал на крышу! А поросята, это так, дадут – хорошо! Ну, иди. Здесь близко, быстро обернетесь. И сразу же веди сюда Наташку, а Ленку оставляй там!

Ксения, взяв сумку, поспешила с дочкой к выходу.

* * *

Больше она в Калиновку не вернулась. Пару раз приезжал Иван, звал обратно, согласен даже с обеими дочками вместе... А однажды чуть ли не в любви признался, чему Ксюша безмерно удивилась. Жалостливо на него глядела, понимая – не дано ему больше, чем имеет...

После известия о муже на нее опять возобновились нападки, прямо противоположные тем, давним:

– Это ж надо быть такой курвой! Муж – герой, защищал нашу родину, а она двоих байстрюков приволокла в подоле!

Если кто пробовал выразить несогласие, мол, старшая дочка Наташка от Бойчука, сразу возражали:

– А что, со свечкой стояли? Кто это докажет? Посмотрите, вон кудри распустила и выступает, как пава. Такая на все способна! Хорошо хоть Бойчук оказался умным – не похоже, чтобы летел на крыльях к своей супружнице.

– Так говорят, у него уже семья давно есть. Жена и дети.

Со временем новость постарела, волновать перестала.

Дочки росли. Наташа после окончания школы устроилась работать в почтовом отделении. Ждала Лену, когда та закончит школу. Спустя какое-то время обе сестры успешно сдали вступительные экзамены в сельхозинститут на бухгалтерское отделение и переехали в областной город. Ксюша осталась с матерью вдвоем. Работала много – стипендии дочкам не хватало, приходилось помогать. Кроме работы в поле, устроилась еще уборщицей в правлении колхоза.

Образ Алеши постепенно расплывался, заволакивался дымкой. Обновить в памяти было невозможно – фотографии все уничтожены. И только редко во сне иногда видела она своего мужа – яркого, такого красивого, аж глазам больно! После такого сна она ходила под впечатлением несколько дней.

Ксения прослыла женщиной работающей, бережливой. Несмотря на отсутствие мужских рук, в ее хозяйстве был порядок. Нужда заставила Ксюшу делать все самой.

Слегла мать. Поначалу думали – полежит маленько и встанет. Напрасно думали, Александра больше не поднялась. Месяц лежала без движения, не разговаривала. Только водичку теплую пила из ложечки. Приходили сыновья, дочка Лида с детьми проведать. Уходили, а Ксюша опять оставалась один на один с горем. Как-то зашла соседка, баба Елька, и доверительно посоветовала:

– Ксюню, мне тебя так жалко, сколько ты будешь маяться? Бери топор, пойдем прорубим в снях потолок, иначе мама не отойдет! Куда уж теперь правду девать? Знала старая много чего колдовского. Вот и не отпускает ее лохматая рука! Пойдем!

Ксюша с ужасом слушала соседку, затем набралась сил и крикнула:

– Ну-ка уходи отсюда, сплетница! Чтоб ноги твоей не было в доме!

Разобиженная баба Елька ушла, а Ксения наконец расплакалась. Приткнулась в углу, закрылась руками и подвывала, как щенок, которому прищемили лапу. Затем уснула.

Во сне Ксюша и не слышала, как Александра отошла в мир иной...

* * *

Наталья Федоровна и Ксения Ивановна чинно, под ручку, шествовали к месту отдыха. Баба Ксения под мышкой несла свою заветную сумочку. Федоровна озабоченно оглядывалась в поисках кошки, увидев, что та их догоняет, успокоилась.

Когда сели на скамейку, Ксения попросила Наталью Федоровну, чтобы та почитала ей письмо из ее ридикюля. Кизлякова перебирала пожелтевшие бумажки, затем предложила:

– А может, это? «Добрый день, а может, и вечер, мой муж Алеша... квадратно-гнездовой... озимые... овес...» Погоди, ничего не понимаю!

– Федоровна, читай только, что написано карандашом химическим. Остальное из книжки, фабричное. Бумаги тогда не было.

С паузами письмо было дочитано до конца: «...писано в пятницу в Петров день».

После чтения установилась тишина. Кизлякова, долго не нарушавшая молчания, не выдержала:

– А что ты хотела рассказать мужу, Ксения Ивановна?

Баба Ксения очнулась от задумчивости и легко ответила:

– Правду хотела написать про вторую дочку – Леночку. Да все не знала как. Не умела. Боялась, что откажется от меня муж. – Помолчав, добавила: – А он и так отказался. Донесли ему. Да все неправильно донесли!

Кизлякова какое-то время озадаченно глядела на товарку, затем, как могла деликатно, спросила:

– Но, Ксюша, скажи, – Леночка-то не от твоего мужа? Или как?

– Ну не от мужа, да! Но отчество я ей записала «Алексеевна»! Хотела, чтобы Алеша принял ее как родную! Думала, если сама расскажу Алеше, как было дело, – он поймет. Его одного ждала!

Наталья Федоровна, пытаясь переварить услышанное и как-то помочь, подсказала:

– Жалко, Ксюша, что ты с ним не встретишься. А то сказала бы ему: «Неважно, чей бычек, важно – теленочек наш!» Думаю, он бы и согласился.

– Теперь-то уже все равно, у него своя жизнь, – тоскливо продолжила баба Ксения. – Но он должен придти. Обещал.

– Скажи мне, Ксения, а когда ты перестала видеть, ну... совсем?

Баба Ксения горько усмехнулась, поправив Кизлякову:

– Да спрашивай прямо – когда ослепла. Чего там, – помолчав, добавила: – Катаракту неудачно вырезали. И вот осталась слепой.

Послеобеденный отдых для Ксении Ивановны был волнующим. Она ждала, когда все в палате уснут, чтобы не мешали вспоминать.

«Как я ослепла? Знаю – как! Знаю – когда! Врачи не знают, а я знаю!»

* * *

На дворе стоял 1968 год. Ксения к тому времени жила одна. Дочки повыходили замуж и разъехались кто куда. В поле Ксюша уже не работала. Ходила убирать кабинеты в правлении колхоза. Однажды уборка еще не была закончена, как в кабинет зашел главный бухгалтер Максим Павлович. Ксении неудобно стало, что работник пришел, а она еще возится с тряпками:

– Я извиняюсь, Максим Павлович, уже все готово. Только вот тряпочку вам под ноги постелю!

Бухгалтер, пожилой человек, успокоил Ксению и предложил:

– Сядь, Ксения! Я специально пришел пораньше, чтобы успеть сказать, пока никого нет. Мой племянник живет в Озерках. Позвонил мне вчера по одному делу и заодно вот что рассказал. В их село приехал Бойчук Алексей Гаврилович. Там такое творится, никто не работает – все бегут поглядеть на героя. Говорят, Бойчука наградили каким-то орденом. Живет он у деда Антона, это его родственник. А сегодня

будут его чествовать. Говорил племянник, что будет от каждой хаты на улицу вынесен стол или два, покрыты скатертью. Все готовят выпивку, закуску. Режут курей, гусей. А оплачивает все Бойчук. Ну вот. Все сказал, а ты, как хочешь, так и поступай. Если спросишь моего совета, скажу: встретиться тебе с ним надо! Как дальше будет – неведомо.

Посмотрев на женщину, Максим Павлович обеспокоенно сказал: – Ты иди, иди домой! Отдохни, подумай. А там видно будет.

Ксения пошла домой. Как оказалась дома – не помнит. Очнулась, сидя на скамье возле стола... Сидела долго – солнце повернуло в кухонное окно, к закату. Бездумно поднялась и машинально начала собираться. Одежду выбирала самую лучшую. Со дна сундука достала крепдешиновую косынку, еще не одеванную – подарок Наташки, когда та приезжала погостить. Оделась, поглядела на себя в зеркало. Испугалась. Оттуда смотрела совершенно незнакомая женщина. Особенно глаза... Почему-то очень строго глядят на Ксению.

Она закрыла висячий замок на двери, положив ключ под старое ведро. Через свой огород, чтобы никого не встретить, направилась на дорогу, ведущую в Озерки.

Шла быстро, стремилась скорее оказаться там, в Озерках, а что дальше будет – не знала.

Жил в Озерках дед Трифон. О его врачевании знали далеко за пределами села, приезжали даже из других областей. Им приходилось ночевать в соседских, с дедом, домах.

Опустились сумерки, когда Ксения подошла к Озеркам. Она слышала про деда Трифона, но, главное, знала, что можно попроситься на ночь к какой-нибудь хозяйке, заплатив деньги.

Получив от Ксюши рубль, ей показали койку, где она может переночевать. Ксения прибегла к хитрости, изображая равнодушие, спросила хозяйку:

– Я слышала, у вас в селе какие-то гулянья на сегодня намечаются?

Хозяйка, моложавая еще женщина, охотливо ответила:

– Да! Я думаю, дед Трифон и принимать сегодня не будет, потому что тоже пойдет на пир! Приехал наш сельский герой войны Алексей Бойчук. Он все село позвал, будут обмывать орден, наградили его. Там уже накрыли столы. А еще на каждом столе около тарелки будет лежать в подарок шерстяной цветастый платок. Сюрприз называется. А вы тоже можете пойти, дед сегодня все равно не примет. Будете уходить, скажете бабушке, она у нас прихворнула, в соседней комнате. Пусть за вами закроет калитку, а я побежала.

Ксения чуть подождала, и тоже вышла. Поразмыслив, женщина решила пробираться как-то к дому деда Антона. В любом случае Алеша придет туда ночевать.

Она не спеша шла по улицам, вспоминая, где стоял дом деда. Все поменялось, Ксюша с трудом узнавала знакомые места. Чувствовалось общее возбуждение, все устремлялись в центр села. Ксению это устраивало, не хотелось, чтобы кто-то ее признал.

Женщина с трудом отыскала двор родственников. С облегчением отметила, что собачьей будки во дворе нет. Двор освещала электрическая лампочка у входа на крыльцо. Ксения подошла вплотную к дому, обошла вокруг, оглядев все окна и найдя только одно с прозрачными занавесками. Под окном рос огромный куст жасмина. Ксюша под ним и спряталась.

Она сидела под кустом, слушала звуки баяна, затем сильный женский голос протяжно запел: «Миленькой ты мо-о-й, возьми меня с собо-о-й...» Ксения вспомнила – это была любимая песня тети Алексея – Антонины. Алеша всегда просил тетю петь эту песню. Наверное, дочка поет, тети давно нет, а голос похож.

Неожиданно вблизи послышался разговор. Ксюша притаилась, даже дышать на какой-то миг перестала – ей послышался голос Павлинки! Сколько лет она не слышала ее, а голос не изменился. Второй голос был мужской... Ксения вся напряглась, у нее почему-то по всей коже пошли мурашки, и она быстро зажала руками уши. Разговаривающие приблизились к крыльцу, Ксения разжала руки и услышала уже явно голос Павлинки:

– Алеша, давай присядем на скамеечку у крыльца, а то вечером все сойдутся – будет не поговорить.

У Ксении в ушах несколько раз отдалось слово «Алеша», и какая-то часть разговора для нее выпала. Когда пришла в себя, говорил он, Алеша:

– Павццо, не посылай меня, я туда не пойду! Мне там нечего делать. Не заводи больше этот разговор, а то поссоримся.

Согнутая под кустом Ксюша, с жадностью голодного ловила каждое слово, совершенно не вникая в смысл. Она наслаждалась звуками голоса и хотела одного – чтобы он не замолкал. Вот после паузы опять говорит. Это уже Ксюша осмыслила:

– Я завтра собираюсь уезжать. Там моя Катя с Дашенькой – знаешь, как меня ждут?

Лучше бы не осмыслила! Это кто такие – Катя, Дашенька?.. А Ксения – кто? Она же живая, Ксения! Куда ей теперь?

Что-то Павлинка отвечала, но Ксюша не слушала. Услышала лишь:

– Она родила себе второго ребенка. Значит, что-то планировала. Слышал, выходила замуж. Пусть живет себе с Богом! Зачем я туда пойду?

– Алешка, никогда не поверю, что не хочешь с Ксюшей увидеться! Вот не поверю, и все! Глянь мне в глаза и скажи, что не так?

Кажется, Ксения перестала дышать. А может, дышала, она не знает, потому что ее не стало. Сейчас она жаждала услышать ответ. И услышала:

– А этого никому не знать, кроме меня! Не волнуйся, Павлинка, я повидаюсь с ней. – И как бы забывшись, глухо для себя: – Для этого и живу, чтобы повидаться!

– Ну так иди завтра! Что тебе стоит, недалеко! Сходи!..

Ксюша еле сдержала слова: «Не надо идти, здесь я!»

– Не пришло еще время, Павлинка! Я – потом. – Помолчав, добавил: – В конце.

– Ты, Алеша, так говоришь, что я ничего не понимаю. В каком конце? В конце чего? То ты не хочешь к ней идти и тут же говоришь, что живешь затем, чтобы свидеться! Совсем меня запутал, – жаловалась Павлинка невестно кому, потому что Алексей уже зашел в дом. Стук закрываемой за ним двери ударил Ксению в висок, она встрепетнулась, уже не остерегаясь вышла из-за куста с единственной мыслью в голове: «Я так и не увидела своего мужа! Зачем приходила?!» Ксюша подкралась к окну с прозрачными занавесками и осторожно заглянула сквозь стекло в комнату. Там продолжался разговор, но понять что-либо было невозможно. Но Ксении это и не надо, ей главное – увидеть его! Мелькала Павлинка, – постарела, конечно, но узнать можно. Ага, вот появилась большая тень на стене, видимо, выходил кто-то из соседней комнаты... Это был ее муж Алексей. Он стоял боком к окну и что-то горячо доказывал сестре. Ксения прилипла взглядом и застыла, не шелохнувшись.

Он тем временем ушел в другую комнату, где окно было плотно задернуто. Увидела Ксюша только плечо и часть головы в профиль, отметив поседевшие волосы, но все еще курчавые. Лицо так и не увидела.

Что-то в ее сознании произошло – она не ощущала боли, будто ее ничего не касалось. Помнила, что ей надо возвращаться домой в Зорянское и почему-то надо спешить. А вот почему? Ага! Ждать. Алеша сказал, что придет в конце. Обязательно. Да может он и завтра, этот конец! Ксюша выбежала со двора, вышла на дорогу и напрямиком поспешила за село, в поле.

Дорогу знала по старой памяти. Постепенно в голове успокоилось, и вдруг, будто заново, прозвучал голос Алеши: «Мои Катя и

Дашенька!..» Ксения даже остановилась. Небо было все в звездах, тишина вокруг. По обе стороны цвела гречиха, пахло вкусно медом. Здесь Ксения может все высказать вслух, даже кричать! И она крикнула:

– Не-е-т! Ты ведь наврал все, признайся! Катя, Дашенька... А я?!

Она заголосила. Потом завывала. Вдалеке ей кто-то ответил еще более протяжным воем. Ксюша всхлипнув, замолчала, прислушиваясь. А вдруг волк? Здесь недалеко лес, в котором прятался Алеша от немцев. Ксения сняла свою новую косынку, вытерла насухо лицо и почти побежала по тропинке в сторону своего села. Когда подходила к своему дому, было совсем темно, будто пеленой все заволокло. Совсем ни к чему вспомнилось, мама говорила, что самое темное время – перед рассветом. «Скоро рассвет», – успела подумать Ксения и дальше уже ничего не помнила.

Очнулась в доме, на кровати. Одежда была вся мокрая от пота. Рядом на стульчике сидела соседка Зина. Увидев, что Ксения пришла в себя, сказала:

– Ну, ты и напугала меня! Вся была горячая, прямо жаром несло от тебя! Скажи спасибо своим курам, они закрытые в хлеву кричали, я и пришла. Курей выпустила, а в доме ты здесь, без движения лежишь.

Ксюша, ослабевшая, как после длительной болезни, еле слышно спросила:

– Который час?

– Два часа дня. Скоро мой придет на обед, побегу. Я тебе занесу горячего поесть, а ты лежи, не вставай!

Зинаида ушла. Ксения водила вокруг глазами, с трудом различая предметы. Она вытерла глаза концом пододеяльника, потом еще и ладонями потерла. Поглядела, опять – ничего не изменилось. «Наверное, от горячки не вижу. Пройдет», – успокаивала себя Ксения.

Время шло, но с глазами у Ксении не становилось лучше. Один раз сходила к врачу, что-то проверяли, показывали буквы на экране, которые Ксения совсем не видела. Выписали капли, в итоге сказали, что ничего не поделаешь – возраст. У кого – раньше, у кого – позже.

Ксения больше всего боялась, чтобы не стало хуже. Сейчас она видит контуры, большие предметы, ориентируется в своем доме и дворе. Пусть так и останется. Она ничего не забыла и ждала, как сказал ее муж, конца. «Придет к ней потом, в конце» – его слова.

Через какое-то время Ксении удалили катаракту, сначала на одном глазу, потом на другом. Когда в положенный срок сняли повязку – она не увидела ничего... ослепла. Врачи разводили руками, такое

бывает очень редко! Это же простая операция, она всегда проходит успешно.

У Ксении успешно ничего не прошло. Она знала – почему.

Помнится, когда они с братом и сестрой Лидкой были маленькими, их покойная мама, когда не была слишком уставшей, рассказывала им на ночь одну и ту же историю про молодую девушку и парня. Они любили друг друга, но парень погиб на заготовке леса, а девушка ослепла от горя. Ксюша тогда все спрашивала: «А как это – от горя? Что у нее заболело?» Александра, уже засыпая, ответила: «Душа заболела, а ее не излечить».

Приехал брат Николай. Предлагал немедленно вызывать Нагашу или Лену. Но Ксюша наотрез отказалась. Потом Николай, предполагая, что сестра сопротивляется, лишь бы не доставить неудобств дочкам, решил тайно вызвать племянниц. Ксюша это почувствовала:

– Коля, ты мой любимый брат и знаешь это. Христом Богом прошу, ничего не сообщай дочкам. Я не хочу никуда уезжать. А вот если определишь меня в приют, отсюда недалеко – буду молиться за тебя до смерти. Братик мой, сделай это для меня. Говорила Зина, что приют называется «Зорька», это в соседнем районе.

Так Ксюша оказалась в «Зорьке». О том, что брата Колю по дороге от Зорянского до Калиновки сбила машина и он попал надолго в больницу, Ксении не сказали...

* * *

Где-то за месяц до Нового года баба Ксения из пятой палаты заболела, да так, что пришлось перевести ее в изолятор. Больная начала бредить, возле нее посменно дежурили медсестры. Настя, привязавшаяся за последнее время к старушке, больше других находилась возле больной. Дни Ксении Ивановны явно были сочными, и девушка боялась, чтобы несчастье не произошло в ее дежурство.

Сейчас Настя тихонько, чтобы не потревожить больную, приносивала букетик рябины у изголовья Ксении Ивановны. Она его забрала из пятой палаты, где лежала раньше баба Ксения. Неожиданно больная внятно, спокойным голосом, заговорила:

– Так запахло свежестью. Букет мой принесла, да, Настя? Дай мне несколько ягодок подержать. Когда-то у меня были бусы, похожи на рябину.

Услышав голос бабы Ксени, Настя сначала испугалась, потом обрадовалась, – наконец-то пришла в сознание больная! Больше двух суток была в беспамятстве. Девушка суетливо вложила в руку старушки выдернутую из букета ветку и заботливо спросила:

– Ксения Ивановна, может, что покушать хотите? Давайте, я принесу вам бульончика, а?

Больная отрицательно покачала головой и тихо попросила:

– Присядь, дочка. У меня просьба к тебе будет.

Настя испуганно села на кровать, взяла старушку за руку, успокаивая:

– Говорите, Ксения Ивановна, я все сделаю.

Больная вытащила из-за пазухи красноватый камешек на нитке (его Настя видела и раньше) и попросила:

– Настуся, пусть этот камешек со мной останется, чтобы его не выбросили... Ты знаешь, о чем я... Больше у меня ничего такого нету. Колечки, цепочки я при жизни раздавила. И еще, дочка, – в моей сумочке возьми письмо. Такой старый в пятнах листик, тогда бумаги не было. Ты его узнаешь. А остальной хлам выбрось. Придет человек, будет меня спрашивать – отдай ему это письмо. Для него писано... Ой, мамочки, вот же он! Пришел! – Баба Ксения порывисто привстала, облокотившись на одну руку, вторую с раскрытой ладонью протянула вперед: – Алеша, иди ближе ко мне! О, и мама пришли! А Дарья говорила, что вы умерли. Ведьма старая, нашла, чем шутики шутить!.. Да, мама, сейчас пойдем огурцы полоть. Руку только дайте... Вот, сибобочко!

Настя с расширенными глазами слушала, пытаясь не расплакаться. А больная в горячке продолжала:

– Алеша, не стой, иди ко мне! Наша Павця знаешь, чего отколола? Сказала мне, что ты женился! Вот уж смеху-то было, Алешенька! Я от Озерков до самого Зорянского всю дорогу смеялась!

Больная откинулась назад на подушку и, зажимая ладонями рот, начала вперемежку со всхлипами хрипло хохотать. Перепугавшаяся Настя куском бинта вытирала дрожащими руками капли пота на ее лбу, уговаривая успокоиться. Хохот оборвался резко, будто Ксения Ивановна и не смеялась вовсе. Блаженная улыбка разгладила напряженное лицо бабы Ксени, и она, устремив незрячие глаза вперед, задумчиво молвила:

– Ты уже знаешь про Леночку, да, Алеша? Вот и хорошо! Дождалась я этого часа... Нам с тобой порознь нельзя, мы же друг для друга. Я знала, что ты так же думаешь! Вот только никак ближе не подходишь! Алеша, я рассержусь... Ой, каким ты маленьким стал!.. Где?! Где он?! Совсем не стало! Мама, дайте руку, пойдем быстрее, догоним!..

Последние слова больная произнесла медленно, шепотом – и затихла.

Настя в отчаянии и с надеждой поглядывала на дверь – вдруг

Варвара Поликарповна не уехала домой и зайдет?.. Затем девушка решила сходить за лекарством для укола. Врач выписал бабе Ксене на ночь колоть успокоительное. Девушка осторожно, с опаской подобрала с одеяла оброненную ветку рябины, поправила подушку у больной и тихонько вышла...

* * *

Укол не понадобился. Умершая лежала на спине, зажав одной рукой бусинку с ниткой на шее.

Непостижимое таинство смерти обладает многими печатями. На застывшем лице покойной Ксении была печать нерастраченной, так и непрожитой жизни. Всегда покорная при жизни улыбка сменилась на легкую, снисходительную усмешку, враз отделившую покойницу от всего земного. Эта усмешка торжествовала! Она говорила: «Мне больше никто не сделает больно!»

Плачущая Настя жаловалась:

– Только пойду за уколом – так и помирают! И всё в мою смену! Баба Миля тогда также отошла.

Варвара Поликарповна (она не ушла на автобус – дороги занесены снегом) гладила Настю по голове как маленькую и уговаривала:

– Успокойся. Иди в сестринскую, поспи на диване. Я сегодня не иду домой, не доберусь до автобуса.

* * *

Для дома престарелых «Зорька» районной управой был выделен кусок земли в километре от приюта, прилегающий к ближайшему кладбищу. Хоронили там одиноких. С осени заготавливали несколько запасных могилоч на зиму, чтобы не возиться с мерзлой землей.

Умершая Ксения Ивановна сутки пролежала в покойницкой, и забирать ее, похоже, было некому. Сельсовет села, где жила раньше умершая, мог бы похоронить, но дороги снегом занесены – ни пройти, ни проехать. Поэтому пусть приют сам хоронит.

В пятой палате был траур. Глухонемая баба Аня что-то мычала и скорбно вытягивала руки в сторону койки, где раньше находилась Ксения Ивановна. Теперь там располагалась новенькая, баба Оля.

* * *

Дорогу к кладбищу занесло снегом и проехать туда автобусом, как это делали всегда, нечего было и думать. Еще летом дед Петро смастерил санки – подвозить зимой на кухню картошку, мешки с крупой. Сейчас Петро Николаевич спешно прилаживал длинные доски к саням, куда можно было поставить гроб. Решили, что троих мужчин

достаточно, чтобы свезти санки с гробом на кладбище. Нашлись пока двое – электрик и завхоз. Затем вспомнили о Вадимке – парень крепкий, а его вечное пение не помешает, блаженного Бог простит.

С утра гроб, обложенный вокруг еловыми ветками, поставили в комнате отдыха. Букет из бумажных цветов ярко выделялся на зелени. Пахло хвоей. Еще во время завтрака было объявлено, что прощание с бабой Ксенией будет в час дня, кто желает – пусть подходят в комнату отдыха проститься.

Первыми пришли в полном составе обитатели пятой палаты. Валентину Петровну везли в коляске баба Вера и баба Оля. Священник из-за непогоды не смог добраться на отпевание, поэтому баба Вера, единственная, у кого был псалтырь, став у изголовья гроба, напевно читала: «Еще молимся об упокоении души усопшей рабы Божией Ксении, и о еже простится ей всякому прегрешению...»

Затем ко всем обратилась Варвара Поликарповна:

– Подходите, прощайтесь! Времени мало, еще неизвестно, как доберутся до кладбища. – Потом, спохватившись, предложила: – Может, кто хочет слово сказать – говорите!

Все молчали. В это время настезь открылась дверь, вошли дед Петро и Вадимка, крепко зажавший рот ладонью, чтобы не петь. У деда под мышкой, рядом с костылем краснел рябиновый букет. Обрадовавшись деду, старшая медсестра предложила:

– Петро Николаевич, вы всегда помогали покойной, скажите что-нибудь!

Дед Петро, не слушая, положил букет прямо в гроб и по-хозяйски стал поправлять еловые ветки, затем ворчливо распорядился:

– Выезжать надо, вот-вот снег опять повалит!

Мужчины вынесли забитый гроб, поставили на сани, привязав его толстой веревкой к доскам, а дед Петро велел Вадимке:

– Сбегай в мастерскую, там в углу стоит деревянный крест. Неси сюда, да побыстрей!

Крест принесли, закрепив его вместе с гробом. Надпись на прибитой табличке гласила: «Бойчук Ксения Ивановна» – и дата смерти. Баба Вера одобрительно шепнула Валентине Петровне: «Когда только успел сделать?»

Петро Николаевич давал последние указания:

– Сначала протаптыгайте дорогу и только потом по следам тяните сани, перебежками. Иначе застрянете в снегу. Вадимка, бери шест, сзади будешь подталкивать! Ну, с Богом!

Мужики впряглись в сани, Вадимка, подталкивая сзади шестом, радостно напевал: «Едем на кладбище, на кладбище едем на са-а-нях!» Петро Николаевич, стоя на костылях, с озабоченным видом

глядел вслед процессии. Неожиданно из будки выбежал пес и, заваливаясь на одну сторону, на трех лапах понесся за саями. Дед обеспокоенно крикнул:

– Борман, назад!

С трудом выбравшись из снега, пес виновато повернул обратно.

* * *

Зима ушла. В воздухе запахло весной. Старики, радуясь весеннему солнышку, начали потихоньку выходить на прогулки. Как-то к деду Петру подошла медсестра Настя с просьбой:

– Петро Николаевич, возьмите, пожалуйста, этот конверт. В него вложено письмо. Если кто придет спрашивать Ксению Ивановну, ну, которая умерла, отдайте ему этот конверт. Так баба Ксения просила. А то вдруг человек придет, когда меня на смене не будет.

Был послеобеденный тихий час, все отдыхали, когда человек пришел.

В бухгалтерии сидела недавно принятая на работу молодая девушка Людка. Остальные ушли по своим делам. Сейчас она составляла перечень жильцов приюта для столовой. Повар попросила к вечеру сделать калькуляцию. И опять в списке, как в прошлый раз, числится Бойчук К. И. Она же несколько месяцев назад как умерла! Люда, ворча, старательно вымарывала ошибку, чтобы не повторилась опять. В это время в дверь постучали и зашел старик. В руках он держал пластиковый пакет, оттуда виднелась гроздь бананов. Одет старик был в легкую куртку, явно импортного производства. Слегка согбенная фигура выдавала его высокий рост. Седых волос было еще достаточно, но блестели две высокие залысины. Он поздоровался и, с любопытством оглядываясь вокруг, спросил:

– Здесь у вас живет Бойчук Ксения Ивановна. Я могу с нею увидеться?

Девушка Люда, только что убравшая из списка эту запись, сначала издала мышинный писк, потом ойкнула и расширенными глазами уставилась на вошедшего. Затем, вспомнив, что она должностное лицо, придала своему голосу канцелярщины и, для важности заглядывая в списки, возвестила:

– Бойчук К. И. (она так и прочла – КАИ) умерла двадцатого декабря прошлого года. – Потом, взглянув на старика, смутилась и добавила: – Поэтому вы не можете с нею увидеться.

Зависла тишина, и девушка Люда совсем глубокомысленно закончила:

– Потому что ее нету. Схоронили.

На какое-то время старик застыл, дальше, повторив слово Людки «схоронили», медленно развернулся и пошел к выходу. Девушка, пытаясь хоть как-то повлиять на ситуацию (еще нажалуетса, на нем вон какая куртка!), вслед прокричала:

– Но она здесь была! Вот, в списке – Бойчук Ка И!

Для убедительности Людка потрясла листом бумаги в воздухе, но старик уже вышел.

Он медленно шел по территории приюта. Неизвестно, куда бы он так пришел, но увидел вблизи скамейку. Подкраившаяся боль уже грозила расползтись по груди.

Несколько раз залаяла собака. Кто-то начал его тормозить, затем расстегнул на шее пуговицу рубашки. Сидящий последним усилием воли положив руку на нагрудный карман, с трудом, еле шевеля губами, прошептал:

– Там... нитроглицерин...

Петро Николаевич отдыхал в своей пристройке, даже и вздремнул немного, когда его разбудил собачий лай. А потому как Борман редко когда лает, дед суетливо поднялся со своего кресла и с любопытством двинул к выходу. Пес стоял перед скамейкой и лаял на сидящего мужчину. Дед Петро сердито позвал собаку, загнав Бормана в конуру, а сам приблизился к сидящему. Пожилой мужчина на скамейке был чужим – дед всех своих жильцов знал в лицо.

Сидящему было совсем худо – глаза закрыты, восковая бледность разлилась по всему лицу и крупные, как горох, капли пота медленно стекали со лба. Дед растерянно огляделся вокруг – везде тишина, все отдыхают, пока кого найдешь, мужик может дать дуба! Петро Николаевич слегка похлопал мужчину ладонью по щеке, затем расстегнул пуговицу рубашки и видя, что тот зашевелил губами, наклонился ближе. Услышав про таблетки, расстегнул пуговицу нагрудного кармана. В кармане в глаза бросилась припиленная булавкой то ли медаль, то ли орден – деду Петру некогда было разглядывать. Он поискал в кармане и вытащил крохотную пластиковую баночку. Достал оттуда таблетку, засунул ее в рот старику.

Увидев, что старик стал проявлять признаки жизни, Петро Николаевич несколько успокоился. Коробочку с лекарством положил обратно в карман, заодно более внимательно разглядел припиленную медаль. Она была ему знакома – точно такой медалью с портретами Ленина и Сталина наградили его старшего брата Павла. Это партизанская медаль второй степени. А Павел под конец войны попал в партизаны.

Дед Петро, положив лекарство на место и застегивая пуговицу на

кармане, обратил внимание на нитку с красными камешками, повисшую на коленях старика. Видимо, она вытянулась из кармана вместе с лекарством. Дед взял ее в руки и хотел также засунуть в карман, к медали, и вдруг вспомнил – целая история приключилась с подобным камешком прошлым летом. Баба Ксения тогда потеряла точно такой камешек, она его носила всегда на шее. Дед Петро случайно его нашел, Борман помог. Ксения Ивановна тогда даже заплакала от радости...

Из письма, переданного деду Настей, он узнал, почему так дорожила камешком покойная. (Конверт был незаклеенный, и Петро Николаевич прочитал письмо, чтобы знать, кому отдать.)

Сейчас все это моментально выстроилось в единую цепочку, и Петро Николаевич, глядя на старика, который начал приходить в себя, и забыв, что тот только что чуть не умер, требовательно, громким голосом, спросил:

– Ваша фамилия Бойчук?

Старик вздрогнул, это его окончательно оживило. Он утвердительно кивнул головой и переспросил:

– Откуда вы знаете?

Дед Петро молча сел рядом на скамейку, все еще держа в руке нитку с камешками. Затем протянул ее старику:

– Это из твоего кармана выпало, когда таблетки доставал. Возьми!.. Я Ксению Ивановну знал, фамилия у нее была – Бойчук. А еще она носила на шее вместо креста камешек, как у тебя, на нитке.

Увидев, что старик растерялся, Петро Николаевич объяснил:

– Потеряла она однажды этот камешек. Плакала, места себе не находила. Всем приютом искали. Она же слепая, точно не может показать, где потеряла. Пес помог. Борман, – что найдет во дворе, тащит ко мне в мастерскую...

Сидящий мужчина даже привстал, чтобы глядеть прямо в лицо деду Петру и полным тревогой голосом крикнул:

– Кто слепая? Вы о ком говорите?!

– О бабе Ксене говорю. Привезли ее в приют слепую... Умерла в прошлом году. Здесь, на приютском кладбище и схоронили. Славная была женщина, редко такие встречаются, – Петро Николаевич горестно усмехнулся и продолжил: – Все какого-то человека ждала... Да так, бедняга, и не дождалась. Ее никто ни разу и не проведаль. Дочки живут за границей – попробуй в наше время, доберись.

Старик, закрыв лицо руками, опустил голову. Дед Петро достал из смятой пачки «Примы» сигарету, заложил ее в старенький мундштук и не спеша закурил, деликатно отгоняя ладонью дым в сторону. Какое-то время сидели молча. Затем Петро Николаевич достал из

внутреннего кармана пиджака перегнутый пополам конверт, завернутый в пленку: «Я так понял, что человек этот – ты. Возьми, покойная просила передать». Тот с опаской взял конверт в руки и, будто оправдываясь, объяснил:

– Не взял с собой очки, ничего не увижу без них.

– Дома считаешь, – равнодушно заметил дед Петро. После короткой паузы с сарказмом добавил: – Теперь это роли не играет, раз до сих пор не прочитал.

Увидев на лице старика опять появившуюся бледность, дед предложил:

– Давай отведу тебя к нашей медсестре. Она знающая, может укол тебе сделает?

Мужчина отрицательно качнул головой, успокаивая деда:

– Не надо. Так обойдется, не впервой. Еще немножко посижу и пойду на автобус.

Петро Николаевич, считая, что надо как-то занимать пришедшего, гость все-таки, с любопытством спросил:

– Почему медаль в кармане носишь? Чужая, что ль?

– Зачем чужая? Моя! – с ноткой обиды ответил мужчина и потеплевшим голосом смущенно добавил: – Ксюше хотел показать. – И затем опять жестко: – Сейчас ордена напоказ не выставляют. Время такое наступило.

Уйдя взглядом в себя, мужчина с обидой будто выплевывал колкие слова:

– Не знаю теперь, я – враг или – герой? Двадцать пять лет, как один день, выясняли. Вроде выяснили – дали медаль. Даже школу в селе, где родился, хотели назвать моим именем...

Дед Петро с любопытством слушал, глядя во все глаза на старика. А тот продолжал:

– А потом все опять перевернули с ног на голову! Признали вдруг героями тех, кто воевал против! А я опять оказался в стороне – ни там, ни здесь... Теперь понимаю, лучше бы тогда затаился со своей Ксюшей где-нибудь, переждал, как некоторые... А-а, что говорить? Ни за грош жизнь прошла! Пойду я, бывай здоров!

Старик подал руку деду Петру, заодно представился:

– Алексей Гаврилович!

Тот ответил: «Петро Николаевич или – дед Петро, так все зовут». Алексей Гаврилович, держа в руке пакет, попросил деда:

– Возьми, передай женщинам, где жила Ксения. Пусть чай попьют на помин души.

Затем развернулся и широкими шагами, будто убегая, поспешил к воротам. Дед Петро порывался что-то вдогонку сказать, даже

тихонько воскликнул: «Эй, погодь!», но махнул рукой и пошел выпускать из конуры Бормана.

Находился Петро Николаевич под впечатлением разговора. Он удивлялся, иногда одобрительно хмыкал, переживая заново услышанное... И опять его отвлек собачий лай.

– Что за день такой? – удивился дед, прилаживая костыли и выходя во двор, – наверное пришли еще кого-то проведать.

Но Борман лаял на вернувшегося Алексея Гавриловича. Дед Петро взволнованно спросил:

– Что, плохо? Говорил же – надо в медчасть! Борман, пошел в будку! Сейчас закрою собаку и пойдем!

Алексей Гаврилович, вытирая платком лицо, извинился за беспокойство и ответил:

– Не надо, Петро Николаевич, в медчасть. Я вернулся узнать, какие документы надо, чтобы приняли в ваш приют?

Пораженный дед Петро молча уставился на Алексея, но тот избегал его взгляда, глядя куда-то в сторону.

– Неужто сам хочешь сюда, в приют? – недоверчиво переспросил дед.

– Хочу! Я ведь один остался.

– Ну, ты – человек награжденный. Должны принять! А бумаги в своем сельсовете возьмешь. Там знают, какие.

– Спасибо, Николаевич, за все! Еще просьба – не говори никому о моей награде. Дай слово, что не проговоришься! А то мало ли что?

Дед Петро растерянно кивнул головой:

– Ну, если просишь – не скажу. Мне-то что?

Алексей Гаврилович, заверив, что скоро придет насовсем, попрощался и ушел. Петро Николаевич выпустил в который раз Бормана из будки, и тот, благодарно лизнув деда в руку, понесся на средину двора, вспугнув воробынью стайку.

Таллинн

Марк Зайчик

Для вас, женщины

Фамилия матери Ахмада была Валлерштейн, Римма Исааковна Валлерштейн. Родом из Ленинграда, круглолицая красавица. За ней ухаживал студент Технологки, смуглый насмешливый мальч, уроженец далекой Палестины. На этом названии он настаивал. Это было давно, при советской власти.

«Мама, это почти Израиль», – убежденно говорила Римма еще не старой маме. «Рамалла, дочка, – не Израиль, я знаю географию хорошо, и Старый город – не совсем Иерусалим, – убежденно и грустно возражала мать, – какая ты, дурочка, Римма, не сберег тебя Бог». И, правда, не сберег, потому что брак Риммы не получился счастливым. Хотя обещал многое в этом смысле.

Муж Риммы был коммунистом по призванию, точнее, – энергичным комсомольцем, шабаником, как говорили его друзья по организации. Работать он не хотел, не любил, не умел. Питерскую жену свою он очень любил. Ревновал, баловал и так далее. Но часто пропадал неизвестно куда, оставляя ее с сыном на попечение родителей, живших в соседнем доме в Старом городе Иерусалима на улице Виа Долороза, что значит, если по-нашему, если кто не знает, – «Путь скорби». Римма страдала от этого, это было видно по ее горестно сжатому лицу и скованному богатому телу.

В семье мужа в Старом городе Иерусалима к Римме относились доверительно. Ее не обижали. И все-таки она прекрасно понимала, что можно, а что нельзя делать. Что будет прощено, а что – никогда. Семья мужа принадлежала к уважаемым кланам в городе. По праву.

Иногда у мужа ее бывали деньги, иногда – совсем нет. Но Римма никак не могла привыкнуть ко всему этому солнцу, суровой непреклонной зеленой вере, семейному котлу, оливковым битым и черным плодам в соленом и перченом соусе. Она очень хотела подстроиться, но это было невозможно. Римма была уже взрослая женщина из большого, как бы русского города, ко всему этому нужно было принаравливаться раньше, в отрочестве, в детстве, а не вкусивши уже, так сказать, греха, сахара и счастья жизни. Вообще, если начистоту, то Римма Валерштейн была распутная женщина, просто умела это

скрывать от всех. Ее дорога в ад была уже проложена ею самой и вымощена неяркой плиткой.

Ахмад был настоящий сын своего необычного отца. Такой чумовой парень, без царя в голове. Мать его учила тому немногому в жизни, что знала о ней сама. Энергичные, наученные в средней школе и в прогрессивном культурном центре через дорогу парни из соседнего квартала додали Ахмату богатые знания о сути жизни, о добре и зле, о том, что такое хорошо и что такое плохо. Он и сам догадывался о многом. В стройной картине арабского бытия ему мешала только мама, нарушая все добротой, уступчивостью и растерянностью.

«Нельзя детей бить», – говорила Римма отцу Ахмада. «Никогда не бить?» – интересовался отец. «Конечно, никогда», – разговор их велся по-русски. Почти всегда по-русски они говорили, потерянное поколение. Полыхающие ветки миндаля, как сказал поэт, освещали им путь в угрожающую даль жизни. Речь идет об иерусалимском миндале, который в больших количествах растет вдоль обочин дорог и скверов еврейской, протяженной в пространстве и во времени столыцы. Миндаль непринужденно растет в этом городе не для красоты, не для удобства, не для прикладной цели, – он просто растет здесь издавна, не зная особых забот.

«Чем ты так гордишься, скажи?» – спросила Римма смиренно своего мужа. А он и не гордился вовсе, он просто так себя вел, независимо ни от кого. Не смотрел по сторонам – гордый, достаточно честный мужчина. Ну, не в газету же на него писать, благо здесь было несколько так называемых «русских» газет, имевших читателя и почтителя. Но Римма была не из читателей и писателей, не из них.

Иногда Римма называла своего сына Ахмада Алешей. Он даже привык к этому прозвищу и откликался на него. По-русски он понимал, но не очень хорошо.

От одиночества Римма иногда ходила с пятилетним Ахмадом в Старый город Иерусалим – тогда в нем стали появляться новые граждане из СССР, после ослабления режима въехавшие большими группами в Израиль. Она шла в теплом платке, надвинутом на лоб, в длинном сером балахоне, казавшемся разом платьем и плащом, и громко говорила по-русски Ахмаду, который шел рядом: «Алеша, не балуйся, кому говорю». Ахмад не удивлялся и не баловался. Никто к этой странной женщине не подходил и не обращался. Но смотрели, конечно, удивлялись. Потом эти походы с Ахмадом в город у нее прошли – и он повзрослел, да и она кое-что поняла.

Римма по привычке боготворила так называемую «культуру»,

ходила на симфонические концерты, широко тратила деньги на книги в русском магазине у хозяина по кличке Караганда. То был плечистый мужик в сером кафтане, с огромной бородой в форме лопаты и в черной шляпе, под которой сверкали круглые фиолетовые глаза разбойника. Он не был разбойником. Почему его так звали – было неизвестно. Глухие слухи отсылали его в город, где он вроде бы заработал первоначальный капитал. На гоп-стоп он не тянул, хотя по первому впечатлению мог вполне сойти за атасника, максимум. Атасник – это тот, кто стоит на атасе, то есть на стороже во время кражи или грабежа.

А он был богобоязненный дядька, знаток и ценитель книг, собиратель русского фольклора, знавший цену копейке и пути к ее добыче. Он мог совершить все, что угодно на пути к заработку, и, кажется, совершал, но это всего лишь досужие домыслы, наговоры. В психологии и бизнесе он знал толк. Караганда отлично зарабатывал на всех этих скукоженных интеллигентах и восторженных дамочках, терявших рассудок при слове «поэзия» или – «лучшие произведения великой русской литературы 19–20–21 веков». Он отводил русской литературе три века процветания. Шутки его были такими же бородатыми и грубо-ласковыми, как и он сам. Шутки Караганды коробили интеллигентных покупательниц с современными гладкими прическами и зависимыми от обстоятельств пронзительными взглядами непотушенных глаз. Они смущались, думая: ну как же так, великая литература – и эти дурацкие шутки образованного, но хамского хозяина, похожего на лобазника... Для полного сходства книжному хозяину не хватало фартука и резиновых нарукавников торговца сельдью. Все остальное было при нем. Впрочем, дамы, несмотря ни на что, быстро объясняли сами себе: кто же из нас без недостатков? Ну, правда! И потом, они понимали, что поведение Караганды – часть спектакля продажи книги, который он устраивал и для собственного удовольствия, и для пользы дела.

Караганда, мужчина крепкого сложения, никогда не извинялся, никогда не каялся; даже в покаянные дни он больше помалкивал. Он был уверенный и сильный. Голос его грохотал и возвращался эхом из дальних углов, из мертвых девяток, как говорят в футболе. То есть не берущиеся мячи, пробитые с ходу быстроногими легкими форвардами. Мощный, иногда гортанный язык иврит, организованный донельзя стройно чахлыми выдумщиками и фантазерами из местечек и гетто бескрайней Российской империи, не звучал из его уст, потому что он не знал его.

За овальными стеклами витрин, устроенными в огромных оконных проемах метровой толщины стен из позапрошлого века, уютно

тренькал трамвай, похожий на снаряд дальнобойной пушки из близкого будущего. Трамвай, притормаживая, со свистом сворачивал на улицу, ведущую к городскому рынку, наполненному съестным добром и столичным людом, одетым скромно и даже бедно, не в пример своим прогрессивно настроенным, более подкованным в теории братьям из Тель-Авива. Проезжали торец огромного дома с тщательно выписанным натюрмортом из овощей, фруктов, арбузов, синевато-зеленых рыб и въезжали в рынок, на его основную улицу, забитую машинами и людьми. Двое прохожих, перебежавших мелкими шагами улицу, один – в мешанском картузе, другой – в расстегнутом великоватом пиджаке с хлястиком, были нетрезвы.

Караганда был здесь ни при чем, они выпили без его участия. И речь не о нем здесь.

Многие местные были влюблены в португальские томительные любовные песни, которые назывались «фаду». К Португалии у Риммы было особое отношение еще со времен ленинградских. У нее были свои большие и яркие фантазии, включающие неточные, сумбурные данные о португальской истории. Страна эта, каменистая и разная, беспокойно лежала, резво освещенная солнцем, вдоль бережья океана, Атлантического.

Лучше всех пела фаду Амалия, главная и непревзойденная исполнительница любовных песен. Речь идет о лиссабонском фаду, которое исполняют и женщины тоже. Амалия пела фаду гениально. Неподражаемо. Римма забывала о ревности, когда слушала ее. Ну какая ревность, когда она говорит так свои слова!

У мужа с Риммой бывали разные периоды отношений. Она часто сердилась на него. Но он знал одну фразу, которая решала все. Ну, прежде решала. Как скажет: «Слушай, ты мне приснилась сегодня. Идешь по траве, а на голове у тебя цветы, и ты голая, вся развернутая для любви», – и все, тут же любовь, кровь и все остальное. Но теперь и это не помогало, видно, устала женщина.

Муж Риммы думал, что вот с Амалией он мог бы найти общий язык, несмотря на всю разницу в их характерах и темпераментах. Он растворялся в тот момент, когда она начинала петь, совершая это головокружительно сильно, необычно, странно. Но где эта Амалия была, как ее найти и приучить к себе и своей любви, а?

Мужа Римма звала Борисом, производное от имени Валид. А что, похоже. Он был, конечно, необыкновенный и весьма оригинальный человек. Светский человек европейского воспитания. Вот, к примеру, они идут с женой в ресторан к евреям. Улица Шамай, Иерусалим. Второй этаж. Французская кухня. Крахмал. Полумрак. Человек со

скуластым бежевым лицом хитреца, с длинными опасными руками в белых перчатках и в застегнутом пиджаке распорядается.

Иврит ее мужа совершенен, он здесь родился и вырос, с евреями в еврейской стране. Сам стал почти евреем. Валид делает заказ и в конце просит – до всего – принести ему 100 гр. водки. На вопрос – «какой?» – отвечает, что все равно, но – в бокале. Официант приносит, демонстрируя некую мину удивления на бледном лице. Борис аккуратно выливает водку на руки и тщательно моет ладони, встряхивая их сильными движениями. Затем вытирает руки крахмальной салфеткой и поворачивается к жене: «Ну что, дорогая, поедим власть?» Та смотрит на него с некоторым оттенком ужаса и восторга. «Власть» звучит в его устах сладко и чувственно. Как испанская песня «Эспера» в исполнении Амалии. В ресторане скрипач с красной бабочкой в наглухо застегнутом воротнике рубахи играет им, по оплаченному знаку Бори, знакомую мелодию. Боря запекает, абсолютно трезвый, далекий от политики и бизнеса человек. Он выговаривает ласковым баритоном: «Эсперам поку, у покито». И все. И Римма забывает обиды и раздражение, течет как девочка и прикрывает бирюзовые глаза свои крашеными голубым цветом веками, чтобы никто не видел ее сладкого позора. Вообще, между ними тлела искра страсти, то была непреложная истина.

Римма Валлерштейн – тихая, достаточно несчастная женщина, со следами, что называется, красоты, которую не скрывали, не могли скрыть, традиционные глухие одежды арабской жены, годы напряженной духовной жизни и даже шустрый сынок. Она последовательно пыталась сделать из Ахмада такого человека, каким ей представлялся интеллигентный мужчина из приличного дома. Она последовательно отбивала своего мальчика, буквально отжимала его, от коды сверстников, заряженных ненавистью, политикой, гормональными бурями и революционной борьбой.

«Ты не должен их слушать, мой мальчик», – говорила она ему тихим голосом по-русски, щедро накладывая макароны по-флотски. Это блюдо не было традиционным для арабской кухни, но Римма любила его еще со времен Ленинграда. Она запомнила слова матери, сказанные вскользь соседке, что «мальчик растет на этом добре дешево и полезно, Маруся». У Маруси был сынок, который стал большим бандитом и сгнил в лагерях, но изначально здоров был очень, – наверное, благодаря этим самым макаронам с поджаренным фаршем. Или все дело в русской генетике, непонятно. Ко всему, Римма отдавала себе отчет, что арабская кухня Средиземноморья ей нравится больше ленинградской. Да и что там она такого ела в своем Питере,

чтобы вообще говорить о *кухне*! В фабрике-кухне у Нарвских ворот?..

Мать Риммы обладала силой убеждения. Вот только дочку не убедила, балда. Да что ж теперь поделать, жизнь прошла. Мать еще была жива в Петербурге, как называли теперь Ленинград в России. Римма уезжала в Иерусалим еще из Ленинграда. Не начинайте, красавицы, любить безоглядно. Любовь не стоит ее последствий. А быта – и подавно.

Ко всему прочему, дисциплинированная, грузная Римма заставляла подвижного мальчика учить английский с тихой румяной соседкой, которая вышла замуж за американского араба и прожила с ним 10 лет в городе Детройт. Потом этот наглец ее бросил в одночасье, ничего не объясняя и не оправдываясь, как обычно бывает. Поставил перед фактом – и исчез. Все они бросают и исчезают в одночасье, железные аферисты любви. Она вернулась к достойным родителям в Старый город Иерусалим с тремя детьми и двумя контейнерами книг в твердых переплетах, на английском. Она безропотно подрабатывала уроками и правильным оформлением документов в американское консульство на визу для своих братьев, страдающих свалить отсюда в США. Все они были тяжелы на оплату ее труда.

– Мама, ну потом, а?! – просил Ахмад, – у меня голова болит, ну какой английский, потом...

– Немедленно мой руки и иди на урок, – отвечала мать. Она была непреклонна. Уж лучше бы она была так непреклонна, когда за ней ухаживал будущий муж. А если уж ты такой оголтелый родитель, то можно иногда и уступить ребенку, – но Римма не уступала своему кровному мальчишечке никогда и ни в чем. И чего добились, дуреха? А!

Она протягивала мальчику тетрадь и авторучку – «давай, мой милый, учись, будешь инженером, потом будет легче». Все разговоры между ними велись по-русски, что не мешало и матери, и сыну, несмотря на практику, говорить с чуть гортанным акцентом и напряженно подыскивать нужные слова. К своим 27 годам Ахмад по-русски говорить будет, но очень плохо, неряшливо. Римма говорит по-арабски лучше, ее понимают и родственники мужа, и соседи, и лавчнички, но все равно относятся к ней, как к заблудшей в Старом городе Иерусалима русской туристке, – вежливо, осторожно, недоверчиво. Все про нее знают, – кто она и что она, – но никто никогда не говорит ничего. Ее не осуждают – ее не понимают, ее откровенно рассматривают. А ей вообще все равно: она из Ленинграда, она выше сплетен и наговоров. Хотя боится ходить вечером одна. Телевизор, все 150 его каналов – ее отрада, да книжки, которые присылает 78-летняя мать

из дома в тяжелых бандеролях из мягкой картонной коричневой бумаги.

Очень странно, но Ахмад, когда ему было лет 16-17, очень походил на немецкого юношу из гитлерюгенда, а точнее, на плакатное изображение защитника арийской расы: с пшеничным чубом на высоком лбу и высокомерным взглядом серо-голубых глаз – куда-то вперед, к победе. Да-да, у Ахмада были пшеничного цвета волосы и серо-голубые глаза. Только вести себя, как ариец, он не научился; генетика и окружение в школе и на улице не позволяли. И мистический немец Р. Вагнер был ему не знаком, а если и звучал где-то на заднем плане фоном к передаче израильского радио за утренним материнским кофе, то не доминировал над сознанием и не подавлял его семитский мозг. Ахмад был испорчен, а точнее, сформирован восточной цивилизацией и песнями египетской королевы, хозяйки дивного трагического контральто и роскошных сливочных плеч. Та умерла в Каире, по слухам, в забвении. Но не в нищете.

Мать пыталась научить Ахмада русским стихам. Безрезультатно. Она повторяла, глядя на сына с материнским сомнением:

Да, я поэт трагической забавы,
А все же жизнь смертельно хороша,
Как будто женщина с линейными руками,
А не тлетворный куб из меди и стекла...

Суровые питерские строки поэта, родившегося в немецкой, а, может быть, и еврейской, если это важно, семье с Литейного проспекта, ничего Ахмаду не говорили. Зато он пристрастился к российскому ТВ, которое уже взрослым мальчиком смотрел вместе с мамой в гостиной их двухэтажного дома, где не было и намек на пыль – Римма ходила с тряпкой круглый день и протирала, и вытирала. У нее был очевидный синдром чистоты, появившийся в Иерусалиме сразу по приезду. В Питере его не было. Так вот, московское телевидение сделало русский язык мальчика много лучше и выразительнее. Правда, говорил он теперь с московским акцентом, а вернее, каким-то торопливым тщательным говорком, чуть ли не скобарским. От слова «скобарь», как называли в Ленинграде жителей Пскова, переселенных в город Петром. В городе скобарям приписывали суровость и жадность. Ахмад таким не был.

У Риммы же в Ленинграде были такие соседи, мама с ними ладила, Римма тоже. Они не судили никого, эти женщины, у них была своя жизнь. Тетя Маруся была одной из них. Она запирала буфет от внуч-

ка на навесной замок, который даже он, богатырь от рождения, не смог бы выломать. «Что же ты за эсэсовка такая, бабка, а?» – обреченно спрашивал ее внук, снимая похмельный пот со лба широкой ладонью. «Уж какая есть, миленький, какая есть», – она торжественно выходила из комнаты, прикрывая за собой дверь – не до косяка, чтобы успеть на раздачу в случае успеха внука в поисках счастья и деле взлома. Но он никогда не преуспевал в этом деле, да и в других тоже.

Ахмад вглядывался в экран, на котором была видна кровать в розовых простынях и цветах. Лежала томная женщина с поднятой розовой рукой, а из глубины сцены выходил на прямых ногах лохматый мужик в костюме без галстука и пел, дергая в стороны правильное, чуть одуловатое лицо:

...Миллион, миллион, миллион алых роз
Из окна, из окна, из окна видишь ты.
Кто влюблен, кто влюблен, кто влюблен – и всерьез –
Свою жизнь для тебя превратит в цветы.

Ахмад был просто зачарован музыкой, песней, певцом и, конечно, девушкой с прекрасным неестественно розовым телом. «Таких не бывает, мама, правда?» – хотел спросить он мать, но стеснялся. Были темы, о которых он не мог говорить с мамой. Зря, наверное. Он попросил мать всегда звать его, когда будет эта песня по телевизору. Мать обещала, с рассеянным видом передвигая чашку с чаем по скатерти. Мать много лет любила испанскую песню «Эспера», под которую отец Ахмада ухаживал за ней и любил ее.

Но Ахмад любил «Миллион алых роз» – кто бросит в него камень за это? Ахмад пытался даже напевать, бормотал про миллионы роз, любовь, морковь и прочее. Но вот стихи давно умершего не в России рыжего поэта с постоянной дымящейся сигаретой в кисти хорошей лепки он выслушать больше строки не мог. Что-то в нем протестовало, смущало его. Наверное, тяжелая сила этих слов; наверное, музыка далеких берегов; наверное, безмолвный восторг внезапно постаревшей матери... Этого поэта, нерусского отщепенца, бывшего тунеядца и белолицего брезгливого курильщика, почему-то часто показывали по русскому телевидению в последние годы, он стал популярен. Как это и почему произошло, – Ахмад и его мать не знали в своем заповедном Старом Иерусалиме. Одно для Риммы было очевидно: Ахмад там не смог бы прожить ни дня.

Это все было необъяснимо и непонятно, да и неважно. Кто там поймет московские интересы и расклады в политике, культуре, архитектуре и развитой живописи суперреализма. Кто и зачем. Разве что только гудящий голос изгнанника, суровый напор его слов, странная мелодия их могут что-то разъяснить далекому и сентиментальному безвольному слушателю. Но никто не слушает никаких разъяснений, не до разъяснений. Только стихи, только стихи. Глухие, мощные слова, негладкие, почти нерусские стихи, – и все равно замечательные строки:

Я родился и вырос в балтийских болотах, подле
серых цинковых волн, всегда набежавших по две,
и отсюда – все рифмы, отсюда тот блеклый голос,
вьющийся между ними, как мокрый волос,
если вьется вообще...

– и так далее.

Однажды Ахмаду попало объявление на афишной доске о распродаже вещей в квартире на улице Кинг Дэвид. Ахмад бесцельно шел мимо, стараясь не сталкиваться с полицейскими, которых в центре города всегда хватает. Объявление было написано от руки, черным фломастером, без ошибок. Ярко и просто – «Распродажа». Ахмаду было 17 лет. Он зашел в подъезд и на втором этаже толкнул незапертую дверь. Его приняли хорошо. Люди – аспиранты с маленьким ребенком, ползавшим по полу, – уезжали в Канаду на учебу, расти в науке. Впрочем, он не все понял. Его это совершенно не интересовало. Ему было неважно. Мать всегда говорила, что нельзя лезть в чужую жизнь, «так себя не ведут, мальчик».

Он легко сторговал почти новый холодильник, телевизор, стиральную машину, компьютер, игрушки, еще какие-то вещи. Попросил подождать его полтора часа, ребята согласились, успокоенные быстрым расставанием с вещами. Ахмад сбегал домой, опять счастливо обойдя по дороге патрули пограничников. Он взял у матери 2 тысячи шекелей, нанял кашляющий и свистящий по-разбойничьи, но бодро катящийся грузовичок у Шхемских ворот за 200. Разбитые борта грузовичка были украшены бахромой из веревки. Они с шофером лихо подъехали к нужному дому, сделав запрещенный разворот. Ахмада ждали, хозяйка хищно откусывала зеленое яблоко, хозяин держал хохочущего ребенка с закинутой от счастья желтоволосой головой на руках, и говорил ему: «Я тебя съем, Яир, в два приема». Яир смеялся и смеялся. Испанский певец Иглесиас пел пронзительную, старую песню «Подожди».

За 8 минут Ахмад с шофером, почти летая от удачи и силы,

вынес купленные вещи на вытянутых руках. Звук выгружаемых предметов в кузов машины был гулкий и походил на торжествующий звук дарбуки свадебного барабана, У грузовичка уже топтался полицейский, но Ахмаду в этот полдень везло, как никогда потом. Он расплатился с благодарными веселыми хозяевами, отмолил у полицейского штраф и поехал в деревню за Французской горкой. Там жил скупщик, продававший неновые вещи в деревнях Иудеи. Скупщик, шустрый малый, похожий на озабоченного кота, взял у него все оптом за 4 с половиной тысячи шекелей. Ахмад говорил по-арабски чисто, не делая серьезных ошибок. Деньги он считал также по-арабски. Никто и никогда не мог угадать в нем участия Риммы Валлерштейн. Она говорила с ним по-русски, так как не могла позволить себе говорить с ребенком кое-как, то есть с ошибками и акцентом.

Ахмад расплатился с шофером, отдав тому на радостях на 100 шекелей больше оговоренных. Потом он отдал матери долг и спустился в кафейню Аббаса за углом, покайфовать. В кармане его лежало много денег, весомых красных и бежевых банкнот, заработанных так просто и легко. Он не был зол, потому что не был несчастен. Он был весел и возбужден, молод и полон надежд. «Моя жизнь меня еще удивит», – подумал он, заходя в кафе. Хозяин кивнул ему дружески. Мальчик с кофе на позолоченном подносе сосредоточенно промчался в лавку менялы. Ахмад легко показал рукой: «Мне – как всегда». Хозяин смиренно кивнул ему, что понял.

Так он стал старьевщиком. Мать, оставшаяся еврейкой до последней генетической клетки, хотела, чтобы он стал адвокатом, врачом или, минимум, – антикваром. За углом у них жил антиквар. За углом, между прочим, шла узкая, известная многим улица под названием «Виа Долороза». Иногда Римма заходила поглазеть в лавку к антиквару. Хозяин был армянин. Его звали Ара.

Он не был похож на тех армян, которых Римма знавала в молодости. Они, стройные кавказцы, обычно стояли с уверенными красивыми лицами в вестибюле кафе «Норд» на Невском. Чего-то они ждали или просто так проводили время. Синеватые от холода правильные лица их были обмотаны махеровыми разноцветными шарфами... Антиквар за углом на улице Виа Долороза был тихий, интеллигентный человек, с мягкими манерами и изучающим взглядом круглых блестящих глаз. Одет он был всегда с иголочки. Не без лукавинки.

Римма очень любила содержимое его ухоженного магазина с продуманным и роскошным восточным содержимым. Все эти инкрустированные шкатулки для драгоценностей, стоявшие под углом на

тяжелом обеденном столе с темной, лакированной поверхностью; амфоры и кувшины для вина, которым, согласно хозяину, было по 300-400 лет; зеркала в которых отражалась и застывала эта и прошлая жизнь, и так далее. Особенно она любила стену с холодным оружием. Все эти шашки, сабли и палаши из Алеппо, мастерски сработанные на ремесленную совесть из дамасской, с синим оттенком, стали; кинжалы в кованых ножнах и звенящие от сдерживаемой мощи царские ножи с ручками из слоновой кости... У нее был любимый кинжал, сработанный в Тифлисе 170 лет назад неизвестным и непревзойденным мастером. Купить его было невозможно по причине высокой стоимости. У безупречного кинжала была бороздка посередине лезвия. Римма знала, что она сделана для стока крови пострадавшего от ножа и для того, чтобы в рану беспрепятственно прошел воздух, доведя дело убийства до логического конца. Она не спрашивала цену кинжала, потому что боялась не удержаться и купить во чтобы то ни стало.

В отдельной стеклянной неглубокой витрине лежало несколько страшных вайнахских клинков. По-чеченски их называли шалъта. Это были замечательной красоты вороненые и блестящие кинжалы, украшенные сложным серебряным орнаментом дивной красоты. Как написал о них поэт, «...последний судия позора и обиды». От этого оружия веяло богатством, волей, смертью. Они стоили огромных денег. Ара покупал их в Иордании и Сирии у живших там почти полтора века чеченцев. Римма, непонятно почему обожавшая ножи и сабли, смотрела на оружие, как зачарованная, голова ее кружилась.

Дома у нее был один такой страшный нож, сработанный сравнительно недавно. Это был странный подарок старшего брата мужа, молчаливого зачарованного человека, врача-дантиста с советским дипломом, из деревни под Шхемом. Нож был сделан в Тифлисе, в мастерской на улице Серебра, опытным мастером, пожилым грузинским евреем, религиозным, как все тамошние иудеи; чувствовавшим красоту смертельной линии лезвия. Ножны были под стать ножу: безупречно красивые и очень дорогие. Римма дорожила этим подарком и иногда, вынимая нож из ножен, подолгу смотрела на свое отражение на его теле.

Хозяин следил за Риммой исподлобья. Он стеснялся сказать истинную стоимость своих вещей в магазине, так как был скромн и тих. Но он отлично знал цену всему, в том числе и себе. Он любил драгунские офицерские шашки 19-го века, их простые страшные тела и удобные рукоятки; он любил и камзольные капризные шпаги из Центральной Европы, считая их лучшим оружием нападения. Тифлисский нож, приглянувшийся Римме, он тоже любил как род-

ной. Иногда, когда не было посетителей, Ара рассматривал его ледяное тело, положив нож на стеклянный прилавок. Мастерская в Старом Тбилиси находилась в полуподвальном помещении, три ступени вниз. Неподалеку была большая синагога, – это то, что помнил Ара, тифлиссский армянин.

В стеклянную дверь его магазина било солнце из-за городской стены. Ара, чему-то улыбаясь, осторожно возвращал нож на место. Он терпеливо ждал щедрого и понимающего покупателя для этого ножа, расхожее древнее имя которому было по-грузински – «ханджали».

Магазин Ары был совсем небольшой, метров 20 вместе с подсобкой. Чугунные решетки на окнах – прочными и несгибаемыми. Он был очень богат, этот Ара, потому что умел делать дела. Богатство не зависит, как известно, от квадратных рабочих метров твоего магазина. Или деньги есть, или их нет, – это все знают.

Не только армяне, но и арабы на этой земле – совсем другие, чем в Ленинграде. Там они были пугливы, заняты зачетами в ВУЗах, озабочены действительностью, которая их пугала. Да и люди тамошние их не жаловали. Здесь же они находились на своем месте, крепко стояли на своих двоих. Некоторые были учтивы и воспитаны, очень мягки и вкрадчивы. У энергичного большинства челюсти были как капканы.

А уж о евреях и речи нет. Еврей в Ленинграде и Иерусалиме – это как уставший тигр из зоопарка и тигр на охоте в джунглях. Есть разница? Конечно, скажете вы. Римма Валлерштейн-Халед, женщина с зачитанной книгой ленинградской прозы некоего Феди Ч-а, ничего не понимала в жизни и не стеснялась в этом признаться. Никакой особой идеи счастливой жизни у нее не было. Только любовь, как убежденно говорили по телевизору на коммерческом израильском канале одинокие дамы средних лет с небрежно подведенными рысьими глазами и гладкой дорогой прической. Справедливости ради скажем, что и в Ленинграде среди народонаселения были исключения из правил, и в Иерусалиме тоже всякие встречались. Никто не занимается обобщениями, никому эти обобщения не нужны. Уж мы точно объективны, просто сил нет, как объективны. Мы говорим о тенденции.

Ахмад стал старьевщиком. «Но хоть не бандит», – ласково думала Римма, глядя на смуглый, резкий затылок своего мальчика. Она его обожала. Она никогда не думала о своей жизни вне Ахмада. «Какой он изящный», – бормотала она про сына. А и то, изящный, конечно, не совсем восточный человек. Ахмад прочно занял место своего отца в душе у Риммы. Никакой особой борьбы за душу Риммы

Валерштейн и не было. Вся душа ее была полна родившимся сынком. Потеснил Ахмад папку, потеснил.

Ничего за ним не было, за этим Ахмадом, только мама, только уверенность в собственной непогрешимости, только злая идея, только наступивший нечетный век, только беглое знание счетного дела, только наглая физиология удачливой юности, которую он гнал перед собой, как овцу на забой.

Как-то, когда Ахмаду было 6 лет, он шел днем мимо Яффских ворот с мамой по ее делам. Вдруг мать гулким голосом окликнул полицейский, стоявший с коллегами на брусчатке возле лоточника, торговавшего кнафе, есть такая замечательная сладость. Тогда была еще брусчатка у ворот в Старый город. «Римма», – сказал полицейский. Мать споткнулась и взяла Ахмада за руку, чего он не любил. Полицейский был в офицерском звании, хорош собой – блестящая от бритвы кожа на щеках, дымчатые очки, закатанная до локтя форменная рубаха... Красавец и плакат в единственном числе.

Римма остановилась, сжала руку ребенка, красавец-еврей подошел к ним упругим молодцеватым шагом. «Помнишь меня, я с Валидом учился в одной группе, меня Борей звать, мы в волейбол с ним играли за курс, помнишь?!» – спросил полицейский. Римма чуть кивнула, что помнит. Она очень смущалась, была на грани сердечного приступа от волнения. На них во все глаза смотрели продавцы сока и бубликов, сувениров и платков с изображением непонятого молодого человека в куфие и черных очках, а также трое пограничников лет по 19 с деревянными дубинками на поясах. Тот, гавнюк, что с бубликами, был страшным сплетником, но уйти Римма не могла. «Я не такая, как вы, я ничего не боюсь, в гробу я всех видала», такая у нее была позиция. «Как ты? Как Валид?» – спросил светским тоном Борис, отчество которого было Абрамыч, а фамилия у него была двойная или даже тройная, и, вообще, не произносилась вслух, что-то вроде Кацелененбоген-Кац-Тухенвальд. «Все хорошо у нас, Валид занимается бизнесом», – тихо сказала Римма. Борис Абрамыч взглянул на нее так называемым «сыщицким» пронизательным взглядом, промолчал. Что-то в нем было искусственное. «Служба, – вдруг поняла Римма, – заставляет.» «Ты здесь живешь, неподалеку?» – спросил Борис Абрамыч. Он не любопытствовал, он все и так знал. А у нее секретов и нет, просто неловкость. И все. Римма кивнула – что да, здесь. «Я здесь не бываю вообще, я в криминалистической лаборатории служу. Ты заходи, если что, звони», – сказал Борис Абрамыч и протянул ей визитку. Взгляд его муаровых, похожих на обточенные морские камешки глаз, был пыливый и изучающий. Римма простилась с ним за руку. Он фальшиво сказал вслед: «А пацан у тебя

крупный какой, смысленный, да... в папку, наверное?» Римма не ответила.

Она бежала оттуда сломя голову, подвернула ступню во время бегства. У него был румянец во всю щеку, хотя ему было уже лет 30 от рождения. Больше она этого Борис Абрамыча и не видела. И не слышала. Он и в Техноложке был активистом, с такой-то фамилией, – Валид ей рассказывал, посмеиваясь. А Римма активистов, даже таких стильных, загадочных и красивых, никогда не жаловала. В Питере они ей «не катили», как говорится. А уж здесь и подавно. Заметим на полях, что Римма не была справедлива к Борису Абрамычу, потому что он не был таким, каким она себе его представляла. Просто приобретший почву под ногами молодой человек, кормивший небольшую семью на скромную, но постоянную зарплату. Не думавший, уже, слава Богу, о благозвучном звучании своей фамилии.

Да и Римма была совсем не той женщиной, которую себе представлял Борис Абрамыч по прошлому. Римма казалась тогда ему еще той оторвой. Она приходила на институтские вечера с голыми сливочными плечами, которыми очень гордилась, пугала окружающих изумрудными драгоценными зубами; подруги возмущенно отворачивались, парни восхищались и не знали, как реагировать. Оркестр, состоявший из сокурсников-венгров, очень похоже работавших под «Битлз», играл бессмертное «Кам бэк ин ЮЭСЭСА». Венгры энергично и надменно слаженно пели, почему-то с финским акцентом. Все истово танцевали твист, она приглашала Валида, только Валида... Любовь, понимаешь... Сейчас она чуть потускнела, хотя все ее осталось при ней, и даже больше, чем прежде. Но, увы. И не оторва вовсе. Называйте меня просто – Римма Исааковна Валерштейн, жена Валида. На Валиде она всегда настаивала.

Римма сняла с себя шерстяную кофту, так как ей стало жарко. Кофта эта, связанная из тройной верблюжьей нити, всегда сохраняла тепло ее женского тела, даже через пару часов была еще почти горячей. Римма вообще была всегда, как печь, прямо обжигалась. Она никогда со времени своего замужества не ездила больше в Питер. Ну, не ездила – и все. И Ахмада не возила своего. Как только она представляла свое появление в городе в этом своем сером пыльнике дощиколотки и глухом платке на глаза, так ей немедленно становилось муторно на душе. Подскакивало давление. Она сама не пила и Ахмаду все время повторяла расхожую фразу, что пьянство – мать всех пороков. Ахмад пил очень редко, это было не для него. Он выпивал очень оригинально: набирал в рот из стакана водочки, полоскал небо, мгновение вслушивался – и с очевидным разочарованием проглатывал. Мать смотрела за этими действиями сына одобрительно.

Римма привезла с собой в Старый город Иерусалима записную книжку. Такой советский блокнот в коленкоровой красной обложке, с буквами, нарезанными по краям страниц. Иногда она перелистывала эту книжицу, заполненную именами и номерами телефонов подруг, друзей, родственников. Безо всякой мысли, просто так. Через несколько лет эту книжку в руки взять было невозможно, она умерла вместе с именами и телефонами, заполнявшими ее. Блокнот лежал в верхнем ящике тумбочки возле кровати Риммы. Она его не трогала. Натолкнувшись на него, она нервозно передвигала его вниз под какие-то мягкие квитанции и исписанные узорами счета за электричество. Но не выбрасывала. Пусть будет, ничего страшного. Женщины лучше мужчин, как известно, хотя и не все. Далеко не все.

Иногда в соседнем квартале она смотрела на переписчика святых еврейских Книг. В окне, в глухой стене, на первом этаже... Он всегда сидел за невысоким столом, с удлинненной лупой на лбу и гусиным пером над пергаментным листом. Терпения его труд требовал невероятного. Человек был при деле, уважал труд, выражение лица у него было счастливое при всей напряженности многочасовой работы. Римма подолгу наблюдала за этим бородатым нестарым мужиком в переднике. Он ее не замечал, не показывал вида. Она очень хотела познакомиться с ним, поговорить, посмотреть на книги, но боялась быть непонятой и неловкой. Так и не решилась зайти. Наверное, правильно. Ну, куда ей в этом сером пыльнике заходить к другим людям? Хотя переписчик этот говорил по-русски и понимал по-русски, был веселым, свойским, лукавым человеком. Без акцента говорил, и без акцента понимал. И объяснил бы ей все, и показал, и рассказал. А нельзя, – это Римма знала твердо.

Римма была невероятной чистюлей. Еще когда они, только пожившись, обсуждали будущую жизнь в Старом городе Иерусалима, муж в шутку говорил ей, что работа для нее найдется всегда. «В конце концов, ты всегда сможешь пойти убирать квартиры у евреев.» Она считала, что он неудачно шутит. «Стабильный заработок, который всегда есть», – говорил муж. Он пел ей песню «Подожди» по-испански, устоять было Римме невозможно, да она и не хотела, конечно, ничего другого, кроме как этого парня в хорошем пиджаке с четками в руке. Кстати, четки эти сводили с ума мать Риммы. Но кто же ее слушал?

Мать Риммы говорила о дочери ее ухажеру: «Она очень милая, моя Римма, но совсем не красавица, Валид, чтоб вы знали». Валид, которого Римма уже звала по-свойски «Борей», понятиливо улыбался. «Уж не ‘бок’ ли этот Боренька, так похожий на Магомаева?» – тревожно и неправильно думала риммина мама. «Бок» значило на наре-

чий «дурень». И потом, как это не красавица – когда красавица, настоящая ленинградская красавица, наивная девочка.

Римма в Ленинграде писала стихи и даже раз сходила на занятия в Литературное объединение. Уродливый невысокий дядька, одетый в костюм-тройку, с дорогой незажженной трубкой во рту, бородатый, скрипевший и кряхтевший, тяжело дышащий, пахший небывалым запахом дорогого табака и еще более дорогого мужского одеколона, с трудом выговорил: «Прочтите, барышня, четыре свои строки для всех нас». В большой комнате Дома культуры, что на Петроградской, было человек двенадцать, может быть, пятнадцать. Все они были одеты небрежно или так казалось Римме – непонятно. Хорошие вещи стоят дорого, доченька, говорила ей мама.

Римма, не стесняясь, отважно прочла, покраснев скулами и висками от внимания: «Оранжевый закат, печальная заря, ты где, моя любовь, бежавшая меня». И так далее. Дядя густо кашлянул, побряхтел, поплевал, похрипел, свистнул и попросил парня лет 22-х, с белоснежным лицом и синими губами, которого он давеча называл Гоголем, вернее, «новым Гоголем»: «Что-то есть, оригинальное. А ты что скажешь, Коля, нашей претендентке?» Коля осмотрел Римму с головы до ног и вяло сказал: «Пусть ходит, чего... тут много кого появляется». Некоторые мужчины в комнате кивнули – что да, пусть ходит девушка, лучше, чем по танцулькам. «Танцульки тоже ничего, развивают мышцы и темперамент», – сказал новый Гоголь. «Давайте девушка, захаживайте, будете поэтессой, вас как звать – Римма, говорите? Ну, скажем, как Римма, известно какая, фронтовая и боевая, кхе-кхе, подруга», – он запыхал, зафыркал, свистнул, захрипел. Новый Гоголь налил ему воды в стакан из зеленой бутылки «Боржоми». Римма больше там не появлялась, потому что у нее была интуиция. Во всем у нее была интуиция, только на мужа интуиции у нее не было. «Дур-ра ты Римка, дур-ра, а я думала, что хоть ты не такая», – говорила ей картавая девушка из области, мать-одиночка с параллельного потока, которая тоже писала стихи и ходила с ними знакомить мэтров в клуб «Родина» в Летнем саду, надеялась, деревня, найти там мужа. Но, как говорится, тщетно.

В соседнем доме на втором этаже жил бородатый и полнолицый дядя мужа Риммы. Он был болен, большую часть времени лежал. Его звали Абид, что значит «Поклоняющийся». Чему он поклонялся, дядя Абид, Римма не знала. Лицо его было темное, сжатое, измученное. Глаза сидят глубоко и пугают. В семье все ухаживали за ним с утра до вечера. Заходила к нему и Римма, наострившаяся делать обезболивающие уколы. У нее была так называемая «легкая рука». Она

говорила ему немногие слова, которые знала по-арабски, разбавляя их питерским сленгом. Римма считала, что так ему будет понятней. Абид все понимал, улыбался Римме и говорил длинные фразы о своей судьбе. Он цитировал суры, кладезь мудрости и морали. Дела его были плохи и становились все хуже и хуже. В один из дней она зашла к нему в полдень. На камне у входа сидела ворона, перетаптываясь и крутя головой по сторонам. Кот с ограды напротив смотрел на ворону с опаской. «Не тронь меня – и я останусь здесь сидеть», – говорили его муаровые глаза. Вороне дела не было до него и до его глаз, у нее своя жизнь, а у котяры своя; она была суетлива, склонна к скандалу и опасна. С ней никто не хотел связываться, потому что себе дороже выходит.

Никого не было за незапертой заскрипевшей дверью на первом этаже. Римма поднялась по лестнице без перил к Абеде. Она принесла ему в глубокой тарелке, с синим узором на дне, кислого мягкого сыра (лабана), хлебную лепешку, нарезанный огурец, помидор, черных битых маслин в осколках перца и прочее добро. Она всегда носила ему еду, хотя он не был голоден. Римма просто помнила, что мать ее считала голод главной болезнью, опаснее самых страшных и темных. «Сначала надо накормить, а потом лечить», – говорила мать, пережившая блокаду взрослой девушкой. Римма это запомнила, как и многое другое. Еще мать говорила, что люди не изменяются, а стареют. Мать иногда добавляла, что мужчины стареют, а женщины все-таки меняются. Но так она говорила очень редко.

Абид ей улыбнулся. Улыбка его была слабая, измученная. «Как ты живешь, Римма?» – спросил он. Римма поставила тарелку на табурет возле изголовья. «Я живу хорошо, дядя Абид, а ты как живешь? – Это главное», – сказала она, оставшись стоять. Он кивнул ей, пристально взглядываясь в нее голубыми глазами, почти как слепой. Болезнь перемалывала его, оставляя самые крохи жизни. «У меня к тебе большая просьба, Римма.» Она кивнула, продолжая смотреть на него. Она догадывалась о его просьбе. «Я хочу тебя потрогать, очень этого хочу, ждать не могу – времени нет у меня.»

Когда она приехала с мужем в Старый город Иерусалим жить, то дядя Абид был в силе и славе. У него была аптека. Диплом провизора он получил в Иордании, в столичном университете Рабат Амона. Он был очень солиден, уверен в себе, властен. У него была коллекция четок. И сейчас на руке у него была мисбаха из легких камешков неизвестного происхождения. Камешков было 99; Абид слушал их ритм, приучавший его к вниманию, жизни, любви. Абид любил поесть и делал это с удовольствием. Не толстел, хотя съедал много. Ходил энергично, не обращая внимания на препятствия, отмечая их.

Он тянул правую ногу и ходил с тростью. Знал четыре языка. Крутил дорогие четки. На Римму он смотрел мельком, но внимательно. Глаз его был опасен, но ни в чем особенном на житейском пути он не проявил себя. Зато как-то сказал Римме в присутствии мужа, что очень хорошо женщине не изменять прошлому. «Вот ты, Римма, не изменила отцу и матери, я тебя уважаю за это», – сказал дядя Абид веско. «Да мужу все равно, кто я и что», – ответила Римма без досады, нежно. Муж ее улыбнулся. У него были железные нервы. Кровь с молоком. Возле него Римма всегда терялась.

Сейчас у Риммы был 14-летний мальчик Ахмад. Она почти прижилась в этом месте. С ударением на слове «почти». На всех языках, кроме русского, она говорила с ошибками и с трудом. Однажды она вдруг подумала, неожиданно для себя, что не так уж она безупречна в своей жизни. Она постаралась перестать об этом думать, потому что эта мысль ее огорчала.

Римме было к этому моменту 34 года. Муж отсутствовал по своим непонятным делам уже четыре месяца. Она с замужества пополнила, но была очень хороша собой. Она стояла напротив кровати с больным, еще недавно очень здоровым, а сейчас скатившимся донельзя вниз, изможденным человеком. Она не шевелилась.

«Разденься», – сказал Абид. Тон его был не просительным, но непреклонным. Она умоляюще посмотрела на него. Потом повернулась и пошла к двери. Закрыла ее на ключ и вернулась на место. Быстро разделась, не путаясь в одежде. Она подошла к кровати, перешагнув комки одежды на полу. Холод каменных плиток пола ее не остужал. Он взял ее за руку выше сильного локтя. Рука его была горяча, как огонь. Пульс внутри полного локтя женщины стучал, как сумасшедший. Римма дрожала, по животу ее пробегали судороги, сизого цвета рябь покрывала тело. Абид погладил ее ногу выше колена и счастливо улыбнулся пустым ртом. Он осторожно коснулся полных губ, набухших и немедленно повлажневших в его ладони. Римма задыхалась и дрожала от его нежных и хозяйских прикосновений. Густой женский сок полил из нее. Потом он убрал руку, сжав ее в костистый слабый кулак. Устал, закрыл глаза. Он улыбался блуждающей страшной беззубой улыбкой. Римма еще постояла, как будто чего-то ждала. Потом оделась, шагнула к нему и жадно и благодарно поцеловала в губы. «За что, девочка?» – спросил этот человек. Она ушла быстрым бесшумным шагом. Никто ничего не узнал. Через месяц Абид умер.

Та картавая сокурсница из провинции повторяла Римме не раз, декламировала, как свои стихи. Направо и налево. И соседка их ленинградская, тетя Маруся, вторила, напрягая горло за сокурсницей,

глядя на ухажера Риммы, нагруженного цветами и подарками: «Ну, дура, ну, суцая дурра, ты, Римка. Он же поматросит и бросит».

И так и было. Но Римма была здесь не при чем. История эта о том, что сынок ее Ахмад, чудный востроглазый мальчуган, понимавший по-русски и наигрывавший в детстве на уде, занимался скупкой подержанных вещей у евреев в Иерусалиме и продавал их перекупщикам. «Женить его надо, – думала Римма, глядя на своего мальчика, – женить.» Она отдавала себе отчет, что он не безупречен. «Так зато меньше демонов в нем сидит, в небезупречном», – думала она. Римма помнила чью-то фразу о том, что чем безупречнее человек, тем больше демонов сидит внутри него. Этот вывод ей нравился. Муж ее, Валид-Борис, находился сейчас неизвестно где. Он разочаровался в политике, и теперь было вообще непонятно, чем занимается и с кем знается этот гражданин мира. А какой был замечательный человек, подумала Римма о нем с горечью.

Потом в России пропал напрочь Ара, поехавший туда по делам. Не нашли, ничего не обнаружили. Ходили какие-то жуткие слухи о его судьбе, вроде бы его убили ножом в гостинице злодеи и закопали тело в подмосковном лесу. Кажется, его наказали за неоплаченные предметы русского антиквариата, или, наоборот, переплаченные. В России все так сложно. Римма очень переживала. Она проходила мимо запертой лавки армянина, витрина за решеткой была вся в густой пыли, чего никогда прежде не было. Сердце ее кровью обливалось при мысли о нем.

К ней заходила соседка, та самая, которая пыталась научить Ахмада классическому английскому языку. Несмотря на детей и сложную личную жизнь, эта женщина была тонка в талии, легка в поступи и нетороплива в понимании происходящего. Звали ее Бушра. Они сидели за столом и пили очень сладкий чай с мятой в гулкой гостиной. Две женщины с потерянными для них мужьями. Младший сын Бушры тихо играл в углу гостиной в непривычные для него кубики, принадлежавшие Ахмаду и сохраненные Риммой из сентиментальных соображений. Говорили ни о чем, Бушра повторяла эту фразу часто, что не хочет говорить ни о чем и жить ни для чего. Ее милое лицо в тесном платке было румяно от чувств и разговора с Риммой, которую она считала умной, откровенной и много знающей иностранкой. Время шло медленно под музыку из кафе Абаса, которое так любил Ахмад.

– Есть такая фраза в романе моего любимого Фолкнера: «Если выбирать между ничем и страданием, то я выберу страдание». Это такой роман «Если забуду тебя, Иерусалим». Я его перевела на арабский; Римма, что ты скажешь? – Бушра могла удивить и удивляла.

Римма глядела на нее, как на античную нагую скульптуру в музее, с беглым нарастающим интересом. Она могла только догадываться, почему Бушра говорила о страдании. «Я в восторге, Бушра», – засияла Римма. У сына гости рассыпалась пирамида из кубиков, и он разгневался. Он вскочил на ноги и начал пинать ножку обеденного стола. Женщины этого, казалось, не замечали. Бушра улыбалась счастливой широкой улыбкой человека-покорителя, позабыв о сдержанности. И если красота есть высшее проявление Творца, то в чопорной гостиной арабского дома в Старом городе Иерусалима в тот полдень он проявил себя ясно и практично. «Я ведь не читаю по-арабски, Бушра, но я знаю этот роман, я его читала еще в Ленинграде. Сейчас я дам его прочесть Ахмаду, он прочтет», – сказала Римма. И она, и Бушра прекрасно понимали, что Ахмад никакого романа У. Фолкнера читать не будет, но как вежливый юноша рукопись возьмет и ознакомится. И то хлеб, конечно.

Все проходит, да не все забывается... Ан, оказывается, что все забывается, бабоньки мои. Вот так. Истина прекрасная, недостижимая для нас.

С Ахмадом они говорили и на арабском, который Римма выучила от мужа и домашних. Она была еще с малых лет в Ленинграде восприимчива к языкам. Ивритом она не овладела, да и где она могла слышать иврит, скажите? В лавке Караганды, где ивритом и не пахло, а был сплошной русский или, максимум, дикая смесь русского и иврита, или того, что люди считали ивритом. Она с удовольствием слушала звучание «простых русских слов». Римма, конечно, кое-что схватила из воздуха, из больничной кассы, в которую ходила с маленьким Ахмадом. Несколько ивритских слов она узнала и в женской консультации. Хотя и там врач, похожий на обрюзгшего спортсмена на пенсии, и сестра с выдающимися чреслами, говорили между собой на русском под цветным портретом начальника еврейского генштаба, который удивительно походил на маминного дядю из Свердловска, инженера-металлурга по профессии и сибарита по призванию, с равнодушным прозрачным, почти ледяным, взглядом смышленного чекиста. Римма все-таки узнала несколько слов на иврите в том кабинете, пахшем счастливыми молодыми женщинами и грудным молоком. Она узнала, что тень на иврите значит «цель», а мама значит «има», а врач – это «рофэ».

Но знанием языка это назвать было нельзя. Римма была общительна и очень страдала от этого. Она не замечала потрясенных взглядов евреек и арабов, которые слышали ее рафинированный русский язык бывшей жительницы улицы Герцена. Вместе с традицион-

ной арабской одеждой эта славянская речь производила неизгладимое впечатление на людей. В Иерусалиме все возможно, всякое может случиться, всякое можно встретить, – это надо помнить всем, но это помнят не всегда. Забот много, обязанностей и всего другого, что, нагромождаясь, мешает памяти.

– У него было еще одно название, «Дикие пальмы»... пронзительная книга, – сказала Римма. Она гибко поднялась и налила еще по стакану чая себе и гостье. Солнце в столице светило все так же прямо и безжалостно, не моргая и не прерываясь на облака и другие помехи.

– Там, вообще, про заключенных, про побег и про женщин; может быть, Ахмад заинтересуется, а? – спросила Бушра быстро. Дыхание у нее было младенческим, сладковатым, счастливым, несмотря на детей, сбежавшего мужа и сложную жизнь.

– Ему это будет интересно, он обязательно прочтет, – сказала Римма, больше уговаривая себя. Вытянув руку, она подкрутила ручку на немецком радиоприемнике, сделала звук погромче; из Бейрута крутили ее любимую песню.

– Он еще вас порадует – Ахмад, он честный, красивый, у него все будет хорошо, он разбирается в людях, видит их насквозь; в нем хорошие гены присутствуют, – сказала Римме приятное Бушра. Они так славно, так естественно, так по-женски обманывали друг друга, что просто любо-дорого было слушать. Они надеялись на то, что говорят правду и только правду. Пожалуй, даже были убеждены в этом.

«Эсперам поку, ум поки-инью майш...» (подождем немного, еще чуть-чуть), – сказал жгучий немолодой испанец с совершенным худым лицом. «Женю Ахмада к весне, надо уже начать невесту ему искать», – подумала Римма Исааковна безо всякой очевидной логики. И заплакала.

«Толстый заключенный стоял, быстро и непрестанно подмигивая высокому.

– Да, сэр, – сказал он. – Самое страшное – это лишняя десятка. Еще десять лет без женщины, совсем без женщины, а ведь парню надо... – Он непрестанно и быстро подмигивал, наблюдая за высоким. Тот не шелохнулся, он сидел, скорчившись, между двумя койками, мрачный и чистый, сигара в его чистой, недрожащей руке горела ровно и сильно, дым поднимался вверх, обволакивая угрюмое, лишенное всякого намека на юмор и спокойное лицо. – Еще десять лет...

– Женщины!.. – сказал высокий заключенный.»

Иерусалим

Михаил Аранов

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ

На ноябрьские праздники подморозило. Анна Петровна Курочкина вывела погулять своего пса Жульку. Вообще-то, пса при рождении назвали Джульбарс. Прежний хозяин собаки был человек суровый. Военная косточка. Охранником служил при ночном ресторане. Отдал Джульбарса Анне Петровне, потому как собака к охранному делу оказалась неспособной. «Выродок какой-то, – сказал он, – не на шапку же его пускать. Сейчас времена другие.» Анна Петровна пришла в ужас от этих слов. Но не стала укорять охранника. Чего взять с этого солдафона.

Анна Петровна была одинока, мужа похоронила рано, детей не было. И всю свою нерастрченную нежность обратила на собаку. И потому суровая кличка «Джульбарс» превратилась в нежную «Жулька».

Анна Петровна была женщиной весьма интеллигентной. Когда она называла Джульбарса Жулькой, на память ей приходили классические строки: «Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный». За точность воспроизведения текста она не ручалась. Но то, что это Александр Сергеевич Пушкин, с кем угодно могла поспорить. И не упустила бы случая рассказать кому-нибудь о своих соображениях на эту тему. Но с кем нынче об этом поговоришь? Кому интересен нынче Пушкин? И она, Анна Петровна... Господи, и что это в голову ее старую лезет.

Помнится, она пожаловалась соседу, бывшему хозяину пса: мол, Жулька плохо кушает. Сосед посмотрел на нее, как на идиотку, покачал головой и лишь пробухтел: «Ну, Петровна, даешь!» Анна Петровна так и не могла взять в толк, что в ее словах «не показалось» соседу. От того, что в голову пришло это слово «не показалось», она подумала о том, как мы, однако, засоряем «наш великий и могучий». И тут же мысленно укорила себя: «Ах, не можем мы жить без штампов». Все-таки, считай сорок лет учительства в школе давал о себе знать. Русский язык преподавала.

Жулька, кобель неопределенной породы, по молодости своей был резв необычайно. Не удержался он и на этот раз, увидев таксу. Такса игриво твякнула. Жулька, несмотря на кривоноготь и низкорослость дамочки, рванул в ее сторону. Вот уж истинно, любовь зла –

полюбишь и козла. Впрочем, может там и не было любви, а просто – юношеское любопытство.

Анна Петровна, державшая собаку на поводке, не выдержала напора своего четвероногого друга, поскользнулась на подмерзшей луже и упала, тяжело ударившись об асфальт. Подняться сама была уже не в силах. Жулька проявил определенную чуткость. Он забыл о таксе, подбежал к своей хозяйке и лизнул ее в щеку. Благодарная Анна Петровна хотела погладить пса, приподнялась на локте. Но голова у нее закружилась, фиолетовые круги пошли перед глазами, и она потеряла сознание.

Когда в машине скорой помощи Анна Петровна открыла глаза, первым ее вопросом был: «Где Жулька?» Вопрос был обращен к хозяйке легкомысленной таксы. Владелица таксы, девица лет девятнадцати, приходилась Анне Петровне соседкой. В одном доме жили. Татьяной, кажись, ее звали. «Итак, она звалась Татьяной», – вот опять что-то из Пушкина полезло в голову. Но голова закружилась. Ох, не до Пушкина нынче Анне Петровне.

А Татьяна сейчас сопровождает Анну Петровну до больницы по долгу добрососедства. Дальше: «Здравствуйте, Анна Петровна» – «Здравствуйте, Танечка» – знакомство не доходило. И потому Анна Петровна была приятно удивлена, увидев юную соседку в машине. Танечка успокоила Анну Петровну, сказав, что с Жулькой все нормально. Анна Петровна еще подумала: раз все нормально, значит, собака у Тани. И успокоилась.

Анна Петровна в больнице пробыла больше месяца. Таня навестила ее. Принесла три банана и два зеленых яблока, – сказала, что в зеленых яблоках больше витаминов, чем в красных. Анна Петровна согласилась, однако когда та ушла, отдала яблоки соседке по палате. Больно твердые были яблоки, не по зубам Анне Петровне. Бананы Анна Петровна положила в тумбочку на потом. Уже уходя, Таня сообщила, что Жульку сдала в питомник. Бумажку с адресом передала в руки Анне Петровне. Наказала, чтоб не потеряла бумажку. Анна Петровна расстроилась, что Жулька в питомнике. Он же привык к домашнему теплу. Но на Таню не досадовала: конечно, ведь чужие люди.

Вернувшись домой, Анна Петровна позвонила Татьяне, чтоб расспросить, где находится эта собачья гостиница. Ехала на трамвае целый час. Промерзла до костей. А потом еще автобус. Слава Богу, хоть отогрелась в нем. Благо, еще по пенсионному удостоверению последние дни декабря можно проехать бесплатно. А что уж в новом году будет, Анна Петровна и думать боится. А ведь на Троицу надо бы на могилу к мужу съездить, а это с пересадками – на другой конец города. Но до Троицы еще далеко, зиму пережить бы.

А сейчас одна забота, как Жульку домой вернуть. Анна Петровна уже ему и косточки говяжьих приготовила, за окном в сетке висят. Холодильник-то испортился. Мастер приходил, запросил за ремонт столько денег, что Анна Петровна только замахала руками. Сказала: «Креста на тебе нет». А мастер, рожа красная, наглая, говорит: «Как нет, старая», – и показывает на шее крест золотой. «С попа снял, что ли?» – несмело пошутила Анна Петровна. «Мы и сами не бедные», – ответил мастер. Он был явно не дурак, понял шутку Анны Петровны. Сказал: «Вертимся, крутимся». И блеснул золотым зубом. Однако посочувствовал Анне Петровне – снизил цену наполовину. Но у Анны Петровны и таких денег отродясь не было. А тут еще пенсию задержали. Мастер сказал: «Как разбогатеешь, мать, звони». Телефон свой записал на обоях возле двери. «Чтоб не забыла».

Вот и питомник собачий. По лаю собачьему Анна Петровна определила. Как вошла в дверь, вонь в носшибанула. Встретил ее мужик в камуфляжной форме – сейчас на камуфляж мода пошла. И чеченцы в камуфляже, и милиция в камуфляже. Не разберешь их.

– Вы кто, женщина? – спросил строго мужик в камуфляже.

Анна Петровна слегка смутилась от подобной строгости, и потому как-то визгливо, ей самой даже не понравилось, выкрикнула:

– Курочкина я!

– А я Петухов. Ну и что? – не сбавляя суровости, сказал мужик.

– За собачкой я пришла. Жулька... Джульбарс, – поправилась Анна Петровна.

– Много тут всяких жулек, срулек, – мужик криво усмехнулся, – всем давай собачку, а как платить за уход – некому.

– Я заплачу, – пролепетала Анна Петровна и достала пятьдесят рублей.

Мужик презрительно посмотрел на неё:

– Ты чо, вообще? Покаж квитанцию про собаку.

Анна Петровна подала квитанцию, что оставила Таня. И хотела, было, возмутиться, что ее на «ты» какой-то совсем незнакомый человек называет. Хотела сказать, что она сорок лет учителем проработала, и никто голоса на нее не повышал. Но все слова куда-то попрятались.

– А паспорт? – спросил мужик, – может ты не Курочкина. Придет настоящая хозяйка, скандала не оберешься.

– Ой, не ношу я с собой паспорта, – испугалась Анна Петровна.

– Ну, лети за паспортом и сто долларов за двухмесячное содержание собаки не забудь. А я посмотрю, жива ли твоя собака, – мужик хрипло засмеялся. Но увидев, как изменилась в лице Анна Петровна, проговорил: – Шутка.

– Помилуйте, у меня вся пенсия – двенадцать тысяч рублей, – Анна Петровна схватила мужика за рукав. Робко улыбнулась, хотя ей было совсем невесело, – куда уж мне лететь с моими больными ногами.

Мужик вдруг подобрел, верно, подумал, что со старухи много не возьмешь.

– Ну ладно, пятьсот рублей – и оформим усыновление. У вас кобель? – спросил он.

– Мальчик, – Анна Петровна даже не заметила неожиданную вежливость собачьего начальника, стала судорожно рыться в сумке.

– Вот четыреста пятьдесят рублей. Смотрите, только на дорогу двадцать рублей осталось. – Тут же испугалась, что мужик скажет: «У тебя, мать, дорога-то бесплатная». Но мужик не глядя сунул деньги в карман.

Анна Петровна расписалась в журнале, что она новая владелица кобеля по имени Джульбарс. Расписалась неразборчиво и адрес свой указала неверно. Вдруг кто надумает отнять у нее Жульку. Или счет пришлют за содержание собаки. Анна Петровна была рада, что обманула мужика, но виду не показывала. Даже удивилась слегка на себя – как это она такая предусмотрительная. На душе было радостно и тепло, что она с Джульбарсом будет Новый год встречать. Уважительное имя Джульбарс как-то само всплыло в голове.

...В Новый год Анна Петровна выпила рюмку кагора. Еще с лета стояла бутылка. Куплена была на приезд сестры из Саратова. А сестра так и не приехала. Закусила пирогом с яблоками. Испекла, надеясь, что соседка Маруся заглянет, но соседка не заглянула.

Жулька лежал в ногах Анны Петровны и приятно согривал их. Анна Петровна сидела перед телевизором. На экране появился президент. Резво так, своей покачивающейся, борцовской походкой прошел в тронный зал. «Бояре» его встретили вежливыми аплодисментами. Все они были в строгих черных костюмах и при галстуках. Тоже черных. Не дай Бог увидеть галстук в горошек. Галстук-то в горошек Владимир Ильич любил. А нынче времена совсем другие. Анна Петровна даже заметила некоторых из «бояр» в весьма вольных, не к месту, одеждах: без галстуков, с расстегнутыми воротами рубашек.

И сам-то президент – из простых ведь. Вот он поздравил народ с Новым годом. «Без бумажки говорит, однако», – отметила удовлетворенно Анна Петровна. Обратила внимание на озабоченное лицо президента, сочувственно подумала: «Всем от него чего-то надо». А президент, между тем, говорил об удвоении внутреннего валового продукта. «Жить будет лучше, жить будет веселей», – улыбнулась Анна Петровна. Подумала: «Молоденький еще». Куда уж ей, восьмидесяти-

летней старухе... А ведь на одной улице жили. С Баскова переулка президент. Считай, соседями были. А нынче – вон на какую высоту его занесло. С Баскова-то съехал, а провести ремонт домов не удосужился. Так и стоят халупы ободранные. Анна Петровна выключила телевизор.

Через неделю после Нового года стояла она в толпе пенсионеров, которые перекрыли Невский проспект. Пожилые люди протестовали против отмены бесплатного проезда на городском транспорте. Толпа бестолково шумела, машины гудели, требуя проезда. Старики смело лезли прямо под колеса машин. Были красные флаги и самодельные лозунги: «Нам сейчас нечего есть». «Как нечего есть? А собак держат, да еще людям мешают жить», – сказала ухоженная дама, проходя мимо толпы пенсионеров и ткнула пальцем в Жульку, который испуганно жался к ногам Анны Петровны. Анне Петровне стало неловко от этих слов, и она сердито дернула Жульку за поводок. Но тут же пожалела его и погладила.

Милиционеры вяло стояли рядом и не вмешивались. Только юный лейтенантик уныло уговаривал: «Товарищи, вы же мешаете проезду, разойдитесь, прошу вас». Парень без шапки в оранжевом шарфе вскочил на опрокинутую урну и закричал: «Долой!» Но не успел закончить фразу. Люди так и не услышали, кого «долой». Судя по непреклонным выражениям лиц окружавших парня стариков, всем было понятно, что «долой». Мужчина в штатском, с плоским, затертым лицом, что-то сказал милиционерам, показал на парня. Те мгновенно оживились, протолкнулись сквозь толпу, поволокли парня к серой закрытой машине. Никто из толпы не вступился за парня. Рядом с Анной Петровной тетка с испитой рожой запела дурным голосом: «Верните нам льготы, / чтоб могли бы мы жить. / В дом культуры нам нужно / на автобусе ездить».

Домой Анна Петровна пришла промерзшей. Жулька сразу стал жадно лакать воду. Видно, тоже наволновался. Анна Петровна вскипятила чайник. Долго распивала чай, пока не согрелась. Сидела, задумавшись ни о чем. Пока тихо не задремала. Анне Петровне снилось, как по Гороховой в сторону площади Урицкого грохотали танки. Готовились к параду Седьмого Ноября. Анна Петровна, тогда просто Аня, стояла в гулком, промерзшем ночном дворе. Ждала, когда собака сделает свои дела. А в голове Анны Петровны звучал заспанный, сердитый голос отца: «Анна, Анна, веди собаку!» Тогда Анне было тринадцать лет, и то была совсем другая собака.

Анна Петровна не слышала, как Жулька стал тихо повизгивать. Потом, осторожно поцарапал дверь в коридор, открыл ее. В коридоре он долго пристраивался у стенки и, наконец, пустил горячую, молодую струю на новые туфли Анны Петровны.

Хельга Ольшванг

Четыре стихотворения и после

1

ноги унести затылок спину целое
полными горстями прочь свое
алое местами беглое
плечи локти быстрыми охапками
страсть как все это отсюда выбежать
тела унести с собою выручку
ноги в руки
унести и выдержать
за зубами
за коленными
чашечками в них дрожащее
слезные шары в орбитах
уши голени живот
сердце с боем тельце языка
где ты ручка двери выход
вход

2

изо всех сил не вижу
как ты изо всех
окон смотришь выходишь дверей
лестниц сбегает ко мне изо всех
оборачиваюсь идешь
на тарелках лежишь проступаешь
ложишься в ладонь, как нож
проезжаешь в машинах
взвешиваешь в кульках
изо всех меня выливаешь горлышек
выпиваешь залпом складываешь в руках
рассовываешь по карманам не видишь сама не своя не твоя
изо всех выпадаю сияние
в оба не ты не я

3

надо все стереть со стены оставить простое
спокойной ночи мухи вокруг ты не спишь ты спишь
зоосад вижу загород книги обложку зато лес
не то воздух вокруг а не мы
шестивия сообщений по оба оконца
синие белые разной длины
могут свешиваться как свитки мокрые полотенца
могут пропасть are you sure you want to delete о них
можно что-то бессмысленное оставить
болото автобусы ты не сплю
к лесу кафе работаю над от да ведь способы арка белое
blue blue

4

будь что будет:
будь
под тканью тело разное
теплые ключицы
медленная грудь
тьнь посередине ребра грозные
атласные
изнанки рук лиловые ладони бок хребет
бесконечная спина она же шея будь
хрип и лепет я в себя вберет
в ту что я же будет быть

* * *

В лесу идешь по розовой дороге?
Вдоль полок магазинных ты идешь? – не представляю,
Комната на кухне,
на кухне пруд, на скатерти еда,
навстречу смотришь,
я тебе навстречу
молчу свое, немного проливая,
навстречу перелистываю книгу,
навстречу вижу поворот ключа,
ты все еще в лесу?
Дымится ветер,
фарфоровая ряска остывает,
плывут подряд завернутые рыбы,
вода в бутылке, масляный брикет,

толкуются в лампе радостные мухи –
им можно быть вокруг.
Кассиру можно
коснуться, положив тебе в ладонь
монеты.

* * *

Условимся, что эта рябь и есть дно озера –
возьмем ее за дно,
основу, низ, и зренье переправим.
Земля прильнет – поверх воды рельеф,
а воздух, лес, его деревьев рев
и здания пока оставим.

Теперь нас нет, покрытых с головой
слоями воздуха, теснимых мошкаркой,
растений посреди и разных
пород тумана, пыли и теней,
невидимых, как руки за спиной,
как звери в праздник.

Нет нас, но растекается раствор,
по тверди лиц: проявлен разговор
в саду, поодаль – статуя и пятна.
Плоды труда – трехмерные на вид,
а тронешь – гладь, подстрочный перевод
любви, невнятный.

И если так, и если мы не там,
а раньше искушения плодом,
еще в симметрии, до трех недосчитали –
разлуки нет. Где едешь ты в уме,
там я сижу под рыбами в трюмо
на самом деле.

* * *

там где арка и я
арка ты я и есть
ветки плотного неба кора по краям глаза где нам
хоть об пол упасть
хоть об руку сесть

можно там где уйти от тебя никогда не пора
облюбованных мест прорва
тут тут и тут и потом
тут и снова но медленно
там
краем глаза подарок набор всех частей тела тел счастья еле
стерпим
на бок о бок
ты я ляг и спим

* * *

Скоро они – разрешенные праздники,
жизни веселая грязь,
руки в работе и мысли наместники –
все, что другим удалось.

Скоро оно, избавление –
облачность,
звуки, починка одежд,
точное время, бесчувственность, будничность,
пульс на запястье, падеж

всех окончательных слов,
заземление –
всех оголенных, стихи
в рифму, как эти – тупые, смиренные,
строим идущие, более-менее
ровного горя полки.

* * *

Напрасно они прибывают, двоясь,
выпускают, пошатываясь,
смешных
лодочников и цепи –
берегу не до них:
там уже наступило со всеми,
стряслось,
время проката учесть некому,
некуда сдать весло.
Плыли бы так, бесплатно, как есть,
пели бы мимо свое гондольеры amoge, но нет,
прибывают,

а видимости никакой,
сверху трубят,
чайка доклеывает скелет,
расступается воздух,
в нем отражается что-то другое
– не борг, не корма там у берега,
где ты, аморе, et
in Arcadia ego.

Нью-Йорк

Андрей Грицман

На пути к Итаке

* * *

Ситуация грустная, моя дорогая.
Ты – на Итаке, я – в Атлантиде.
Что-то вроде подводного рая,
где видны отраженья в полете.
Самолеты – к горам с океана.
Но гостиницы темные ночью.
Мы с тобой избежали Левиафана,
но с собою боремся вечно.
Борьба бессмысленна. Но когда я вижу
тебя в цифровой красоте навскидку –
Причем здесь, думаю, повороты жизни?
Они сами в тоске пропадут бесследно.
В темноте направление неизвестно.
Неуловимы кольца их перелета.
Я меняю дом, кожу, за местом место.
Душа все плывет на источник света,
оставляя вес беспризорной плоти.

* * *

Я теперь все больше молчу.
Не могу потерять те звуки.
Позвонить мне, что ли, врачу,
чтоб насыпал таблеток в руки.
Я тогда ненадолго в провал.
Невозможно, чтоб было хуже.
Выплывает родной овал,
так во сне на тебя похожий.
И, подумать, – так можно жить,
в темноте сплетаясь словами.
Ты одно только мне скажи:
мы ведь вместе в глубокой яме?
Там есть водка, табак, есть снедь,
две заколки, серьга и свечи.
Мертвым сном отдыхает смерть.
Потому расставаться незачем.

ПРИЕМНЫЙ ПОКОЙ

– А вы, собственно говоря, какое отношение к ней имеете!? – спросили его в приемном покое.

– Да я, в общем, седьмая вода на киселе и на тесте, просто люблю ее, жду и все такое.

Хочу с ней побыть хоть часок у постели,
пульс проверить, я, знаете, врач ведь тоже.
Можете мне, конечно, нисколько не верить,
но наша любовь ни на что ни похожа.

Только скажите, я слышал – ей лучше?
По всем показателям градусом выше?
– Да, лучше, но вы не приходитеесь мужем,
и мы, юридически, не скажем лишнего.

У вас три минуты, заполните формы,
вон на том столе, где пыльный крокус.
Получите пропуск – ну, минуты четыре,
в графе «степень родства» – оставьте пропуск.

* * *

Горело окно в безвестной долине.
Я молча сидел, разбирая листки.
Откуда нам знать те тени по имени
на темном изгибе последней тоски.
Но дом был спокоен и тихо светилась
прозрачная ночь за пределами слов.
Меня поднимала какая-то сила,
но опускался прижизненный кров.
И теплая кровь недавнего срыва саднила,
и мысль расплзалась по швам.
Далекая станция свет погасила.
Я слился с тенями. Потом ты пришла.

* * *

Утро вечера мудренее.
Так что дожить до рассвета необходимо.
Дел еще видимо-невидимо.
А поезда проносятся мимо.
Там сидят, выпивают, дружат,
на верхней полке целуются, греют

ночь снаружи. Гарь, фонарная стужа,
какие-нибудь Веряя или Ревель.

Я все это вижу как в перископ подлодки.
Я, в принципе, живу и работаю в батискафе.
У меня там все есть: немного водки,
карта Леванта, пыльной Яффы.
Ко мне подплывают донные рыбы,
глядят в окно холодно, безучастно.
Я для них экспонат странного вида,
непознаваемый случай частный.
Есть еще подводные птицы.
Летать им невероятно трудно.
Каждый полет их всю жизнь длится,
я с ними летаю во сне подспудно.

Я все это вижу, в дневник записываю.
Это вроде судового журнала.
Любовь иногда промелькнет как искра
и потом оставит горячее жало.
На том и спасибо, живу надеждой:
вернется ко мне запропавший голубь.
Сигналы сюда доходят все реже.
Неважно – чудес у меня тут полный короб.

* * *

Словно ферматик с ворохом с сумочкой «Боже что я несу».
По пустым коридорам – кто в забое, в запое, в случайной отлучке,
кто в очереди за получкой, туристы, геологи пропадают в лесу.
Девушки все распозлись по зимним квартирам
Перья почистить, за кормом, и юбки у них коротки.
Так что по залам по лестницам гулким с закрытым забралом,
с заросшим хлебалом только услышу шаги чьи-то где-то легки.
Третий этаж отражает далекое эхо,
долгое время трепещет над Моховой.
Там формалин и таран и коблер, и черные вежи,
рядом на площади на пьедестале страшный баран нависает
раздутой главой как булавой.
Я там бреду как во сне с бечевой на тетрадках.
Мой переплетчик любимый в подвале по-прежнему клеит листы.
Что остается в душе – далеко до сухого остатка.

В этой жизни я думал что все могу и что выживу
Наверно и выживу.
Но тот голос бормочет что-то
теперь слабей и бессвязней
И я не знаю – то ли я слышу
то ли не слышу я,
Или голос наконец погас канул в бездну.

ОСЕННЯЯ СОНАТА

«Челси» – «Манчестер Юнайтед».

Он – на угловом диване:
курица из супермаркета,
картофельный салат,
немецкий, с горчицей,
«Heineken light».

«Челси» – случайный гол
с углового. «Абрамович
заменит тренера», – он думает.

Она в городе. Раньше в мотеле
с любовником. Теперь –
по бутикам.

Тишь и гладь. «Пора, – он думает, –
перекрасить веранду.» Овертайм,
еще банка пива. Она снова
не отвечает. Мобильник в машине.

Не забыть от давления – ему.

Она – в «Бланик» до закрытия.

Обменять туфли.

Листва желтеет,
изумруд под утро.

Гуд пригородного состава
Metro-North

в холодеющем
осеннем воздухе,
пропадающий

на пути к дальнему острову.

Навсегда.

Нью-Йорк

Анастасия Юркевич

Вот такая печаль – постыдная, неживая.
Вот такая тьма за окном, и в ней – трамвай
С промежутком в четыре м., хоть умри, хоть тресни,
Хоть Христос воскресни, и сами-то мы не местны...

Вот такие лица. И чем бы тебе не в жилу?
Ничего не снится? Помилуйте, быть бы живу.
И язык, что жернов, ворочается в гортани,
Наступает грядущее, видимы очертанья.

Вот такие мысли, такие вот, значит, вехи.
Вот такие, значит, будем латать прорехи.
Вот такая жизнь, сама за собой в погоне,
Хоть никто не гонит, никто ведь ее не гонит.

Berlin, 31 мая 2015

* * *

Город Б. встречает тебя дождем,
Ржавым листом, прижатым фонарным светом
К каменной мостовой, вбившей его в окоём.
А дождь тянет за руку, говорит: «Пойдем!»
И припускает вовсю, не дождясь ответа.

Ты отличаешься здесь выраженьем глаз,
Чем-то в походке, не свойственным местным же.
Ты из контекста здесь выпадаешь враз,
Даже когда ты вне видимости уже,
Даже когда так одна, как одна сейчас.

А дождь ближе к дому обрушивается стеной,
И я, промокая совсем до последней ни,
Помня, сколько таких за моей спиной,
Чувствую, он солидарен сейчас со мной
Больше, чем кто-либо в эти дни...

Berlin, ноябрь 2013 – Москва, август 2014

ОХОТНЫЙ РЯД

Ветер морозный ёжит мир за стеной.
Надо готовиться, все же, к жизни иной.

Днесь на часах настенных недобрый час.
Надо, хотя б постепенно, хотя б сейчас.

Лепишь, давно не рада, дом-быт-уют..
Надо готовиться, надо – пока дают.

Надо... В тоннеле (помнишь «Охотный Ряд»?)
Вот уж который, видимо, день подряд

Нищий профессор, глядя куда-то вниз,
Бледную лапку тянет, смущаясь, из

Драного рукава, как будто вовсе и не его.
Вот тебе и минута, данная для того,

Чтоб невзначай припомнить, зачем ты здесь:
Надо себя готовить, какая есть.

Неповторимый миг!.. – и, подхваченная толпой,
Ты проплываешь мимо, с поднятой головой.

Ты, голубая кровь моя, кто иной?
И остаются вновь за твоей спиной,

В мутном стекле вагона отражены,
Все, кто отвержены и обижены.

Прежде, чем все прервется, увидишь ты:
Жизнь в пустоту несется – из пустоты,

Ангелы в толпах рыщут, народ спешит.
Плачет профессор нищий, рука дрожит.

Москва 2012 – Berlin 2015

* * *

Середина июля, пахнет осенью,
 Небо только изредка взрежет просинью,
 И знакомый луг затянулся охрою
 Переспелой, мокрою.

Ты вдыхала сырость, считала дни
 Год за годом заново, а они
 Между тем прошли своим чередом.
 Едва ли на месте том

Нынче пусто: скорее, подходит срок
 Запасаться впрок да палить в сорок,
 Что взвились, растерянно стрекоча,
 Над опрятным домиком палача.

Salzburg, 2002 – Berlin, октябрь 2015

ЦАРЬ ДАВИД

I

Снова и снова, вётрами опален,
 Мелех стоит над городом, видит сон:
 Отражена, другими окружена,
 Невыносима, нежна... Вопрошает он:
 Дева? Жена?

Блики, играя, меняют его лицо.
 Что это? Слезы? – Видимо, сухойей.
 Сжался, Господи. Только не подлецом.
 Лучше убей.

II

Господи, Господи, что же я говорю!
 Данов Аспид лежит на моем пути:
 Не проехать ведь там. Точно уж – не пройти.
 Царь опускает взгляд, видит Урию.
 Говорит ему: Победи!

Как же мало воздуха после лжи!
 Верно, она не приходит к тебе извне,
 В глубине живет, где-то на самом дне...
 Как же теперь – жить?

III

Встань, Бат Шева. Со мною пойдешь назад.
Кто-то ведь должен, а муж не вернется, нет.
Делает жест рукою, отводит взгляд:
Красота застилает свет.

Б-г нас с тобой не погладит по голове,
Болью спаяет нас, но не даст упасть.
Только ночами теперь – не уснуть. И не стать
Прежним. И не простить себе.

IV

Но суховей не внемлет его тоске,
Он шелестит тихонько: «Спасен, спасен!»:
Чертит что-то палочкой на песке
Отрок царственный – Соломон.

Berlin, 19 ноября 2015

Геннадий Кацов

Вершины треугольника

ЭЛЕГИЯ СУМЕРЕК

Последний луч. Последний шанс.
Пространство пробивают фары,
И с сожаленьем, не спеша
Заката разбредутся фаны.

Теряет контур блудный дым
От барбекью, и сад напротив,
Соседний, с каплями воды
Взлетает и блестит в полете.

Все монотонней речь листвы,
Цикад беседы у порога
И отдаленный шум молвы,
Что разойдется понемногу.

Ведь можно жить, не торопясь,
И даже жить, не беспокоясь,
И зная, что отходит в пять,
Привычно опоздать на поезд.

Не видеть сумерек приход –
Все непременно случится,
И в час, когда зажгут восход,
Ландшафт банально оросится.

За горизонт прямая речь,
Сужаясь, в темень уплывает,
И все, что не готов сбережь, –
Не будет, ибо не бывает.

Все безразличию равно,
Все происходит самотеком, –
И бьются ангелы в окно,
И разбиваются о стекла.

ПАСТОРАЛЬ

Опаленные камни фасадов. Дождем
Здесь не пахнет – из бара, раскрытого днем,
Как из погребя, тянет запретной рогожей,
И никто подышать не выходит наружу
Отразиться, хоть окна годами похожи,
Или вспомнить и плюнуть соседу в душу.

Тишина. Не обломится наглое «плиз»
От бродяги из местных; покато вниз,
Отделяясь от шкуры, змеей к райцентру
Проползает дорога – и будто бы карту
Видишь с улицей имени Клары Цеткин,
Или хуже, но с тем же уклоном покатым.

На часах на часовне почти уже три.
Проводил до автобуса внучку старик,
На скамейку надолго присев, и автобус
С полчаса как не виден, но мудрый Хоттабыч
Все глядит в пустоту, сомневаясь, что глобус
Так и будет вращаться, крутиться так бы.

И баранами стадо барашков вверху,
На бескрайней лазури, на свежем лугу
Разбрелись, продолжая привычно поститься,
А пастух смотрит вниз, что с любым может стать,
Наблюдая парящую желтую птицу,
И с полетом ее все не может расстаться.

СТАНСЫ К ПРОЖИТЫМ В АВГУСТЕ СУТКАМ

1

Остаток звезд вокруг и точки от росы –
Пуантилизм, рожденный в воздухе рассветом,
В гигантском контуре лица, верней, портрета,
Едва-едва сейчас колеблемого ветром.
И унесенного на крылышке осы.

2

В палящий полдень молча тень стоит внутри
Души любого освещенного объекта, –
И от Того, кого не назовешь субъектом,

Исходят свет, тепло, магнитный сполох, вектор,
Но не понять, кого из них душа творит.

3

Закат стирает отраженья наяву,
Начав с поверхностей, покрытых светлым лаком,
С таких же прочих бессловесных зримых знаков;
С движений – эха, чей предел не одинаков,
Коими часть рассветных звуков назовут.

4

В пределах долгой ночи вещи все равны,
Поскольку главное в себе теряют – вечность,
Как белый лист – петит, собой заполнив млечность,
Куда ты падаешь, оставшуюся вечность.
Где темнота – лицо незрячей глубины.

ВЕРШИНЫ ТРЕУГОЛЬНИКА

В высотах волоокий визави –
Внимания земного соискатель,
Что удален на расстоянье в катет
В бесполом треугольнике любви, –
Мертвецкого оттенка лишь двойник
Возможный – он, спустя тысячелетья
Лет световых, теперь на этом свете,
Тебе благодаря, внизу возник.

Удваивая и неся печаль,
Поскольку время – верный знак печали,
Он первым появляется ночами
Так, что его нельзя не замечать.
И две вершины, не сомкнув очей,
Не представляя, чем чревата встреча,
Всю ночь удалены, не видя третьей,
Удел которой: быть всегда ничьей.

Удел которой – быть везде, невесть
Откуда наблюдать всегда за нами:
Покуда выслан небосвод слезами,
Пока с последней не иссякнет весь.

СРОДСТВО

Оттого, что вода безразлична к живому, и вглубь
Не пускает того, кто с собой говорит, оказавшись на суше,
Ты к ее неизменно тревожному шепоту глух,
И тебя не известно зачем ей, вне времени тонушей, слушать.

Из графина струя наполняет привычно стакан,
И всё уже ко дну перспектива, и в емкость, раскрытую сверху,
В час прилива бескрайним потоком впадает река,
Чтоб с отливом покрыть ледяную, как всё после смерти, поверхность.

Что, в конечном итоге, вода под названием Стикс:
Оттого, что когда-то был берег, даны ей и имя, и возраст, –
И соленой слезе, источившей щеку до кости,
И подкожным ручьям, заполняющим полости тела и возле.

Это Гера и Клио, привычней сказать – Гераклит,
Искушают тебя неизбежно входить в самое себя дважды,
И листая с рождения данный тебе манускрипт,
Ты в конце «аш два о» прочитаешь как имя, что будет неважно.

Так впадают в имплювий дожди, так для русла реки
Путь закончен в горсти, зачерпнувшей случайно судьбу из потока,
Где шепящая пена, распаду ее вопреки,
На волне до песка добегаёт, целуя стопы у потомка.

Нью-Йорк

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Елена Дубровина

«Твой голос далекий...»

Поэт и критик Юрий Мандельштам (1908–1943)

«Зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы», – писал Глеб Струве в книге «Русская литература в изгнании»¹. Время слияния двух литератур наступило. Вышли из забвения имена поэтов, художников, прозаиков первой волны эмиграции. Однако остались еще имена, достойные того, чтобы о них было сказано больше и точнее. Творчество поэта и литературного критика первой волны эмиграции Юрия Владимировича Мандельштама, погибшего в 1943 году в Освенциме, до сих пор еще практически не изучено.

Поиск духовного видения мира, осмысление смерти как метафизического феномена, экзистенциальные переживания понятий «бес-смертие», «вечность», «Бог» определили собственный оригинальный путь поэзии первой волны русской эмиграции. Русский философ Николай Бердяев писал, что постигнуть смысл жизни есть самое важное дело, что смысл этот лежит за пределами мира, а мир упирается в тайну, в которой рациональное мышление кончается. «Тема эмигрантской литературы остается метафизической, темой вечной мировой трагедии, разлитого в мире неблагополучия и стремления это неблагополучие преодолеть. Тема труднейшая и ответственнойшая, ибо никаких готовых решений не признающая. Без подлинного духовного переживания, без собственного, личного, в каждом данном случае неповторимого опыта, она превращается в словесное кружево, в пустые формулы, то есть просто-напросто перестает существовать», – писал Юрий Мандельштам в статье «Метафизический заказ в эмигрантской литературе»².

Поэт видит то, что недоступно простому смертному. Рукой его ведет поэтическая интуиция, называемая «Божьим даром». Мир, в котором находится поэт, превращается в замкнутую цепь глубоких душевных страданий. Именно в этом замкнутом круге он видит себя обреченным на вечное одиночество и смерть. «В пророческой же природе современной русской поэзии сомневаться уж нельзя – слишком она очевидна. И дело, конечно, не в отдельных ‘поразительных

предсказаниях' (вроде прославленного и затасканного лермонтовского 'Настанет год. России черный год'), в конце концов, случайных и лишенных необходимости, а в том, что в наши дни русские поэты снова стали *чувствилищем* народной души, в которой события совершаются раньше, чем в мире событий гражданских. Флаг поэзии взвигается раньше, чем приходит в движение поверхность народного моря», – писал Д. Святополк-Мирский³ в 1926 году.

В 1933 году в газете «За рулем» (выпуск 2, июнь) появились стихи тридцатидвухлетнего поэта Владимира Смоленского, которые он посвятил своему другу по перу, поэту и литературному критику Юрию Владимировичу Мандельштаму.

1

Ю. М.

Отчаянье... – молчи, молчи.
Отчаянье еще не это,
Надежды слабые лучи,
Немного теплоты и света

Еще несут тебе из тьмы,
Еще тебе открыты дали,
Еще окно твоей тюрьмы
Камнями не замуровали.

Отчаянье – когда совсем,
Совсем один, на дне навеки,
Когда от крика станешь нем,
И каменными станут веки,

Когда уже не сможешь жить,
Когда уже не хватит силы
С размаха голову разбить
О стены каменной могилы.

2

Не плачь, не плачь, все это сон и бред,
И ты, и я, и этот тусклый свет,
И этот тесный дом, и этот низкий свод,
Толкни его рукой – он поплывет.

Он поплывет и сгинет без следа,
Мгновенно, без усилия, навсегда.

Не плачь ни о себе, ни обо мне –
То ангел спит и видит нас во сне.

То ангел спит и говорит в бреду
И замерзает на небесном льду.
Все тише, все труднее дышит он,
И все томительней смертельный сон.

И все бессвязнее его слова,
Они уже слышны едва, едва,
Они уже подобны тишине,
Они уже как звезды в вышине.

И только ты, и я, и снежный прах
В огромных, мертвых ангельских зрачках.

Строки эти, символический образ смерти и страшное предсказание – «Еще окно твоей тюрьмы / Камнями не замуровали» – были адресованы 25-летнему молодому поэту и начинающему литературному критику, у которого была впереди целая жизнь.

В 1925 году Юрий Мандельштам окончил с серебряной медалью Русскую гимназию в Париже⁴, в которой учились князя Владимир Кириллович Романов, Константин Багратион-Мухранский, Тихон Николаевич Куликовский и другие. Одним из основателей и бесшменным директором Русской гимназии в Париже был Борис Андреевич Дуров (1879–1977, русский военный инженер и артиллерист, администратор, полковник, педагог, преподаватель математики). По окончании гимназии Юрий был принят и в 1929 году с отличием окончил Сорбонну, стал обладателем диплома по современной истории и русской литературе. Юрий Мандельштам был человеком высокообразованным, прекрасно владел русским, французским, немецким и английским языками. Еще обучаясь в гимназии, он читал классику на языке оригиналов. «У него была изумительная память, большая эрудиция, хороший литературный вкус и с самого начала – критические способности», – вспоминает его близкий друг Ю. Терапиано⁵.

Однако страшное пророческое предсказание Владимира Смоленского сбылось – Юрий Владимирович Мандельштам погиб в Освенциме 15 октября 1943 года, не дожив всего одну неделю до своего 35-летия. Может быть, задохнувшись в газовой камере или от голода в лагерной казарме – нет свидетелей его гибели, осталась только истлевшая справка о смерти поэта, выданная родственникам

погибшего. До конца жизни ждала сына мать, не могла поверить в его гибель. «Почему не уехал из Парижа с родителями и сестрой?» – этот вопрос мучил Софию Мандельштам до последнего дня.

Кажется, что ответственность за маленькую дочь Китти, постоянные мысли о рано ушедшей жене, одиночество, страх за близких ему людей лежали на душе Юрия Владимировича тяжелым камнем. Он знал, что смерть где-то рядом, предчувствовал ее, писал и размышлял о ней постоянно.

Тому, что ты живешь и пишешь,
Тому, что ты поешь и дышишь,
Порадуйся, мой друг, пока
Тебе земная жизнь близка.

А там... Но разве мы узнаем?
Но разве адом или раем
Изменим мы хоть что-нибудь?
Мой друг, будь радостен, забудь!

Несмотря на введенный комендантский час, оставаться дома одному вечером поэту было невыносимо. В том же доме жил его друг, поэт Игорь Воинов⁶, как и Мандельштам, сотрудник газеты «Возрождение». 9 марта 1942 года Юрий Владимирович и решил подняться к другу. Вот что пишет об этом Ю. Терапиано: «Чтобы скоротать время, по вечерам Воинов и Мандельштам поочередно приходили друг к другу. Хотя евреи не имели права покидать своих квартир после 8 часов вечера, никто не мог предположить, что в пределах того же дома ‘отсутствие’ будет рассматриваться как преступление»⁷. Если вдуматься в слова Терапиано, возникает вопрос: почему именно в это время и именно в квартиру Юрия Мандельштама пришли с проверкой? Судьба или предательский донос? Об этом размышляет и вернувшийся в Россию поэт Юрий Софиев в книге «Синий дым»⁸: «...во время оккупации погиб он (Юрий Мандельштам. – *Е. Д.*) тоже трагически. Немцы установили комендантский час, специально для евреев: после двадцати часов нельзя было выходить из дому. Мандельштам жил на первом этаже. Иногда, по вечерам, он поднимался на четвертый этаж в том же доме, к соседям, поиграть в карты. Какой-то негодяй проследил за ним и донес немцам. Гестаповцы сделали внезапный обыск...» Жандармы оставили повестку. На следующее утро Юрий Мандельштам добровольно явился в комендатуру и был немедленно арестован немецкими оккупационными войсками. Домой он уже не вернулся.

При жизни и после смерти поэта написано о нем было очень мало: небольшая статья Терапиано и отдельные, вкрапленные предложения о его творчестве в книгах, изданных в эмиграции. Так, Нина Берберова вспоминает: «Собрание поэтов в кафе ‘Грийон’, в подвале. Когда-то собирались здесь. Пять лет не собирались. Все постарели, и я в том числе. Мамченко далеко не мальчик, Ставров – почти седой. Пиотровский. Появление Раевского и Гингера – который уцелел. Почтили вставанием Юру Мандельштама, Воинова, Кнорринг и Дикого. Домой через Тюльери. Когда-то в Тюльери, пятнадцать лет тому назад, мы гуляли: Юра Мандельштам, Смоленский, Кнут, Ходасевич и я. Все были немножко влюблены в меня, и я была немножко влюблена во всех»⁹.

В письме к В. Ф. Маркову¹⁰ Ю. Терапиано позже напишет с грустью: «Перебирая бумаги, от нечего делать, наткнулся на пачку старых фотографий 1926 г. Ходасевич – еще с длинными волосами, Берберова, Кнут, Смоленский, Мандельштам (Юрий)... ‘те годы!’ – стало очень грустно».

Юрий Владимирович Мандельштам критиком был значительным. За свою короткую жизнь он только в русскоязычной периодике напечатал более 350 критических статей и литературных эссе, диапазон которых необычайно широк: от статей о русской, французской, английской, ирландской, испанской, немецкой поэзии и прозе, которые он читал в подлинниках, до статей о художниках, философах, историках, композиторах. Вот названия некоторых его статей: «Стихи Мориака», «Хроника Паскье», «Сен-Жерменское предместье», «Русские поэты в Варшаве», «Испанская баллада» «Толстой и европейская литература», «Письма Бодлера», «Вагнер о Бетховене», «Жизнь Рубенса», «Любовь в современном романе», «Мемуары Талейрана», «Земная любовь Данте», «Мысли о романах», «Жертва Бастилии», «Уроки истории», «Жизнь Рылеева», «Театр Мольера», «Шопен в Вене», «Бородин», «Русские драматурги», «Переписка Горького» и т. д.

Хороший критик должен обладать тем даром «тайнослышанья», о котором писал В. Ходасевич: «Дар тайнослышанья тяжелый / Живой душе невыносим». Именно такой тонкий талант услышать и понять тайну, заложенную в произведениях других авторов, имел литературный критик Юрий Мандельштам. К своим критическим статьям и литературным эссе он подходил с особой меркой: «Писатель – не механизм, а живой человек, работающий над живым материалом. Срывы в его деле почти неизбежны, и подлинное уважение к его творчеству заключается именно в том, чтобы признать срыв, а не уверять, что это и есть вершина»¹¹. Так определил он свое

кредо литературного критика и эссеиста. По его словам, настоящее искусство – это прежде всего эмоциональное переживание, превращающее опыт личный, душевный, в опыт духовный. И далее он пишет, что критика базируется на таком же опыте, но черпает его не из жизни, а из такого же искусства. Мандельштам подчеркивает, что, однако, искусство – это тоже жизнь, и разделение их – чисто фиктивное; если критик не будет касаться реальной жизни, он ничего не поймет в искусстве и перестанет быть критиком. Таким образом, считал он, стирается грань между критикой и эссеизмом.

С 1939 года, после смерти Ходасевича, Юрий Владимирович заменил своего близкого друга на должности главного редактора критического отдела газеты «Возрождение». В письме к Игорю Стравинскому он писал в том же году: «Морально я очень выиграл – в литературных кругах я стал *bête noire*¹², т. е. буквально заменил Ходасевича. Это, в каком-то смысле, лучше, чем быть любимцем, да и при моей непримиримости роль любимца мне не подходит»¹³. Возможно, именно своей «непримиримостью» нажил Юрий Владимирович себе много врагов. Он не боялся честно высказать критическое мнение о книге или поругать маститых авторов, включая Г. Иванова, Г. Адамовича, А. Ладинского, Б. Зайцева, В. Набокова-Сирина и многих других. Вот что Ю. Мандельштам писал в статье о погибшем друге, Борисе Поплавском: «Не буду также преувеличивать его заслуг: полное уважение к памяти поэта, мне кажется, требует и честного отношения к его стихам, без ложной и лживой панегирической мелодекламации»¹⁴. Или в статье «Гончаров-критик»¹⁵: «В личных высказываниях о том или ином писателе Гончаров не боялся расходиться во мнениях с другими литераторами. Он охотно подымал руку на авторитеты – и почти всегда справедливо». Эту цитату из его статьи о Гончарове-критике можно вполне отнести и к творчеству самого Юрия Мандельштама.

Если пролистать страницы газеты «Возрождение» начиная с 1931 года, то можно заметить, что его критические статьи и эссе появлялись очень часто, а последние годы – почти в каждом номере, а иногда и по две статьи в одном выпуске газеты. Он старался не пропускать ни одной новой книги, будь она написана по-русски, по-французски или по-немецки. В 1937 году в Шанхае вышел небольшой сборник его эссе под названием «Искатели», который остался почти незамеченным, кроме двух небольших объявлений в газете «Возрождение» за 1937 и 1938 годы.

При жизни поэта вышли три сборника его стихов: «Остров» (1930), «Верность» (1932) и «Третий час» (1935). Книга стихов «Годы» была напечатана посмертно в 1950 году. И только в 1990 г. в

Гааге вышло полное собрание стихотворений Ю. Мандельштама с предисловием на английском языке профессора Ed Weeda, который назвал Юрия Владимировича «выдающимся поэтом и критиком». Журнал «Зарубежная Россия: Russia Abroad. Past and Present», № 2, 2015 (составители Елена Дубровина и Мари Стравинская, внучка поэта) посвящен полностью памяти поэта. В него включены его стихи, письма и критические статьи из архива Мари Стравинской.

На первые сборники стихов Юрия Мандельштама его близким другом В. Ходасевичем были написаны небольшие рецензии, опубликованные в газете «Возрождение». На его посмертный сборник рецензию написал Юрий Иваск – она была опубликована в «Новом Журнале»¹⁶. Юрий Иваск дал такую оценку посмертному сборнику стихов Юрия Мандельштама: «Это умный, умелый поэт. Своей настоящей теме ему не удалось найти. Но некоторые его стихи останутся в русской поэзии... Кроме настоящей культуры, в нем было много чистоты, душевного здоровья и мужества».

Юрий Владимирович Мандельштам принимал активное участие в литературной жизни Парижа, входил в Объединение молодых поэтов и писателей. Например, в газете «Возрождение» за 1939 год¹⁷ можно найти такое объявление: «Объединение писателей и поэтов. 11 февраля в 20 часов 30 мин., в кафэ Грийон, 2 Каррефур де л-Одеон (метро «Одеон») Юрий Мандельштам прочтет доклад: «Квадратура Круга», ном. 3. Тезисы. 1) Веребочка пригодится. 2) Мертвый живет живых. 3) Соблазны «психологизма». 4) Признания критика. После доклада – обмен мнений».

После выхода первой книги стихов молодой поэт вошел в круги русского литературного Зарубежья. Его стихи и прозу стали широко печатать в таких журналах, как «Числа», «Современные записки», «Встречи», «Перекресток», «Журнал Содружества», «Русские записки»; в газете «Возрождение», альманахе «Круг» и других изданиях. Жизнь Юрия Владимировича была наполнена творческими встречами, беседами о литературе, выступлениями.

Об элементе трагизма в русской литературе пишет Юрий Мандельштам в статье «Трагедия русской литературы»: «Если в судьбе всякого искусства и любого художника более или менее присутствует элемент трагичности, то русская литература и жизнь наших писателей отмечены особым трагизмом. У нас не было 'проклятых поэтов', зато доля проклятия легла на каждого – не в этом ли вернейший признак некой избранности нашей словесности»¹⁸. Часто спутником писателей Русского Зарубежья было одиночество, а отсутствие читателя, да и нищета, усугубляли ностальгические чувства по утраченной родине. Драма внешняя становится для них драмой духовной,

внутренней. «В духовном мире, из глубины духовного мира определяется все наше отношение к жизни», – пишет Н. Бердяев в статье «Спасение и творчество – два понимания христианства»¹⁹.

Не исцелить моей тоски безмерной
Стихам тяжелым радостью неверной.
Не утолить моей любви огромной
Моим друзьям любовью слишком скромной.

И даже вам, ревнивые мечтанья,
Не прекратить унылого скитанья
Восторгом трепетанья, сочетанья.

По городам земли однообразной
Я прохожу – среди молвы бессвязной –
Ненужный, неприветливый и праздный²⁰.

Хотя философское осмысление смерти характерно для многих русских поэтов, особенно болезненно эта тема звучала в произведениях поэтов Русского Зарубежья, в частности, у поэтов «парижской ноты». К этому направлению или, точнее, «мироощущению» принадлежал и Юрий Манделъштам.

Отчаянье – не это
Вседневное рыданье
С трагической дланью,
Приподнятой к виску,

Отчаянье – не это
Вседневное паденье
В глубины без просвета,
В которых есть просвет,

А в малое мгновенье
Понять, что чашу с ядом
Хотя и страшно выпить,

Но все-таки возможно²¹.

Однако в стихах Юрия Манделъштама всегда звучала и своеобразная оптимистическая нота:

ЭЛЕГИЯ²²

Что будет через десять лет?
 Быть может, горьким цветом славы
 Я расцвету, и новый свет
 Пролью на облака и травы.

Завиден будет мой удел:
 Читатель, умный и суровый,
 Очнувшись от случайных дел,
 Мне поднесет венок лавровый;

И будут женщины мечтать,
 Как я о них мечтал когда-то,
 И по ночам не сможет спать
 Ревнивый друг мой, литератор;

И даже ты среди гостей –
 Подумай только – будешь рада
 Прослыть любовницей моей.
 Какая щедрая награда!

«Странная вещь поэзия – в момент, казалось бы, полного отказа от просветления – она вдруг засияет самым ярким и таинственным светом, залогом полного освобождения и преображения», – напишет Ю. Мандельштам в статье о творчестве Георгия Иванова²³. Такой же оптимизм прозвучал и в другой статье Юрия Мандельштама, где он писал о том, что поэзия «ведет к смерти», но сквозь смерть приведет она поэта «к подлинному рождению». Возможно, что именно в этом «подлинном рождении» видел он возвращение своего творчества в Россию.

В статье «Гончаров – критик»²⁴ Юрий Мандельштам задает своим читателям и литературоведам такой вопрос, который вполне можно отнести и к его собственному творчеству: «Многие статьи он не закончил или закончил, но не напечатал. Собрать их в книгу он не удосужился. Но почему впоследствии никто не сделал этого за него?»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Струве Глеб*. Русская литература в изгнании. – Париж – Москва: YMCA-Press / Русский путь, 1996. 448 с.
2. Статья из архива Мари Стравинской (перепечатана по рукописному оригиналу).

3. *Святополк-Мирский Дмитрий*. Поэты и Россия // «Версты», № 1, 1926. С. 144. Князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, (1890–1939) – русский литературовед, литературный критик, публицист, писал по-русски и по-английски. В 1932 году переехал в Советский Союз. В 1937 году был арестован, приговорен по «подозрению в шпионаже» к 8 годам исправительно-трудовых работ, в июне 1939 года умер в лагере под Магаданом.
4. См. статью П. Григорьева в газете «Возрождение», (Париж) № 67, 8 августа, 1925.
5. *Терапиано Юрий*. Встречи. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
6. Воинов Игорь Владимирович (1885–1942) – поэт, писатель, публицист, член «Кружка казаков-литераторов». Работал редактором русской эмигрантской газеты «Возрождение», автор сборника стихов «Чаша ярости» (Париж, 1938) и монографии «Мастера русского искусства».
7. *Терапиано Юрий*. Указ. соч.
8. *Софиев Юрий*. Синий дым. – Алма-Ата: Изд-во Алматы, 2013. С. 54.
9. *Берберова Нина*. Курсив мой. Автобиография. – М.: Изд-во «Согласие», 1996.
10. Письма Ю. К. Терапиано В. Ф. Маркову (1953–1972). // Если чудо вообще возможно за границей...: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. – М: Библиотекарь-фонд, 2008. Сс. 221-354.
11. Дом в Пасси. // Газета «Возрождение», том 11, № 3676, 27 июня 1935.
12. Заклятым врагом (*фр.*)
13. «Зарубежная Россия: Russia Abroad. Past and Present», № 3, 2015. Сс. 55-56.
14. *Борис Поплавский*. Снежный час // «Круг» (Париж), № 1, 1936. Сс. 177-178.
15. Газета «Возрождение» (Париж), том 14, № 4165, 6 января 1939.
16. «Новый Журнал», № 25. 1951. С. 302.
17. Газета «Возрождение» (Париж), том 14, № 4170, 10 февраля, 1939.
18. Газета «Возрождение» (Париж), том 14, № 4171, 17 февраля 1939.
19. «Путь» (Париж), № 2, 1926. Сс. 26-46.
20. Это стихотворение вошло в первый сборник поэта «Остров» (1930).
21. Стихотворение из первой книги поэта «Остров» (1930).
22. Там же.
23. Журнал Содружества (Выборг, Финляндия). № 8/9. 1937. Сс. 30-34.
24. Газета «Возрождение» (Париж), том 14, № 4165, 6 января 1939 г.

Филадельфия, 2016

Мари Стравинская

Мой дедушка Юрий Мандельштам

Меня как правнучку наиболее влиятельного композитора XX столетия чаще всего просят рассказать об Игоре Стравинском, чем я, конечно, чрезвычайно горжусь. Сегодня я благодарна за предоставленную мне возможность написать несколько слов о моем дедушке – Юрии Мандельштаме.

Его жизнь была тесно связана с Игорем Стравинским, так как он был его зятем. Старшая дочь Екатерины и Игоря Стравинских, Людмила (в семье ее называли Мика) вышла замуж за Юрия Мандельштама. Мика встретила его в 1935 году, когда ее ввели в литературные круги русской эмигрантской колонии.

Юрий родился в Москве, в 1908 году, а в 1920 году эмигрировал вместе с семьей в Париж, где обучался в одном из самых знаменитых университетов – Сорбонне. Он был журналистом, литератором и кинокритиком, работая для различных периодических изданий, но прежде всего он был поэтом. Он писал, что «не представляет себе жизни без поэзии». Юрий Мандельштам получил отличное образование, был очень талантливым, разносторонне одаренным и интеллектуально мыслящим человеком. Духовно богатый, но неудовлетворенный жизнью молодой человек, полюбил Мику, очарованный ее умом, привлекательностью и чуткой, отзывчивой душой.

Семья Стравинских восприняла положительно выбор дочери и ее быстрое решение выйти замуж. Юрий перешел в православие, и в октябре 1935 году они стали мужем и женой. Через пятнадцать месяцев после свадьбы, в январе 1937 года, Мика родила девочку, Катерину (любовно названную Китти) – это была моя мама. Но вскоре в семью пришла беда. Мике был поставлен диагноз – туберкулез. Молодую мать вместе с ребенком отправили на лечение в санаторий. Через несколько месяцев она вернулась в Париж. Юрию, перегруженному журналистской работой, беспокойством о больной жене и маленьком ребенке, пришлось согласиться, чтобы Мика и Китти пожили какое-то время в семье Стравинских.

Вскоре, однако, моя бабушка уже не могла подняться с постели, здоровье ее резко ухудшалось. Ее мать писала в письме, что 29 ноября пришел священник, и, уходя, он сказал: «Какая чистая душа».

Юрий при этом присутствовал, – убитый горем, совершенно потерянный. Мика умерла 30 ноября 1938 года в возрасте 29 лет в окружении семьи. Она похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже. Через три месяца ее мать, Екатерина Стравинская, тоже умирает от туберкулеза. Китти заболевает той же болезнью, и ее отправляют на лечение в Швейцарию. Тогда, в основном по материальным причинам, Юрию становится трудно навещать больную дочь.

Юрий и его семья* жили в Париже. Вскоре после вторжения немцев во Францию семья Мандельштамов решает уехать на юг Франции, где для еврейского населения жить было безопаснее. Никаких объяснений, почему Юрий решил остаться в Париже, дано не было. Это был трагически неправильный выбор. В 1942 году он был арестован гестапо. Его отправили в этапный лагерь Компьень, около Парижа. Компьень был тем переправочным пунктом, где заключенные ждали отправки в концентрационные лагеря. Позже Юрия переправили в лагерь Дранси, который также находился в пригороде Парижа. 31 июля 1943 года его перевезли в Освенцим, где он погиб 15 октября 1943 года в г. Яворжно (Польша). Юрию Мандельштаму едва исполнилось 35 лет. Я нашла в семейных архивах свидетельство о его смерти, выданное французским Департаментом ветеранов и жертв войны. Документ датирован 10 октября 1945 года.

* * *

После смерти жены Игорь Стравинский женился во второй раз и уехал навсегда в Америку. Когда до него дошли трагические известия о смерти Юрия в концентрационном лагере, он попросил сына, Федора Стравинского, и его жену, живших в Швейцарии, удочерить племянницу и вырастить ее как «их собственную дочь».

Конечно, моя мама не могла помнить своих родителей. Она пыталась везде, где только могла, собрать о них материал. Сестра Юрия, Татьяна, передала ей все архивы, которые у нее сохранились: книги, письма, тетради и несколько фотографий. Больше число документов поступило именно от нее; другая женщина, Катерина Гарон, близкий друг Юрия, также отдала семье часть его архива. Я слышала, что она была старше Юрия и уже обручена, когда они познакомились, но он, будучи еще совсем молодым человеком, был в нее влюблен. Многие из своих стихов он посвятил ей. То небольшое, что мне известно о Юрии Мандельштаме, я узнала от моих приемных бабушки и дедушки.

* Его отец – Владимир Арнольдович Мандельштам, мать София (урожденная Штильман), сестра Татьяна и ее муж, поэт Леонид Гатинский (псев. Ганский).

По его многочисленным статьям (о литературе, географии, искусстве, коммунизме, христианстве...) видно, что круг интересов и знаний Юрия Манделъштама был очень разносторонен. О нем написано немного, но его вклад в литературу и поэзию не должен быть забыт.

*Женева,
Швейцария, 2015
Перевод с английского Елены Дубровиной*

Юрий Мандельштам

Не вошедшее в книги

СТРАСБУРГ

*Моей жене**

Где розоватого собора палех
Указывает людям в небеса,
С тобой надолго мы вдвоем остались:
Часы, мелькнувшие, как полчаса.

И мы узнали дни освобожденья –
Сон бодрости и беспричинный смех –
Когда в одном – два счастья, два стремленья,
И каждый миг – прекраснейший из всех.

Нам был отраден зов средневековый,
И каждый полдень на больших часах
Безмолвно проходил старик суровый,
И пел петух, уничтожая страх.

И верный памятник семи столетий
Над бездной времени торжествовал,
Он говорил нам о своем секрете,
О том, как первый мастер замышлял

Свое созданье в гордости и силе,
И как другие в поте и крови
Потом веками стены возводили
Во славу всеобъемлющей любви.

Никто из них не мог иметь надежды
Законченным увидеть долгий труд,
О, как смеялись злые невежды,
Привыкшие к беспомысленству минут.

И все-таки над вековым строеньем
Летают голуби. Лишь мы порой
И в радости томимся нетерпеньем,
Неодолимой скудностью земной.

* Людмиле Стравинской

ЮРИЙ МАНДЕЛЬШТАМ

Но, видишь ли? Мы покорились чуду:
 Поет петух, и неуместен страх.
 Любовь и радость побеждают всюду,
 В камнях собора и в людских сердцах.

Газета «Возрождение», № 4036.

25 июля, 1936

* * *

Моей дочери

То детский плач, то детский лепет
 Почудится в неверном сне,
 И радостно тревожный трепет
 Волною пробежит во мне,

И неизведанной тоскою
 Среди одиночества замрет,
 Как будто грубою рукою
 Внезапно прерванный полет.

Несуществующего звука
 Не заглушает тишина.
 Какая странная разлука
 Сегодня сердцу суждена!

Что может заменить свиданье,
 Когда не ревность и не страсть,
 А легкой нежности дыханье
 Имеет надо мною власть?

Но в самой горечи – отрада,
 В разлуке – полнота любви,
 Моя чистейшая награда
 За стыд и страх, и пыл в крови.

И то, что ты живешь – о чуде
 Свидетельствует все верней
 Среди будничных моих затей
 О том, во что не верят люди,
 Не полюбившие детей.

«Возрождение», № 4129.

29 апреля 1938

* * *

Памяти Бориса Поплавского

Холм невысокий, пред которым я
Стоял, еще совсем не понимая,
Крест деревянный, и вокруг друзья, —
Кто молча, кто беспомощно рыдая...

Комки сырой кладбищенской земли
И память, ставшую почти святыней,
Мы все-таки с собою унесли,
Бредя, как прежде, жизненной пустыней.

Еще твоих стихов невнятный звук,
И в каждом сердце новая усталость...
Немногое нам от тебя осталось,
Как и от нас останется, мой друг.

*«Возрождение», № 3795.
24 октября 1935*

* * *

Я в жизни многое нашел:
Она совсем не обманула.
Не страшен даже произвол
Несовершенства и разгула.

В изменчивой судьбе земной,
Где все неясно, все в тумане,
Так много скрыто обещаний,
Вступивших в заговор со мной.

И легче верить, чем не верить,
И радоваться и любить,
Чем презирать и лицемерить.
Но только я не мог забыть

О сказочном моем наследстве,
О той стране, о том пути,
Что я во сне увидел в детстве
И в жизни не сумел найти.

*«Возрождение», № 3966.
12 апреля 1936*

* * *

Захмелевший, полувлюбленный,
(О, не более чем вчера),
Обессиливший, изнеможенный,
В четвертом часу утра,

Когда подчиниться впору,
Уступить в неравной борьбе,
– Выхожу навстречу позору,
Выхожу навстречу тебе.

К тебе – на боль, на прощанье,
Поцелуи, смятенье, дождь,
В мою нелюбовь и молчанье,
В уже уходящую ночь.

«Числа», Париж, № 9. 1933

ЛЕТНЕЕ

1

О, хмель городского лета,
Неясный солнечный пламень,
Мерцанье пыльного света,
Железо, асфальт и камень.

В окне городского вагона
Окаменевшие лица.
Бросается в холод зеленый
Жажущий самоубийца.

О, хмель тоски первозданный,
Сжигающий, неустанный.

2

А тут еще жар подушек,
Мельканье недолгих счастлих,
А тут еще ты – во власти
Безделья и безделушек.

О, хмель нелюбовной муки,
Зной бессловесный желаний.

Свисают жаркие руки
И тяжелеют в молчаньи.
О, жажда дня городского:
Самоубийство и слово.

«Возрождение». 13 октября 1932

* * *

Да, и стихи, и дружба, и любовь...
Но все отравлено бесстрастным бдением.
Волнуется и замирает кровь,
Послушная привычным сновиденьям.
Ведь наяву мы спим, и все – во сне...
И только, жажда, ты не спишь во мне.

«Возрождение», № 4080.

8 мая 1937

* * *

Пятнадцать или двадцать строк –
Простой газетный некролог:
«Такой-то. Столько-то прожил.
На свете то-то совершил.

Был и отзывчив, и умен,
Друзей оставил всюду он».
Так все писали обо всех,
Но так писать великий грех.

Быть может, не хватает слов
Ни на одном из языков.
И я когда-нибудь умру,
Но, как нечестную игру,

Я отвергаю некролог,
Который сам составить мог.
Чем жил я, для чего страдал –
Вам не узнать. Я сам не знал.

«Возрождение», № 4080.

28 мая 1937

Публикация – Е. Дубровина

Юрий Мандельштам

Статьи 1930-х годов

«ГЕНИЙ БЕЗ ТАЛАНТА». М. Л. МИХАЙЛОВ*

Всякое творчество неразрывно связано с внутренней трагедией: в жизни художника, писателя, поэта страдания неизбежны. Но из этого не следует, что всякий человек, много перестрадавший на своем веку, станет великим художником. Еще грубее другая ошибка, очень часто допускаемая: мнение, что творчество должно вытекать (и почти автоматически) из житейского неблагополучия. Конечно, подлинный творец и в таком неблагополучии найдет себе глубокую трагедию, как нашел ее Достоевский, но он может почувствовать ее, подобно Толстому, и в жизненном счастье, и в довольстве. А человек, лишенный дарования, может голодать всю жизнь, сойти с ума от несчастной любви и умереть на плахе, так и не создав ничего не только значительного, но и мало-мальски стоящего.

Очень характерным примером в этом смысле может послужить биография М. Л. Михайлова, третьестепенного поэта и романиста, известного в свое время, но давно забытого переводчика, произведения которого теперь вздумало воскресить московское издательство «Академия»**. Предисловие к книге начинается следующей фразой: «Михаил Ларионович Михайлов – один из выдающихся русских поэтов – принадлежит к числу несправедливо обиженных историей литературы». И дальше следует его жизнеописание, навязывающее читателю вывод: «Человек, претерпевший столько невзгод и несчастий, должен быть гениальным».

Действительно, испытаний в жизни Михайлова было сколько угодно: и трудное материальное положение, и семейные распри, и неудачная любовь, и каторга. Не было у него только одного – литературного таланта. И читая его стихи, весьма посредственные лирические излияния, или скучные, условно-гражданские рассуждения, – поневоле думаешь, что не только гением, но и просто поэтом Михайлов отнюдь не был, и что история литературы ничуть его не обидела, а просто поставила на свое незначительное место.

* Газета «Возрождение», № 3697, 18 июля 1935.

** *Михайлов М. Л.* Полное собрание стихотворений. – М-Л: «Академия», 1934.

Между тем, в его биографии можно найти даже нечто вроде предзнаменования его литературной будущности. Совершенно случайно в литературу попал его дед: его описал в «Семейной Хронике» С. Т. Аксаков. Михаил Михайлович был крепостным помещицы Куролесовой. «Под именем Михайлушки он был известен всем и каждому в Симбирской и Оренбургской губерниях. Этот замечательно умный и деловой человек нажил себе большие деньги, долго держался скромного образа жизни, но, отпущенный на волю, спился и умер в бедности. Кто-то из его детей, как мне помнится, вышел в чиновники и, наконец, в дворяне.»

Этим сыном Михайлушки был Ларион Михайлович, сделавший быструю и внушительную карьеру на губернской службе, сначала в Симбирске, потом в Оренбурге. В этом последнем городе и родился его старший сын Михаил. «Ребенок был болезненно-хрупкий. Родился он полуслепым, и ему пришлось делать операцию век». Впоследствии знавшие Михайлова петербургские литераторы не раз отмечали странный взгляд его и «ненормальность глаз». Воспитывался Михаил в Илецкой Защите, на пороге Азии, где его отец стал старшим советником Соляного управления. Учитель-немец, Адам Адамович (позже описанный Михайловым в одноименном романе), помог ему изучить языки и привил любовь к литературе. Михаил стал писать стихи и переводить немецких поэтов. После смерти отца Михайловы переехали в Уфу, где юный стихотворец и решил испробовать себя на литературном поприще: он послал стихи в петербургский журнал «Иллюстрация», где 16 июня 1815 года и были напечатаны два его стихотворения: одно оригинальное и перевод из Гейне. Редактор «Иллюстрации», небезызвестный К. В. Кукольник, очень поддержал амбицию шестнадцатилетнего юноши, и Михайлов окончательно решил посвятить себя литературе. В 1846 году его братья отправились в Петербург, в Горный Институт, поехал с ними и Михаил с целью поступить на филологический факультет и завязать литературные знакомства.

Университетские дела его сложились сразу же неудачно. Литература отвлекала его от занятий и экзамена он не выдержал. Все же он поступил вольнослушателем, но через год вообще бросил университет. Зато литературный успех выпал на его долю скоро. «Иллюстрация», «Сын Отечества» и «Литературная Газета» стали печатать его стихи и «библиографические работы». Появились у него и литературные знакомства. Первым был Чернышевский, тоже учившийся в университете. Отношения между ними сложились странные. «Мы очень часто бываем друг у друга, – писал Чернышевский, – он со мною откровенен, очень откровенен, но у него уже такой характер,

не то, что у меня... Но я все еще не столько знаю его, чтобы совершенно сказать, что считаю себя его другом.» Интересы их, впрочем, не совпадали. Чернышевский был уже увлечен революционными идеями; Михайлов в то время интересовался только чистой литературой. Гораздо ближе он сошелся с редактором «Литературной Газеты», В. Р. Зотовым. Литературный успех и знакомства не обеспечили, однако, Михайлову заработка. Кроме того, он вел беспорядочный образ жизни, то кутил и сорил деньгами, то нуждался и почти голодал. Его прозвали «безденежным литератором», что очень обижало его. К тому же его родные стали требовать, чтобы он бросил «безделье» и поступил на службу. После долгих споров, он сдался и поступил чиновником в нижегородское Соляное управление.

Но и в Нижнем он сошелся с литераторами. Поселился он у В. И. Даля и подружился с Боборыкиным, который и оставил воспоминания о нижегородской жизни Михайлова. Служил он исправно, но без рвения, зато с рвением кутил и ухаживал за дамами.

Михайлова-пиита
Тянет все клико,
Не терпит лафита,
Ибо не крепко...

— пели о нем куплеты среди веселящейся молодежи. Все же он пишет и даже печатается. Пыпин, познакомившийся с ним проездом через Нижний, писал, что он «производил приятное впечатление живостью разговора и литературными интересами». Михайлов регулярно сотрудничал статьями и рассказами в погодинском «Московитянине», который считал «прекрасным журналом». Попал он туда благодаря Далю, но скоро литературные друзья разошлись. Народническая тенденция Даля не удовлетворяла Михайлова, которого тянуло к чистой поэзии, а Даль писал о нем: «Дарование его до того грязно или загрязнилось, что плюнешь поневоле». Через четыре года по приезде в Нижний Михайлов вышел в отставку и снова отправился в столицу — делать литературную карьеру.

Круг его знакомств резко переменялся. Он порвал с «Московитянином» и переехал в «Современник». Впрочем, писал повсюду — газетные фельетоны, статьи, рассказы; много занимался переводами. Подружился он, главным образом, с поэтами — Майковым, Меем и особенно Полонским. Сошелся он также с критиком А. В. Дружининым и Н. В. Шелгуновым, семье которого суждено было сыграть в жизни Михайлова трагическую роль. Но времяпрепровождение его осталось

прежним. Снова «безденежный литератор» кутит и пьет, причем участниками его пирушек, кроме Полонского и Дружинина, становятся также Тургенев и Григорович. Михайлов не без основания хвастается, что «никакая добродетельная женщина не устоит против него». Друзья по похождениям уверяли, что он «ни о чем другом не думает, как о победах над женщинами». Но Шелгунов дает совсем иной портрет его. «В нем, как во всех художественных натурах, было сильно чувство формы. Свое литературное достоинство Михайлов нес высоко и тщательно оберегал. Михайлов развился на тех старых литературных преданиях, когда талант считался даром неба, а писатель – носителем искры Божьей.» Внешне он был хоть и некрасив, но опрятен и элегантен. «Природное изящество сообщалось Михайловым всему, что он носил. Галстук, самый обыкновенный на других, на Михайлове смотрелся совсем иначе, и это зависело от того, что Михайлов своими тонкими ‘умными’ пальцами умел завязать его с женской аккуратностью и изяществом.»

Шелгунов был женат, и жену свою, Людмилу Петровну, обожал. Кроме того, его «передовые» взгляды на женщину запрещали ему стеснять ее свободу. Людмила Петровна свободой этой пользовалась, и очень широко. У нее постоянно были поклонники и связи, и Полонский определял ее «хищницей». В своем дневнике он записал ее фразу: «Надо из мужчины выжать сок, как из лимона, а потом бросить». Неизвестно, хотел ли Михайлов испробовать на ней силу своего очарования, или и впрямь она привлекла его, но легкое чувство к ней скоро перешло в страстную любовь. Хозяйка литературного салона Е. А. Штакенштейнер писала в своих воспоминаниях: «...думаю, что если бы Шелгунова ему сказала броситься в огонь, он бы бросился с радостью; если бы она убила кого-нибудь, он был бы счастлив взять ее грех на себя». Эта любовь не ускользнула от мужа, который сказал, что «Людинька» может «выбрать себе нового мужа и насладиться с ним счастьем, возможным на земле. Я люблю вас и потому не хотел бы быть причиной вашего несчастья. Насчет обеспечения жизни вы не будете иметь хлопот».

Но жертвенное предложение Шелгунова было напрасным. Любовь Петровна не думала о разводе, а Михайловым просто играла. Полонский, видевший, что его друг измучен страстью, решил выяснить с Шелгуновой обстоятельства. Но, к его удивлению, разговор их принял совсем иное направление. Шелгунова стала ему намекать, что он сам ей небезразличен. «Это только искра, зависит от вас раздуть ее в пламя.» Полонский испугался и порвал с Шелгуновыми. Михайлов же продолжал молча страдать, причем его любовь не уменьшила его дружбы с самим Шелгуновым. Последний приписал

всю путаницу «древнему року» и только еще больше привязался к Михайлову. Втроем они отправились за границу, в Германию и в Париж. Михайлов, в общем, остался равнодушен к заграничной жизни, но Шелгуновым снова суждено было сыграть в его жизни роль «древнего рока». Шелгунов виделся в Париже с революционерами и понемногу втянул в политику и своего друга. Совсем чуждый, по существу, этих интересов, Михайлов, вернувшись в Россию, по инерции стал заниматься революционной пропагандой. За распространение прокламаций он был сослан в Сибирь на шесть лет.

В ссылке он и умер от удара в 1865 году. До самой смерти литература привлекала его больше всего, и он много писал. Но жизненная неудача почти не отразилась в его стихах. Во всяком случае, они остались такими же любительскими и такими же несовершенными. Любопытно, что и оригинальные его стихи – часто перепевы Гейне, Пушкина, своих сверстников. Когда умерли его друзья, любившие его как человека, забвение стало неизбежным.

ПОЭТ-ОДИНОЧКА. А. Х. ВОСТОКОВ

В Москве переизданы стихи Востокова*, поэта еще «державинских времен», давно и основательно забытого. Суд потомства далеко не всегда правый, и, во всяком случае, не скорый. Известно, что у нас умудрились «просмотреть» Тютчева: еще и до сих пор не оценен по заслугам изумительный Иннокентий Анненский. Случается и обратное – наступает раннее и несправедливое забвение. По отношению к русской допушкинской поэзии таких несправедливостей особенно много: Батюшков, Языков; страшно сказать, сам Державин уже стал только предметом школьного обучения. После всех громких имен прозвучит имя Востокова почти неловко. В томе его стихов столько набросков, недоделанных, любительских стихотворений, и других – явно не вечных, окончательно архаичных, что забвение в данном случае с первого взгляда кажется законным. Но если вчитаться внимательно, не полениться отыскать удачу в ворохе старомодных и не очень умелых виршей, то можно найти строки, а то и стихотворения, не только подлинные, но попросту замечательные. Любопытное совпадение: почти все удачи Востокова касаются одной темы, одного переживания, по-видимому, пронзившего поэта на всю жизнь. Тема эта – счастье. Еще двенадцатилетним мальчиком пишет он первую оду «Счастье», очень несовершенную и не освободившуюся от влияния Ломоносова:

* «Возрождение», № 3895, 1 февраля 1936.

* *Востоков А. Х.* Стихотворения (Вступит. статья Вл. Орлова). – Москва: Сов. Писатель, 1935.

Доколе будешь ты гоняться
За ложным счастьем, человек,
Ты будешь счастьем наслаждаться
На целый свой превратный век.

Но постепенно, разрабатывая и углубляя тему, одновременно с ритмами и стилем, Востоков не только нашел свой поэтический язык, но иногда добивался стихов почти современных нам по словарю и звуку. В каком-то смысле он опередил и своих сверстников, и даже поэтов пушкинской плеяды (кроме самого Пушкина, конечно). Вот отрывок из «Письма о счастье», который, право, мог бы быть написан в конце прошлого века:

Но кто научит нас
Все делать впору, кстати?
Никто иной, как сердце,
Как собственное сердце;
Оно должно вести
Нас бережно и ловко,
Как хитрых балансеров,
По оной тонкой нити,
Которая зовется:
Во время, впору, кстати.

Кроме слова «оный», здесь все на месте. И какая точность и трезвость; чего стоит одно сравнение с балансером. Чтобы написать такие стихи в 1805 году, нужна была не только несомненная выучка, тщательная работа, но и немалый талант.

Как же случилось, что ничего прочного и значительного Востоков все-таки не создал? Вл. Орлов в предисловии к новому изданию объясняет эту неудачу тем, что Востоков всю жизнь был поэтом-одиночкой. Объяснение это кажется нам вполне правильным, но само требует известного истолкования. Дело, конечно, не в жизненном одиночестве, часто способствующем творчеству, и не в том, что Востоков не примыкал ни к какой определенной поэтической школе или группировке. Но каждое время ставит перед поэтом свои задачи, обойти которые невозможно. Одно дело – одинокий личный путь, опыт которого все же будет опытом своего времени, другое – сознательная попытка заняться иным. В последнем случае поэт идет вразрез с большой линией современной ему поэзии и разве что создаст свой собственный мирок, в живой жизни не участвующий и уже по одному этому скромный и малый. Востоков в этом смысле и был одиноч-

кой: он разрабатывал проблемы, чуждые русскому стиху того времени, кое в чем опередил своих современников, зато в других отношениях отстал непоправимо. Именно по этой причине он и при жизни был лишь гастролером в русской поэзии, а не ее создателем. Он и сам это понимал, довольствовался ограниченной, хотя вполне доброкачественной известностью, и от обреченного своего творчества рано отошел.

Александр Христофорович Востоков был незаконнорожденным сыном остзейского дворянина Христофора Ивановича Остен-Сакена. Отец его был майором и уездным предводителем дворянства в Аренсбурге, на острове Эзеле. Там и родился Александр Христофорович, 16 марта 1781 года. Отец отправил его на воспитание в Ревель, к некоей вдове Трейблут. У этой вдовы мальчик жил до семилетнего возраста, называл ее «маменькой». Сам же по фамилии никак не назывался. В семь лет его решили послать в Петербург, тогда и придумали ему фамилию – Остенек. «Не знаю, почему-то эта фамилия мне с самого начала не понравилась, – вспоминал он впоследствии, – я никогда не мог к ней привыкнуть. Сие было главною причиною, побудившей меня издать в свет первые мои сочинения под вымышленным именем Востокова. Я продолжал, однако ж, долго еще и в житейских отношениях, и в делах службы, прозывался по-прежнему... Но вымышленная моя фамилия мало-помалу вытеснила из употребления немецкую, так что меня даже и по гражданской службе стали писать Востоковым.»

В Петербург его привез некий капитан Линген и поселил его у дяди, барона Карла Ивановича Остен-Сакена, жившего в Зимнем дворце, чтобы тот дал ему «подобающее воспитание». Мальчик, хотя и грамотный, и развитый, был по всем своим навыкам простым деревенским ребенком. Петербург, отец – все это «немного возрождало во мне любопытство, потому что я не мог вообразить себе иных благ, кроме тех, которыми наслаждался в хижине г-жи Трейблут». Переселение в столицу было для него, таким образом, коренной ломкой образа жизни, привычек и представлений.

У дяди он оставался недолго. В том же году отдали его в Сухопутный кадетский корпус, где он, как «недворянского происхождения», числился не кадетом, а гимназистом. Таких «гимназистов» готовили на должности учителей и поэтому освобождали от специально воинских занятий. Востоков сразу же проявил способности и усердие, так что через два месяца был переведен во «второй возраст». В первый же год подружился он с кадетом Хатовым, который «служил к моему образованию, научил меня рисовать и развивал во мне охоту к словесности». Пристрастился он и к чтению в корпусной биб-

лиотеке. «Я читал в ней попавшиеся мне немецкие книги. По-французски я еще не знал, а в русский язык только вникал.» За четыре года сделал он успехи поразительные. «С 1792 года я читал уже и французские книги, а по-русски начал кое-что писать, разумеется, детское.»

Сохранилась первая тетрадь стихов двенадцатилетнего Востокова, озаглавленная: «Разные сочинения А. Остенека, 1 января 1793 года». В ней мы встречаем упомянутую выше оду «Счастье», «Элегию на смерть Людовика XVI» (мальчик, по-видимому, следил за событиями) и ряд других стихотворений. Корпусное начальство поощряло его попытки, т. к. в корпусе, по словам известного Ф. Булгарина, «дух литературный преобладал над всеми науками». В стенах корпуса существовал собственный театр, основанный еще Сумароковым. Преподаватели, в частности Я. Б. Княжнин, а потом П. С. Железняков, обращали на литературу особое внимание. Многие воспитанники писали стихи. Один из них, Волков, был признанным корпусным поэтом и имел большое влияние на Востокова. В тетради последнего имеется «Епистола к Волкову», в которой сквозит не только уважение, но даже преклонение перед товарищем-поэтом. Другой одноклассник, Шубников, увлек Востокова французской литературой.

Тринадцать лет Востоков окончил корпус. Будучи заикой, готовиться в учителя не мог; к военной службе также был непригоден. Дядя решил отдать его в Академию художеств «по тому суждению, что в этой Академии говорить не нужно». В Академии Востоков учился восемь лет, став за это время из мальчика взрослым юношей. Живопись и архитектура не интересовали его. В «Летописи моей» он писал: «Предавшись ремеслу архитектурному, я прозябал. Может быть для того судьба оставляла меня так долго в сем бездействии и чувственной дремоте, чтобы приуготовить меня к живейшим душевным наслаждениям. Много терпел и прискорбно от окружающих людей, и учился терпеть». Главными интересами его жизни были товарищество и литература. Впрочем, товарищеские отношения его вряд ли были чистыми. В Академии царствовала полная распущенность, процветали «греческие нравы» и трудно предположить, чтобы сам Востоков, в общем, слабохарактерный, им не поддавался. Эта гипотеза подтверждается еще тем, что у него никогда впоследствии не было отношений ни с одной женщиной, насколько известно, по крайней мере.

Зато бескорыстная его любовь к поэзии не подлежит сомнению. «Тружусь над мелочным сложением стихов», – писал он, сравнивая себя с пчелой. Работал он действительно много – и над оригинальными стихами, находя новые ритмы и формы, и над переводами с

греческого и латинского. Переводы эти отличны и, кроме всего прочего, замечательны тем, что сохраняют размеры подлинника, чего и после него долго еще никто не делал. Он пытался привить русскому стиху сафическую и асклепиадову строфы. Любопытен его перевод Горациева «Памятника», столь знакомого нам по переделкам Державина и Пушкина, но Востоковым переданного слово в слово:

Крепче меди создал себе я памятник;
Взял над царскими верх он пирамидами,
Дождь не смоет его, вихрем, не сломится...

Поразительно сохранение цезуры и всей интонации подлинника. Переводил Востоков и с немецкого. Работал он также и над русскими народными стихотворными формами.

В Академии был целый круг учеников, интересовавшихся литературой. Виделся Востоков и с Шубниковым, который ввел его в только что основанное Общество любителей изящного. Востоков долгое время был постоянным членом этого Общества. По воспоминаниям Н. И. Греча, он за двадцать лет «пропустил не более двух или трех заседаний, разве по сильной болезни». Окончив Академию, он остался при ней на службе. В том же году впервые выступил в печати, в антологии, составленной Железняковым. Потом он регулярно сотрудничал в «Свитке муз» и в «Периодическом издании» Общества любителей. В 1805 году выпустил он сборник «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах».

Критика встретила книгу более чем сочувственно. В «Любителе Словесности» о нем писали: «Г. Востоков изданием сочинений своих сделал приятный подарок российской словесности. Читая их, можно чувствовать, что он родился поэтом». Еще похвальнее отзывался «Вестник Европы»: «Г. Востоков знает, в чем состоит тайна Поэзии, непроницаемая для самозванцев-поэтов. Погрешности его не закрывают дарования, которое в авторе 'Опытов' обрабатывается с таким успехом». Обратили на него внимание и другие поэты. Батюшков отметил его стихи, «в которых видно отличное дарование поэта, напитанного чтением древних и германских писателей». Жуковский писал Александру Тургеневу: «По письмам твоим вижу, что ты не очень жалуешь Востокова. Грешишь, милый друг, этот человек с истинным талантом». Тургенев отвечал: «Много в поэзии его прекрасного, в ней он иногда кажется заикою... Но он истинный поэт...» То же признавал и Вяземский. Книга Востокова понравилась Александру I, подарившему поэту бриллиантовый перстень.

Все же в литературной среде Востоков оказался чужим.

«Карамзинисты» находили его слишком смелым новатором, более сочувственно отнесшиеся «радищевцы» – идущим не по тому пути. Востоков и сам чувствовал некую порочность своего творчества. В 1821 году он все же пишет и печатается в «Санкт-Петербургском Вестнике», «Сыне Отечества» и других журналах. В 1821 году он выпускает новую книгу «Стихотворения», после которой замолкает. Долгая его жизнь в дальнейшем была посвящена научным трудам по славянской филологии. В этой области он приобрел большую известность и всеобщее признание.

И, тем не менее, он продолжал работать над стихами, переделывая старые и подготавливая новое окончательное издание их. «Автор, одобренный благосклонными отзывами, – писал он в объявлении о подписке на это издание, – тщательно занимался выправкою, дабы некогда представить публике в той степени совершенства, до какой возможно ему было довести труды свои. Наконец, лет пять уже отвлеченный обстоятельствами от бесед с Музами, и, может быть, навек распростившись с ними, полагал он, что может приступить к последнему от себя изданию своих стихотворений. Он разделил их на три книги, вообще по порядку времени расположенные.»

Умер Востоков на восемьдесят третьем году, пережив не только своих сверстников, но и все пушкинское поколение поэтов.

«АБИССИНСКИЕ ХРОНИКИ XIV–XVI ВВ.»*

За последние пятьдесят лет Абиссиния, волею событий, дважды становилась центром внимания всего мира; оба раза в связи с итало-абиссинскими войнами. Но в промежутке между этими двумя периодами ею интересовались лишь очень немногочисленные специалисты-абиссиноведы. Вероятно, самое слово «абиссиноведение» звучало, да, пожалуй, и сейчас звучит, для большинства пустым звуком. Вряд ли многие знают, что одним из самых замечательных абиссиноведов был наш соотечественник, ныне уже покойный, – профессор Б. А. Тураев**, более известный как египтолог. Особой заслугой Тураева было то, что он – вслед за французским ученым Перрюшоном – обратил свое внимание на темный и мало исследованный период абиссинского Средневековья, так называемое «феодалное» время.

До названных нами ученых эту эпоху знали лишь по «кратким эфиопским хроникам», представлявшим собою, скорее, канву для истории, чем фактические документы. Перрюшон открыл, а Тураев

* «Возрождение», № 4055, 5 декабря 1936.

** Тураев Б. А. (1868–1920) – русский историк, создатель отечественной школы русской истории Древнего Востока, в частности, Древнего Египта и Нубии.

подробно изучил и перевел хроники отдельных царств Соломоновой династии с конца XIII по XVI веков*. Некоторые из этих хроник ныне впервые изданы**. Перевод и комментарии принадлежат перу самого Тураева – это показывает, как велик их интерес для специалистов. Но и для неподготовленного читателя «Абиссинская хроники», несомненно, будут интересным чтением, благодаря любопытным фактическим данным, которыми они насыщены, а также благодаря увлекательности, и, скажем прямо, высокой художественности изложения.

Особенный интерес хроники представляют для русского читателя по нескольким причинам. Во-первых, сами хроники, написанные безымянными монахами, и по заданию, и по форме напоминают наши летописи. Во-вторых, именно Соломонова династия, воцарившаяся в Абиссинии в 1270 году, установила в этой стране православие как официальную религию – что не может не вызвать параллели с первыми веками после крещения Руси. Наконец, самый государственный строй Абиссинии, каким он рисуется нам по хроникам, напоминает гораздо больше наш удельный период, чем западноевропейскую феодальную систему. Это подтверждает, между прочим, теории французских медиевистов, в частности, Фердинанда Лота, о том, что феодализм – чисто западное, романо-германское явление, не имеющее прямых эквивалентов нигде в другом месте.

Соломонова династия не только ввела в Абиссинию христианство, она была как бы его защитницей и поборницей. Любопытно в связи с этим упомянуть, что первые цари этой династии сочли нужным произвести свой род от царя Соломона, что фактически, конечно, остается недоказанным и даже вряд ли правдоподобным. Но наследники Соломона не могли не быть правой рукой Церкви. Это не мешает абиссинскому православию того времени носить отпечаток более, чем своеобразный, и во многом отличаться от русского.

Так, в Абиссинии продолжало существовать многоженство – во всяком случае, в царской семье и других знатных родах. Внук основателя династии, Амда Сион, даже превзошел в этом смысле традицию, женившись на двух собственных сестрах и на наложнице своего

* Перевод исполнен Б. А. Тураевым по тексту, изданному в 1889 году французским ученым Ж. Перрюшоном (*Journal Asiatique*, VIII серия, т. 14, 1889, сс. 271-363, 381-493.). Работа Ж. Перрюшона основана на рукописи № 861 Британского музея, представляющей собой копию, снятую в 1851 году с редакции, относящейся к 1784 году. Также он использовал рукопись № 143 Национальной библиотеки в Париже и старый перевод португальца-иезуита Альмейды, бывшего в Абиссинии около 1623 года. (*Ю. А.*)

** *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники XIV–XVI в.в. – Москва: Изд-во Академии Наук, 1936.

отца. Из-за этого у монарха даже возник конфликт с духовенством: митрополит Онуфрий предал его анафеме, за что был подвергнут истязаниям, а монахи Либаносского монастыря долгое время были как бы вне закона.

Впоследствии Амда Сион примирился с духовенством, но полигамия осталась в силе: так, в хронике XV века о царствовании Зара Якоба мы постоянно встречаем упоминания о «царице справа» и «царице слева», которая была «женою юности» царя. Менее удивительны жестокие нравы средневековой Абиссинии, но любопытно, что для каждой казни или убийства летописец находит оправдание и даже восхваление в цитатах из Священного Писания.

Несмотря на все эти особенности, при Соломоновой династии христианство в Абиссинии на самом деле победило. Все войны, которые велись первыми царями, были войнами религиозными, как бы крестовыми походами против язычников или, позже, против мусульман. Даже гражданские междоусобицы изображаются в хрониках как акт религиозный. Были, конечно, у них и другие, государственные или экономические причины, на что хроникеры и намекают, добавляя, что об этом знает один царь. Наряду с военными подвигами, Соломонова династия обеспечила христианству и культурную победу: все хроники свидетельствуют о развитии в Абиссинии духовной литературы и разных видов искусства. За два века изменился даже литературный язык абиссинцев, благодаря проникновениям в него элементов разговорных, так называемых, «амхарских».

Мы уже упомянули о высокой художественной ценности хроник. Они – не только летописи, но, одновременно, и эпические поэмы, правда, написанные прозой. В них чувствуется забота о ритме, создающемся благодаря повторным вставным фразам, напоминающим «Песнь о Роланде», а также вследствие постоянного перечисления имен собственных. Этот прием создает иногда сильные драматические эффекты; например, при описании поражения Амда Сиона, покинутого всеми военачальниками, многие пассажи очень выразительны по красочности и лиризму. Приметы, сулящие поражение Амда, и плач его жен вызывают в памяти соответствующие пассажи из «Слова о полку Игореве», а описание смерти царя Мара Клавдия даже сопровождается стихотворным подражанием плачу пророка Иеремии.

Виталий Койсин

Старческий дом в Юи

Через Бельгию прошло несколько «волн» русской эмиграции. Пожалуй, самая тяжелая часть их общей истории относилась к послевоенной эмиграции, в том числе к ди-пи, перемещенным лицам. Кроме советских военнопленных и остарбайтеров, привезенных немцами для работы на угольных шахтах Бельгии, с 1947 года в страну попали те, кого расселяли из временных лагерей Германии и Австрии по государствам, согласившимся их принять. Первой такой страной и была Бельгия. В окрестности Льежа, во Фландрию и другие районы в 1947–52 гг. приехало около 15 тысяч новых ди-пи¹. Обычно им предлагалась какая-то малопривлекательная для коренных жителей работа, например, на тех же шахтах. По истечении двухгодичного контракта можно было самим начать искать работу в Бельгии или других странах; многие из молодых и дееспособных получали рабочие визы в Австралию, США, Канаду и Южную Америку.

Но пожилые люди – бесполезная и даже обременительная для экономики принимающих стран часть русских эмигрантов – были мало кому нужны. Кроме них, наиболее проблемную часть беженцев (в англоязычной литературе того времени именуемую «hard core») составляли также инвалиды, туберкулезные, одинокие матери и т. п. Таковых в конце 1940-х в Западной Европе насчитывалось около 160 тысяч! Обездоленных, часто одиноких, приняли, по гуманитарным соображениям, в основном западноевропейские страны. В их числе – Бельгия, где трудности жизни этих несчастных в годы послевоенной разрухи старались облегчить, помимо международных² и государственных структур, различные местные благотворительные организации, церковные общины и просто неравнодушные люди, становившиеся «крестным отцом» или «крестной матерью» того или иного пожилого человека³. Надо отметить, что помощь бельгийского правительства поначалу ограничивалась лишь выдачей въездных виз, в то время как все расходы на проживание, медицинское обслуживание и даже похороны был обязан гарантировать благотворитель.

Большинство стариков разместили в католических домах престарелых. Посильную помощь им оказали и русские храмы в Бельгии, прихожане которых открывали «частные» приюты (чаще

всего для пожилых женщин), финансово поддерживаемые, в основном, социальными фондами, но также и частными пожертвованиями. Это были небольшие приюты, в обычных городских домах на 5-6 комнат, в которых жили 15-20 человек. Православные священники духовно окормляли этих пожилых людей⁴, которые постепенно уходили в мир иной. Священник Иаков Дойль, посещавший дома престарелых в *Vlaugies* и *Élouges*, что у французской границы близ Монса, к середине 1970-х застал лишь с дюжину очень стареньких русских эмигрантов в Бложи и всего лишь полдесятка в Элуж.

История «русских» домов престарелых не написана. Да и навряд ли возможно ее составить в более-менее полном виде, поскольку многое делалось неофициально и не могло попасть в архивы, а до нас дошло по устным свидетельствам. Кое-что еще предстоит разыскать в архивах. Поэтому настоящая публикация не претендует на полноту изложения и касается только одного такого дома, бывшего в г. Юи (Нуу) близ Льежа. К счастью, в архиве Александро-Невского храма в Льеже сохранилась подборка документов об открытии и первых годах жизни этого дома. Эти бумаги – несколько официальных писем, воспоминания одного из обитателей дома и др. – и публикуются ниже. Но стоит их предварить краткими биографиями трех лиц, сыгравших во всем этом главную роль.

Прежде всего, это священник Доминик Пир (*Dominique Pire*), без которого, пожалуй, и не было бы этой истории. Родился он 10 февраля 1910 г. в городке Динан в Бельгии, в семье чиновника, и в миру носил имя Жорж. С началом I Мировой войны семья эвакуировалась во Францию и вернулась на развалины родного города только в 1918 году. После окончания колледжа, в 18 лет он поступил послушником в доминиканский монастырь *La Sarte* в Юи. Принеся в 1932 г. монашеские обеты, брат Доминик продолжил образование в Папском университете в Риме, закончив его в 1936 г. защитой диссертации на степень доктора богословия, а затем на родине в Лёвенском католическом университете, получив в 1937 г. диплом лицензиата по социальным и политическим наукам. Возвратившись затем в свой монастырь в Юи, он посвятил себя помощи бедным семьям. Во время II Мировой войны о. Доминик официально преподавал моральную философию и социологию в монастыре *La Sarte*, но также участвовал в бельгийском Соппротивлении и как капеллан подпольщиков, и просто помогая укрывать экипажи сбитых самолетов союзников.

В 1949 г. о. Доминик начал широкую работу по помощи диппийцам. Именно им было организовано большинство русских домов престарелых в Бельгии. Для этого в рамках уже существовавшей благотворительной *Service d'Entraide Familiale* («Служба семейной взаи-

мопомощи») была создана секция Aide aux Personnes Déplacées («Помощь перемещенным лицам»)⁵. В 1958 г. о. Доминик стал лауреатом Нобелевской премии мира «За помощь беженцам». Жизнь его оборвалась рано – 30 января 1969 г. он скончался от послеоперационных осложнений⁶.

Вторым важным лицом представленной переписки был священник Валент Роменский. Родился он 16 февраля 1900 г. в селе Курямп Харьковской губернии, в семье сельского священника. До революции окончил два класса духовной семинарии, участвовал в Гражданской войне, затем учился в духовном училище в Болгарии, а с 1928 г. – в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Осенью 1932 г. рукоположен в сан священника и назначен в Льеж. В 1942–57 гг. был благочинным православных приходов в Бельгии и Голландии, в 1949 возведен в сан протоиерея. В 1957 по совету врачей переехал во Францию в Ментон, где до 1968 был настоятелем храма при Русском доме для престарелых. В 1963–70 гг. был также благочинным Юга Франции и Италии. Скончался о. Валент 11 июня 1978 г. в Сен-Кло.

Что касается его роли в помощи ди-пи, то остались предания о том, как еще во время войны он помогал русским пленным, посещал их лагеря около Льежа. Бывал он в лагерях ди-пи и после войны. Его сын Сергей вспоминал: «Мне случалось сопровождать отца при посещениях им тех мест, где находились эти несчастные... В то время главными в этих местах (в Серене, Намюре и, насколько я помню, особенно в Шарлеруа) были часовни. Жизнь приходов на самом деле была непродолжительной, так как большинство беженцев уезжали, в основном в Соединенные Штаты. <...> Непосредственно послевоенный период был временем не только материальных лишений, но также тревоги за многочисленных беженцев, которым грозила насильственная репатриация в СССР»⁷. Ирина Поснова, основательница брюссельского католического издательства «Жизнь с Богом», вспоминала: «Отец Валент посвятил себя работе с ди-пи; он выполнял обязанности присяжного переводчика при бельгийских властях, очень многим семьям и отдельным лицам он помог в оформлении необходимых формальностей для переезда на жительство и трудоустройство в Америку... Он даже организовал кружок для ди-пи, которых обучил набирать текст и работать с типографскими инструментами»⁸.

Как следует из публикуемой переписки, отец Валент принимал деятельное участие и в духовном окормлении дома престарелых в Юи. А прихожане русского храма в Льеже оказали большую помощь в ремонте этого дома, его подготовке к принятию новых обитателей.

Третий герой повествования – Павел Александрович Иванов, родившийся 5 февраля 1872 г. в Киеве в семье дворянина-чиновника.

Окончив Киевский кадетский корпус (1891) и Московское 3-е военное Александровское училище (1891–1893, по 1-му разряду), он вышел подпоручиком в 47-й пехотный Украинский полк в Виннице, а через 2 года был переведен в Киев в 166-й пехотный Ровненский полк. Во время Русско-японской войны был на Дальнем Востоке, после чего перешел на службу в Корпус жандармов и три года состоял адъютантом при начальнике Киевского губернского жандармского управления. Затем, получив чин ротмистра, был назначен помощником начальника Полтавского губернского жандармского управления. В 1914 г. переведен на аналогичную должность в Киев, где оставался до 2 августа 1914 г., когда был мобилизован и командирован в штаб Юго-Западного фронта на должность штаб-офицера для поручений, в каковой должности служил до начала революции.

После революции был уволен со службы и возвратился в Киев. Около года провел в тюрьме, затем уехал в Одессу, откуда через год был с женой⁹ эвакуирован в Грецию (о. Халки), затем в Турцию. По возвращении в Новороссийск его пригласили в штаб ген. Деникина на прежнюю должность штаб-офицера для поручений. При приближении большевиков к Новороссийску эвакуировался с армией в Грецию (Солоники), далее в Сербию (Белград), где 16 лет прослужил чиновником железнодорожного ведомства. Во время II Мировой войны был с женой в лагерях беженцев в Австрии. С 1 сентября 1950 г. – в Доме престарелых в г. Юи в Бельгии. Видимо, там же и скончался 5 октября 1960 г.¹⁰ Среди бумаг, им оставленных, находится фотопортрет, очевидно Петра Александровича, по которому его же можно узнать и на фотографии, напечатанной внизу вклейки после стр. 144 в уже упомянутой в одном из примечаний книги Hugues Véhenne.

Стоит немного рассказать и о расшифровке документов, легших в основу этого материала. Почти все письма были напечатаны на французском языке на бланках организации Aide au Personnes Déplacées и публикуются в переводе. Для краткости заключительные параграфы, выражающие почтение и вежливое прощание, пропущены. Статья «Русские старички в Бельгии» была написана по-русски, на тетрадных листах «в клеточку». Скорее всего, этот текст был подготовлен для «Приходского листка» Александро-Невского храма в Льеже.

Воспоминания П. А. Иванова написаны в линованной тетради. Почерк его неразборчив, да и писал он, видимо, наскоро, потому публикатор сделал небольшие вставки в квадратных скобках. В таких же скобках раскрыто большинство сокращений, а также помечены неразборчивые места. Пунктуация частично приведена к современной, старая орфография заменена на новую, в некоторых случаях оставлено свойственное тому времени употребление заглавных букв.

Документы, в основном, расположены по датам написания. Исключение – дневник П. А. Иванова: его заключительная часть дана первой, поскольку содержит и автобиографию Иванова, и общие сведения о жизни Дома престарелых в Юи. Документы охватывают период с середины 1950 г. по осень 1954 г. Дневник П. А. Иванова был упакован в пакет вместе с приходно-расходными книгами приютской часовни, ктитором которой он числился. Пакет датирован 10 февраля 1955 г.¹¹ Единственный более поздний документ о приюте, найденный нами, – указ архиеп. Георгия (Тарасова), напечатанный в № 6 (октябрь-ноябрь 1966 г.) «Церковного вестника православной архиепископии Франции, Западной Европы и русских западноевропейских церквей рассеяния»: «Священник Николай Кошинский назначается исполняющим должность настоятеля Свято-Александро-Невского-Серафимовского прихода в г. Льеж с поручением окормления Старческого дома в Нуу и других». Когда приют закрылся, выяснить пока не удалось¹².

В заключение, публикатор благодарит о. Ги Фонтеня и о. Александра Галаку, священников Александро-Невского храма в Льеже, за возможность ознакомиться с церковным архивом. Несколько ценных замечаний были сделаны Еленой Бекиш-Боклевской и Татьяной Григорович, прихожанками льежского храма. Переводы писем с французского были любезно выполнены Александром Коноваловым (Бельгия). Сноски-биографии (когда таковые можно было установить) составлены с помощью историка Сергея Волкова (Москва).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В их числе – 471 русских, 5238 украинцев, 135 белорусов, 5420 латышей, 1771 литовцев, 1295 эстонцев и 399 др. национальностей. См.: *Ионцев В. А.* и др. Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001, с.78-79. Впрочем, официальное число русских (471) выглядит заниженным. Многие русские, спасаясь от насильственной репатриации, выдавали себя за людей иных национальностей, чаще всего за граждан бывших прибалтийских государств, меньше всего рисковавших быть депортированными в СССР. В конце 40-х и начале 50-х к ним прибавилось заметное число русских беженцев из Китая (т. н. «харбинская» эмиграция), а затем некоторое число русских, вынужденных покинуть Югославию.
2. В основном эти дома престарелых существовали на средства, выделяемые Международной организацией по делам беженцев IRO, затем UNHCR.
3. См. книгу *Pire Dominique*. Europe of the Heart: The Autobiography of Fr. Dominique Pire, as told to Hugues Véhenne. – London, Hutchinson, 1960, с. 153.
4. См. подробнее: *Виталий Койсин*. Духовное окормление перемещенных лиц в 1940–1950-е годы. – В кн. «Русское православие в Бельгии». В 2-х тт. Том 1. Статьи и очерки. – Москва – Брюссель: Conference Sainte Trinity du

Patriarcate de Moscou ASBL; Екатеринбургский мужской монастырь, 2013. Сс. 350-378.

5. Как и материнская организация, она продолжает действовать и донныне и располагается на той же улице в ЮИ – rue du Marché, но теперь в доме № 33, а не № 35, как указано в публикуемых письмах.

6. *Houart Victor*. The Open Heart: The Inspiring Story of Fr. Pire and the Europe of the Heart. – London, Souvenir Press, 1959; см. также упомянутую выше книгу Hugues Véhenne.

7. Цит. по: свящ. *Сергий Модель*. Русское православие в Бельгии с 1862 г. до наших дней. – bogoslov.ru/text/1428788.html

8. *Колунаев В. Е.* Брюссельское издательство «Жизнь с Богом»: Книжный мир Русского Зарубежья XX века. Радиомиссия для советских слушателей. – LAP / Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. – Saarbrücken, Germany, 2012.

9. Жена – Антонина Львовна. Детей у них, кажется, не было.

10. Дата на могильном кресте на кладбище г. ЮИ.

11. В сопроводительном письме (в то время нераспечатанном) написано: «В Канцелярию Православных Церквей Бельгии (Льеж). При сем прилагаю на усмотрение и хранение приходно-расходные книги (тетради) и документы часовни-церкви во имя Святителя Николая Чудотворца в г. ЮИ за 1950, 1951, 1952, 1953 и 1954 гг. К сему сообщаю, что к 1/1/1955 г. состоит в приходе 3941 ф[ранков] 60 с[антимов], а расхода к тому же числу 3617 фр. 90 с. Наличные деньги в кассе – 323 фр. 70 с., и по книжке (Livet de Compte) № 296313 – 446 фр. записного капитала. Приложение – пакет. И. д. ктитора, Павел Иванов».

12. Татьяна Григорович, льежская уроженка и старая прихожанка Александроневского храма в Льеже, вспоминает, что старички из приютов в Нуу и Esneux, расположенных рядом с Льежем, время от времени приходили в Александроневский храм. Со временем, по смерти большинства обитателей, эти приюты закрылись. Последнее захоронение (Николая Фертова) на кладбище в ЮИ, как то связанное с местным русским домом престарелых, датировано 1973 г. Но вполне вероятно, что он умер уже в другом старческом доме, например в Еснё, и был похоронен в ЮИ рядом с женой, умершей в 1963 г.

* * *

24 июля 1950 г. [Рукописное, на линованном тетрадном листе]

Глубокоуважаемый Отец Валент!

Я была у Жоржа в Нуу и он мне сказал, что вскоре приезжает 20 человек из лагерей из Австрии в Нуу. Это все старики, и вся интеллигентная публика: адвокаты, профессора, врачи. Ведает их приездом сюда все тот же отец Pire и американский полковник Squadrille¹. Этот самый полковник Жоржа просил передать кому нужно о том, чтобы устроить им молельню или церковь. Передаю Вам, Отец Валент,

[визитную] карточку полковника, а в дальнейшем действуйте, как найдете нужным. Жорж меня просил обратиться к Вам. Пользуясь случаем, что М-ме Батыренко² у нас, и передаю это письмо.

Ост[аюсь] Глубоко уважающая Вас, Е. Хмельницкая.

1. Полковник Edward F. Squadrille (Сквадрий), в прошлом сотрудник Администрации помощи и восстановления ООН (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA). Был женат на бельгийке и жил в Бельгии.

2. Вероятно, Анастасия Петровна Батыренко-Мумжу, жена штабс-капитана Ивана Георгиевича Батыренко. Супруги Батыренко жили в Льеже в 1920–50-х и были деятельными прихожанами местного русского храма, причем И. Батыренко одно время был даже старостой прихода.

[Без даты. Рукописное, на обороте страницы старого календаря. Судя по всему, написано о. Валентом в конце июля – нач. августа 1950 г.]

Г-н полковник¹,

Я узнал через одного из наших прихожан, что Вы заинтересованы в устройстве православной часовни в доме для престарелых Д. П. из Австрии в Юи. В связи с этим, я получил письмо от секретарши о. Доминика Пира, и я лично явился в Юи для обсуждения вопроса. К сожалению, о. Доминик Пир сейчас находится в Италии.

Через его секретаршу я попросил рассмотреть вопрос о возможности принятия в число пенсионеров одного престарелого священника, сильно пострадавшего в советских лагерях²; кроме духовного окормления он мог бы принести и иную помощь в доме... [окончание письма утеряно]

1. Зачеркнуто и изменено на «г-н директор».

2. Возможно, это был о. Александр Феохари (1888–1952), в 1928–1931 гг. бывший в заключении на Соловках и живший в Бельгии в 1948–51 гг., или же о. Федор Устюченков (1890–1957), бывший в 1927–36 гг. в одном из северных лагерей и живший в Бельгии с конца 1940-х до 1953 г.

24 августа 1950 г.

«Помощь перемещенным лицам»

Mademoiselle N. Sèrèda¹, c/o Archiprêtre Romensky

35, Rue de Marché, HUY

99, Rue des Wallons, Liège

Дорогая мадмуазель,

Подтверждаем получение Вашей открытки и сердечно Вас бла-

годарим. Мы были бы рады узнать, что все было готово для устройства нашей часовни, и благодарим Вас за Ваш труд. Мы не теряем из виду вопрос о столиках и напомнили об этом столяру. Наши старики еще не прибыли, но мы ожидаем их со дня на день и не преминем Вам об этом сообщить.

[rma] Jolling

1. Наталия Серeda, из числа ди-пи, в те годы была секретарем о. Валента Роменского и помогала ухаживать за его детьми (т. к. супруга о. Валента страдала от эпилепсии). Позже поступила послушницей в русский монастырь св. Марии Магдалины в Иерусалиме, где в начале 1976 г. была пострижена в мантию с именем Анна. Была иконописцей, гидом для паломников, в конце жизни назначена наместницей игуменьи.

РУССКИЕ СТАРИЧКИ В БЕЛЬГИИ

Утро 2-го сентября. Еще нет пяти часов утра. На платформе вокзала в Льеже собралась довольно большая группа. Среди них – священник, б[ывший] директор лагеря Д. П. в Австрии¹, и несколько молодых девушек и юношей-скаутов; они с нетерпением ждут венского поезда.

Поезд приходит с опозданием на пять минут. Вся группа спешит к вагону, из которого выходят русские старички и старушки, взятые бельгийским благотворительным обществом² на попечение. Бережно высаживают каждого старичка, вещи несут девушки и юноши, и все направляются в «Отель», который находится сейчас же возле вокзала.

В большой красивой комнате накрыт белой скатертью стол, на столе цветы и угощение для старичков. Усталые долгим путешествием, но ободренные радушным приемом, кушают старички первый завтрак в Бельгии. Им предстоит еще небольшое путешествие в г. Нуу, где они будут жить.

После завтрака снова все направляются на вокзал и едут в г. Нуу, где их встречают также радушно, и при выходе из вагона тут же на платформе фотографируют, и по выходе из вокзала тоже фотографируют, после чего усаживают в автомобили и везут домой.

Светлые, большие комнаты для двух человек (мужа и жены), в каждой комнате цветы в вазах, стол, два стула, кресло, две кровати, гардероб и туалетный столик, на окнах шторы и на полу коврики. Комнаты обклеены обоями, и все это сделано руками девушек и юношей-скаутов, во всем чувствуется внимание и любовь. И глядя на все это, сердце наполняется благодарностью и невольно хочется сказать: «Спасибо, милые девушки, спасибо, милые юноши, за то, что уважаете старость и не пожалели для доброго дела даже своих летних ваканс[ий]».

Кроме отдельных комнат, имеются две общие комнаты для

отдыха и столовая. В этом же доме стараниями Благочинного Бельгии о. В[алента] Роменского устроена маленькая часовенка, где впервые 10 сентября была совершена литургия.

Таковой участи пожелаем всем нашим старичкам, находящимся еще в лагерях³.

1. Полк. Squadrille 3 года руководил лагерем в Kufstein в австрийском Тироле (см. книгу Victor Houart, стр.51).

2. Тут карандашом сделана пометка «каким?». Очевидно, имеется в виду организация «Помощь перемещенным лицам».

3. Это событие – прибытие обитателей дома престарелых в Юи и первые дни их жизни – также описаны в книге Victor Houart (с. 86-89) и в книге Hugues Véhenne (с. 155-156); переводы этих отрывков публикуются ниже.

[Из книги Houart Victor, сс. 86-89, перевод с англ. В. Койсина]

2 сентября 1950 г. на платформе станции Liège-Guillemins вокруг о. Пира и Эдварда Сквадриа собралось около 40 человек. Люди, «усыновившие» беженцев, девушки из офиса в Юи под руководством мадмуазель Джолинг, и друзья, собравшиеся по случаю. Через громкоговоритель объявлено прибытие поезда из Люксембурга. Глядя на эту группу людей, посторонний подумал бы, что поезд привезет какую-то очень важную персону, или молодоженов из высшего общества, или же звезду кинематографа, только что получившую приз. На такую мысль наводили букеты цветов в руках некоторых из женщин. Когда поезд прибыл и пассажиры стали выходить из вагонов, среди общего шума раздался словно трубный глас: «Они здесь! Идемте!»

Из вагона 2-го класса выходило несколько пар пожилых людей, явно смущенных таким приемом. Встречающие говорили им что-то, но те не понимали. Им дарили цветы и целовали, пожимали руки. Рукопожатий и смеха было столько, что можно было подумать, что это происходит после венчания пары, принадлежащей королевскому дому.

Был быстро вынесен багаж – старые картонные коробки и бумажные свертки, перевязанные веревками. Неожиданно появилось и седло. «Что это?» – спрашивали некоторые. – «Это похоже на кавалерийское седло.» Пожилой мужчина прошел через толпу любопытствующих и взял седло из рук недоумевающих. Он говорил по-русски очень быстро, будто адвокат в суде. «Это казак. Он хранит седло с тех пор, когда покинул Россию.»

Казаку объяснили, что никто не посягает на его седло и что он волен забрать его. А пока за седлом хорошенько присмотрят. Услышав это, казак улыбнулся.

Эта странная процессия пошла на выход через туннель, девушки помогали старушкам, и все встречающие думали, как удивятся приехавшие, увидев свои комнаты в ЮИ. Пока 10 пар старичков кормили завтраком, молодежь поехала в ЮИ, чтобы дожидаться их там.

Кое-кто даже подумал о торжественном разрезании ленточки, как это делается при открытии мостов и музеев. Почему бы не сделать так и в этом случае?

Машины, отосланные обратно на станцию, вскоре привезли на Rue de Marché 33 странную группу из двадцати бедно одетых, совершенно смущенных стариков и их сопровождающих. Разрезать символическую ленту попросили дочь Сквадрия, недавно прибывшую из Нью-Йорка. И под громкие овации старички вошли в небольшой скромный дом, до того много лет бывший местной булочной.

Это был простой дом с кое-как собранной мебелью. Но для 20-ти беженцев, 5 лет не знавших ничего, кроме отвратительного хаоса австрийских дипийских лагерей, это было дворцом, мечтой. Это был [не дощатый барак, а] нормальный дом с занавесками на окнах и толстыми стенами, скрывающими от шума. В комнатах стояли кровати с матрацами, на которых можно было лежать спокойно, и чистое постельное белье, пахнущее лавандой. О. Пир открывал двери одну за другой: «Для господина и госпожи Ивановых, для господина и госпожи Боровских...»

И вдруг стало трудно понять, кто больше счастлив, – эмигранты или принимающие их...

Это было 2-е сентября 1950 г. В новостях в основном писали о деле короля Леопольда¹, да и вообще бельгийцы были заняты иными делами, чем вопросом о беженцах. Но тот день в ЮИ, в скромном доме посередине Rue de Marché, был праздником. Незвестные миру, но движимые бесконечным энтузиазмом и вдохновленные твердой верой, простые люди, ведомые священником, спасли 20 дипийцев и дали им дом, в котором «они до смерти могли бы вспоминать о потерянной родине».

Через 6 дней один из обитателей «Дома» – так его стали все называть – умер на заботливых руках. Старика, достигшего конца жизни, 30 лет носило, как корабль без руля, без места отдыха и покоя. Все связи с миром были уже потеряны, из близких – лишь старая, верная жена. Он – один из множества «hard core». Один из отверженных. Но он умер на бельгийской земле, окруженный друзьями, и его тело было похоронено по христианскому обряду на кладбище в ЮИ. Они не могли вернуть ему родную Кубань, его станицу или его дом. Он покоится ныне на берегах другой реки, Мааса. Ее воды ныне несут мечты старого усталого воина, даже не говорившего на нашем

языке. И дети, которые будут проходить мимо его могилы в будущем и которые удивятся странному имени на каменном кресте, не будут знать, что здесь покоится старый русский беженец, приехавший в Бельгию умереть в покое²...

1. Бельгийский король Леопольд III не пользовался популярностью из-за коллаборационистского поведения во время войны. Как раз в 1950 году он – после долгого изгнания – наконец-то вернулся в Бельгию, но из-за начавшихся общественных протестов уже в 1951 г. отрекся от престола.

2. Из разысканных нами в Юи «русских» захоронений первым по дате кончины идет Бем Владимир (28.2.1883–14.10.1950). Однако в «казачьем» справочнике С. В. Волкова он не упоминается, да и дата его кончины несколько более поздняя.

7 сентября 1950 г.

*«Помощь перемещенным лицам»
Протоиерею Валенту Роменскому
33, Rue de Marché, HUY
99, Rue des Wallons, Liège*

Как Вам уже сообщал о. Доминик Пир, Ваше ходатайство за доктора Петровского было им передано нашему председателю полковнику Squadrille. Полковник поручил мне сообщить Вам, что свободные места в нашем центре уже зарезервированы для нескольких пар наших подопечных из Австрии и что, к сожалению, размещение доктора Петровского не является возможным, о чем полковник Squadrille очень жалеет.

I. Jolling

7 сентября 1950 г.

*«Помощь перемещенным лицам»
Протоиерею Валенту Роменскому
33, Rue de Marché, HUY
99, Rue des Wallons, Liège*

Со ссылкой на Вашу открытку от 4 сентября, имеем честь подтвердить, что часовня нашего «Дома» будет готова к воскресенью и что богослужение сможет иметь место, в связи с чем мы позволим себе задать Вам несколько вопросов:

В каком часу богослужение должно совершиться и будет ли оно иметь место каждое воскресенье?

Желаете ли Вы, чтобы мы назначили одного из наших стариков на должность пономаря?

Наконец, нам было бы полезно быть в курсе традиций и дат главных праздников.

I. Jolling

18 сентября 1950 г.

«Помощь перемещенным лицам»

Протоиерею Валенту Роменскому

33, Rue de Marché, HUY

99, Rue des Wallons, Liège

Ваше Высокопреподобие, дорогой о. протоиерей,

Благодарю за Ваше любезное письмо от 13 сентября. Мы с удовольствием примем здесь еженедельно отца Евдокима Горбунова и обеспечим его обедом.

Конечно, мы принимаем Ваше предложение о молебне. Давайте еще повременим и воспользуемся для этого подходящим праздничным днем, напр. Св. Николая или др.

о. Доминик Пир

О «ДОМЕ» ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ В Г. HUY

Прежде чем коснуться этого вопроса, я коротко расскажу о своей биографии. Родился я 5/II 1872 года. Происхожу из потомственных дворян Подольской губ[ернии], сын чиновника. В 1891 году окончил Киевский кадетский корпус и в том же году был отправлен в Москву, где окончил 3-е Военное Александровское училище по 1 разряду и вышел подпоручиком в 47 Пех[отный] Украинс[кий] полк¹ в г. Винницу, откуда через 2 года переведен был в г. Киев, в 166 п[ехотный] Ровненский полк (в Киеве у меня проживали престарелые родители).

За время Русско-японской войны я был мобилизован и отправлен на Дальний Восток. По окончании Рус[ско]-японской войны я перешел на службу в Корпус жандармов и в течение 3-х первых лет службы состоял адъютантом при нач[альнике] Киев[ского] Губ[ернского] Жанд[армского] Управления, при известном на Юге России, хотя и очень строгом, но весьма популярном генерале Новицком².

Затем, получив повышение по службе, уже в чине ротмистра был назначен помощ[ником] нач[альника] Полтавского Губ[ернского] Ж[андармского] Упр[авления] в Лубенском, Пирятинском, Прилуцк[ом] и Переяславском уездах, имея штаб-квартиру в г. Лубнах, где особенно сильно было украинское сепар[атистское] движение (самостийники). Движение это свило себе прочное гнездо в местной мужской гим[назии], как среди учебного персонала, так и среди учеников старших классов.

Борьба с этим очень сильным революционным движением была очень трудная; до моего приезда в Лубны Жандар[мское] Ведомство не придавало этому движению особо серьезного значения. Однако обследование этого движения, материалы, взятые при обысках, дали весьма серьезные данные, что организация эта поставила целью своего движения полное отделение Малороссии от Великой России.

Как результат моей деятельности, на мою жизнь было организовано два террористических акта: 1) в Городском саду, где я находился вместе с местным исправником Семеновым, котор[ого] и застрелил из револьвера гимназист 6-го класса местной гимназии Терслецкий³, и 2) приблизительно через 6 мес[яцев] после первого, когда я в 12 ч[асов] ночи возвращался с вокзала, куда был вызван по срочной телеграмме нач[альника] Киев[ского] Охр[анного] Отд[еления]; при этом покушении была устроена засада, но я возвратился по другой дороге (в г. Лубнах железн[одорожная] станция находится в 4-х верстах от города). Богу угодно было и на этот раз сохранить мне жизнь.

Когда в конце 1904 года вспыхнула первая Революция⁴, и это движение особенно сильно было в Киеве, я по распоряжению Командующего К[орпуса] Жандармов был из г. Лубны переведен в г. Киев на должность пом[ощника] нач[альника] Жандармского Управления, где оставался на службе до 2/VIII 1914, когда по назначению Штаба Киев[ского] В[оенного] Округа был мобилизован и командирован в Штаб Главк[ома] Юго-Запад[ным] фронтом на должность штаб-офицера для поручений, в каковой должности оставался до начала революции.

Аналогичную должность я занимал и за время Гражданской войны в Штабе ген[ерала] Деникина.

После увольнения меня из Шт[аба] Глав[кома] Юго-Запад[ными] Армиями (вследствие революции), я возвратился в Киев, где проживали мои престарелые родители и жена (я женился первым браком 2/VIII 1914, в день объявления Общей мобилизации).

После революции в Киеве город «переходил» несколько раз из рук в руки, то «Украине», то большевикам. Последние меня хотя и арестовали, но вскоре освободили. Когда же укрепилась в Киеве власть т[ак] н[азываемых] «украинцев-самостийников» (галичан), то последние меня арестовали, посадили в тюрьму, где я находился около года. Перед приходом в Киев большевиков «украинцы» освободили всех арестованных, оставив только меня и генерала [неразб. фамилия], потом расстрелянного коммунистами.

Не могу не подчеркнуть того обстоятельства, что жена моя, Ант[олина] Льв[овна], притом прямо героические силы проявляла в

эти дни, особые энергичные меры для моего освобождения (и деньгами, и подарками, и слезами). Слава Богу, хлопоты ее завершились успехом, и я был освобожден.

К вечеру того же дня я, по совету друзей и близких, с женой уехал на ночлег к знакомому садовнику. Когда на другой день утром мы возвратились домой, то прислуга нам сообщила, что [в] 2 или 3 ч[аса] ночи к нам явились три вооруженных «до зубов» украинца для ареста меня.

В связи с этим мои друзья в тот же [день] купили мне два билета до Одессы, упаковали что могли из наших вещей, и к вечеру того же дня мы сели в поезд, отходящий в Одессу, с тем, чтобы по-видимому навсегда расстаться с Киевом, где я родился, учился и провел всю службу, оставляя на произвол судьбе престарелых родителей, брата, двух сестер, котор[ые] уже при большевиках умерли от голода или «пропали без вести»!!! Таким образом, из числа моих единокровных и одноутробных остался на свете я один, и только жена разделяет со мной мое одиночество.

Из всего изложенного можно прийти к заключению, что т[ак] н[азываемые] «украинцы-самостийники» всю мою жизнь преследовали и, к сожалению, преследуют меня до настоящего времени, что будет видно и из последующего изложения. И мне кажется, и я предпочитаю, что и погибну я от их руки!!!

Из Одессы мы приблизительно через год были с женой эвакуированы в Грецию (о[стро]в Халки), затем в Турцию, откуда возвратились в Новороссийск, и я был приглашен на службу в Штаб ген[ерала] Деникина, где заболел сыпным тифом.

При приближении большевиков к Новороссийску жену мою эвакуировали в Египет, а меня в Грецию (Солоники), откуда дали визу в Сербию (в Белград), где я приблизительно через 8-9 мес[яцев] был принят на службу в Генер[альную] Дирекцию д[о]р[ог] жел[езных], где без малого 16 лет прослужил в качестве [нерзб.] чиновника. Затем по «пределному возрасту» я от службы был уволен. А затем, уже при появлении немцев, нас эвакуировали в Австрию, в Матхузен⁵, место, где немцы особенно свирепствовали. И, наконец, выдворили на жительство в Шлирбах⁶ в католический монастырь. Прожили там в общежитии около 3-х лет и оттуда переехали в переселенческий лагерь, [где пробыли] больше 1 года. И затем, слава и благодарение Богу, 1/IX 1950 г. мы были перевезены в «Дом для призреваемых» в г. Юи, где находимся и сейчас.

В общем, мы «шатаемся» по белу свету больше 34 л[ет], потеряв и Родину, и родных и близких. Я уже не касаюсь имущества и пр[очего].

Итак, 2/IX 1953 г. мы, с Божией помощью и [при] содействии

нашей доброй Марен – M-me Quintart (Bonsecour⁷, 50 av[enue] de la Basilique) вселились в «Дом для престарелых» в г. Нуу, в Бельгии. Условия жизни в этом «Доме» не оставляют желать лучшего, но моральное состояние временами приводит в отчаяние. В этот дом попали люди разного воспитания, образования, с привычками и взглядами, недопустимыми в обществе, и все это является источником частых ссор, недоразумений, и иногда могущих перейти к физическому воздействию друг на друга. Но главное зло лежит в некоей M-lle Данрис, котор[ая] поставлена у нас в качестве экономки, а власть свою расширяет до положения Заведыв[ающей] «Домом» (об этом будет изложено далее).

После первой же Литургии, совершенной в нашей церкви благочинным Бельгийских Церквей, я был поставлен им на должность ктитора и псаломщика, каковые я и исполн[яю] и до настоящего времени.

Кроме того, по моей просьбе, Pere Pige предоставил мне работу в бюро при «Доме», где работаю по экспедиции. Занят [я] ежедневно от 9 [до] 12 и от 3 [до] 6, а иногда до 7 ч[асов] вечера. Поступил без какого-то ни было денежного вознаграждения, руководствуясь сознанием, что я приношу хотя бы минимальную пользу за предоставленный мне и моей жене бесплатный приют. Ни одного дня мною пропущено не было, и ни одним днем отдыха я не воспользовался. Однако приблизительно месяца через два после посещения мною канцелярии M-lle Pige мне сказала, что решено мне платить по 50 фр. в месяц (думаю, что M-lle Pige не забыла моего возражения, что я работаю для Pere Pige, котор[ый] делает такое доброе дело для нас, бесприютных D.P.). Работаю я уже более 3-х лет.

В заключение я, как мне и не тяжело, должен изложить причины тяжелого морального состояния, царящего временами в «Доме».

M-lle Данрис, страдающая истерией в тяжелой форме (по словам лиц, знающих ее давно), унаследовала эту болезнь от отца; «выпады» эти временами принимают характер иступления. Она почему-то особенно возненавидела меня и мою жену, а натравливают ее на нас некоторые обитатели «Дома», и в особенности г-жа Андриевская.

Я приведу только небольшое число этих случаев, сравнительно за последнее время, котор[ые] ясно показывают на то враждебное отношение, котор[ое] Данрис проявляет в отношении меня и моей жены.

1. Когда во всем доме, по недосмотру администрации и вопреки предупреждениям со стороны обитателей «Дома», появились в большом количестве клопы, то только тогда на это зло администрацией было обращено внимание. Началась дезинфекция всех помещений, и

ни в одной комнате не было проявлено такого усердия, как у нас, причем Данрис в наше отсутствие входила в комнату и поливала кровать и подушки целыми бутылками какой-то ядовитой жидкости. Происходило это часов в 7 вечера, перед тем, когда ложиться спать. На наш вопрос [о том], а как же мы будем спать, следовал ответ: «Не умрете». Когда такая же деятельность проводилась у других обитатель, то им подыскивали комнату для ночлега у кого-либо в городе.

2. Неоднократно были случаи, [когда] при получении из прачечной белья не хватало некоторых предметов. А когда предъявляли им квитанцию о приеме этих вещей, то [они] всегда отвечали: «Значит, они не были с вашими метками». Однако неожиданно через некоторое время «пропавшие» вещи [нрзб.] находились у них в корзине, или админис[трация] «Дома» приносила [их]. И, конечно, на этих вещах были сделаны услов[ные] знаки. Но это все сопровождалось «разговорами» в раздраженном состоянии.

3. Отношение Данр[ис] к моей жене носило всегда исключительно раздраженный и даже дерзкий характер: она позволяла себе в присутствии рабочих называть мою жену дурой и идиоткой. А однажды был случай, когда Д[анрис] в кухне, обращаясь к жене, перед публикой сказала: «Вы [пропуск в полстроки] идиотка». Вызвано это было тем, что жена не поняла, что Данр[ис] сказала.

4. Она же в пылу злости кричала на жену, прибавляя эпитеты: «И Вы, и Ваш муж, и ваша комната – все вы ‘вонючие’».

5. Враждебное отношение Дан[рис] ко мне особенно ярко выразилось, когда был праздник Pere Pige, [и] она не дала мне подписать свою фамилию. А когда жена сказала, что она подпишет [адрес] за меня, то Дан[рис] ответила отрицательно. А через 5 м[инут] после этого она, при аналогичной обстановке, разрешила это сделать Фертову⁸, и т[аким] о[образом] остался я один, не подписавшим адрес.

6. Когда в тот же день был устроен парадный обед, [то] Pere Pige сидел за столом на моем месте. Но не знаю, случайно или нет, но Дан[рис] опрокинула на скатерть, где я обыкновенно сижу, стаканчик с вином. И понадобилось 15 дней, чтобы нам возвратили эту скатерть, а за это время мы обедали и ужинали без скатерти. Так что когда случайно пришли на ужин в «Дом» гости, то неохотно сели за наш стол, предполагая, что это стол для склада грязной посуды. Скатерть нам была положена на другой же день после отъезда Д[анрис] из Нуу.

7. Венцом грубости, невежества и дерзости явились события 3/Х утром, когда жена моя пришла в кухню и, не зная, что за нашим столом сидят теперь 6 человек] (утром накрыли на наш стол прибор и для

Фертова), взяла чашки кофейные на 4-х, то Дан[рис] накинулась на нее с бранью, заявив: «Как Вы не знаете, что у Вас теперь 6 пер[сон]». И опять позволила себе оскорбительные выражения по адресу жены. Последняя совершенно спокойно сказала: «Я прошу быть Вас вежливой и не кричать». В ответ на это и кухарка, и Дан[рис] возобновили свой крик, причем Дан[рис] кричала: «Мы Вас отправим с Сагр⁹; с сегодняшнего дня чтобы Ваша нога не была в кухне».

Когда жена позвала меня, то крик со стороны Дан[рис] и особенно Джашон продолжился, и на мое возражение быть вежливой и не обзывать, что мне 82 года и она не смеет так себя держать, — Дан[рис] побежала в бюро, чтобы пригласить на эту сцену Pere Pire...

Таким образом, с того дня я, старый инвалид, лишенный зрения на один глаз и после контузии очень плохо владею[щий] левой ногой, должен 3 раза в день ходить в кухню, откуда и приношу пищу на 4-х лиц, т[ак] к[ак] [из] 6 сидящих за нашим столом супруги Фертовы в столовую не приходят. За другими столами сидят: большой стол — 3 пер[соны], второй стол — 2, большой стол № 3 — 3 персоны, и за нашим маленьким — 6 персон.

-
1. 47-й пехотный Украинский Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича полк.
 2. Вероятно, речь идет о Василии Деметьевиче Новицком (1837—1907), генерал-лейтенанте Отдельного корпуса жандармов. Однако он возглавлял Киевское губернское жандармское управление раньше, в 1878—1903 гг.
 3. Фамилия гимназиста читается не очень четко. История убийства Семенова несколько по-другому изложена в 64-й главе «Записок и воспоминаний 1888—1908 г.г.» Д. А. Иваненко: «Некоторое волнение в среду местного населения внесло событие в Лубнах — убийство исправника Семенова, которого в Полтаве хорошо знали. Здесь он служил помощником пристава 1-й части... Потом он был в Кременчуге, где его заметил губернатор кн. Урусов, отличил и перевел приставом в Полтаву, а потом скоро и исправником в Лубны. Говорили также, что Семенов отличался слепой исполнительностью и сыскными способностями, каковые качества и привели его к гибели. 16-го июля Семенов гулял в Лубенском общественном саду, — с прибывшей в Лубны, к своей сестре, знакомой — женой штабс-капитана Заикиной. На садовой сцене шла пьеса «Каторжник». В антракте Семенов и Заикина, а также и другие лица, оставшиеся несколько позади их, удалились вглубь сада. Вдруг из кустов раздалась пальба. Говорили, что было произведено до 10 выстрелов. Заикина была убита наповал — первая же пуля попала ей в сердце. В Семенова попало четыре пули — в голову, грудь и в руки. Он тут же скончался. От убийцы остались на месте только черная поярковая шляпа — да впечатление, что он был одет в синюю рубаху...» Однако Иваненко относит это событие к лету 1905 г., когда П. А. Иванов служил еще в Киеве.
 4. В оригинале стоит «1914», но это, очевидно, описка.

5. Вероятно, город Маутхаузен/Матхаузен (Mauthausen) в федеральной земле Верхняя Австрия.
6. Вероятно, коммуна Шлирбах (Schlierbach) в федеральной земле Верхняя Австрия.
7. Село Von-Secours (фр. «Добрая помощь») находится в коммуне Peruwelz провинции Эно, почти на французской границе, и известно как место паломничества в честь Пресв. Богородицы. Возможно, m-me Quintart была «крестной матерью» Ивановых, т. е. чело-веком, оплачивавшим их проживание в Доме престарелых в ЮИ.
8. По данным С. В. Волкова, Фертов Николай Николаевич родился 7.5.1883. Окончил Полтавский кадетский корпус в 1901 г., Павловское военное училище в 1903 г. Офицер 55-го пехотного полка, с 1906 г. в запасе. На начало 1917 г. – коллежский асессор мини-стерства финансов. Поручик штаба Петроградского военного округа, 4-го Сибирского и 12-го Сибирского Барнаульского полков. В эмиграции в Югославии, служил в Русском Корпусе. Умер 22 марта 1973 г. в Бельгии. Согласно дате на могильном кресте на кладбище г. Юи, жена – Фертова (Матюшкина) Мария, 13.4.1884–22.10.1964.
9. Вероятно, доминиканский монастырь La Sarte в ЮИ.

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ-ЧАСОВНИ В Г. ЮИ (БЕЛЬГИЯ)

К 10/X 1953 Г.

К 10 / X 53 г. в «Доме для призреваемых» в г. ЮИ состояло 17 человек, из этого числа православных – 16; украинцев – 2 (одна семья); 2-е протестантов, из коих М-ме Терентьева¹ в канун 1952 г. приняла православие.

На общем собрании всех обитателей «Дома», имевшем место в канун 1950 г., по вопросу об устройстве и организации Церкви было постановлено:

1) Все участники Церковной общины обязуются ежемесячно вносить на нужды Церкви по 3 фр. персонально.

2) Дабы, хотя желательно оказывать материальную помощь настоятелю Церкви, котор[ый] дважды в месяц приезжает из Льежа для совершения Божественной Литургии и для других Церковных треб, но получая за это никакого вознаграждения от Церкви, вносить по 1-2 франка.

Тогда же общим собранием решено было, ввиду незначительно-го числа прихожан, возложить на ктитора Церкви все заботы по вопросам чистоты и благоустройства Церкви, а также по ведению денежной отчетности по суммам, поступающим на Церковные надобности, с тем, чтобы каждый член Церковной общины в любое время мог бы потребовать для контроля и проверки денежную отчет-ность (этим правом воспользовался в 1951 г. и в 1952 г. член Церковной общины Н[иколай] Вас. Боровский², котор[ый] никаких замечаний и возражений против порядка ведения денежной отчетности не сде-лал).

Ктитором Церкви, после первой же Божественной Литургии, совершенной Отцом Благочинным бельгийских Церквей протоиереем Роменским в сентябре 1950 года, был поставлен Павел Александр[ович] Иванов.

Когда наступило время сделать очередной взнос на Церковь (6 фр.), то М. Н. Виноградов³ отказался это сделать. Нужно сказать, что г. Виноградов, по-видимому, «не расположен» соблюдать Церковные правила: а) не говеет, б) Церковные службы не посещает, относится весьма критически к совершаемым в Церкви панихидам и молебнам о Членах Царской Фамилии, в) привел себе привычку, проходя по площадке мимо Церкви, свистать, г) остался, по-видимому, очень недоволен, когда одному из штундистов, посетившим «Дом», был воспрещен вход; это распоряжение о недопущении в «Дом» в Эсне⁴ было объявлено тому же пропагандисту-штундисту. Г-жа Виноградова, когда ей предложено было при подаче поминальной записки внести 1 или 2 фр., согласно постановлению общего собрания, заявила: «Это коммунистические порядки».

Г.г. Андриевские некоторое время вносили установленный членский взнос – 6 фр., а затем заявили, что это для них затруднительно, и раз или 2 внесли по 3 фр., почему я их [и] не беспокоил дальнейшими взносами.

Кроме того, прекратили давать взносы Боровская⁵ [и] Терентьева.

Все же, благодаря Богу и добрым людям, Церковь ни в чем не нуждается, и лампада ежедневно горит у образа Божией Матери, подаренного «Дому» в день его открытия.

Теперь обращаюсь к тем последним событиям, котор[ые] начались для Церкви 1/Х 1953 г. В этот день вечером, около 8 часов, меня встретила М-ме Данрис на площадке возле Церкви и в крайне раздраженном настроении. Открыв занавес, отделяющий Церковь от коридора, начала, выражаясь очень мягко, делать мне выговор, что в «Часовне» очень грязно, что на полу валяются сухари и пр[очее]. На все мои по этому поводу возражения она отвечала в весьма возбужденном тоне.

Нужно сказать, что «гонение» на нашу Церковь-Часовню началось месяца два тому назад: некоторые обитатели (2-3) заявили протест по поводу того, что в Церкви горят свечи и лампадки и что это может быть причиной пожара, почему Данрис [и] воспрещала зажигать и лампадки, и свечки, когда в Церкви никого нет. Допуская возможность пожара, Pere Pire воспретил зажигать свечки в отсутствие молящихся в Церкви, однако на зажигание лампадок запрещение было снято.

Итак, 1/X, часов после 9 [вечера], на лестнице, ведущей в столовую, я вновь встретил Данрис, котор[ая] в категорической форме мне заявила, что на следующий день все «покрывала» в Церкви будут сняты и даны в мойку. На мою просьбу подождать приезда настоятеля Церкви, котор[ому] я уже написал, мне было категорически отказано. В данном случае я имел в виду, чтобы благочинный Церкви или настоятель могли лично убедиться, насколько справедливы обвинения, возложенные на меня Данрис о беспорядке в Церкви. Но, увы, все это было напрасно – мне было сказано, [что] ни благочинный, ни настоятель Церкви «здесь ни при чем» и, таким образом, в нашей русской православной Церкви оказались хозяевами не наши пастыри, а лица, ничего общего с Церковью не имеющие. И даже больше того – Данрис месяца два тому назад позволила себе снять в одном из помещений «Дома» три больших иконы и выбросить их в «кубели»⁶ (сорные места), куда обыкновенно сбрасываются все отбросы из кухни, а также гнилые продукты и овощи. Когда мне об этом сделалось известным, то я пошел к сорному ящику, вынул оттуда эти иконы; из них одну, приведя в порядок, повесил у себя в комнате, и две других спрятал.

2/X вечером, когда обитатели «Дома» собрались к ужину, появилась в столовой Данрис. Я еще не окончил работу в «Бюро», поэтому Д[анрис] обратилась прежде всего к моей жене с вопросом: «А где Ваш муж?» Не знаю, чем она руководствовалась, желая «вопрос о Церкви» перенести в общее собрание. Казалось бы более уместным о «беспорядке» в Церкви сообщить или Pere Pige, или же нашему благочинному, или настоятелю Церкви? Может, Д[анрис] хотела вконец очернить меня, а главное, в нужном свете выставить обстановку в Церкви, причем позволила себе выражения, совершенно недопустимые для Церкви («Kрасе, de goutan taut dans le glise»⁷).

Когда она окончила говорить, то М-ме Фертова ей заявила: «Я ежедневно после обеда захожу помолиться в Часовню, и поэтому заявляю, что все это ложь». Сидевший тут же у стола Андриевский вскочил и с кулаками бросился на мужа Фертовой; общая обстановка создалась угрожающей, и Д[анрис] побежала за P[ere] P[ig]’ом. И только появление его внесло некоторое успокоение. На мою просьбу P[ere] P[ig]e пошел наверх и убедился, насколько справедливо заявление Д[анрис]: ясно было отвечено – нет.

3/X утром произошла дикая сцена в кухне, когда та же Д[анрис] и кухарка вытолкали из кухни мою жену, причем Д[анрис] угрожала, что она высылит нас в «Сатр». При моем появлении обе эти «персоны» продолжили на нас кричать, угрожая высылкой в лагерь. Д[анрис] опять побежала к P[ere] P[ig]e, и только его появление внесло успокоение.

В тот же день после обеда я обратился с просьбой ко всем находящимся в столовой пойти и лично убедиться в справедливости заявлений Дан[рис].

4/X утром перед обедом г. Боровская (не член Церк[овной] общ[ины], не православная) объявила мне, что она будет в тот день снимать в Церкви покрывала с жертвенника, престола, а также и др[угое] «церковное белье». Я на это лишь ответил: «Я просил подождать приезда настоятеля Церкви, которому я уже написал, и кот[орый] приедет через три дня, но мне было в этом отказано». Но г. Боровская заявила на это: «Причем тут настоятель Церкви?». Я возразил: «Он – хозяин Церкви, делайте как хотите». Реплика Бор[овской], что она это делала раньше сама, но это не совсем так. Она действительно три года меняла покрывала с престола и жертвенника, но я всегда снимал все это лично; во 1-х, как служащий при Церкви, и во 2-х, [как] православный. Другие церковные [вещи] больше меняли г. Фертова, Коровко⁸ и Васенкова⁹.

В этом вопросе меня очень удивляла та поспешность, с которой [решили] снять и взять в мойку названные выше вещи. Не могу умолчать о той дикой сцене и тех ругательствах, с котор[ыми] бросился на меня Виноградов (о котор[ом] я уже упоминал вначале). Тотчас же после моего разговора с Боровским он публично позволил себе громко и ясно мне заявить: «Вы – ханжа, забастовщик, провокатор и пр. и пр. Весьма характерна фраза Ваша, [что] вы не даете нам спокойно умереть». На все это я лишь с удивлением заметил: «Потому-то Вы, проходя мимо Церкви, свищите?»

5/X утром в канцелярии Р[ере] Риге мне сообщил, что он по телефону разговаривал с нашим благочинным, и тот разрешил снять и взять для мойки церков[ное] белье, кроме облачения нашего настоятеля (кстати сказать, находящегося сложенным на стуле и открытого покрывалом). Было взято 10 пред[метов], и когда начали искать на этом белье «ужасающую грязь», то лишь на одной вещи нашли черное пятнышко, величиной в «конский орех», или же произошедшее от угля, или же, возможно, от сапожной мази. Вот и все, что было найдено и «как доказательство» мне было принесено «показать».

Во время снятия белья были «сорваны» все искусственные цветы, выброшено было два букета свежих искусственных цветов. Все пустые бутылочки от лампадного масла (3), стоявшие под столом на полу, были поставлены на жертвенник рядом со Св[ятой] чашей и другими Св[ятыми] предметами, которые обыкновенно употребляются при совершении Таинства Евхаристии. А под жертвенником, вместе с остатками свечей, оставлена разного рода мелочь от снятых букетов.

Из всего изложенного представляется каждому сделать справедливое заключение – насколько было правильно освещено Дан[рис] «об ужасном беспорядке и грязи в нашей Церкви-Часовне», давшей ей право выражаться о нашей Церкви «Kрасе – de goutan taut dans le glise». Как могла быть такая ужасная грязь, когда и престол, и жертвенник имеют свои специальные покрывала от пыли, и как в течение одного дня после тщательной уборки Церкви уборщицей (специалисткой) могла образоваться такая «ужасная грязь»? Нет и нет, и в данном случае имело место сведение личных счетов со стороны М[-ме] Данрис и некоторых обитателей «Дома», о чем будет изложено в следующей статье о «Доме».

Итак, день 1/ X по н. с. был днем сведения личных счетов! Где? В Церкви!!!

Здесь я невольно должен внести подробности о том возмутительном событии, которое имело место 22/V 54 в день Св. Николая Чудотворца – в день нашего Церковного, храмового праздника.

Я буду излагать все происходящее так, как это было, и готов подтвердить под присягою. Приблизительно в 20-х числах марта к нам приехал из Льежа настоятель нашей Церкви о[тец] Евдоким¹⁰, т. к. в этот день было назначено говение для прихожан нашего «Дома». Когда мы с ним остались с глазу на глаз, он мне дословно сказал: «Это пока секрет. Я получил сведение, что меня переводят в юрисдикцию Митр[ополита] Анастасия; м[ожет] быть, одни будут рады, а м[ожет] б[ыть], и недовольны». И добавил: «Возможно, это есть единственный случай перехода и прихожан всей Церкви, и Церкви в 'Доме' Эсне в юрисдикцию М[итрополита] Анастасия». Я лишь сказал, что это вещь очень трудная, и в этот раз разговор на эту тему закончился. О[тец] Евдоким мне добавил: «Так это секрет».

При следующем очередном приезде к нам в «Дом» о[тец] Евдоким вновь затронул этот вопрос, но уже в более определенной форме: «Надо написать письмо об этом» Арх[иепископу] Иоанну¹¹ и вас всех, и обитателей «Дома» в Эсне в юрисдикцию М[итрополита] Анастасия. Я на это ответил, что вопрос этот уже года два тому назад поднимался госп. Кириенко, и в ответ было получено довольно резкое письмо от отца Роменского, в котор[ом] последний писал, что эта Церковь устроена им, и все иконы принадлежат ему, и он их от нас отберет.

Я, со своей стороны, сказал, [что] наш приход состоит всего из 14 человек, а в Эсне [– из] 45, и поэтому я считаю, что нужно сначала опросить их. Если они поддержат эту просьбу Арх[иепископу] Иоанну, то тогда мы присоединимся к ним. О[тец] Евдоким с этим согласился, как согласился и И. Кириенко.

Затем О[тец] Евдоким после Церков[ной] службы пошел к г. Кириенко; о чем они беседовали, я не знаю, но разговор был довольно продолжительный.

При следующем очередном приезде к нам о[тца] Евдокима он привез, по-видимому, [нрзб. 2 слова] напечатанное им на печатной машинке письмо на имя Арх[иепископа] Иоанна, о перечислении нас в юрисдикцию М[итрополита] Анастасия. Это «обращение» он мне прочитал, и после Литургии позвал меня и попросил пойти вместе к Кириенко. Я согласился.

Когда мы пришли к Кир[иенко], о[тец] Евдоким продолжил свой разговор на тему перехода в другую юрисдикцию, и Кир[иенко] начал читать свою переписку по этому поводу с о[тцом] Роменским. Т. к. я содержание этой переписки знал, то я вскоре и ушел.

Что было дальше, не знаю. Но через некоторое время пришел ко мне в столовую, где я исполнял работу, данную мне из нашего бюро, и принес переписанное его рукой «письмо», за подписями его, его жены и, кажется, Перлик¹², и просил это письмо подписать. Но я отказался, заявив, что это нужно сначала узнать, как на это будет реагировать «Дом» в Эсне.

Но Кир[иенко] остался таким ответом недоволен и сказал доподлинно: «В таком случае я беру это дело на себя». Считаю нужным добавить, что о[тец] Евдоким предложил мне поехать лично в Брюссель к Арх[иепископу] Иоанну, и что он «мне поможет в случае денежных расходов», но я с этим категорически [не] согласился. А через 1 или 2 дня гг. Кириенко поехал в Брюссель; не знаю, по этому ли делу. Но о[тец] Евдоким мне сказал, что в Брюсселе Кириенко Арх[иепископа] Иоанна не застали.

1. Согласно датам на могильных крестах на кладбище г. Юи: Бруновская Элеонора, 16.4.1885–19.8.1954. Муж – Терентьев Николай, 19.2.1886–20.10.1952.

2. В прошлом – полковник артиллерии Императорской армии. О его истории см. в книге Victor Houart, сс.71-81. Вместе с женой Эльзой Лехман эвакуированы в Бельгию из лагеря беженцев Lager Parsch в Зальцбурге. Согласно датам на могильном кресте на кладбище г. Юи, родился 20.3.1883, скончался 9.2.1955.

3. По данным С. В. Волкова, Виноградов Михаил Николаевич родился 14.10.1868. Окончил Воронежский кадетский корпус в 1887 г., Павловское военное училище в 1889 г., Академию Генштаба. Офицер 141-го пехотного полка. Генерал-майор, командир бригады 115-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В марте 1919 г. начальник Мариупольского направления, в июне 1919 г. начальник сводного отряда его имени в Сев. Таврии, с 28 мая 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 10 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с января 1920 г. начальник

Сводно-гренадерской дивизии. В Русской армии в резерве чинов при Военном управлении, с 24 июня 1920 г. начальник гарнизона Мелитополя, затем в отделе дежурного генерала штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии, с 1950 г. в Бельгии. Умер в сентябре 1960 г. Согласно датам на могильных крестах на кладбище г. Юи, родился 10.10.1870, скончался 17.7.1960; жена – Васильева Нина, 22.13.1888–16.9.1963.

4. Энё (фр. Esneux) — коммуна в Валлонии, расположенная в провинции Льеж. В этом селении располагался еще один русский старческий дом, более крупный (около 50 жильцов).

5. Официальная фамилия – Лехман. Согласно дате на могильном кресте на кладбище г. Юи, родилась 24.8.1890, скончалась 28.2.1967.

6. Следует читать как «пубели», т. е. русифицированное множ. число от франц. «poubelle» (мусорный ящик).

7. Автор дневника, по всей вероятности, владел французским лишь на слух, поскольку эта фраза почти бессмысленна.

Второе и третье, плюс начальная буква четвертого слова, составляют *dégoutant*, т. е. «отвратительный». Остаток четвертого (*ont*) – форма глагола «иметь», т. е. «они имеют», а пятое (*dans*) значит «в». Шестое и седьмое необходимо читать как *l'église*, т. е. «церковь».

8. По данным С. В. Волкова, Коровко Андрей Михайлович родился 9.10.1870. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище в 1889 г. Полковник Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине и штабе Кубанского казачьего войска. С 5 января 1919 г. помощник ревизора Кубанской контрольной палаты. Генерал-майор. Эвакуирован в декабре 1919 г. – марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, председатель объединения Ставропольского военного училища. Служил в Русском корпусе. Умер 11.2.1954 в Бельгии. Жена – Лидия Антоновна Рашпиль (родилась около 1874 г.). Согласно датам на могильных крестах на кладбище г. Юи, родился 14.8.1867, даты жизни жены – 23.3.1872–15.4.1961.

9. По данным С. В. Волкова, вероятно, речь идет о Васенкове Валентине Владимировиче, полковнике технических войск. Служил во ВСЮР. В эмиграции на 1922 г. в Югославии. Согласно датам на могильных крестах на кладбище г. Юи, родился 9.10.1879, умер 13.11.1957, жена – Власова Марфа (18.10.1880–28.2.1956).

10. Протоиерей Евдоким Горбунов родился в селе Подберёзы Казанской губернии 26 июля 1886 года. Окончив Казанскую духовную семинарию, в 1913 году стал диаконом. Служил в Сухумской, а затем в Уфимской епархии, где в 1916 году стал священником. После Гражданской войны уехал в Польшу, где до 1942 года настоятельствовал в Почаеве. Затем до 1944 года священствовал в Запорожской области оккупированной Украины, откуда эмигрировал в Германию и служил в лагерях ди-пи. В 1949 году переселился в Бельгию, служил в Брюсселе, Шарлеруа, Юи. С 1956 года – во Франции, настоятель прихода Севера Франции и Свято-Николаевского храма в Лилле

(1956–1957). Последние годы жил в Русском доме в Ментоне, где и скончался 18.08.1961. См.: «Российское Зарубежье во Франции 1919–2000» (М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008).

11. Архиепископ Иоанн Шанхайский, в 1951–62 гг. возглавлявший Брюссельскую и Западноевропейскую епархию.

12. Согласно надписи на могильном камне на кладбище г. Юи, его звали Дмитрием, а жену – Анной. По бухгалтерским записям П. Иванова его инициалы были «Д.П.». Годы жизни мужа – 1868–1953, жены – 1882–1958. В книге Hugues Vêhenne упомянуто, что в России Перлик был судьей. В Германии жили в лагере ди-пи Kufstein. Было два сына, старшего звали Игорем, в конце 1940-х уехал в Бразилию. По данным С. В. Волкова, возможно, – Перлик Д., в 1920 г. член украинского федеративного комитета.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТ[АТЬИ] О ДНЕ ПРАЗДНИКА СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА 22/IX 54

В дальнейшем мне лишь известно сравнительно мало. Знаю, что письмо с тремя подписями было кем-то доставлено в Эсне; там происходили споры и крутые разговоры. Затем письмо это вернулось к нам с подписями двух прихожан (дам); в Эсне [же] состоят 45 прихожан. Видя такой провал, гг. Кириенко начали вновь агитировать у нас в «Доме», и в результате не подписал это письмо только я¹.

В данном случае я руководствовался тем, что я, как ктитор, должен быть совершенно в стороне от всяких «коалиций» – моя обязанность заключается в том, чтобы поддерживать в Церкви-Часовне порядок, стараться о благолепии в Церкви, и[сполнять] о[бязанности] псаломщика и помогать батюшке при совершении Церковных служб. Мой взгляд [таков], что Церковь – только для молитвы. [А] все разговоры, которые ведутся в «Доме», что я не подписал «письмо» потому, что [якобы] получил условие и имею доходы, – сплошная ложь и обычный трюк для агитации. С первого дня службы в Церкви ведется приходно-расходная книга, и каждый желающий ее взять для контроля имеет на это полное право. Это решение было высказано на общем собрании в столовой еще в 1950 г[оду]; этим правом дважды воспользовался один из прихожан Церкви. Но ни он, ни о. Евдоким, котор[ому] я давал эту приходно-расходную книгу, никаких неисправностей в ней не нашли.

Всех безобразий и скандалов, какие имели место в Церкви после Церковной службы 22/IX, я описывать не буду. Скажу лишь, что больно и обидно, что среди нас нашлись такие «типы», котор[ые] позволили себе кричать по адресу о. Роменского. Словом, хам и хамство.

П[авел] Ив[анов]

1. Можно предположить, что результатом именно этой интриги было закрытие часов-

ни в «Доме» в начале 1955 г. Вероятно, с этим как-то был связан и скорый отъезд из Бельгии о. Евдокима Горбунова.

[Из книги Hugues Véhenne, сс. 158-161, перевод с англ. В. Койсина]

...Отец Пир, счастливы ли Ваши старички, обжились ли они?

– Они счастливы, и почти все рады сказать это вслух. Но, поскольку нет ничего идеального и так как я «жестокий человек», то есть парочка русских, которых я, якобы, привез из лагерей ди-пи, чтобы мучить их! Они живут в одном из моих домов 10 лет, и все это время они жаловались на преследования. Одна старушка даже обвинила меня в желании придурить ее.

(Тут отец Пир безудержно засмеялся)

– Они прибыли в 1950 г., и почти сразу все пошло наперекосяк. Директриса дома, совершенно без задней мысли, посадила этих пожилых супругов за один стол вместе с двумя украинцами. Люди бывают такими странными! Их собственные беды никогда не бывают так велики, чтобы удержаться от политических ссор... И мы получили двух моих русских, спорящих из-за пустяков с двумя украинцами. Потом это пошло еще хуже и начало распространяться шире. Однажды я был свидетелем такой ссоры, и это меня так рассердило, что я накричал на них. Вот с того-то дня старушка и объявила, что я хочу ее задушить.

Она и ее муж тут же решили удалиться в свою комнату и потребовали, чтобы еду им принесли туда. Поскольку они были крепкими и бодрыми, такая честь им предоставлена не была. Но им сказали, что они могут есть у себя в комнате наверху сколько угодно, если будут носить еду туда сами. Сперва они отказались, затем согласились, затем – окончательно – снова отказались от этого. Они были упрямы, сидели у себя в комнате, вербовали себе сторонников из числа других обитателей и закончили вызовом двух адвокатов. И вот мои нелепые старички нажаловались на меня всему миру. Они писали бельгийскому архиепископу, премьер-министру, в Красный Крест, Верховному комиссару по делам беженцев в Женеву и даже в Ватикан!

Однажды, когда бельгийская королева Елизавета посетила их приют, они специально оделись в самую старую и грязную одежду и сказали ей: «Ваше Величество, Вы не ответили на наше письмо». И затем вручили ей жалобу на директрису!

Они вспомнили и о том, что I.R.O. выделил на них грант в 1600 долларов. Но это было шестью годами раньше, и чтобы увеличить эту сумму, они потребовали не только этот грант, но и компенсацию за еду, которую они не ели в столовой все эти годы.

– Но на что же, отец Пир, они жили все эти годы?

(Тут отец Пир подмигнул.)

– Это то, о чем я их никогда не спрошу! Потому что я знаю, что у них были «соучастники» – другие престарелые русские, которые тайком носили им всю ту еду, которую они якобы «не ели», и что они кушали с друзьями и где-то в городе тоже: они столь хорошо рассказывали свою печальную историю, что люди их кормили.

В самом приюте все об этом знали и жалели их за угрюмое упрямство и наивное поведение.

Но это, кстати, результат их бывшей жизни ди-пи. И я рассказал Вам эту историю для того, чтобы еще раз подчеркнуть этот факт. Помощь человеку – дело трудное и деликатное, и пересадка новой «кожи» не всегда успешна, но мы пытаемся что-то сделать. Я только опасаюсь, что эти мои русские старички заостенеют в своем упрямстве до самой смерти, и их глупости могут в какой-то мере нарушить семейную жизнь приюта.

Люди выбирают какую-то сторону: кто за Россию, кто за Украину, и с этим ничего не поделаешь. Они хорошо знают, что я никогда не пошлю их обратно в лагерь ди-пи. Но когда прикасаешься к этому ближе, дело это не такое уж веселое...

* * *

Так – на полуслове – заканчивается найденная нами подборка документов. С одной стороны, она, конечно, очень разнотипная. Тут и суховатые официальные письма, и немного сентиментальный газетный репортаж, и автобиография, и излияние стариковских обид и недоразумений. С другой стороны, такова природа истории – всегда в чем-то недоговоренной, отрывистой, противоречивой. Ныне из ее свидетелей остался лишь ряд чудом сохранившихся русских могил на старом участке кладбища города Юи...

*Публикация – В. Койсин
Лёвен*

В. Э. Молодяков

Серебряный век

в Большой Советской Энциклопедии: невышедшая статья

История русской науки о Серебряном веке сравнительно недавно стала предметом исследовательского интереса, но уже привлекла внимание ученых разных специальностей – филологов, историков, культурологов, социологов, а также архивистов и коллекционеров. Обобщающих исследовательских работ на эту тему пока не появилось, но в научный оборот введены и продолжают вводиться важные источники, включая неопубликованные тексты и переписку ученых. Продолжение этой работы и расширение ее масштабов представляется тем более необходимым, что изучение Серебряного века в советское время никогда не прекращалось, хотя было вынуждено мимикрировать и даже уходить в подполье. В истории русской науки о литературе в XX веке – это одна из самых увлекательных, поучительных и трагических страниц.

Ценные материалы по данной проблематике сохранились в личном архиве Леонида Константиновича Долгополова (1928–1995), который находится в моем собрании. Автор работ о Блоке и Белом, которые можно назвать классическими, Долгополов отличался широтой исследовательского кругозора и интересом к литературной и культурной истории эпохи в целом, что позволяло ему делать значимые обобщения, избегая верхоглядства. Живший в неблагоприятной – общественно, профессионально и лично – атмосфере, он не был «диссидентом», но и не «делал карьеру», оберегая свободу творчества и идя на минимальные необходимые компромиссы для публикации своих работ. Впрочем, и на компромиссы он шел не всегда, о чем свидетельствуют публикуемые документы.

Во всех трех изданиях «Большой советской энциклопедии» особое место занимал отдельный том «СССР». В третьем, «красном», издании – это вторая книга тома 24. Открыв статью о русской литературе, мы видим раздел о рубеже XIX–XX вв. – короткий, бессодержательный, чтобы не сказать бессмысленный, и анонимный. Даже для того времени он смотрится убого, хотя мог быть иным. Редакция литературы и языка издательства «Советская энциклопедия» первоначально заказала этот раздел Долгополову, что выглядит

как неординарный знак уважения и внимания, поскольку предполагаемый автор столь «статусного» издания занимал в советской «табели о рангах» незначительное положение, будучи всего лишь кандидатом филологических наук и бывшим сотрудником ИРЛИ, с 1971 г. находившимся «на творческой работе», то есть на «вольных хлебах». В редакции его знали как эрудированного, неординарно мыслящего и несговорчивого автора – особенно по работе над статьей «Русский символизм» (вторая часть статьи «Символизм»), помещенной в 6-м томе «Краткой литературной энциклопедии»; материалы о ее подготовке опубликованы мной в «Новом Журнале» (Кн. 280. Сс. 183-194).

Долгополов написал заказанную статью, однако она не увидела света. Почему так получилось, ясно из впервые публикуемых ниже документов, которые иллюстрируют как определенный этап в развитии науки о литературе советского периода – не забудем, для *какого* издания предназначалась статья, – так и тогдашние научные и редакционно-издательские нравы. Будучи историком, не могу никого осуждать и «ставить оценки» даже любимому учителю. «Такие были времена.»

В мае 1974 г. редакция получила следующий текст (машинопись, подпись-автограф):

На рубеже XIX–XX вв. русская классическая литература вступает в последний период своего развития. Его известная независимость базировалась на том общем обновлении жизненной атмосферы, всей совокупности исторической жизни, которое прочно соотносится теперь уже с особенностями освободительного движения эпохи, принимающего в эти годы массовый характер. Оно становится «движением самих масс» (В. И. Ленин), что в корне меняет и картину идеологической жизни нации. Но, с другой стороны, отчетливо вырисовывается и иная, не менее значительная особенность литературы рубежа веков – ее кризисный, переходный, т. е. в конечном итоге несамостоятельный характер. Слишком большое место занимала в литературной жизни и литературных спорах 1890–1910-х гг. искусство предшествующего столетия. Чувствуя свою прочную связь с ним, опираясь на него, широко используя его мотивы и образы, либо, напротив, вступая в прямую полемику с ним и отталкиваясь от предлагаемых им решений, литература рубежа веков, вместе с тем, не прекратила механически своего существования в 1917–1918 гг. Она продолжала жить в творчестве писателей, переступивших рубеж революции (в этом случае традиции демократически настроенных литераторов становились частью новой, советской литературы, или, в другом случае, в творчестве писателей-эмигрантов рубеж эпох продолжал оставаться главной и даже иногда единственной темой творчества).

Наступление нового периода в литературном развитии обрисовалось

уже на границе 1880–90-х гг. Уход из жизни корифеев литературного движения XIX в. (Некрасова, Гончарова, Тургенева, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Фета), выдвигание на первый план писателей, сформировавшихся в 1880-е гг. (Гаршина, Короленко, Чехова и др.), привело к качественным изменениям внутри самого метода критического реализма. Многие из этих изменений (заостренность социальной проблематики, усиление роли подтекста и потенциальных, подразумеваемых смыслов, склонность к обобщениям широкого масштаба и символического характера и т. д.) со всей очевидностью сказались и на творчестве Л. Толстого. Не принимая и не понимая многого из того, что принес с собой двадцатый век, Л. Толстой (прямым последователем которого в этом отношении на рубеже веков был Бунин) объективно, содержанием произведений, написанных в 1890–1900-е гг. («Воскресение», «Хаджи-Мурат» и др.) активно участвовал в том сложном процессе выработки «нового» художественного «зрения», который не без оснований расценивается Ю. Тыняновым как особенность именно переходных эпох в истории литературы. Иной становилась на рубеже веков не только общая картина состояния словесного искусства, но сама структура художественного мышления. На первый план в сознании и творчестве писателей выдвинулась личность во всей совокупности своих исторических и общественных связей, впитавшая в себя сознание неблагополучия и напряженное ожидание перемен в самих основах жизненного устройства. Ни по характеру связей, ни по объективному смыслу судьбы она не была единой в произведениях разных художников. Более того, как раз на рубеже XIX и XX столетий человеческая личность как герой литературы с такой силой выявила свои полярные особенности, с какой не делала этого никогда ранее. Но во всех случаях она прочно ощущала себя во власти конфликтов и столкновений, имеющих не один только личный и не один только единичный характер. Она стала показателем общего значения, показателем эпохи в целом.

Решающим в таком повороте оказалась резкая интенсификация самого исторического процесса на рубеже веков. Он уже не был чем-то протекающим вовне, независимым от человека и не воздействующим на формирование его как личности. «...Мировой водоворот, – писал Блок, – засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа...» (Собр. соч. Т. 3. М.-Л., 1960. С. 298). Ощущение полной причастности к происходящему в «большом мире», зависимости от него, стало едва ли не основным качеством героя русской литературы конца XIX – начала XX вв., независимо от того, какую позицию («активную» или «пассивную», говоря условно) занимал он по отношению к окружающей действительности.

Это новое качество литература рубежа веков выявила уже в ранних рассказах Горького, в произведениях плеяды молодых писателей-реалистов (Булгина, Куприна, Л. Андреева, Вересаева, Серафимовича, Б. Зайцева и др.). Причем если в творчестве части из них преобладали критические тенденции

(даже несмотря на новизну тематики, как, например, в повести Куприна «Молох»), то в произведениях Горького, Серафимовича критический пафос приобретал форму прямого протеста против условий существования в буржуазном обществе. В эти же годы первые шаги в литературе делают символисты, активно заявляющие о себе как о сторонниках искусства «идеалистического» (см. поэтические опыты Вл. Соловьева, стихотворение Н. Минского «Как сон пройдут дела и помыслы людей», книгу Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», антинигилистические статьи А. Волынского и др.). Здесь также господствующим оказывалось предчувствие надвигающихся на Россию преобразований, но осмыслялись они не как изменение социально-экономических («внешних») форм жизни, а как внутреннее, скрытое преображение личности.

И в том, и в другом случае мы имеем дело с реакцией на механистический, прагматистский характер буржуазной культуры второй половины XIX века, порождавшей желание отгородиться от узко-позитивистического (в философии) и натуралистического (в искусстве) подхода к общественной и личной жизни индивидуума. Ощущением надвигающегося перелома (как в жизни нации, так и в жизни отдельного человека) одинаково пронизаны романтические рассказы и повести Горького 1890–1900-х гг. и элегические повести Бунина (напр., «Антоновские яблоки»), «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева и многочисленные стихотворения К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Анненского. С особой остротой, хотя в специфически-зашифрованной, иносказательно-мистической форме, неустойчивый, переходный, кризисный характер эпохи запечатлелся в творчестве поэтов «третьей волны» символизма – А. Белого и, особенно, Блока («Стихи о Прекрасной Даме»).

С новой силой и наглядностью антибуржуазный характер литературы рубежа веков проявил себя в годы Русско-японской войны (1904) и первой революции (1905–1907). Эти же годы оказались временем разрыва между двумя главными литературными лагерями – «реалистами» и «символистами», а также началом расхождения внутри каждого из них. Не все из писателей оказались в силах удержаться на последовательно демократических позициях. Если, например, Горький вплотную подводил читателя к мысли о необходимости активного участия в переустройстве действительности («Мать», «Враги»), то другие художники последовательно были лишь в отстаивании мысли о необходимости уничтожения существующих условий, остерегаясь какой-либо положительной программы (В. Брюсов, А. Белый, Л. Андреев, отчасти Бунин, Куприн и др.). Само понимание исторической закономерности в творчестве ряда художников трансформировалось, приобретая вид исторического рока, тяготеющего и над страной, и над жизнью отдельного человека.

С поражением революции и наступлением реакции в литературе происходит усиление буржуазных тенденций (Арцыбашев, И. Северянин и др.),

оживают декадентские мотивы в произведениях некоторых из поэтов символизма (Ф. Сологуб), хотя другие из них именно в эти годы, напротив, испытывают тяготение к традициям Некрасова (Блок, А. Белый). К 1910–11 гг. фактически распадается объединение писателей-реалистов под маркой издательства «Знание», существовавшее с 1903 г. В 1909 г. прекращают существование и органы символизма «Весь» (с 1904) и «Золотое руно» (с 1906). Возникают новые издательства и новые писательские объединения, имевшие уже смешанный характер (напр., изд-во «Шиповник», которое с 1907 г. приступает к регулярному выпуску альманахов).

Новый этап в развитии искусства обрисовался с началом общественного подъема 1910-х гг. Кризис символизма (о чем широко писала критика), сопровождавшийся выходом наиболее значительных его представителей на дорогу исторической и национальной проблематики; отход от Горького Л. Андреева, Бунина, Куприна, возникновение новых проблем и мотивов в творчестве самого Горького, вырастающего в эти годы в центральную фигуру литературного движения, возникновение новых литературных течений – акмеизма и футуризма (из которых впоследствии выделились такие значительные представители советской поэзии, как Ахматова, Мандельштам, Маяковский), первые заметные выступления в печати А. Толстого, Пастернака, Цветаевой, Есенина и др., активизация деятельности марксистской и демократической критики (А. Луначарский, Воровский, Чуковский) – все это обусловило пестроту литературной жизни 1910-х гг. Литература явно вступала в полосу нового расцвета после непродолжительных, но тяжелых лет реакции. Проблема исторической судьбы России и особенностей русского национального характера, которую решают в эти годы Горький («Городок Окуров», «По Руси», «Детство», «В людях»), А. Ремизов («Крестовые сестры», «Пятая язва»), А. Белый («Серебряный голубь», «Петербург»), Блок (циклы «Страшный мир», «Родина», поэма «Возмездие»), Л. Андреев (цикл драм «Голод», «Революция», «Война», «Мир») и др., ставится с широким учетом радикальных изменений, внесенных в жизнь страны, как и в сознание отдельного человека, буржуазно-демократической революцией, совершившейся, однако, в стране самодержавной, в которой, по словам В. И. Ленина, «невиданная... сила пролетариата» соседствовала со «страшной общей отсталостью» (Полн. собр. соч. Т. 24. С. 138). Поэтому наряду с мотивами уверенности в силе и возможностях человека в ряде произведений напряженность исторической жизни и ожидание перемен соотносились с мыслью об утрате им внутреннего единства и устойчивости. Хотя в конечном итоге антибуржуазная и антисамодержавная настроенность побеждала и мотивы апатии, и шовинистические мотивы, возникшие в связи с началом империалистической войны. Это и дало возможность подавляющему большинству наиболее значительных поэтов и писателей рубежа веков приветствовать октябрьские события 1917 г. Поэма Блока «Двенадцать» явилась самым важ-

ным и показательным из всех непосредственных откликов на происшедшее в первые же революционные месяцы. Углубленное и всестороннее осмысление событий 1917 г. как событий всемирно-исторического значения было впереди.

Лит.: Русская литература XX века. ТТ. 1-3. Под ред. С. А. Венгерова. – М., 1914–1918; Михайловский Б. В. Русская литература XX века. – М., Учпедгиз, 1939; История русской литературы конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. – М.-Л., 1963; Русская литература конца XIX – начала XX вв. (ТТ. 1-3). М., 1968–1972; Долгополов Л. Личность писателя, герой литературы и литературный процесс. – «Вопросы литературы», 1974. № 2.

Л. Долгополов

7/V-74 г.

Через месяц автор получил ответ издательства (машинопись, подпись-автограф).

6.VI.74

Москва

Глубокоуважаемый Леонид Константинович!

Статью Вашу о русской литературе рубежа XIX–XX веков и начала XX в. мы в редакции дружно читали, и в целом она нам – тоже дружно – понравилась (хотя мы и понимаем, что своеобразие и новизна концепции, вероятно, затруднит «продвижение» статьи по энциклопедическим инстанциям).

При всем том у всех, читавших статью, возникли большие и малые замечания и предложения, связанные с нашей «спецификой» и характером предъявляемых к нам требований. Частные замечания Вы найдете на полях статьи, общие – приведу ниже.

Вот отзыв и пожелания члена нашей редколлегии А. Г. Дементьева:

«Статья интересная, концептуальная. Отдельные куски и кусочки написаны превосходно. Но:

1. Жалко, что «пропали» Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк.
2. «Проглочена» революция 1905 г. и ее влияние на литературу.
3. Несколько смазано декадентство и борьба с ним. Наверное, надо бы упомянуть о «Вехах» и о сборниках «Литературный распад».
4. Как-то в общем потоке теряются и даже исчезают Горький, Серафимович, Демьян Бедный, пролетарские поэты вместе со статьей Ленина «Партийная организация и партийная литература» и с критикой Луначарского, Воровского, программными выступлениями Горького».

Вот отзыв Ю. Г. Буртина (нового работника нашей редакции):

«Статья, по-моему, получается интересная, дельная. Написана в хорошем тоне, энергично, сжато. Но, мне кажется, она нуждается в некотором расширении. Автор сконцентрировал внимание по преимуществу на выявлении единства лит. процесса начала века. Это хорошо, но следовало бы хоть вкратце сказать и о его пестроте, сложности, остроте лит. полемики. Нужны, думается мне, хотя бы предельно краткие (по 1-2 фразы) характеристики

1. творческого пути Короленко и Чехова (если они не рассмотрены в предыдущей статье), Горького, Бунина, Куприна, Андреева, Блока;

2. упоминания таких имен, как З. Гиппиус, Мережковский (поэзия), Вяч. Иванов, Гумилев, С. Черный, Аверченко;

3. основных лит. течений: критический реализм, символизм, футуризм, революционно-пролетарская литература.

Предложения Н. И. Розина сводятся к пожеланиям:

1. Чуть выделить Чехова (примерно, как у Вас – Л. Толстой).
2. Сказать немного о появлении идеалистической, антиреволюционной идеологии в философской публицистике (В. В. Розанов и др.).
3. Отметить выход к социалистическому реализму у Горького.
4. Найти место для статей Ленина о Толстом.

Остальные товарищи (В. В. Жданов, А. Ф. Ермаков, Л. И. Лебедева, автор настоящего письма – И. А. Питляр, которой, кстати, предстоит «вести» Вашу статью) в той или иной степени присоединятся к вышеприведенным пожеланиям, которые вкратце могут быть сведены к одному-единственному: чуть меньше «единства», чуть больше – различий...

Кроме того (это уже наши формальные требования), каждому упоминаемому в статье писателю должны быть приданы два инициала и – в скобках – даты рождения и смерти: напр., И. А. Бунин (1870–1953); к каждой цитате указан источник: напр., (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 5, год издания, стр. ...); каждому художественному произведению (крупному) придана дата первой публикации: напр., «Молох» (1896).

И, наконец, самая серьезная и убедительная просьба – произвести необходимую доработку статьи как можно скорее (буквально в течение нескольких дней), так как сдать статью в работу мы обязаны еще в этом месяце.

С самым искренним уважением

И. Питляр

[Приписка от руки:]

Дорогой Леонид Константинович!

Наше общее мнение выражено в письме И. А. Питляр. Прошу учесть, что в присланном Вами тексте уже 11 тыс. знаков (вместо 10 тыс.), поэтому при доработке статьи ее увеличивать нельзя.

А вообще – всем нам статья понравилась. Спасибо Вам.

Ваш

А. Ермаков

6.6.74

На полях возвращенного машинописного экземпляра содержались замечания, выделенные далее курсивом. Забегая вперед, укажу, что автор учел при доработке, а что нет.

1. «Его известная независимость... массовый характер.»

Здесь неск. расширить соц.-историч. характер периода: рабоч. движение, революция 1905, возникновение ком. партии, Ленин (Дементьев).

Не учтено.

2. «Несамостоятельный характер.»

Это положение вызывает единодушные возражения.

Не учтено.

3. «Не прекратило... единственной темой творчества.»

Спорно. Окт. революция – явный и резкий рубеж в развитии лит-ры. И это не надо затушевывать (замеч. Дементьева).

Не учтено.

4. «В процессе выработки ‘нового художественного зрения’... Тынянов.»

Не стоит вводить единственное имя теоретика, принадлежащего другой эпохе (Розин).

Добавлена цитата из Ленина.

5. «Ни по характеру связей... разных художников.»

Лучше использовать утвердительные обороты.

Не учтено.

6. После слов «...с какой не делала этого никогда ранее.»

Хорошо бы примеры такой «полярности» (Розин).

Не учтено.

7. «Прочно ощущала себя.»

Не то слово!

Заменено на «чувствовала».

8. «Решающим в таком повороте... формирование его как личности.»

Так ли совсем не воздействующим? (у предыдущих – классиков...) (замеч. Розина).

Фраза снята.

9. «Плеяды молодых писателей-реалистов.»

Речь, видимо, идет о критич. реализме? Уточнить (Розин).

Не учтено.

10. «Даже несмотря на новизну тематики.»

Нужна ли оговорка?

Не учтено.

11. «В произведениях Горького, Серафимовича... буржуазном обществе.»

Горький и Серафимович отличаются от Бунина и Андреева не только характером критич. пафоса (замеч. Дементьева).

Не учтено.

Это можно отнести и к «Поединку», и к «Молоху».

Не учтено.

12. «И в том, и в другом случае...»

Реалисты и символисты (Горький, Бунин, Андреев, Брюсов, Анненский) объединены, но не слишком ли энергично? И не стираются ли при этом различия между ними (замеч. Дементьева).

Не учтено.

13. «Мы имеем дело.»

Не энциклопедично.

Заменено на «имеет место».

14. «Одинаково пронизаны... и элегические повести Бунина.»

Помимо единства лит-ры была и поляризация, борьба, спор (Ю. Буртин).

Не учтено.

15. «Переходный характер эпохи... Белого.»

М.б., назвать симфонии или стихи? (Розин)

Не учтено.

16. «Другие художники последовательны были... программы.»

Так ли уж последовательны? (Дементьев).

Не учтено.

17. «Остерегаясь какой-либо положительной программы.»

То ли слово?

Не учтено.

18. «К 1910–11 гг. фактически распадается... ‘Золотое руно’.»

«Знание» распалось в связи с реакцией и отказом ряда писателей от демократии и революции, а «Весы» и «Золотое руно» по этим же причинам? Раньше они тоже принадлежали к тому же лагерю, что и «Знание»? (вопросы Дементьева).

Не учтено.

19. «Возникновение новых проблем и мотивов.»

В таких случаях надо конкретно (Розин).

Расширена характеристика творчества Горького.

20. «Активизация деятельности... Чуковский.»

А критич. деятельность Белого, Блока, Вяч. Иванова; оч. активный Иванов-Разумник? (Розин)

Имя Чуковского в этом «ряде» вызвало единогласные возражения.

Фрагмент снят.

21. Упоминание рядом Горького, Ремизова и Белого.

Опять Горький в одной компании с писателями, достаточно отличными от него (Дементьев).

Не учтено.

22. «Поэтому наряду с мотивами... устойчивость.»

Туманно.

Не учтено.

23. «Антибуржуазная... с началом империалистической войны.»

И у Ремизова, и у Андреева? (Дементьев).

Не учтено.

[Дополнения:]

Найти неск. слов для эмигрантской лит-ры, иначе она выпадает вообще.

Хорошо бы упомянуть еще: «Мир искусства», «Летопись», «Сатирикон», Вяч. Иванова, А. Аверченко, М. Волошина...

Не учтено.

Реакция автора в ответном письме (машинописная копия, подпись-автограф) оказалась бурной:

Уважаемая Ирина Александровна!

Я получил присланный Вами пакет, и он очень меня удивил. Впервые в жизни я получаю свою статью в таком *неуважительном* виде. Как можно было так обращаться с чужой работой? Подчеркивания, приписки, вопросы – да что с вами произошло? Вам прислана статья, в которой имеется своя концепция. Требовалось сказать, принимаете вы эту концепцию или нет. Если принимаете, значит и обращаться надо бы с ней осторожней. Если не принимаете – разговор окончен. Я не мальчик на побегушках, желающих высказать свое мнение сейчас стало очень много, но для чего мне все это знать? Я упустил из виду Демьяна Бедного? Туда ему и дорога – в статье в *шесть* страниц ему не должно быть места. Интересно, кто-нибудь из сделавших свои просвещенные замечания читал хоть одну мою статью? Знает ли редколлегия, *что* она может ожидать в данном случае? И зачем мне нужны все эти поучения, понукания, замечания, напоминания? Я пишу о рубеже веков двадцать лет, я даю вам новую

систему взглядов, а меня тащат назад, на проторенную дорожку, где все накатано, наезжено и не за что зацепиться. Я *такую* статью писать, простите, не буду. Мне это не интересно и ни к чему. Мне пишет неизвестный, но не очень вежливый читатель (причем, прямо по тексту моей статьи): «Не то слово!». Ради бога – у вас есть слова, вы все знаете – пишите сами. Простите, я не могу говорить спокойно. Вам нужен привычный, не вызывающий никаких сомнений, удобный раздел о литературе рубежа веков. Но зачем тогда я оказался тут? Очевидно, произошло недоразумение. Давайте исправим его, пока не поздно. Я умываю руки, мальчиков на побегушках, которым можно спокойно диктовать все, что будет вам нужно, кругом хоть отбавляй. Любой из них с удовольствием разыграет вашу несложную партитуру. Причем вы не замечаете, что, с одной стороны, требуете очень жестких вещей, а с другой – даете простор; это же не вяжется одно с другим! Решите вначале, что вам нужно – Демьян Бедный или «Золотое руно», – а уж потом можно и какие-то свои требования выставлять. А так нельзя: кормить человека сухарями и требовать, чтобы он пел романсы. Очевидно, кто-то из членов редколлегии должен был взять на себя смелость суммировать имеющиеся замечания, отмести незначимые, четко сформулировать главные, приведя их к внутреннему единству, и в таком сжатом виде отослать их автору в виде *пожеланий* редколлегии. Вот если бы дело обстояло так, то, увидя здесь и понимание меня, и деликатность, и культуру (культуру общения!), я вполне мог бы внести кое-какие поправки, что-то уточнить, что-то убрать. А так я, простите, работать не могу. Нет у меня ни желания, ни времени разбираться в том месиве замечаний и мнений, которое мне прислано. Я просто выбросил этот экземпляр статьи, и дело с концом. Буду Вам признателен, если Вы вернете мне оставшийся у Вас первый экземпляр, потому что я сам остался без ничего.

Простите ради бога меня, я ничуть не желал обидеть Вас лично, меня вывел из себя сам оборот дела. Я с трудом сдерживаю ярость, потому что, повторяю, подобное неуважительное отношение к своей работе встречаю впервые.

Ваш

Л. Долгополов

13/VI 74 г.

Недовольство автора восприняли всерьез. Ему ответил заведующий редакцией (машинопись, подпись-автограф).

Уважаемый Леонид Константинович!

Не скрою: Ваше письмо, мягко говоря, огорчило и меня, и редак-

тора, писавшего Вам, и всю нашу редакцию. Нам кажется, что в письме И. А. Питляра не было ни грубостей, ни неуважительного тона по отношению к автору, которые Вы в нем обнаружили. Однако, поразмыслив, мы все же решили попытаться предложить Вам «мировую». Дело-то заключается в том, что Ваша статья действительно понравилась нам, и терять ее нам не хочется.

Поэтому попробуем забыть взаимные «боли и обиды» и поговорить спокойно и конструктивно.

Вы пишете о том, что, если бы кто-либо из членов редколлегии «суммировал имеющиеся замечания, четко сформулировал и в таком сжатом виде отослал их автору в виде *пожеланий*», то Вы могли бы «внести в статью кое-какие поправки, кое-что уточнить и что-то убрать».

Основные *пожелания* работников редакции и членов редколлегии сводятся к следующему: не меняя концепции и построения статьи в целом и не увеличивая *существенно* ее объема, найти в ней место –

1. для мысли о том, что обозреваемый период развития литературы характеризовался еще и сложностью, пестротой течений и наличием острой идейно-эстетической борьбы;

2. для краткой характеристики футуризма, революционно-пролетарской литературы с упоминанием соответствующих имен;

3. для акцентирования борьбы с декадентством (упомануть «Вехи», сб-ки «Литературный распад»);

4. для оценки значения статей Ленина о Л. Толстом, ст. «Партийная организация и партийная литература», статей Луначарского, Воровского, выступлений Горького. Отметить выход к соц. реализму у Горького;

5. для характеристики (1-3 фразы) творчества Короленко, Маяковского, Андреева.

В сущности – это главные пожелания, и мы надеемся на то, что Вы найдете возможным учесть их.

При этом, конечно, не исключено, что и в дальнейшем, в процессе обсуждения столь сложной статьи, могут возникнуть какие-то пожелания и замечания. Вы уже писали для нас и знаете, что это такое. А писать для Большой Советской Энциклопедии, где нам предоставлено несравненно меньше самостоятельности, чем даже в Краткой литературной, – еще труднее.

Прошу Вас трезво взвесить все это и как можно скорее поставить нас в известность о своем решении.

Зав. редакцией литературы и языка
издательства «Советская энциклопедия»

А. Ермаков 21.6.74

Ответ Долгополова в его бумагах не сохранился, так что о содержании приходится догадываться по новому письму из Москвы (автограф; без даты; почтовый штемпель 2 июля).

Дорогой Леонид Константинович!

Ваше письмо к А. Ф. Ермакову, недавно – сегодня – нами прочитанное, вызвало у меня потребность ответить на некот. его пункты. Оставляя в стороне полемич. часть, наши разногласия и т. п., считая, что мы их сняли путем взаимных извинений, я хочу только сказать Вам, что «план» Вашей статьи вовсе не требует 10-15 листов текста. Почему-то Вы забываете, что наш текст (в энциклопедии) может быть конспективен, емок, о многом можно сказать в 2-3 строчках, в частности и о том, что вызвало у Вас особые возражения, – о Короленко, Серафимовиче, Маяковском и др. У Ермакова не было описки. Вряд ли эти имена могут отсутствовать в статье о лит-ре начала века. Почему же нельзя сказать о них очень коротко? Буквально одна фраза о каком-то литературном течении, а в скобках фамилия – напр. Короленко. Или Серафимович. Ну, на Маяковского в связи с футуризмом м. б. надо побольше, но все же в 8-10 строчках энциклопедич. текста можно сказать очень много. Мы постоянно это делаем, с этим сталкиваемся.

[На полях:] О борьбе с декадентством у Вас тоже сказано в Воплях*!

Я пишу это, полагая, что Вы еще не кончили работу над статьей, и м. б. мои просьбы застанут Вас в разгаре работы.

И еще одно. В письме Вашем сказано: «О выходе Горького к соц. реализму, очевидно, умолчу, так как не знаю, что такое соц. реализм». Но и это странно, если учесть, что от Вас вовсе не требуется знание соц. реализма или развернутых суждений о нем. Нам вполне достаточно того, что сказано на эту тему в Вашей превосходной (по мыслям и по материалу) статье в № 2 «Вопросов литературы» за этот год. На стр. 100 говорится о принципах партийности искусства, о центральной роли Горького в лит. процессе, об основах соц. реализма, заложенных в эти годы, а на стр. 110 – прямо сказано о Горьком как основателе метода соц. реализма. Чего же еще? Это больше, чем нам надо! Жалею, что прочел Вашу статью уже после нашего разговора по телефону.

Будьте здоровы!

В. Жданов

Итак, ждем от Вас статью! Не медлите!

ВЖ

* Так в советские годы называли журнал «Вопросы литературы».

Итоговый вариант был закончен 10 июля и отправлен в редакцию (машинопись, подпись-автограф).

На рубеже XIX–XX вв. русская классическая литература вступает в последний период своего развития. Его известная независимость базировалась на том общем обновлении исторической жизни, которое прочно соотносилось теперь с особенностями самого освободительного движения эпохи, принимающего в эти годы массовый, народный характер, что в основе изменило и картину идеологической жизни в стране. Но с другой стороны, не менее отчетливо вырисовывается и иная особенность литературы рубежа веков – ее кризисный, переходный, т.е. в конечном счете несамостоятельный характер. Ощущая свою прочную связь с искусством предшествующего столетия, широко используя готовые мотивы и образы, либо напротив, вступая в полемику с ним и отталкиваясь от предлагаемых им решений, искусство рубежа веков не прекратило механически своего существования в 1917–18 гг. Оно продолжало жить в творчестве писателей, переступивших рубеж революции (в этом случае творчество литераторов, принявших революцию, становилось естественной частью новой, советской литературы; в творчестве же писателей-эмигрантов рубеж эпох – уже как историческое прошлое – продолжал оставаться главной и даже иногда единственной темой творчества).

Кризисный, переходный характер искусства рубежа веков проявлял себя в различных аспектах. Наиболее существенный из них – пестрота литературной жизни, наличие большого количества группировок и течений, вступавших в ожесточенную идейно-эстетическую борьбу друг с другом.

Все эти качества литературы конца XIX – начала XX вв. находились в прямом соотношении с интенсификацией самого исторического процесса; события европейского значения и огромного размаха следовали тут одно за другим. История переставала быть чем-то отвлеченным, протекающим в отдалении и не воздействующим непосредственно на склад внутреннего мира индивидуума. Она вторгалась в быт, нарушала «привычное» течение жизни, становилась важнейшим слагаемым в том представлении об окружающем мире, которое складывалось в сознании человека рубежа веков. В центре периода естественным образом оказываются Русско-японская война и особенно первая революция; предчувствия и ожидания потрясений как бы оправдывало себя, и дальнейший вопрос заключался в том, под знаком возрождения или гибели будет воспринимать художник происходящее в России.

Наступление нового периода в литературном развитии обрисовалось уже на границе 1880–90-х гг. Уход их жизни корифеев литературного движения XIX в. – Н. А. Некрасова (1821–1878), И. А. Гончарова (1812–1891), И. С. Тургенева (1818–1883), Н. Г. Чернышевского (1828–1889), М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889), Ф. М. Достоевского (1821–1881), А. Н. Островского (1823–1886), Н. С. Лескова (1831–1895), А. А. Фета (1820–1892), выдвижение

на первый план писателей, сформировавшихся в 1870–80-е гг. (Г. И. Успенского, 1843–1902; В. М. Гаршина, 1855–1888; В. Г. Короленко, 1853–1921; А. П. Чехова, 1860–1904 и др.) привело к качественным изменениям самого метода критического реализма. Многие из этих изменений (заострение социально-общественной проблематики, усиление роли подтекста и выдвижение потенциальных, «подразумеваемых» смыслов, внимание к обобщениям широкого масштаба, но символического характера, что в совокупности приводило к выдвижению малых жанров творчества) сказались на всем дальнейшем развитии русского словесного искусства. Определенным образом с тенденциями литературного развития рубежа веков оказался связан в поздних произведениях и Л. Н. Толстой (1828–1910). Не понимая и не принимая многого из того, что принесла с собой новая эпоха, Л. Н. Толстой объективно, содержанием произведений, написанных в 1890–1900-е гг. («Воскресение», 1899–1900; «Хаджи-Мурат», 1912 и др.), как и содержанием обличительных статей, активно участвовал в том процессе выработки «нового» художественного «зрения», который справедливо расценивается исследователями как особенность именно переходных эпох в истории литературы (См. Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965. С. 285). В статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» (1910) В. И. Ленин увидел главную заслугу писателя в том, что он «с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства» (Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38).

Иной становилась на рубеже веков не только общая картина состояния искусства, но сама структура художественного мышления. Господствующее место в сознании писателей заняла личность во всей возможной совокупности своих исторических и общественных связей, осознавшая (или осознающая) общее неблагополучие жизни, впитавшая напряженное ожидание перемен в самих основах жизненного устройства. Ни по характеру связей, ни по объективному смыслу судьбы она не была «однозначной» в произведениях разных художников. Более того, как раз на рубеже столетий человеческая личность как герой литературы с такой силой выявила свои полярные – общественные и личные – качества и особенности, с какой не делала этого никогда ранее. Но во всех случаях она прочно чувствовала себя во власти конфликтов, имеющих не один только единичный характер; она становилась показателем общего значения, показателем эпохи в целом. А. А. Блок (1880–1921) впоследствии писал: «Мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа...» (Собр. соч. Т. 3. М.-Л., 1960. С. 298). Ощущение своей полной зависимости от происходящего в «большом мире» стало едва ли не основным качеством героя русской литературы рубежа веков. При этом мир воспринимался писателем не в виде замкнутого и неподвижного отрезка места и времени, а в

виде движущейся панорамы событий, лиц, переживаний и т. д. Художественное же произведение становилось воспроизведением некоего отрезка единой движущейся жизненно-исторической цепи.

Это новое качество литература рубежа веков выявила сразу же – в ранних рассказах М. Горького (1868–1936), в пьесе «На дне» (1902), где дана новая активно-гуманистическая концепция личности; в произведениях плеяды молодых писателей-реалистов 1890–1900-х гг. – И. А. Бунина (1870–1953), А. И. Куприна (1870–1938), Л. Н. Андреева (1871–1919), В. В. Вересаева (1867–1945), А. С. Серафимовича (1863–1949), Б. К. Зайцева (1881–1972) и др. Причем, если в творчестве части из них преобладали критические тенденции (даже несмотря на новизну тематики, как в повести А. И. Куприна «Молох», 1896), то в произведениях М. Горького, А. С. Серафимовича критический пафос выливался в форму прямого протеста против условий жизни в буржуазном обществе.

В эти же годы первые шаги делают представители декадентско-символистской литературы, заявляющие о себе как о сторонниках искусства идеалистического (см. кн. Д. С. Мережковского (1865–1941) «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», 1893; его же сб. стихотворений «Символь», 1892; произведения Н. М. Минского (1856–1937); антинигилистические статьи А. Л. Вольнского (1863–1926); стихи З. Н. Гиппиус (1869–1945) и др.). С выходом сборников «Русские символисты» (1894–1895), организованных В. Я. Брюсовым (1873–1924), символизм становится самостоятельным литературным течением.

И в том, и в другом случае имеет место реакция на механистический, прагматистский характер буржуазной культуры, породившей стремление отгородиться от узко-позитивистического (в философии) и натуралистического (в искусстве) подхода к общественной и личной жизни индивидуума. Ощущением кризиса одинаково пронизаны произведения М. Горького, повести А. И. Куприна, эгегические повествования И. А. Бунина (например, «Антоновские яблоки», 1900), «Жизнь Василия Фивейского» (1903) Л. Н. Андреева, многочисленные стихотворения К. Д. Бальмонта (1867–1942), В. Я. Брюсова, И. Ф. Анненского (1856–1909), В. И. Иванова (1866–1949). С особой остротой, но в специфически-зашифрованной, иносказательно-мистической форме неустойчивый, переходный характер эпохи запечатлелся в творчестве поэтов «третьей волны» символизма – А. Белого (1880–1934) и особенно А. А. Блока (цикл «Стихи о Прекрасной Даме», 1904).

Годы Русско-японской войны и первой революции (1904–07) стали временем активизации демократических сил в литературе, важнейших выступлений марксистской критики, усиления сатирически-разоблачительных тенденций, а также годами размежевания между «реалистами» и «символистами» – двумя главными лагерями в литературе того времени, а также началом расхождения внутри каждого из них. Слишком сложными оказались события, и

поэтому не могло быть однозначного отношения к ним. Если М. Горький подводил читателя к мысли о необходимости активного участия в переустройстве действительности («Мать», 1906–1907; «Враги», 1906), то другие художники последовательно были лишь в мысли о необходимости изменения существующих условий, остерегаясь какой-либо положительной программы. На такой позиции оказались не только представители модернистских течений (В. И. Иванов, В. Я. Брюсов, А. А. Блок, А. Белый), но и некоторые из «реалистов» (Л. Н. Андреев, отчасти И. А. Бунин, А. И. Куприн и др.). Само понимание исторической закономерности, обострившееся именно в годы революции, трансформировалось в сознании ряда художников, приобретая черты рока, трагически тяготеющего и над страной, и над человеком.

С поражением революции и наступлением реакции происходит временное усиление буржуазных тенденций (М. П. Арцыбашев, 1878–1927; А. П. Каменский, 1876–1941; И. Северянин, 1887–1941 и др.). Пессимистические настроения и мотивы безверия проникают в широкие круги художественной интеллигенции, находя выражение в творчестве (см. рассказ Л. Н. Андреева «Тьма», 1907, который и послужил причиной разрыва его с М. Горьким). Оживают декадентские мотивы в творчестве некоторых из поэтов символизма (напр., Ф. Сологуба (1863–1927), хотя значение его творчества шире этих мотивов); другие из них в эти же годы испытывают тяготение к традициям Н. А. Некрасова (А. А. Блок, А. Белый, И. Ф. Анненский). К 1910 г. фактически распадается горьковское объединение писателей-реалистов под маркой издательства «Знание» (с 1904 выходили сборники под тем же названием). В 1909 г. прекращают существование органы символизма – журналы «Весы» (с 1904) и «Золотое руно» (с 1906); в 1911 г. выходит последний альманах символистского издательства «Скорпион» (1899–1916) «Северные цветы». На первый план выдвигаются издательства и писательские объединения, имевшие смешанный характер (напр., изд-во «Шиповник», которое с 1907 г. приступает к выпуску альманахов под тем же названием). Писательские позиции в литературе, как и мотивы творчества, усложняются, лишаясь той определенности, какая характеризовала развитие литературы в предшествующие годы.

Новый период в развитии искусства наступает с общественным подъемом 1910-х гг. Возникновение новых проблем и мотивов в творчестве М. Горького, после увлечения идеями «богостроительства» (см. «Исповедь», 1908) пришедшего к проблеме русского национального характера; кризис символизма, сопровождавшийся выходом наиболее крупных поэтов школы на дорогу общенародной проблематики; активизация массовой рабочей поэзии; возникновение новых литературных течений – акмеизма во главе с Н. С. Гумилевым (1886–1921) и футуризма во главе с Д. Д. Бурлюком (1882–1967), из которых впоследствии выделились такие значительные представители советской литературы, как А. А. Ахматова (1889–1966), О. Э. Ман-

дельштам (1891–1938), В. В. Маяковский (1893–1930), В. В. Каменский (1884–1961); начало литературной деятельности А. Н. Толстого (1883–1945), Б. Л. Пастернака (1890–1960), М. И. Цветаевой (1892–1941), С. А. Есенина (1895–1925), Б. А. Пильняка (1894–1937) и др., – всё это обусловило насыщенность, но и неоднородность литературной жизни предреволюционного десятилетия. Искусство явно вступало в полосу нового расцвета, основой которого служило решение важнейших для данного периода проблем исторической судьбы России и, с другой стороны, проблемы человеческой личности как подлинной и непреходящей ценности. Их ставят в своем творчестве М. Горький («Городок Окуров», 1909–1910; «По Руси», 1912–1917; «Детство» и «В людях», 1913–1916), И. А. Бунин («Деревня», 1910; «Суходол», 1912), А. А. Блок (циклы «Родина», 1907–1916; «Страшный мир», 1909–1916; поэма «Возмездие», 1915–1921, писалась 1910–1916), А. Белый («Серебряный голубь», 1909; «Петербург», 1913–1914), А. М. Ремизов («Крестовые сестры», 1910; «Пятая язва», 1912) и др. Во многих важных случаях постановка этих проблем прямо соотносилась с надвигающимися преобразованиями. Существенную роль здесь играет опыт тех радикальных изменений, которые были внесены в жизнь страны, как и в сознание отдельного человека, событиями первой революции, совершавшейся однако в стране самодержавной, где, по словам В. И. Ленина. «невиданная... сила пролетариата» соседствовала со «страшной общей отсталостью» (Полн. собр. соч. Т. 24. С. 138). Наряду с мотивами уверенности в возможностях человека в ряде произведений напряженность исторической жизни и ожидание перемен отливались в концепцию утраты человеком внутреннего единства и устойчивости. Хотя в общей картине литературного развития 1910-х гг. антибуржуазная и антисамодержавная направленность побеждала и мотивы апатии, и шовинистические мотивы, возникшие в связи с империалистической войной. Это и дало возможность многим значительным поэтам и писателям рубежа веков приветствовать октябрьские события 1917 г. Наиболее важным из всех непосредственных откликов откликов на происшедшее в первые революционные месяцы явилась поэма А. А. Блока «Двенадцать» (январь 1918), в которой, вместе с тем, страстный пафос полного переустройства мира и пересоздания личности сосуществует с иллюзиями патриархального толка.

Лит.: Русская литература XX века. ТТ. 1-3. Под ред. С. А. Венгерова. – М., 1914–1918; Михайловский Б. В. Русская литература XX века. – М., Учпедгиз, 1939; История русской литературы конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. – М.-Л., 1963; Русская литература конца XIX – начала XX вв. (ТТ. 1-3). – М., 1968–1972; Долгополов Л. Личность писателя, герой литературы и литературный процесс. – «Вопросы литературы», 1974. № 2.

Л. Долгополов
10/VII-74 г.

Издательство опять потребовало исправлений. Автор отказался и попросил вернуть статью (эти письма не сохранились). Оригинал был доставлен ему в сопровождении следующего письма (автограф).

6.VIII.74

Вот, дорогой Леонид Константинович, пришлось нам в конце концов внять Вашему настоятельному совету – заказать статью о рус. лит-ре 20 века другому автору. Видит бог, мы сделали все, чтобы сохранить Вашу статью, мы хотели довести ее до конца, доработать вместе с Вами, как мы это делаем *всегда*. В энциклопедии это не может быть иначе. Но Вы не захотели пойти нам навстречу. В последнем варианте статьи не оказалось того, о чем мы с Вами договаривались, не упомянули Вы о социалистич. реализме в связи с Горьким (хотя Ваши суждения об этом опубликованы в «В. лит-ры»), опять обошли пролетарских поэтов и Д. Бедного и т. д. Кроме того Вы не учли, что в статье такого рода вообще должно быть гораздо больше имен и фактов (справочник!). Все это, конечно, было бы нетрудно поправить, но последнее Ваше письмо как бы исключает возможность всякой работы над статьей («не смогу и не стану...»). Не говорю уже о том, что она нуждается и в простой стилистической правке. Значит, и она нам запрещена? В таких тяжелых условиях, которые Вы поставили (не приняв наших!), нам ничего не остается как отказаться от статьи. Об этом мы жалеем, и я особенно, – но вина не наша. Признаюсь Вам, что я просто очень удивляюсь и не понимаю Вас. Но – Вам виднее!

Статью прилагаю.

Всего Вам доброго.

В. Жданов

Публикация – В. Э. Молодяков
Токио

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Сергей Максимов

Рассказы 1950–1960-х годов

«Новый журнал» продолжает публикацию последних рассказов известного писателя Русского Зарубежья Сергея Сергеевича Максимова (1916–1967).*

Рассказы «Темная ночь» (НРС, 24 ноября 1963) и «Учительница» (НРС, 1 января 1964) Максимов написал, когда жил в г. Ричмонд, штат Мэйн. Протобразом села Бряково, где разворачиваются события «Темной ночи», послужило родное село писателя Чернопенье. Звучат в рассказе и имена, с детства знакомые Максимова: «За соседним столиком сидели матросы, и с ними – две сестры, вдовы Булатовы». Булатов – одна из распространенных в Чернопенье фамилий. Мотивы малой родины писателя есть и во втором рассказе – «Учительница», сюжет которого разворачивается на берегу «широкой реки», – и не трудно догадаться, что речь идет все о том же Чернопенье.

Андрей Любимов

ТЕМНАЯ НОЧЬ

...Холодный верховой ветер гнал по Волге тяжелые волны, гнул на яру высокие березы. Косой дождь шумно хлестал по земле, шуршал по крышам, стучал в окна. В темноте одиноко и грустно мигали на реке редкие огоньки бакенов.

Еще не поздно, всего восемь часов, но в селе Брякове уже кое-где тушили в домах свет: время было послевоенное, тяжелое, и жалели керосин, рано ложились спать.

В доме капитана буксирного парохода «Кашгар» Григория Погребцова спал пока что только один трехлетний сын Алеша. Взрослые бодрствовали и, по-видимому, не жалели керосина, – свет был виден в горнице и в кухне.

Сам Погребцов – крепкий, тридцатипятилетний человек, с большой курчавой головой и с добродушным широким лицом, в белой исподней рубашке, заправленной в синие брюки, и в хромовых сапогах – прислушивался к шуму дождя и вою ветра, угрюмо ходил по

* Начало см. НЖ, №№ 279-280, 2015. О С. Максимова см.: НЖ, №№ 254-257, 2009.

горнице из угла в угол и думал о том, о чем не мог не думать. Дело в том, что вчера он ударил жену. Ударил впервые за все время супружества. Ударил как-то невзначай, нелепо, без всякого повода. И этого он не мог простить себе.

«Сердится? – думал он, поглядывая в приоткрытую дверь на кухню, на жену. – Нет, не сердится... Не заметно что-то, чтоб сердилась... Э-эх, хоть бы сердилась! Мне бы легче было...»

И то, что жена не сердилась на него, – тоже мучило его. Не выдержал и прошел в кухню.

– Анфиса...

– Что?

– Сердишься?

– Нет.

Она сидела за столом и при свете семилинейной лампы штопала мужу носки, неторопливо и привычно работая иглой. Какая-то странная рассеянность и сдержанная сосредоточенность на чем-то, что было известно, по-видимому, только ей одной, сказывалось во всем: и в наклоне русой головы, коротко остриженной, – косу она отрезала год назад, – и в движении обнаженной до плеча полной круглой руки, и в чуть нахмуренных темных бровях, и, особенно, – в светло-карих глазах, больших и умных.

И здесь, на кухне, был слышен шум дождя и слышно было, как за окном скрипела раскачиваемая ветром веревка на колодезном журавле. За занавеской на топчане тихо посапывал маленький Алеша. Старшие, дочка Таня и сын Герасим – сын Анфисы от первого мужа, ночевали в этот день у бабушки Глафиры, матери Анфисы. Глафира, по случаю ссоры в доме Погребцовых, увела детей к себе еще в полдень.

– Анфиса, – тихо и просто сказал Погребцов, – ты уж... того... прости меня и не сердись. А?

Он стоял перед нею, широко расставив ноги в хромовых сапогах, и с тревогой смотрел на ее склоненную голову.

– Я не сержусь... – так же тихо, не поднимая головы, ответила она. Голос ее был мягок и приятен.

Он сел на табуретку возле жены, облокотился на стол и закрыл лицо руками. Долго сидели молча. Анфиса продолжала неторопливо работать иглой.

– Луше б ты сердилась.

– Зачем?

Он вскочил, опрокинул табуретку и воскликнул, забыв про спящего сына:

– А затем... затем, что я – муж твой, а не пустое место!..

И в голосе его прозвучало гневное отчаяние. Он стоял, глубоко засунув руки в карманы брюк, и ждал, что она скажет. Анфиса взглянула на занавеску, мельком – на мужа, спокойно ответила:

– Тише, Алешу разбудишь.

Погребцов наклонился и, не сядя и не спуская глаз с лица жены, снова облокотился на стол и горячо зашептал:

– Анфисушка, милая... Ну, скажи же: что с тобой вдруг стало?.. Ведь я не слепой. Вижу – вот уже пять дней, как с тобой творится что-то неладное... Ты всегда была какая-то... не как другие жены... Ну, да Бог с тобой! Все-таки, мы счастливые. И семья, и дети, и место у меня хорошее. А теперь – что с тобой? Все молчишь, все о чем-то думаешь, думаешь. И ударил я тебя – сам не знаю за что. Может, и ударил я тебя за то, что есть у тебя какая-то тайная думка, а я про нее не знаю. И не говоришь ты мне про нее. И меня мучишь, и сама мучаешься.

Анфиса подняла голову и посмотрела мужу прямо в глаза.

– Я не мучаюсь.

– Врешь! – Выпрямился он.

– Нет.

– Врешь, я говорю!

– Нет.

Она продолжала в упор смотреть на него, и в светло-карих глазах ее, чистых и открытых, он ничего не мог прочесть – ровно ничего.

– Анфиса... – снова мягко и вкрадчиво начал было он, но она опять притушила глаза длинными, черными ресницами и принялась за работу.

Это его обидело. Видимо, ей было все равно, что он скажет. Погребцов выпрямился, шумно вздохнул и горько бросил:

– Э-эх!.. Не человек ты, Анфиса, а ночь темная!

Он повернулся, быстро прошел в горницу и стал у окна, глядя, как бегут по стеклам капли воды. И долго стоял так. Потом машинально задернул ситцевую занавесочку на проволоке и присел на кушетку, скрестив на коленях руки.

В горнице было светло и уютно. Под потолком ярко горела лампа-«молния», и свет ее веселыми бликами играл на крашенных желтой масляной краской половицах. У передней стены стоял стол, покрытый цветной скатертью, вдоль стен – гнутые венские стулья. У левой стены – большая двухспальная кровать под ярким лоскутным одеялом, с пирамидкой больших, чистых подушек. На стене мерно постукивали ходики.

Тик-так... тик-так...

Вот и вчера так же мерно и безразлично постукивали ходики, когда капитан Погребцов ударил жену. И вспомнив про это, про свой

вчерашний поступок, Погребцов мучительно сморщился от отвращения к самому себе.

Но тут же, незаметно для себя, стал искать хоть какого-нибудь извинения. В самом деле: если у Анфисы нет никакой тайны, то чего ей нужно, чего ей не хватает? Ведь все как будто бы хорошо. И женились они по любви, и нужды не знали, и мужем и отцом он был хорошим.

Первый муж Анфисы был убит на фронте. Хоть человек он был тоже хороший, но, говорят, легкомысленный, любил гульнуть, выпить, по два-три дня дома не ночевал. Погребцов же сроду не пил, а если и пил, то мало и редко. Ну что, что Анфисе надо? К сыну ее от первого мужа, семилетнему Герасиму, он относится даже лучше, чем к своим детям. Правда, он всегда, с первого дня свадьбы, чувствовал, что чего-то, какой-то одной маленькой запятой в их отношениях не хватает. Но это не мешало ему быть вполне счастливым.

И вот пять дней назад с женой стало твориться что-то совсем странное. Она словно перестала жить на свете и ушла в какой-то другой мир. Это заметил не только он, но заметила и бабушка Глафира. Добиться же путного ответа от Анфисы ни он, ни Глафира не могли. На их вопросы – что с ней? – она кратко и бесстрастно отвечала: «Ничего». И наконец, выведенный из себя, он ударил ее.

Тик-так... тик-так... – стучали ходики.

И вдруг одна новая мысль мелькнула у Погребцова. Мелькнула раз, и – два. И потухла. И вдруг так ярко и больно вспыхнула, что он похолодел.

– Нет... не может быть... нет...

Но шальная мысль продолжала упорно буравить его разгоряченную голову. Капитан вспомнил, что он вернулся из рейса, который занял у него целый месяц, только неделю назад, в прошлое воскресенье, за два дня до того, когда с Анфисой началось твориться что-то неладное. Анфиса была молодая, красивая женщина; он знал, что в его отсутствие, когда он бывал в рейсах, многие не раз пытались за ней ухаживать.

Бледный, с вздрагивающей челюстью, он взглянул в кухню. Анфиса положила на стол ложку с надетым на нее носком, встала и, покачивая серой юбкой на крутых бедрах и мягко, бесшумно ступая, подошла к топчану, взглянула на спящего сына, повернулась и стала, и застыла, глядя на пол и теребя на груди пуговку голубой блузки. Потом чему-то чуть улыбаясь, подошла к горке и стала собирать на стол, все так же мягко и бесшумно ступая.

Погребцов встал. Качнувшись, подошел к двери, остановился на пороге и сильными, волосатыми руками обнял косяк. Широкое лицо было бледно, нижняя челюсть продолжала вздрагивать. Он собирал-

ся с силами, чтобы задать жене страшный вопрос, от ответа на который зависела вся его жизнь. Но как раз в этот момент Анфиса мельком взглянула на него и негромко сказала:

– Садись ужинать.

И это обыденное ее «садись ужинать» было сказано так просто, так чисто, что ему вдруг опять стало стыдно, как давеча. И вместо приготовленного страшного вопроса «кто?», он опять страстно, с мольбою заговорил:

– Откройся же мне, Анфисушка, ну прошу тебя.

Но слова застревали в горле, рот пересыхал. И он вскрикнул:

– Да не держи ты камня за пазухой – бей сразу! Бей!

Но ответом ему был лишь шум дождя по крыше.

– Бей!.. Бей, я тебе говорю!

Он подскочил к Анфисе, схватил ее за плечи и повернул лицом к себе. Она покорно стояла перед ним, наклонив голову. В руках она держала тарелки.

– Бей!

– Зачем? За что? – еле слышно спросила Анфиса, не подымая глаз и тихо освобождаясь из его сильных рук. И, поставив тарелки на стол, добавила тепло и искренне:

– Ты – хороший.

Он как-то жалко и растерянно посмотрел на нее, плохо соображая, что происходит.

– А-а... стало быть, есть у тебя тайна! Есть? Говори – есть?

– Нет.

За занавеской заворочался на топчане маленький Алеша и захныкал. Это отрезвило Григория Погребцова. Он бросился к вешалке, сорвал с нее китель, торопливо надел его.

– Куда ты? – спросила Анфиса.

И в голосе, и в глазах ее мелькнуло на этот раз что-то похожее на беспокорство. Но Погребцов не заметил этого. Разгоряченный, он быстро надел шинель, нахлобучил на курчавые волосы фуражку и вышел в сени, сильно хлопнув дверью.

Отойдя от дома шагов сто, он остановился, думая, куда бы ему пойти. Кругом было темно – хоть глаз выколи. Над головой гнулись под ветром верхушки берез, шелестели листвою. Капли холодного августовского дождя падали Погребцову на шею, бежали за воротник шинели. Капитан постоял, подумал и, почавкивая грязью под сапогами, зашагал в конец села.

Через десять минут он уже сидел в сельской пивной в обществе лоцмана Крыжовникова и машиниста Ветлугина, пил пиво и самогон и старался не думать.

По случаю воскресного дня в пивной было много народа, шумно, накурено. В углу, возле прилавка, сидел на табуретке молодой безногий парень в старенькой военной гимнастерке, лениво растягивал меха баяна, и что-то пел.

Погребцов пил много и жадно, но не хмелел. Лоцман Крыжовников, веселый, лохматый старик, в потертой телогрейке и в форменной фуражке, удивленно поглядывал на капитана. Не вытерпел – весело спросил:

– Чегой-то ты, Гриша, эдак много пьешь? Ведь раньше ты как будто и не пил. Не пил, ведь?

– Нет... иногда... – нехотя ответил Погребцов.

– Так с чего ж ты это?

– Так.

– Ну, брат, за так и голова не заболит, и баба не забеременеет! – рассмеялся лоцман. – Баржу, что ль, о бык саданул?

Маленький, рыжий машинист Ветлугин, пьяно хихикая, осведомился:

– А может, тебя Гриша, с Волги в Сибирь переводят? Осваивать, так сказать, Енисей с Леночкой?

Погребцов молчал, хмурился и пил. Ему уже было как-то все равно.

За соседним столиком сидели матросы, и с ними – две сестры, вдовы Булатовы. Старшая, Аглая, рябая, краснощекая женщина, со вздернутым, как пуговка, носом, вдруг закричала гармонисту:

– Ваня! Давай что-нибудь печальное!

– Правильно! – стукнул кулаком по столу лоцман Крыжовников, ероша и без того лохматые, седые волосы. – Давай «Ноченьку»!

Гармонист всхлипнул мехами, закинул голову и, выставяя вперед острый кадык, запел хорошим чистым голосом грустную песню:

Я с покоса шла и несла ко-осу.

Заплуталась я во-о глухом лесу...

В пивной стало тихо. Погребцов поднял голову и посмотрел на певца мутным, остановившимся взглядом. Песня хватала за душу, разрывала сердце

Да коченьки,

А вокруг – кругом темна ноченька-а...

Погребцов упал головой на стол и беззвучно, но сильно заплакал тяжелым мужским плачем, вздрагивая спиной и плечами.

...Заполночь, когда стих ветер и перестал шуметь дождь, но на воле еще было очень темно, Анфиса встала и зажгла лампу. Спала она рядом с сыном, вернее – не спала, а просто лежала, ибо не сомкнула глаз во всю ночь. Поцеловав сына в льянную головку и поправив на нем одеяло, она накинула на плечи, на исподнюю рубашку, вязаную кофточку и пошла в горницу.

Погребцов спал. Спал один на широкой двухспальной кровати. Как много он ни пил с вечера, но не мог заглушить душевной боли, хмель не брал его, и домой он вернулся не столько хмельным, сколько разбитым и усталым. И теперь он крепко спал сном бесконечно усталого и измученного человека. Спал на спине, разметавшись, закинув на подушку левую руку и чуть отвернув к окну голову.

Анфиса долго стояла возле него, неподвижно и скорбно глядя на его измученное лицо. Потом грустно, тепло улыбнулась и, как и на сыне, заботливо поправила одеяло и вернулась на кухню. Осторожно прикрыв за собой дверь, достала из-за божницы четыре крупно испи-санных тетрадных листка.

Это было недописанное с вечера письмо.

Присев к столу, она вывернула побольше фитиль лампы, взяла карандаш и быстро стала писать дальше: «...ведь твое письмо было как гром с ясного неба, все считали тебя убитым, да и похоронную я получила. И не думай, милый Вася, что я тебя не люблю. Я по-прежнему тебя люблю, как всегда любила. А к Григорию я привыкла. И жаль мне его, и не брошу я его никогда. Конечно, приезжай, сына помотришь, повидашь. Только помни, не уйду я от Григория никогда, и не надейся...»

Она писала, низко склонив над столом голову, и на русых волосах ее светились золотистые блики. Светло-карие глаза под вздрагивающими, черными ресницами влажно поблескивали, и по щеке тихо ползла слеза.

Тик-так... тик-так... – глухо и безразлично постукивали в горнице ходики.

И в этом глухом и безразличном ко всему постукиванию больное сердце не могло уловить ни ответа, ни совета.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Теплым летним вечером молодая сельская учительница Ольга Ивановна Репнина возвращалась из клуба, где демонстрировался заезжей кинопередвижкой фильм о чистой, возвышенной любви – «Дорога к счастью».

Ольга Ивановна тихо шла по плотно утоптанной глинистой тропинке вдоль крутого берега широкой реки. Над рекой, на иссиня-чер-

ном звездном небе неподвижно застыла круглая полная луна, серебристо-лимонной дорожкой пересекая темную и гладкую, словно нефтью политую, реку. От высоких тополей, что росли вдоль тропинки, ложились длинные, черные тени. Было тихо, только где-то под горой монотонно и грустно скрипел коростель, да и в конце села играла гармошка. Пахло тополями, молодой травой, Иван-чаем и вечерней речной свежестью.

Под ногами Ольги Ивановны, на глинистой тропинке, зелеными светлячками сверкали под лунным светом кремешки, а справа, на спуске к реке, на широких листьях Иван-чая блестели бусинки росы.

Ольга Ивановна шла и думала о только что увиденном и понравившемся ей фильме. Как хороша, как прекрасна настоящая любовь! Что может быть на свете лучше и сильнее ее? Как хорошо люди делают, что напоминают об этой чистой, всесильной любви тем, кто только что встает на тернистый путь сознательной жизни, и тем, кто пройдя уже отчасти этот путь, забывают о ней...

Учительница вздохнула и вслух сказала:

– Побольше бы таких простых и чудесных фильмов...

Фильм «Дорога к счастью» рассказывал о том, как, случайно встретившись, юноша и девушка полюбили друг друга и уже собирались пожениться, но началась война. Он уходит на фронт, а она остается в тылу. Перед разлукой они клянутся в вечной любви. Далее показывается, как они мучаются в тоске друг по другу, как свободно и просто и он, и она обходят подводные камни соблазна и как, наконец, через четыре тяжких года, полных горя и испытаний, они вновь встречаются, чтобы уже никогда не расставаться. О, как они счастливы, как они велики в своей поистине великой любви!..

От невысокой, изящной фигурки Ольги Ивановны, облитой лунным светом, – фигурки в простеньком цветном платье и в белых, начищенных зубным порошком туфельках-босоножках, – так же, как и от тополей, и от Иван-Чая, ложилась на траву и бесшумно скользила по ней темная тень; и этот бесшумный, темный спутник нагонял на сердце учительницы какую-то тоску... Справа вырос старый, замшелый обруб. Ольга Ивановна свернула с тропинки, обошла бревенчатую стену и очутилась на небольшой земляной площадке, где стояла широкая, в две доски, скамья. Здесь, в этом укромном уголке, на этой скамье, скрытые от нескромных глаз, частенько сидели влюбленные, и старая скамья много бы могла порассказать любопытного, но, к счастью, она не могла говорить. Могла бы она поведать кое-что и об Ольге Ивановне...

В этот вечер скамья была пуста, и Ольга Ивановна решила посидеть и подумать. Но едва она, заботливо подобрав чистое платье и

думая все еще о фильме, присела на прохладную скамью, как глаза ее заметили на земле потерянную кем-то голубую ленточку, и все прошлое мгновенно вспомнилось, – все, все. И с такой болью и силой вспомнилось, что она вскочила и прошептала:

– Да полно, было ли все это? Может, все это был только сон... сон? Нет, все это было.

Ольга Ивановна растерянно оглянулась, подняла с земли ленточку и снова села на скамью. И стала опять, в сотый и тысячный раз вспоминать все, шаг за шагом.

«Н-не надо!.. Н-не надо!..» – скрипел под горой коростель.

...Вот здесь, на этой самой скамейке, Саша Коноплев, веселый, добрый, красивый – впервые поцеловал ее и сказал заветное «люблю». О, как хорошо она помнит и это «люблю», и этот их первый поцелуй! Как долго она не могла оторвать своих похолодевших губ от его горячего и жадного рта. Как хорошо она помнит и ту дрожь, что охватила и его, и ее тело, и легкий стук своих мелких зубов... И тогда она тоже что-то потеряла, как потеряла эта неизвестная девушка ленточку. Ах, да, – она потеряла гребенку! И они с Сашей долго еще тогда искали ее на рассвете...

«Н-не надо!..» – скрипел коростель, но Ольга Ивановна не слышала его.

Потом – встречи, встречи, встречи. Встречи днем, вечером, ночью. Клятвы в вечной любви – совсем как вот в этом чудесном фильме. Потом наступил конец августа, и Саша Коноплев уехал к себе, назад в Москву. Сначала он писал часто, обещая приехать к Новому году, потом стал писать все реже и реже, ссылаясь на то, что очень занят, и, наконец, совсем замолчал.

«Н-не надо!.. Н-не надо! Н-не надо!..» – упрямо продолжал скрипеть коростель.

Нет, надо! Надо всегда помнить о своей любви и беречь пуще всего на свете. Так думала Ольга Ивановна... Вот как в фильме: они берегли свою любовь четыре года и оказались правы!

На тропинке послышались тяжелые шаги, кто-то неторопливо шел и глухо покашливал. Вот он свернул тоже к обрубу, на площадке показалась высокая, бородастая фигура в потрепанном, узком – не по росту – костюме и фетровой шляпе. Это был коллега Ольги Ивановны по школе – учитель физики Николай Фомич Рогов. В левой руке он держал какие-то книги и журналы, а в правой – толстую клееновую палку. Учительница поспешно спрятала ленточку на груди.

– А-а, это вы, Ольга Ивановна? – Приветливо сказал он. – Добрый вечер!.. Тоже решили помечтать при лунном свете? Но почему такая печальная поза? Как это у Пушкина?..

И, сняв шляпу и приподняв ее вместе с палкой, он продекламировал:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

И, рассмеявшись, шутливо спросил:

– Над какой же вечной струей вы задумались, милейшая царско-сельская дева? Уж не над вечной ли любовью? Плюньте – она только в книгах бывает да у статуй, как видите... Позвольте присесть? Не помешаю?

– Нет, нет... Пожалуйста. Я очень рада... – тихо и рассеянно ответила Ольга Ивановна.

Он сел рядом с нею, положил на скамейку книги и шляпу, уперся бородатым подбородком в конец палки и, глядя на реку и поблескивая стеклами очков, продолжал балагурить:

– Да-с, милейшая Ольга Ивановна, такое бывает редко... И у разбитых черепков от урны сидеть не рекомендуется. Это все равно, что сидеть у разбитого корыта...

Он собирался было еще что-то сказать в том же духе, но заметил, что молодой учительнице в самом деле, видимо, не до шуток. Она сидела, чуть согнувшись и положив на колени тонкие руки, и грустно смотрела на серебристо-лимонную дорожку, пересекавшую реку. Темная прядь пушистых волос упала ей на лоб, крупные губы, с ямочками в уголках, были чуть опущены, и маленькие сережки на ушах как-то особенно печально висели, словно побитые. Даже легкие и редкие рябинки на щеке казались больше и глубже.

– Ах и вечер! Ну не чудо ли этот вечер, Ольга Ивановна! – сказал Николай Фомич, чтобы переменить тему.

Он вдруг понял, что может быть своим балагурством он невольно допустил безтактность. Может быть девушка действительно влюблена? Пора бы уж – двадцать пять лет. И – хорошенькая. Пора бы уж не только влюбиться, но и – замуж. Однако он вот уже полгода как живет и учителем в этом селе, но что-то никаких романов за Ольгой Ивановной не примечал. Говорили, что она давно уже ждет возвращения кого-то, но он всегда обрывал тех, кто пытался посплетничать насчет уважаемой им Ольги Ивановны.

Из-за колена реки, сверкая огнями, бессшумно вырастал пассажирский теплоход. Ольга Ивановна перевела взгляд с лунной дорожки на теплоход и задумчиво сказала:

– Да, вечер удивительно хорош... Вот вы, Николай Фомич, дав-

ча сказали, что не верите в вечную любовь... ну, назовем ее, скажем, не вечной, – вечная, действительно, звучит теперь смешно – а верной любовью или постоянной, или – как вам угодно... Разве такой не бывает, по-вашему?

– Ну, я, конечно, пошутил... – уже серьезно сказал Николай Фомич, закуривая папиросу. – Конечно, бывает. И только те по-настоящему счастливы, на чью долю такая крепкая и постоянная любовь выпадает. Вот мы с Натальей Кузьминичной скоро серебрянную справлять будем, дети из Ленинграда приедут... И, право, мы очень счастливы, ибо хорошо, крепко любили друг друга всю жизнь. Конечно, и на нашем супружеском пути были и сучки, и задоринки – не без этого. А в общем – счастливы. Что же касается до того, что... как бы это выразиться? – что... но...

– Не так часто в наше время такая сильная и постоянная любовь встречается, так, что ли? – подсказала Ольга Ивановна.

– Нет, это неверно. Она и в наше время встречается, слава Богу. И не так уж редко... Впрочем, я что-то запутался.

– Нет уж – начали, так договаривайте, – улыбнулась Ольга Ивановна.

– Хорошо, договорю... Встречаться-то такая любовь встречается, но чаще всего не взаимная, а односторонняя, и выпадает она на долю недостойных ее... – вздохнул Николай Фомич. – А кто, впрочем, знает: кто достоин, а кто не достоин? Один Бог знает... Но она есть и всегда будет. Я вот шутил, а поэты правы: ее надо воспевать, надо указывать на нее как на пример, достойный подражания... Эх, какой красавец пароход-то!.. Да-с, вот взять хотя бы сегодняшний фильм, что в клубе демонстрировали...

– Ах, вы тоже были? – живо перебила его Ольга Ивановна. – Как я это вас там не заметила?

– Я опоздал.

– И я опоздала, – опять улыбнулась она. – А знаете, Николай Фомич, мне фильм очень понравился.

– И мне понравился, – охотно согласился Николай Фомич. – Ошибочки, конечно, есть, но мелкие и незначительные. Главное же, что хорошо, – так это то, что подход в нем не политический, а чисто художественный, и проблема в нем общечеловеческая, хотя и далеко не новая, даже шаблонная, но фильм так мастерски, блестяще сделан, что – веришь. Веришь, что чистая и крепкая любовь, о которой мы говорим, не перевелась на этом свете... Искусство, по-моему, не должно обслуживать ничьих идей, кроме идеи жизни, идеи правды, идеи красоты. И когда художественное произведение удовлетворяет этим условиям, то им наслаждаешься и – веришь...

Он помолчал, бросил окурок и поднялся.

– А уже становится прохладно...

И видя, что Ольга Ивановна как будто бы не так уж грустна, как прежде, опять пошутил:

– Идемте-ка, милейшая царскосельская дева, баиньки. Пароход прошел, кругом пусто, и только «эта глупая луна на этом глупом небосклоне». Идемте.

– Нет, я еще посижу. Все-таки очень хорошо...

– Ну, как хотите. Мечтайте. Спокойной ночи.

Николай Фомич надел шляпу, взял книги и журналы и, постукивая палкой, пошел по площадке к тропинке. Луна сияла всюду, было так светло, что Ольга Ивановна различала на песке под ногами каждый камешек, каждую соринку. Но вдруг Николай Фомич повернулся и издала сказал:

– Кстати, я совсем забыл... Знаете, кто автор так понравившегося нам фильма? Он и режиссер, он и автор сценария. Это первый его фильм... Какой-то совсем молодой двадцатисемилетний Александр Коноплев. А актриса, что Наташу играет, – оказывается, его жена...

Николай Фомич быстро подошел к Ольге Ивановне и протянул ей один из журналов, что держал в руке.

– Да вот, придете домой, посмотрите... Пятая страница, кажется... Талантище же у этого Коноплева! Из него толк большой будет... Не засиживайтесь долго-то.

И – ушел.

Ольга Ивановна, плохо соображая, что происходит, держала журнал в руках и бессмысленно смотрела на обложку. Потом машинально, словно это делал кто-то другой, а не она, раскрыла журнал. И раскрыла прямо на нужной странице.

И под голубым лунным светом сразу сразу узнала дорогое ей, милое, умное, чуть улыбающееся лицо. А ниже – лицо той самой красивой женщины, игрой которой она только что восхищалась. А над портретами и текстом – крупный заголовок: «О том, что непоколебимо, как скала».

Журнал упал на колени Ольги Ивановны, вся она как-будто сторбилась и потухла, и весь прекрасный мир с его небом, звездами, луной, рекой, что окружал Ольгу Ивановну, тоже как-то вдруг утратил свое значение, и показался ей пустым, холодным и мертвым...

ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ

Обращение

Международной группы поддержки номинирования
И. А. и В. Н. Буниных
на звание «Праведник народов мира»

Настоящее обращение призвано привлечь внимание общественности к проблеме, имеющей как историко-культурное, так и большое морально-этическое значение. Речь идет об Иване Алексеевиче Бунине – великом русском писателе, лауреате Нобелевской премии по литературе (1933 г.), который в годы Второй мировой войны прятал в своем доме в Грасе своих друзей еврейского происхождения – литератора Александра Васильевича Бахраха (1902–1985), пианиста Александра Борисовича Либермана (1896–1978) и его жену Стефу Либерман (урожд. Сура Колерштейн; 1899–1983).

В 1942–1944 годах на южном побережье Франции немецкие нацисты и их французские пособники-коллаборационисты осуществляли массовые облавы на евреев с целью их изоляции и последующей отправки в лагеря уничтожения. В эти годы были депортированы десятки тысяч человек, большая часть которых погибла. В этой ситуации друзья Бунина находились в постоянной опасности. Полностью осознавая нависшую над близкими ему людьми угрозу, Иван Алексеевич Бунин – человек, происходивший «из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей, как на поприще государственном, так и в области искусства», – без колебания, а в случае Либерманов – повинувшись глубокому духовному порыву, решил взять на себя ответственность по спасению их жизни. Хотя инициатива предоставить свой кров гонимым, ищущим убежища людям исходила лично от И. А. Бунина, его жена Вера Николаевна Муромцева-Бунина, происходившая из старой московской дворянской профессорской семьи, всецело одобрила и как хозяйка и управительница их дома поддержала решение мужа.

Вне всякого сомнения, решение Буниных приютить у себя евреев было связано с личной опасностью и для них самих – особенно в случае доноса в полицию соседей или кого-то из недоброжелателей, знавшего о происхождении бунинских «гостей». Сами же Бунины являлись беженцами, лицами без гражданства, не имели по существу средств к существованию и жили на вилле, принадлежавшей англичанке, т. е. «врагу».

Все вышеперечисленные обстоятельства подтверждаются письмами Марка Алданова, В. Н. Муромцевой-Буниной, А. Либермана и Л. Зурова.

Научно-просветительный Центр «Холокост» (Москва) представил в апреле 2015 в Отдел Праведников народов мира мемориала Яд Вашем (Иерусалим) комплекс документов и свидетельств о спасении И. А. Буниным и его женой трех евреев в годы Холокоста с просьбой о присвоении И. А. и В. Н. Буниным высокого звания «Праведник народов мира». По формальным критериям – отсутствие оригинала свидетельств спасенных Либерманов – эта заявка пока не рассмотрена.

В связи с этим мы обращаемся ко всем людям доброй воли, заинтересованным в сохранении исторической памяти о Холокосте, с призывом организовать широкую информационно-просветительскую кампанию в поддержку инициативы РЕК и НПЦ «Холокост» по присуждению И. А. и В. Н. Буниным звания «Праведник народов мира». Мы также будем признательны всем, кто, располагая неизвестными доселе документами – письмами или affidavits, предоставит их в распоряжение Международной группы поддержки данной инициативы, возглавляемой Президентом Российского Еврейского Конгресса Юрием Каннером.

Нижеподписавшиеся члены Международной группы поддержки (в алфавитном порядке):

Марина Адамович (Marina Adamovitch) – главный редактор «Нового Журнала» (Нью-Йорк)

Илья Альтман – профессор РГГУ, сопредседатель Центра «Холокост» (Москва)

Стефано Гардзонио (Stefano Garzonio) – профессор Пизанского университета (Флоренция)

Ренэ Герра (Rene Guerra) – президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (Ницца)

Григорий Илугдин – кинорежиссер, генеральный продюсер кинокомпании МИРИАМ-МЕДИА (Москва)

Александр Лавров – академик РАН, ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург)

Шмуэль Сиссо (Shmuel Sisso) – генеральный директор Всемирного ОРТа (World ORT, Женева – Лондон)

Марк Уральский (Mark Uralski) – литератор (Брюль)

Игорь Шайтанов – профессор РГГУ, главный редактор журнала «Вопросы литературы» (Москва)

Магнус Юнггрен (Magnus Ljunggren) – профессор Гётеборгского университета (Стокгольм)

Марк Уральский

Еврейские друзья и покровители Бунина*

В современной России «буниниана», постоянно развивающаяся и углубляющаяся за счет привлечения новых документов, по мнению специалистов стала неотъемлемой частью «ретроспективного переживания и осмысления»¹. Нобелевская премия по литературе была присуждена И. А. Бунину в 1933 г. Писатель стал первым русским нобелевским лауреатом и первым «лицом без гражданства», удостоенным этой высокой награды (впоследствии в списке нобелевских лауреатов появились имена и других писателей-апатридов: русский Александр Солженицын (1981 г.), «праведник мира» поляк Чеслав Милош (1980 г.), немка Нелли Закс (1966 г.), испанец Хуан Рамон Хименас (1956 г.)). И тем не менее еще в 2004 году Даниэль Риникер, исследователь творчества Бунина, имел основание утверждать: «По сей день у первого русского писателя, ставшего нобелевским лауреатом, нет библиографии. Нет результатов текстологической работы с его наследием. Научная хроника жизни писателя до сих пор не создана. По большей части не опубликованы его дневники и эпистолярный»². В настоящее время ситуации в буниноведении меняется к лучшему: издана библиография И. Бунина, ученые активно занимаются текстологией. Например, в 2014 г. вышел двухтомник стихотворений И. Бунина в серии «Новая библиотека поэта» с полной текстологией, комментариями, вариантами и редакциями, подготовленный Т. М. Двигатиной; 1-й том «Летописи жизни и творчества И. А. Бунина (1870–1909 гг.)» и готовится новый бунинский том в серии «Литературное наследство».

В этом контексте интерес к бунинскому окружению из эмигрантов «первой волны», подпадающих под определение «друзья и покровители Бунина», представляется исключительно важным для создания объективной, научно обоснованной биографии писателя. Следует отметить, что именно эта область буниноведения наименее разработана. Тогда как Бунины в эмиграции жили под неусыпной опекой со стороны различного рода покровителей и меценатов, да и просто

* Автор выражает благодарность С. Н. Морозову, ИМЛИ им. М. Горького, за ценные замечания при подготовке статьи.

хороших знакомых и почитателей таланта писателя. Супруги Бунины, судя по их обширной переписке, щедро награждали званием «друг» своих адресатов из числа тех, кому были обязаны благополучием. Однако действительно близких друзей у И. Бунина было очень мало. В эмиграции это, вне всякого сомнения, М. А. Алданов, И. И. Бунаков-Фондаминский, П. А. Нилус³ и супруги Цетлины.

В теме «друзья Бунина» существует еще один важный аспект, на который, даже при беглом анализе, нельзя не обратить внимание: своеобразная *методологическая отрефлектированность*, подразумевающая исключение из области анализа фактов важных, но нежелательных по причинам идеологического характера. Под эту «рефлексию» попал и «еврейский вопрос», которого в советские времена повсеместно избегали буниноведы⁴. До сегодняшнего дня, за редким исключением отдельных упоминаний в работах А. К. Бабореко, О. Н. Михайлова, А. В. Бакунцева и немногих других, исследования по условной теме «Бунин и евреи» исключены из поля зрения российских историков литературы и биографов писателя. Как замечает исследователь истории русской эмиграции Иван Толстой, «мы до сих пор не умеем вслух обсуждать еврейскую тему»⁵. Тогда как в буниноведении замалчивание ее несомненно нарушает целостность биографической реконструкции. Ведь ни для кого не секрет, что в эмиграции Бунин, как никто другой из маститых русских литераторов, был окружен евреями – почитателями его таланта, опекунами, меценатами, друзьями и помощниками. Бытовое юдофильство Бунина настолько бросалось в глаза современникам, что, по воспоминаниям Александра Бахраха⁶, недоброжелатели «прозвали его ‘жидовский батько’ за его дружбу с евреями, за то, что в личных отношениях у него подлинно ‘несть эллина, ни иудея’»⁷. При этом Василий Яновский, один из многочисленных парижских знакомых Бунина, был убежден: «По своему характеру, воспитанию, по общим влечениям Бунин мог бы склониться в сторону фашизма; но он этого никогда не проделал. Свою верную ненависть к большевикам он не подкреплял симпатией к гитлеризму. Отталкивало Бунина от обоих режимов, думаю, в первую очередь их хамство!»⁸ Существует и «миф о бунинском монархизме», который в эмиграции «был весьма живучим»⁹, а «из Русского Зарубежья <...> перекочевал в советскую Россию», как замечает исследователь А. Бакунцев, а затем нашел себе благодатную почву в современном российском обществе. Однако факты – упрямая вещь, а они свидетельствуют о том, что будучи столбовым дворянином, чем он весьма гордился, Бунин в эмиграции тем не менее дистанцировался от консервативно-монархических кругов и всякого рода ура-патриотов, в среде которых куль-

тивировался махровый антисемитизм. Политическую позицию Бунина, который обычно избегал активного участия в организованной политической и общественной деятельности, «правильнее было бы обозначить как центристскую, с сильным государственно-чиновническим элементом, предполагавшим, среди прочего, отстаивание национальных ценностей и традиций»¹⁰.

Многим современникам Бунин представлялся надменным, вспыльчивым и язвительным мизантропом. Вот, например, как писал о личности «последнего русского классика» Василий Яновский: «Бунин, с юношеских лет одетый изящно и пристойно, прохаживался по литературному дворцу, но был упорно провозглашаем полуголым самозванцем. <...> Горький опыт непризнания оставил у Ивана Алексеевича глубокие язвы: достаточно только притронуться к такой болячке, чтобы вызвать грубый, жестокий ответ. <...> Боже упаси заикнуться при Бунине о личных его знакомых: Горький, Андреев, Белый, даже Гумилев. Обо всех современниках у него было горькое, едкое словцо, точно у бывшего дворового, мстящего своим мучителям-барам», однако «...К чести Ивана Алексеевича надо признать, что он не кривлялся, не подражал, не бежал за модою, оставался почти всегда самим собою: гордым зубром, обреченным на вымирание»¹¹. А художник Николай Вошинский, писавший в 1933 г. портрет Бунина, по воспоминаниям одного из его учеников утверждал, что «Иван Алексеевич дорожил своей 'голубой кровью' и был надменный мизантроп»¹². Представляет несомненный интерес в этом контексте впечатление о Бунине известного в начале XX в. пианиста Давида Шора, оказавшегося случайным попутчиком писателя во время его путешествия в Палестину: «Мы сели на новый пароход. За обедом, у общего стола, мое внимание привлекла русская пара. Она – молоденькая миловидная женщина, он постарше, несколько желчный и беспокойный человек. Когда старый отец мой за столом выказывал совершенно естественное внимание своей молодой соседке, я чувствовал, что муж ее как будто недоволен. После обеда я сказал отцу, что обыкновенно русские путешественники не любят встречаться с земляками, и нам лучше держаться в стороне. <...> Каждый раз, что я попадал на новый пароход, я тотчас же разыскивал инструмент, на котором можно было бы поиграть. На этом пароходе пианино стояло в маленькой каюте около капитанской вышки. <...> Я открыл пианино и сел играть. Минут через пять кто-то вошел. Я сидел спиной к двери, не видел вошедшего, но почувствовал, что это наш русский путешественник. Я продолжал играть, как будто никого в каюте не было, и когда минут через 20-30 я встал, чтобы уйти, он меня оставил со словами: 'Вы – Шор, я – Бунин'. Таким образом состоялось

мое знакомство с писателем, которого я сравнительно мало знал по его сочинениям. Дальше мы путешествовали вместе, и я не скажу, чтобы общество его было бы из приятных. Особенно тяжело было мне чувствовать в просвещенном человеке несомненный антисемитизм, – и где, в Палестине, на родине народа, давшего так много миру...»¹³ Безусловно, выводы Шора, идущие в разрез со всеми характеристиками личности Бунина, принадлежащими другим его современникам, – результат непродолжительного общения путешественников, полного мелких недоразумений, возникающих между случайными попутчиками. К тому же, Бунин в незнакомом ему обществе часто держал себя вызывающе отстраненно и надменно. «Надменность Бунин надевал, как тогу, чтобы показать дистанцию, отделяющую гения от простых смертных. Но стоило ему немного разойтись, а этому в немалой степени способствовал его темперамент, как тога спадала; он снова натягивал ее только в том случае, когда ему казалось, что к нему относятся недостаточно почтительно, а до почитания он был лаком и никогда им не насыщался», – писал очевидец¹⁴. Такая манера поведения человека, не упускающего случая напоминать о своем столбовом дворянстве, естественно, задевала, а то и обижала окружающих¹⁵. Несомненно дорожа своим происхождением, Бунин остро переживал доставшуюся ему так же по наследству материальную необеспеченность; будучи самолюбив, являлся при этом личностью застенчивой и легко ранимой... Осип Дымов, например, описывая свою первую – в середине 1900-х гг., и последнюю – в конце 1930-х гг., встречи с Буниным, особо выделяет и такие два качества его характера, как чуткость к чужой боли и свойскость:

«Когда мы обнялись и я начал одаривать его комплиментами, он, насупившись, но шутливым тоном меня остановил: ‘Ша, ша, Дымов, не надо’.

В этом ‘ша’ было приятельское напоминание о моем еврействе. Но как тепло это звучало в его устах, у него, христианина, русского. Я читал его мысли и чувства <...>: Разве имеет какое-нибудь значение, кто мы оба и что мы пережили в течение прошедших тяжелых тридцати лет? Но мы – русские писатели из Москвы и Петербурга. У нас общее прошлое, общий духовный дом, по которому мы тоскуем, каждый в своем уголке <...> Помнишь: Леонид Андреев... и Куприн... и Брюсов <...>. Собрат Брюсов мертв, все уже мертвы. Но мы их помним нежно... ша, Дымов!»¹⁶

Состояния опустошенности, безразличия, затяжной меланхолии, а то и депрессии, присущие большинству творческих людей, часто посещали и Бунина и, естественно, весьма отягчали жизнь окружаю-

щих. «Иван Алексеевич после творческого периода тоже впал в естественную меланхолию – писать перестал и жалуется, что ему скучно. Иногда неожиданно срывается и скачет в Канны или Ниццу, куда едва приехав, начинает сразу готовиться к обратной поездке, несмотря на безотносительную утомительность дороги», – отмечал Александр Бахрах, живший с Буниным бок о бок в Грассе с 22 сентября 1940 года по 23 октября 1944 года, в письме к Михаилу Осоргину от 15 июня 1941 года¹⁷. Но столь же часто: «В домашнем быту Бунин сбрасывал с себя все свое величие и официальность. Он умел быть любезным, гостеприимным хозяином и на редкость очаровательным гостем, всегда – это выходило само собой – оставаясь центром всеобщего внимания. Он бывал естествен, весел и даже уютен. От величественности не оставалось ни малейшей тени. Но когда ему это казалось нужным, он сразу, как мантию, накидывал на себя всю свою величественность»¹⁸.

Вне всякого сомнения, Бунин был на редкость сложной, артистически-изменчивой натурой. Всегда и во всем характер его проявлялся в самой широкой гамме эмоций. Здесь, помимо писательского тщеславия и сугубого эгоцентризма, он неизменно выказывал и отзывчивость, и резкую правдивость, и еще, говоря словами его старого друга Куприна, «какое-то жадное ко всему крайнему любопытство». «Кроме того, разумеется, личный шарм! Коснется слегка своим белым, твердым, холодноватым пальцем руки собеседника и словно с предельным вниманием, уважением сообщит очередную шутку... А собеседнику мерещится, что Бунин только с ним так любезно, так проникновенно беседует. Да, колдовство взгляда, интонации, прикосновения, жеста... До чего этим шармом была богата старая Русь, и куда все девалось? Среди новых беглецов все налицо как полагается: талант, эрудиция, подчас убеждения, идеалы, а благодати шарма, обаяния – нет и нет», – писал Яновский¹⁹.

Однако в критических ситуациях Бунин действовал импульсивно, как человек, готовый всегда прийти на помощь своим ближним. Так он повел себя в 1942 г., когда, приехав в Ниццу и зайдя в дом к своим хорошим знакомым – супругам Либерман, узнал, что они должны срочно бежать, т. к. вишисты готовят облаву на евреев. Нисколько не задумываясь о последствиях, Бунин пригласил супругов пересидеть опасное время в его грасском доме и настоял на том, чтобы они приняли его предложение²⁰. А ведь сами Бунины жили во время войны «на птичьих правах»: в оккупированной зоне, без гражданства, в чужом доме, практически без средств к существованию. Военные годы Бунины безвыездно провели на юге Франции, в Грассе, на вилле Жанетт (Villa Jeannette), принадлежавшей англичан-

ке, уехавшей в начале войны на родину. Собственных денежных средств, как и доходов, у них практически не было, и они существовали, в основном, за счет материальной помощи, приходившей от зарубежных друзей и почитателей. В 1940–1947 гг. ряд шведских организаций и частных лиц поддерживали Бунина деньгами и продовольственными посылками. Организовывал и координировал помощь горячий поклонник Бунина, журналист-эмигрант Сергей Цион²¹.

Александр Бахрах, вынужденный как еврей скрываться от нацистов, забрел к Буниным, как он пишет, «на день, другой, и встретил столько ласковости и теплоты, что застрял уже на неделю», – которая, однако, растянулась на годы, ибо под бунинской кровлей он был «забронирован ‘чистейшим арийством и комбаттантностью’», и благодаря столь надежному прикрытию «мимо него пронеслись ‘все враждебные вихри’»²². В мемуарах, опубликованных в конце жизни, Бахрах писал, что «...очень, очень многим обязан [Ивану Алексеевичу Бунину] (кто знает, может быть, даже жизнью). <...> Нет, бунинский дом был не ‘гостеприимной кровлей’, а чем-то несравненно большим. Своего гостя или, вернее сказать, жильца, чтобы не говорить приживальщика, Бунин как бы приобщал к своей семье, и хотя за глаза нередко на него бурчал и в письмах мог над ним едко иронизировать, а то и красочно ругать, он готов был всячески его опекать, в критические минуты вставать на его защиту и не хотел с ним расставаться»²³.

По сему поводу даже скептически воспринимавший Бунина в качестве харизматической фигуры Василий Яновский оставил такое вот трогательное воспоминание: «Раз во время оккупации в Ницце Адамович мне показал открытку от Бунина. Иван Алексеевич писал, что к ним приехал один господин и отделаться от него по нынешним временам нельзя, ‘да и ему, вероятно, некуда идти’. Последние слова я помню точно. И это прозвучало для меня, как пушкинское ‘И милость к падшим призывал’... Неожиданно и прекрасно»²⁴. Возможно, именно в силу всех этих качеств Бунину удалось на чужбине создать вокруг себя широкий и разнообразный круг дружеского общения, столь необходимый изгнаннику, в материальном отношении крайне зависимому от покровительства третьих лиц.

А ведь в дореволюционной России Бунина, академика по Отделению русского языка и словесности Российской (до 1917 года Петербургской) академии наук, превозносили на все лады. Критики величали его «священнослужителем слова», Максим Горький писал: «Вынте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится живого радужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души». Никто из близких Бунину писателей – ни Горький, ни

Куприн, ни Короленко – не удостоивался таких торжеств, какие устроены были Бунину в октябре 1912 г. в Москве в честь 25-летнего юбилея его литературной деятельности. Бунина чествовали несколько дней: 24 октября в Литературно-художественном кружке «Среды» на квартире Н. Д. Телешева состоялось торжественное собрание, на следующий день его чествовал Московский женский клуб, 26 октября – Общество деятелей периодической печати и литературы в зале Политехнического музея, днем позже – Общество любителей российской словесности, а утром 28 октября в большом зале Лоскутной гостиницы, где остановился писатель, он принимал депутации различных организаций и органов печати. Вечером 28 октября торжества, широко освещавшиеся столичной и провинциальной прессой, закончились многолюдным парадным банкетом в Литературно-художественном кружке²⁵. При такой популярности Бунин, однако, отнюдь не выказывал особой общительности, не являлся в литературных кругах «душою» какого-либо общества или творческой группы, и в отличие от Горького, Леонида Андреева или же Куприна «как писатель никогда не был занят теми ‘проклятыми вопросами’, которые волновали русскую интеллигенцию, никогда не был направленно заштампован ни в общественном, ни даже в эстетико-каноническом смысле»²⁶. Исключительно точный портретный образ Бунина эпохи российского Серебряного века нарисовал Игорь Северянин в своем сонете, посвященном писателю (1925 г.): «...Уют усадеб в пору листопада. / Благая одиночества отрада. / Ружье. Собака. Серая Ока. // Душа и воздух скованы в кристалле. / Камин. Вино. Перо из мягкой стали. / По отчужденной женщине тоска».

Однако в эмиграции, когда «уют усадеб» и другие атрибуты былой русской жизни превратились в «тоску по родине», Иван Бунин стал считаться не только «последним русским классиком», но и фигурой общественной. Такого рода отношение к его личности возникло после произнесения им программной речи «Миссия русской эмиграции» (Париж, 16 февраля 1924 г.)²⁷. В ней Бунин сумел найти нужные и точные слова, чтобы выразить мироощущение интеллектуальной элиты Русского Зарубежья и, одновременно, вселить в нее уверенность, что это сообщество изгнанников есть «малый остаток», избранный судьбою для особой миссии – сохранения образа разрушенной большевиками Российской империи и культуры старой России. Аналогичные по смыслу суждения в это же время публично высказывали на одноименных вечерах и другие знаменитые русские писатели – Мережковский и Шмелев, например, – но именно бунинская речь была «услышана», именно ее слова запали в души русских изгнанников, и благодаря этому она превратилась в «одно из самых

известных, переиздаваемых и в то же время одно из наименее изученных публицистических произведений И. А. Бунина».

В личном плане Бунин в эмиграции был близок к либеральным демократам (П. Н. Милуков, П. Б. Струве), энесам (Марк Алданов, Илья Троицкий) и эсерам (И. И. Бунаков-Фондаминский, Марк Слоним, супруги Цетлины, С. А. Цион). Именно с политическими и общественными деятелями, сошедшими в изгнании под эгидой надпартийного Республиканско-демократического объединения²⁸, его связывали крепкие «дружески деловые» отношения и именно в их печатных органах он публиковал свои произведения.

В настоящей статье тема «еврейские друзья и покровители Бунина» заявляется в усеченном виде – из круга лиц, попадающих в наше понимание под это определение, отобраны лишь те, кто после начала Второй мировой войны перебрался в США. Из еврейских филантропов, поддерживавших русских писателей в изгнании, внимание уделено Л. Розенталю и Ф. Артрану, которые также с этого времени жили в США.

Многие исследователи русской эмиграции пореволюционной «первой волны» отмечают, что одной из характерных особенностей ее было обостренное внимание к «еврейскому вопросу». Сам «вопрос» отнюдь не был чем-то из ряда вон выходящим, поскольку исторически евреи являлись пятым по численности народом из всех населявших Российскую империю «языцев» и вторым после великороссов по части экономической и общественно-политической активности²⁹. В то же время они были этнорелигиозной общностью империи, официально считавшейся чужеродной и по этой причине ограничиваемой в правах. Именно из еврейской среды вышли видные деятели российской социал-демократии, игравшие заметную, а в ряде случаев и ведущую, роль в годы революции и Гражданской войны. Поэтому «еврейский вопрос как русский»³⁰ в Русском Зарубежье оказался актуальным. Его острота подпитывалась, в том числе, и спекулятивными интересами политической борьбы между отдельными эмигрантскими группами и партиями. «В том состоянии замученности, отчаяния, безнадежности и нервной задерганности, в том состоянии истеричности, доводящей людей до вспышек массового психоза, в котором находится русская широкая эмиграция в Европе, <...> когда борьбы уже нет, когда вскрылись обманы, когда заветные цели исчезли из поля зрения, естественно, возникло в массах стремление разыскать и покарать всех виновников бед и катастроф», «И вот этим психологическим моментом сумела воспользоваться та часть руководящей эмиграции, которая больше всех опасалась, как бы законное негодование масс не обрушилось на их голову, что,

помимо всего прочего, окончательно бы разрушило белый идейный фронт, <...> в качестве громоотвода, по старой привычке, <...> желательно и удобно было подсунуть еврейство как постоянную причину всех бедствий и неудач русского народа. В этом направлении использование эмигрантского гнева против виновников белых неудач и перенесение его в область еврейского вопроса и определялась работа юдофобских вождей эмиграции»³¹. Поскольку в Русском Зарубежье страсти кипели не только на политической почве, но и на почве личных амбиций, антипатий, зависти и обид, в литературном сообществе голословные обвинения в антисемитизме и черносотенстве по отношению друг к другу отнюдь не были редкостью. Гиппиус, например, после опубликования своих «Петербургских дневников», прослыла среди эмигрантов антисемиткой и от нее и от Мережковского «отвернулись в первое время даже их бывшие друзья»³². Эти обвинения сама Гиппиус категорически отметала.

В целом же, к чести русской литературы, надо отметить, что как до революции в царской России, так и в изгнании, крупные русские литераторы в большинстве своем всегда публично выступали против любых форм антисемитской риторики. В начале Первой мировой войны Л. Андреевым, М. Горьким, Д. Мережковским, Ф. Сологубом и П. Милюковым было создано «Общество борьбы с антисемитизмом в России» (ОБАР), официально именовавшееся как «Российское общество изучения еврейской жизни». К нему присоединились И. Бунин, Н. Кареев, А. Карташев, З. Гиппиус, П. Струве, Г. Лопатин, С. Мельгунов, Н. Бердяев, Игорь Северянин и многие другие русские писатели, публицисты и общественные деятели. На одном из первых мест в работе общества стояло издание специальной литературы, не только направленной против антисемитизма, но и рассказывающей о подлинной сути еврейского вопроса в России. В 1915–1916 гг. было выпущено несколько подобных книг. Самым известным стал сборник «Щит», выдержавший три переиздания.

Следует отметить тот факт, что деятельность Общества получила поддержку при Дворе, и оно стало пользоваться покровительством Императрицы Александры Федоровны. Появилась и подобающая формальная структура – председателем стал обер-гофмейстер Двора граф И. И. Толстой; был учрежден Комитет общества, куда вошли П. Милюков, М. Горький, А. Куприн. В Русском Зарубежье это общество, объединявшее в своих рядах практически всех эмигрантов из числа литераторов и общественных деятелей либерально-демократического направления, продолжало свою работу вплоть до начала Второй мировой войны. К сожалению, в научной литературе практически отсутствуют сведения о деятельности ОБАР.

Как можно судить из дневниковых записей Бунина, переписки и воспоминаний Веры Николаевны Муромцевой-Буниной³³, в России у них не было близких друзей из числа еврейской интеллигенции. Несмотря на всю остроту «еврейского вопроса» для русской интеллигенции, он не был для Бунина чем-то особенно важным. Скорее напротив, можно согласиться с точкой зрения, что от еврейской проблематики он старательно дистанцировался и хотя формально в ОБАР состоял, никаких публичных деклараций от своего имени – в отличие, например, от М. Горького или Л. Андреева – на сей счет не делал.

В этой связи особенно интересен тот бесспорный факт биографии Бунина, что в изгнании евреи составляли большинство среди его друзей и покровителей, поддерживавших семью материально в течение многих лет. А ведь И. А. Бунин прожил в изгнании 33 года, В. Н. Муромцева-Бунина – 41 год.

С начала 1920-х гг., когда только начинало формироваться Русское Зарубежье, немногочисленная прослойка преуспевших в деловом отношении беженцев-евреев, для которых русская культура являлась составной частью их идентичности, материально поддерживала Бунина, как, впрочем, и других видных писателей эмигрантов (А. Куприн, Д. Мережковский, А. Ремизов, Тэффи). Ведь ни Бунин, ни большинство других литераторов-эмигрантов «в России не приобретали ‘кормящей’ специальности, и лишь немногие из них взялись за другие промыслы, так что русско-еврейская традиционная благотворительность, роль русско-еврейских меценатов, щедрых и культурных русских евреев оказалась особенно важной, спасительной»³⁴.

Весной 1920 г. в Белграде, где бежавшие из России Бунин с женой оказались в самом отчаянном положении, спасительные денежные вспомоществование в 1000 франков и французская виза были получены, по его собственным словам, по телеграфу от Марии Самойловны Цетлиной³⁵. Благодаря этому «чуду» Бунины смогли беспрепятственно добраться до Парижа.

Начало дружбы Буниных с супругами М. С. и М. О. Цетлиными³⁶, людьми не только состоятельными, но и отличавшимися большим художественным вкусом и преданностью литературе, относится к 1917–1918 гг., когда все они оказались в Одессе. Впоследствии же супруги Цетлины «опекали» Буниных в течение более четверти века.

Когда немцы оккупировали Францию, супруги Цетлины эмигрировали в США. В Нью-Йорке М. Цетлин вместе с М. Алдановым начали издавать «Новый Журнал», идею которого вынашивали вместе с Буниным³⁷. Все военные и первые послевоенные годы Цетлины, в особенности Мария Самойловна, самым активным образом занималась изысканием средств в помощь Буниным. Благодаря ей и

Марку Алданову Бунины, например, регулярно получали через нейтральную Португалию продовольственные посылки. В письме от 8 апреля 1947 года Бунин, благодаря М. Цетлину, патетически восклицает: «Я бы *совершенно* пропал, если бы не *помощь* Ваша!»³⁸ К сожалению, тридцатилетняя дружба М. С. Цетлиной с Буниными закончилась полным разрывом отношений в 1947 году – по причине идеологических разногласий в связи с выходом Буниных из парижской организации Союза русских писателей и журналистов³⁹.

Еще одним спонсором Бунина стал Леонард Розенталь, ювелир, коммерсант, промышленник, меценат, литератор, филантроп. Так, в дневнике Бунина от 11 апреля 1922 года имеется следующая запись: «В 5 у Мережковских с Розенталем. Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 франков в месяц»⁴⁰.

Розенталь Леонард (Лазарь) Михайлович (1875–1955) – выходец из состоятельной семьи горских евреев, родился во Владикавказе, откуда его родители переехали на жительство в Турцию, где взяли себе немецкие имена. Четырнадцатилетним подростком Леонард оставил семью и уехал во Францию. В Париже он учился в Коммерческой школе, «l'École commerciale de la rue Trudaine», работал в знаменитой фирме хрустальных изделий «Баккара», успешно подвизался на ювелирной бирже. Свое состояние Розенталь сделал на добыче и продаже жемчуга, основав с братьями⁴¹ фирму «Léonard Rosenthal et frères», которая вплоть до 1934 г. была ведущей по торговле жемчугом во Франции. Розенталь построил в Париже около 30 коммерческих зданий, среди них кинотеатр Le Normandie, Les Arcades des Champs-Élysées и Les Portiques на Елисейских полях. С 1926 Леонард Розенталь являлся крупнейшим пайщиком кинокомпании «Société Générale de Films», где, в частности, выступил в качестве продюсера фильма «Сентиментальный романс» («Romance sentimentale») режиссеров Г. Александрова и С. Эйзенштейна (1930). По слухам, Розенталь предложил Эйзенштейну продюсировать его фильм, но с условием, что главную роль в картине будет играть его пассия, Мара Гри, женщина весьма загадочная. Говорили, что эта красавица бежала из Одессы и настоящее ее имя Мара Гринберг⁴².

Прославился Леонард Розенталь и как филантроп. После Первой мировой войны он за свой счет содержал 100 русских детей-сирот, построил для них приют и политехническую школу «Ecole Rachel» (Écoles d'Enseignement Technique gratuites, Section Féminine, 8 Rue Quinault, Paris. 1930). К 1927 году его благотворительной поддержкой было охвачено более 20 000 человек. За благотворительную деятельность Леонард Розенталь был награжден орденом Почетного легиона.

Являясь членом Попечительского совета Комитета помощи русским ученым и писателям во Франции, Леонард Розенталь в течение ряда лет оказывал материальную поддержку И. А. Бунину, Д. С. Мережковскому, А. И. Куприну, К. Д. Бальмонту, М. И. Цветаевой и др.

Из дневника Бунина от 27/14 июня 1921 года: «Вчера были у ‘короля жемчугов’ Розенталя. <...> Рыжий еврей. Живет <...> в чудеснейшем собств. отеле (какие гобелены, есть даже церковные вещи из какого-то древн. монастыря). Чай пили в садике, который как бы сливается с парком (Monceau). <...> Сам – приятель Пьера Милля⁴³, недавно завтракал с А. Франсом⁴⁴. Говорят, что прошлый год ‘заработал’ 40 миллионов фр.»⁴⁵

Писатели, совсем еще недавно вполне благоденствовавшие в России, помощь Розенталя принимали, но и мучились от этого ужасно. Вот Бунин и Мережковский и не вытерпели. Посчитав за унижение вполне невинные, по мнению Розенталя, его замечания, сопровождавшие «подачки», они с ним рассорились. На эту тему имеются письма Зинаиды Гиппиус к Владимиру Злобину (от 06.11.22) и Марии Цетлиной (от 08. 11.22).

6 дек. 22. Париж

Голубое письмо заставило вас несколько замолчать. Огорчило, обидело? Ой, не надо бы! А у нас случилась полная финансовая катастрофа. Розенталь на звонок Д[митрия] С[ергееви]ча с величайшей грубостью ответил: «Послушайте. Послушайте. Вы ведь там что-то такое получили. Позвоните мне в четверг. Мне надо с вами поговорить». Словом, – конец Р[озенталь]ским благодеяниям! Бунин, можете себе представить, в каком состоянии. Главное – неизвестно, неужели он и Куприну, и Бальмонту тоже отказывает? В каком же мы перед ними положении? Они совсем погибают. На днях и мы начнем погибать. <...> Бунин написал Роз[ента]лю письмо объяснительное – как же, мол, вы не предупредили? (На письмо это – никакого ответа. Д[митрий] С[ергеевич] решил завтра и не звонить.) Но ведь это нечто невероятное. Только что накопил ограбленных из церкви изумрудов у б[ольшевико]в, а нас по боку. Да и как это нестерпимо унижительно. И, знаете, даже невыгодно жить на благотворительность: тотчас же сами дамы принимают другую аттитюду. Розенталь что-то наговорил. <...> Ну, не стоит входить в это, довольно факта, что мы имеем (с отвращением) эти 12 тысяч, да старых всего 5-6, и больше – ничего, и никаких перспектив. И мерзкий осадок на душе. А вы еще упрекали, что я не пишу вам, ибо «франки считаю». И какие я доллары могу теперь покупать?

Ваша З. Н.

8 дек. 22. Пятница утр[о]. Paris

Дорогая Марья Самойловна.

Вчера вечером поздно, в дождь, пришел к нам Ив[ан] Ал[ексеевич], совершенно расстроенный и разбитый; он только что встретил на улице Куприна, кот. рассказал ему следующее: в понед. Куприн и Бальмонт нашли под своими дверями по записке, вызывающие их во вторник к Розенталю. Они явились, и Розенталь им сказал: «Получите деньги и скажите мне, что вы думаете о поступке Мережковского и Бунина?» На это – неизвестно, что сказал Бальмонт, а Куприн сказал: «Не мое дело судить». Не наше, может быть, дело судить Куприна и Бальмонта (который, по всем вероятиям, еще хуже ответил), можно только обеими руками подписаться под словами Ив. Ал[ексееви]ча, что никто бы из нас на их месте так Роз[ента]лю не ответил (между тем, при мне Бунин просил Розенталя тогда включить Бальмонта четвертым, чего Р[озенталь] не хотел и не предполагал). Но оставим их в стороне, тем более, что это душевно-горькое обстоятельство имеет для нас ту облегчающую сторону, что мы теперь уже и возможности не имеем хлопотать для устройства для них вечера в январе <...>: Розенталь их лишит подачи. Но тут интересен Розенталь <...>, осмеливающийся стать относительно Бунина и Мережковского в позицию моралиста. Для чего же он хотел в четверг «разговаривать» с Д[митрием] С[ергеевичем]? Очевидно, вызвать его, чтобы сказать: «Послушайте, послушайте, за ваш неморальный поступок, вас и Бунина, я вас лишаю моих благодарений, ваши же добродетельные товарищи – уже получили». Замечательно, что ни Бальмонт, ни Куприн ранее ни словом не обмолвились, встречаясь и с Буниным, и с Д[митрием] С[ергеевичем] уже после своего визита к Р[озента]лю; только вчера случайно на улице Куприн рассказал Ив[ану] А[лексееви]чу, и то с пьяных глаз, м. б[ыть.] Оттого Р[озенталь] и на письмо Бунина ничего не ответил, и, конечно, жаль, что, не зная, Ив[ан] Ал[ексеевич] испил и эту чашу напрасного унижения. Розенталь не знал, с кем он имеет дело, но и мы виноваты, что не поняли, с кем имеем дело. Есть предел всему однако, и теперь, конечно, ни одной копейки никогда у него ни Бунин, ни М[ережковский] не возьмут. Но вам, Марья Самойловна, мы будем бесконечно благодарны, если вы постараетесь все-таки объяснить, хоть по мере возможности, этому господину истинный смысл его поведения с русскими писателями вроде Бунина и Мережковского.

Вы не поверите, как мне больно смотреть на Ив[ана] А[лексееви]ча; у него его чувство гордости, сейчас особенно обостренное, как вы понимаете, – так оскорблено, что это действует на него прямо физически. С Куприным и Бальмонтом он, кроме того, был ближе и сердечнее связан, чем мы.

Простите за эту длинную экспозицию, но я не могла удержаться, чтоб тотчас же с Вами всем этим не поделиться, так как Вы это понимаете внутренне и можете некоторую моральную помощь и поддержку нам оказать по отношению к господину Розенталю.

Обнимаю Вас. Искренно Ваша

З. Гиппиус

Р. S. Милая М[ария] С[амойловна], самый факт этого моего письма конфиденциальный. Бунин Вам сам все расскажет, а Вы это письмо никому не показывайте, прошу Вас – разорвите; мне хочется, чтобы вы сразу же знали все факты, как они есть, и знали *quoi vous en tenir*. Удручающие подробности. Но это отчасти документ против Куприна и Бальмонта – которых я не хочу судить, – и пусть он формально как бы не существует⁴⁶.

Несмотря на ссору с Буниным и Мережковским, Розенталь продолжал оказывать финансовую поддержку русским писателям и деятелям культуры. В 1926 г., например, он открыл для жены А. И. Куприна переплетную мастерскую. Активный деятель ОРТа⁴⁷, Леонард Розенталь в 1934 г. создал в своем доме (*sic!*) первую школу этой ныне всемирной еврейской просветительской организации.

Судьба, однако же, не была милостива к семье Розенталей. Великая депрессия 1930-х гг. разоряет фирму, во время немецкой оккупации в одном из парижских пешеходных переходов, предположительно агентами гестапо, был убит младший брат Адольф, а в концентрационном лагере Равенсбрюк погибла сестра Леонарда.

Сам Леонард сумел перебраться в Португалию, откуда эмигрировал сначала в Бразилию, а затем в США. Он поселился в Нью-Йорке, где, продолжая заниматься торговлей жемчугом, сумел восстановить свое состояние. О филантропической и культурно-просветительской деятельности Леонарда Розентала в США сведений почти не имеется⁴⁸, его дочь Рахель Розенталь⁴⁹ вошла в пантеон славы выдающихся деятелей американского искусства.

В 1930-х годах Марк Слоним, видный эсер, литературный и общественный деятель эмиграции, выступал как бунинский литературный представитель в Париже. Бунин, очень хотевший, чтобы его вещи были экранизированы, доверил Слониму представлять свои интересы в кинематографических кругах, где основную роль «лоббиста» взял на себя Осип Дымов⁵⁰.

25.08.1949 года Бунин писал Алданову: «Позавчера был у меня Яшенька Цвибак, заходил прощаться, послезавтра отплывает в Америку. Сообщил, что завтракал с С. С. Атраном и что Атран решил выдавать мне помощь каждый месяц (начиная с 1 сентября). Как его

отчество: Соломонович или Самойлович? Яша точно не знает. Напишите поскорее. Ваш Ив. Бунин»⁵¹. – «...Я знал, что Соломон Самойлович любезно дает по 10 000 в месяц Бунину, но о том, что он столько же дает и Тэффи, узнал из вашего письма и страшно этому рад», – сообщал Марк Алданов в своем письме от 26 ноября 1949 года⁵² ученому-правоведу и меценату А. Я. Столкинду⁵³.

Под уважительным «Соломон Самойлович» понимался Франк или в англазированной форме Френк (Frank Z.) Атран⁵⁴ – в то время уже американский промышленник и филантроп родом с Украины, который в молодости, работая в текстильной промышленности Лодзи, был еврейским социалистом, членом Бунда, но затем, поняв, видимо, к какому результату пришла социалистическая революция, эмигрировал из СССР и в 1925 г. обосновался в Берлине⁵⁵.

Будучи отпрыском богатой фамилии торговцев текстилем, Атран успешно развил семейный бизнес на Западе, занимаясь и производством, и розничной продажей трикотажа. Помимо основанной им знаменитой в те годы чулочной фирмы «Etam», он к середине 1930-х годов владел сетью из 50 магазинов женской одежды во Франции и Бельгии. В 1940 г. Атран бежал от нацистов в Америку, где продолжил свой бизнес. В Нью-Йорке он занимался также еще и недвижимостью и на этом поприще тоже весьма преуспел. Не оставлял он своим вниманием и русскую культуру в изгнании. В числе спонсоров «Нового Журнала» значится и его имя.

16 января 1941 года Алданов пишет полное достоинства и убедительности письмо Б. А. Бахметеву⁵⁶: «...в Ницце мы с Буниным решили сделать все возможное для того, чтобы создать в Нью-Йорке журнал типа ‘Современных записок’. Я знаю, что это дело нелегкое: журнал окупаться не может, как не окупались и ‘Современные записки’. Он может образоваться только в случае финансовой поддержки, причем, не очень большой. Но думаю, дело этого стоит. Русским писателям, как оставшимся в Европе, так и переехавшим сюда, больше на русском языке печататься нигде: никаких изданий и издательств в Европе больше нет. <...> Не будет журнала – нет больше и русской зарубежной литературы. Очень Вас просим помочь делу создания журнала: Вы лучше, чем кто бы то ни было, знаете, как это делается в Америке». Б. А. Бахметев стал одним из первых спонсоров журнала. Кроме Бахметева, следует назвать и другие имена людей, упоминаемых в письмах Алданова, пожертвовавших деньги на издание «Нового Журнала» в первые, самые тяжелые годы его становления: С. И. Либерман, С. С. Атран, А. Я. Столкинд, М. Я. Эттингон, А. П. Ед-вабник, Фридман⁵⁷.

В 1945 г. Френк Атран основал филантропическую организацию

«Atran Foundation», в которой после его смерти продолжают успешно работать члены его семьи. Через этот фонд он сделал крупные вклады на благотворительные цели и в пользу различных еврейских организаций. В 1950 г. Атран пожертвовал 1 млн. долларов на строительство лабораторного корпуса больницы на горе Скопус (Израиль). А за несколько месяцев до смерти он основал первую в Америке кафедру языка идиш в Колумбийском университете, также подарил пятиэтажное здание Еврейскому трудовому комитету и пожертвовал миллион долларов больнице «Mount Sinai» в Нью-Йорке. Френк Атран был одним из наиболее видных филантропов из числа русских евреев, поддержавших одновременно обескровленную в Холокосте еврейскую культуру на идиш и молодое еврейское государство.

Что же касается заботы Соломона Самойловича Атрана о русской литературе и писателях-эмигрантах – эта область филантропической деятельности Атрана не перестает поражать. Глубоко укорененный в еврейской духовной традиции человек помогал выживать на чужбине не только своим соплеменникам, но и всем соотечественникам вне зависимости от их национальности. Атран до самой своей кончины платил пенсию Бунину и давал деньги на печатание его книг, которые, признаемся, особых доходов ему не приносили. Хорошо информированный Марк Алданов писал по этому поводу В. Н. Муромцевой-Буниной от 7 июля 1952 года, что поскольку по смерти филантропа большая часть его состояния перешла Фонду его имени, денежные выплаты «будут продолжаться и, таким образом, Бунины будут обеспечены еще почти на год»⁵⁸.

После Второй мировой войны Бунин и другие оставшиеся во Франции литераторы-эмигранты получали материальную поддержку, в основном, из США – от различных фондов, филантропических организаций и частных благотворителей. Исключительную активность в этой благородной деятельности проявлял нью-йоркский Литфонд – «Литературный фонд поддержки русских писателей и ученых в изгнании» («Fund for the Relief of Russian Writers and Scientists in Exile»), основанный еще в 1918 году⁵⁹. Его тогдашний президент, главный редактор газеты «Новое русское слово» (НРС) Марк Вейнбаум⁶⁰ развил на этом поприще кипучую деятельность. Для Бунина НРС по сути своей оказалось дружеским форпостом за океаном. Из трех наиболее влиятельных на протяжении десятилетий сотрудников этой газеты – М. Вейнбаума, А. Седых, И. Троцкого – последние двое были старыми друзьями Бунина. Среди получателей литфондовских пособий, помимо Бунина, были такие литературные «звезды», как Алексей Ремизов, Борис Зайцев, Георгий Иванов, Тэффи и др., являвшиеся одновременно постоянными авторами НРС. Что касается

Марка Ефимовича Вейнбаума, человека известного и авторитетного как в Русском Зарубежье, так и в кругах американского истеблишмента, то он лично был большим почитателем Бунина, состоял с ним в переписке, посещал во время своих наездов в Париж и всегда держал его сторону в случае внутриэмигрантских конфликтов⁶¹. В буниноведении его фигуре, к сожалению, не уделяется должного внимания, хотя, как явствует из переписки лиц бунинского окружения⁶², его роль в организации мероприятий по оказанию помощи Бунину была одной из важнейших.

Заместителем Вейнбаума в НРС был литератор и журналист Андрей Седых (Яков Моисеевич Цвибак; 1902–1994), старый друг и почитатель таланта Бунина, состоявший в золотые дни «нобелианы» его личным секретарем, координатором всех мероприятий, связанных с поездкой писателя в Стокгольм на церемонию вручения ему Нобелевской по литературе⁶³. Седых, о котором хорошо разбиравшийся в людях и весьма сдержанный в своих оценках Марк Алданов писал, что он «очень честный и порядочный человек, – я, слава Богу, знаю его тридцать лет»⁶⁴, с 1973 г. и по 1990 г. был главным редактором «Нового русского слова». Андрей Седых являлся одним из ярких летописцев истории русского рассеяния. Он выпустил серию книг о русском Париже: «Старый Париж» (1926), «Монмартр» (1927), «Париж ночью» с предисловием А. И. Куприна (Париж, 1928), а также книги-воспоминания: «Там, где была Россия» (Париж, 1930), «Звездочеты с Босфора» с предисловием И. А. Бунина (Нью-Йорк, 1948), «Далекие, близкие» (Нью-Йорк, 1962) и др. Свой литературный архив незадолго до кончины А. Седых передал в Йельский университет.

Доверительные дружеские отношения между «Яшей Цвибаком» и Буниным сохранялись до самых последних дней жизни великого русского писателя. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Бунина от 5 декабря 1948 года, в котором этот гордый, временами заносчивый, всегда страшно стыдившийся «просить», человек без всяких экивоков – как можно разговаривать только с родными – пишет: «Решаюсь написать Вам еще, что я *очень ослабел*, задыхаюсь от эмфиземы легких, в это лето я почти умирал из-за воспаления легких, два месяца пролежал в постели, разорился на лекарство и бесполезное лечение эмфиземы, которое мне стоило двадцать четыре тысячи франков. Коротко говоря, мне 78 лет и я *так беден*, что совершенно не знаю, как просуществовать дольше. И вот, под влиянием крайнего отчаяния, умоляю Вас: ради Бога, сделайте что-нибудь для меня, напр., попросите Кусевицкого и его друзей прийти мне на помощь. Если моя просьба глупа и надежд никаких нет – тогда сожгите это мое позорное письмо»⁶⁵. Великий С. А. Кусевицкий неза-

медлительно и щедро отозвался на обращение к нему А. Седых, который сумел также чуть позже исхлопотать у Френка Атрана ежемесячную пенсию для Бунина в размере 10 000 франков, о коей речь шла выше.

В январе 1951 года Бунин свое письмо к Седых начинает уже с обращения: «Дорогой Яшенька». Затем, поблагодарив за 50 франков, продолжает: «...сумма хоть и скромная, но очень нас порадовала», – и описывает свое отчаянное положение: «Мы впали в такую нужду за последние три недели болезни, что буквально разорились на почти ежедневные визиты доктора, на пенициллин, на сульфамиды и на прочее. <...> Мои восемьдесят лет исполнились примечательно: ‘Много визгу, а щетины на копейку’, как говорят на ярмарке про непородистых свиней. <...> Если б я не продал свои ‘воспоминания’ в Америку и здесь Кальман-Леви⁶⁶, Вере Николаевне пришлось бы идти по миру». В предисловии к книге А. Седых «Звездочеты с Босфора» Бунин, помимо высокой оценки литературного мастерства писателя, останавливается также на истории их личных отношений: «По старой дружбе Андрей Седых написал мне, что издает книгу своих новых рассказов, а вместе с письмом прислал дубликат ее корректурных гранок, прося меня сказать ему ‘откровенно, по секрету’, что я думаю о ней <...>. Я вспомнил все мое знакомство с Андреем Седых как с писателем и человеком. <...> (Когда. – М. У.) я впервые прочел его полубеллетристические рассказы о жизни в Париже низших слоев русской эмиграции, его книгу ‘Люди за бортом’, – был даже удивлен: так отлично написана была она, так легко, свободно, разнообразно, без единого фальшивого слова, с живыми лицами, с присущим каждому из них языком. Тут уже явно сказались особенности Андрея Седых: его юмор, живость, умение схватывать на лету все, что попадает в поле его наблюдений, мгновенно пользоваться схваченным... В те нобелевские дни, когда он был моим секретарем и ездил со мной в Стокгольм, <...> был он секретарем хоть куда. Сколько давал за меня, замученного, бесед со всякими иностранными газетчиками, как решительно расправлялся с грудами писем, что я получал от несметных поздравителей и просителей, как ловко и спокойно выставлял за порог всяких ‘стрелков’, осаждавших меня в ‘Мажестике’! В те часы, когда он отсутствовал, я часто сидел, запершись на замок, и недаром: бывали ‘стрелки’, обладавшие удивительным нахрапом, анекдотическим бесстыдством»⁶⁷.

Бунину в Нью-Йорке старались помогать многие – и в НЖ, и в НРС, и в Литфонде, где правой рукой М. Вейнбаума по координации благотворительной деятельности являлся «генеральный секретарь Литфонда» (по определению А. Седых) Илья Маркович Троцкий –

хороший, еще с довоенных времен, знакомый Буниных. Именно его призывные публицистические статьи в парижской газете «Последние новости» и рижской «Сегодня» в свое время⁶⁸ дали толчок компании по номинированию кандидатуры Бунина на Нобелевскую премию по литературе, в которой сам Илья Троицкий принимал активное и очень действенное участие⁶⁹. Жизнь и деятельность Ильи (Менахема Элияху) Марковича (Мордухаевича) Троицкого (10 июня 1879, Ромны, Полтавская губерния, Российская империя, – 5 февраля 1969, Нью-Йорк, США), трезвомыслящего и прозорливого публициста, писавшего на трех языках – русском, немецком и идиш, человека на редкость контактного, отзывчивого и доброжелательного – яркий культурологический артефакт в истории Русского Зарубежья и эмиграции «первой волны»⁷⁰. Будучи знаком с Буниными более 30 лет, Илья Троицкий никогда не входил в их ближайшее окружение, как, например, М. Алданов или М. Цетлина. Он просто был «верным другом», всегда готовым откликнуться на просьбу о помощи, горячим поклонником писательского таланта Ивана Бунина. Весьма показательной в этом отношении является послевоенная переписка И. Троицкого с Буниными и Марком Алдановым⁷¹. Вот некоторые выдержки из нее, иллюстрирующие отношения между И. М. Троицким и супругами Буниными.

22 августа 1950 года Марк Алданов пишет «конфиденциальное» – как он подчеркивает И. М. Троицкому – письмо, начиная его с выражения сожаления по поводу длительного перерыва в их переписке:

Дорогой Илья Маркович.

Вас, вероятно, удивит это мое письмо: то мы с Вами годами не переписываемся и не видимся <...>, то от меня длинное письмо, да еще с большой просьбой.

Просьба эта об И. А. Бунине. Он лежит в Париже тяжело больной. Боюсь, что он умирает. Я вчера получил от его жены Веры Николаевны письмо: три врача признали, что необходимо сделать ему серьезную операцию (моч[ево]й пуз[ырь]). На ее вопрос, вынесет ли он такую операцию в свои 80 лет, при многих других болезнях, осложняющих одна другую, ответили, что гарантировать ничего не могут, но если операции не сделать, то он скоро умрет в сильных мучениях!

Денег у них нет. Я от себя делаю, что могу (иначе не имел бы и права обращаться к другим). Нобелевская премия за 16 лет проедена Буниным. Он всегда в эмиграции и зарабатывал мало, а в годы оккупации прожил остатки. Вел себя, как Вы знаете, очень достойно, – не только ни одной строчки при Гитлере не напечатал, но и кормил и

поил несколько лет других людей, в том числе одного писателя-еврея, который у него все эти годы жил⁷².

Я знаю <...>, что у Вас большие связи в еврейских кругах, в частности, по Вашей организации⁷³. <...> Не могли бы Вы что-либо собрать для Бунина? Я был бы Вам страшно благодарен. Нельзя же дать первому русскому писателю умереть без того, чего требуют врачи!

Известный своей деликатностью Алданов излагает просьбу в условно-вопросительной форме, оставаясь при этом как бы не вполне уверенным, что И. Троцкий откликнется на нее положительно. И. М. Троцкий без промедления включился в компанию по оказанию материальной помощи больному писателю. 15 сентября 1950 года он пишет Буниной:

Дорогая Вера Николаевна!

Прочтя мою подпись, вероятно, вспомните и меня. Воскреснут перед Вами, быть может, и невозвратные стокгольмские дни, когда мы вместе праздновали получение Иваном Алексеевичем Нобелевской премии. Увы, много воды с тех пор утекло и много тяжкого пережито.

Вчера, с трехнедельным запозданием, мне передали письмо М. А. Алданова, в котором он мне пишет о болезни Ивана Алексеевича. <...>

Я тотчас же обратился к моему другу, мистеру Н. Ханину⁷⁴, вождю местного еврейского рабочего движения и горячему поклоннику таланта Ивана Алексеевича. Он мне вручил чек на 75\$ (семьдесят пять долларов), которые спешу перевести⁷⁵.

Нажал я кнопки и в других организациях, которые, надеюсь, откликнутся на мое обращение.

<...> Желаю именитому пациенту скорое и полное выздоровление.

19 сентября 1950 года В. Н. Бунина посылает И. М. Троцкому ответное письмо:

Дорогой Илья Маркович,

Иван Алексеевич просил Вам передать сердечную благодарность за Вашу заботу о нем и сказать, что он всегда Вас вспоминает с неизменной любовью. Благодарю Вас и я со своей стороны. Ваша посылка очень кстати: завтра мы выписываемся из клиники, где операция и трехнедельное пребывание стоило нам совершенно непосильных трат. Мне пришлось повсюду занимать, чтобы все оплатить. Июль и август поглотили наши средства. Дюфур⁷⁶ успел сделать операцию и тем спасти И. А. от верной смерти.

Передайте от нас большую благодарность мистеру Н. Ханину за чек в 75 долларов.

Очень Вы нас порадовали, что в октябре мы увидимся.

И. А. обнимает Вас.

С благодарным приветом.

Душевно Ваша В. Бунина

В дальнейшем Илья Троцкий подробно информирует Алданова о том, как идет компания по сбору средств в пользу Бунина. Так, например, в письме от 27.09.1950 он сообщает: «Вашу просьбу относительно И. А. Бунина по мере сил выполняю. Перевел Вере Николаевне помимо 75 \$. Ханина еще две посылки: 50 \$ от Союза еврейских писателей (ферейн им. И. Л. Переца) и 25 \$ от Литературного фонда. Вам покажется, быть может, странным тот факт, что евреи легче и сердечней откликаются на помощь И. А., нежели христиане. <...> К сожалению, касса Литфонда почти пуста, а нужда среди писательской брати[и] (огромна. – М. У.). Только к концу ноября, после традиционного вечера Литфонда, касса, вероятно, пополнится».

Бунины, естественно, благодарили за заботу о них, неизменно подчеркивая ее сугубо дружескую составляющую. Вот, например, выдержки из писем Веры Николаевны от 29.09.1950: «Дорогой Илья Маркович. Еще раз шлем от всего сердца Вам спасибо за Ваши заботы и хлопоты, – Вы один из самых трогательных друзей. <...> И[ван] А[лексеевич] просит Вам написать, что ждет Вас с нетерпением и обнимает Вас. А теперь мне хочется сказать, что я только что прочла Ваше о Левитане, о моем любимом художнике. Вы его дали очень хорошо. Я много слышала о нем <...>, но о друзьях и о родных ничего не знала. И. А. тоже хвалил этот портрет. Он просит Вам написать, что ждет Вас с нетерпением и обнимает Вас. <...> Итак, до скорого. Душевно Ваша В. Бунина». И от 07.01.1954 года: «Дорогой Илья Маркович. Сердечно благодарю Вас и милую Анну Родионовну⁷⁷ за сочувствие моему вечному горю. А Вас еще благодарю за Ваше чудесное письмо, а что оно было позднее других, то это хорошо. Спасибо и за статью о И. А., она всколыхнула нашу дружбу воспоминаньем. Ведь он ушел от меня накануне двадцатилетия присуждения ему Нобелевской премии, и он вспоминал о тех днях и всех вас. Желаю Вам и Анне Родионовне в 1954 году здоровья, всяких удач и радостей. <...> Ваша В. Б.»

Из приведенных фрагментов видно, что личные отношения между И. М. Троцким и Буниными по степени задушевности и готовности откликнуться на зов явно выходят за рамки рядового понятия «хороший знакомый».

Под аристотелевское определение «друг – это одна душа, живущая в двух телах», – из всего бунинского окружения подпадал лишь один человек – Марк Александрович Алданов. Многолетняя дружба Ивана Бунина с Марком Алдановым – явление в творческом мире уникальное. Других примеров таких трогательно доверительных, простых, без охлаждений и ссор, дружеских отношений между двумя выдающимися литераторами, один из которых считался самым значительным, а другой – самым читаемым писателем Русского Зарубежья, история русской культуры не знает. Это была дружба, скрепленная общностью политических взглядов и эстетических вкусов, полная взаимного уважения и доверия. Удивительно, насколько органично два художника, столь различающиеся происхождением, темпераментом и характерами, в личностно-психологическом плане дополняли друг друга. Язвительного, кичливого холерика Бунина и услужливого, внимательного к окружающим флегматика Алданова словно тянуло друг к другу. Разносторонне образованный Алданов, знавший несколько иностранных языков, судя по воспоминаниям разных лиц, являл собой тип интеллектуала-энциклопедиста, склонного к метафизике прагматика. Иван Бунин – почетный академик Российской академии наук по разряду изящной словесности, двукратный лауреат Пушкинской премии и Нобелевской премии по литературе, не закончил даже классической гимназии, иностранными языками не владел, был натурой чувственной, увлекающейся и, по мнению некоторых современников, «интеллектуально беззащитной».

Алданов, что называется, «варился» в гуще современного литературного процесса, хотя модернистских экспериментов избегал. Литературный талант Бунина он ценил исключительно высоко, причисляя своего друга к триаде великих русских писателей XX в. – Лев Толстой, Антон Чехов и Иван Бунин (наивысшим литературным авторитетом для обоих был Лев Толстой). Бунину же «ничего не нравилось в современной эмигрантской или европейской» прозе. Хвалил он, всегда искренне и тепло, одного Алданова. Последний, к слову сказать, как писатель был вне критики: его хвалила «вся пресса, включая черносотенную», что для эмиграции было явлением исключительным!⁷⁸. Постоянно восхищаясь громадной эрудицией Алданова, его умом, вкусом и литературным талантом, в письме от 23 августа 1947 года Бунин писал Алданову: «... Вы пишете: ‘Что ж мне хвалить Вас!’ Нет, хвалите, пожалуйста, хвалите! Ужасно рад нравиться Вам! А то ведь, если хвалит Адамович, это полрадости, – ведь он не читает меня, едва знает, да и какой же он ‘любитель словесности’... – она ему нужна как прошлогодний снег! Итак, низко и благодарно кланяюсь Вам. <...> Насчет народного языка: хоть Вы и

жили только в Волинской деревне, – и как жили, Бог мой! – такой писатель, как Вы, с таким удивительным чутьем, умом, талантом, конечно, не может не чувствовать правды и языка великорусского, и пейзажа, и всего прочего»⁷⁹.

Как видно из дневников и переписки, теплые дружеские отношения связывали и жен писателей – Веру Николаевну и Татьяну Марковну⁸⁰. До войны Алдановы во Франции по преимуществу жили в Ницце, Бунины – в Грассе, временами друзья наведывались в Париж. «Они виделись часто и очень ценили общество друг друга. На расстоянии они обменивались письмами: делились самыми насущными жизненными проблемами»⁸¹. Алданов утверждал, что написал Бунину более 3000 писем. Поскольку Бунин всегда аккуратно ему отвечал, общий объем их переписки должен превышать шесть тысяч единиц.

Бунин был в жизни человеком непрактичным. Спасала его беззаветная преданность Веры Николаевны, ее умение просить о вспомоществовании сильных мира сего. Но немалую роль в обеспечении житейского благополучия Буниных играл и Марк Алданов, постоянно их опекавший, как в вопросах материального характера, так и в общественной практике. В тяжелые военные годы Алданов помогал Бунину деньгами, посылками, организовывал благотворительные вечера, сбор с которых посылался Бунину. Кстати, именно Алданову, имевшему большие связи в западноевропейских литературных кругах, во многом принадлежала заслуга блистательного завершения бунинской нобелианы. (К чести Бунина, надо отметить, что, не имея вкуса к общественным делам, он с конца 1930-х гг. и вплоть до своей кончины номинировал кандидатуру Алданова на Нобелевскую премию)⁸². Алданов однозначно поддержал Бунина и в его конфликте с М. Цетлиной и Б. Зайцевым, которые безосновательно расценили выход Бунина из послевоенного парижского Союза писателей и журналистов как поддержку просоветских литераторов⁸³, – Алданов же ни на секунду не усомнился в правоте друга. В свою очередь, для Бунина дружба с Алдановым стала дополнительным аргументом в его отказе вернуться на родину после войны, куда его активно приглашали советские литераторы с подачи властей. 1 августа 1947 года он пишет Алданову: «Дорогой Марк Александрович, ставя в свое время на карту нищеты и преждевременной гибели своей от всего сопряженного с этой нищетой свой отказ от возвращения ‘домой’, я мысленно перечислял множество причин для этого отказа, и среди этого множества мелькала, помню, такая мысль: ‘Как! И Марка Александровича я тогда уже никогда больше не увижу, и даже письма никогда от него не получу, и сам ему никогда не напишу!’».

Реконструкция отношений Алдановых и Буниных не укладывается в рамки даже отдельной статьи. Здесь необходимо серьезное исследование, которое еще ждет своего часа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кузнецова Анна*. (реценз. на кн.) И. А. Бунин. Новые материалы. Выпуск 1. / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. – М.: «Русский путь», 2004. / Toronto slavic quarterly. – № 52: sites.utoronto.ca/tsq/11/kuznecova11.shtml
2. *Риникер Д.* «Литература последних годов – не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / В кн.: И. А. Бунин. Новые материалы. Выпуск 1. С. 400.
3. *Бунаков-Фондаминский* Илья Исидорович (1880–1942), публицист, общественно-политический деятель (эсер), редактор, издатель. В 1919 г. эмигрировал через Константинополь во Францию. Жил в Париже. Один из основателей и соредaktor журнала «Современные записки» (1920–1940 гг.). Активно участвовал в деятельности политических и общественных организаций. Во время Второй мировой войны перебрался на юг Франции, руководил отправкой евреев в США. От своей визы отказался и вернулся в Париж. 22 июня 1941 года был арестован, содержался в лагере Компьень. 20 сентября 1941 года крещен в православие. В 1942 г. отправлен в лагерь Дранси, затем в лагерь Аушвиц. Погиб в лагере. 16 января 2004 года решением Священного Синода Константинопольского патриархата был причислен к лику святых.
4. *Нилус* Петр Александрович (1869–1943), живописец, художественный критик, писатель. В эмиграции с 1919 г. С 1923 г. жил в Париже – в одном доме с Буниным, который называл его поэтом живописи и посвятил ему одно из самых проникновенных своих стихотворений «Одиночество». Его жена – Берта Соломоновна Голубовская-Нилус (урожд. Липовская, 1884–1979), также была близким другом семьи Буниных;
4. *Блюм А. В.* Еврейский вопрос под советской цензурой: 1917–1991 / Отв. ред. Д. Я. Эльяшевич. – СПб.: Петерб. евр. унив., 1996.
5. *Толстой Иван*. Кто праведник? (Бунин и Холокост): URL: <http://www.svo-boda.org/content/transcript/27508061.html>
6. Бахрах Александр Васильевич (1902–1985), литературовед, критик, журналист. В эмиграции с 1920 г. Познакомился с Буниным в Париже в 1923 г., одно время был его секретарем. Все годы Второй мировой войны прожил в Грассе в доме Буниных, что помогло ему, как еврею, выжить в период нацистского лихолетья. После Второй мировой войны некоторое время сотрудничал в просоветской газете «Русские новости», затем работал заведующим русской литературной редакцией на радиостанции «Свобода», публиковал критические статьи в газетах «Русская мысль» (Париж) и «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Автор двух мемуарных книг о Бунине: Бунин в халате (Н.-Й. 1979); По памяти, по записям: Литературные портреты (Париж. 1980).

7. *Бахрах А. В.* Бунин в халате (фрагменты) // В кн.: И. А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. – СПб.: ИРХГИ. – 2001. С. 168.
8. *Яновский В. С.* Поля Елисейские: Книга памяти. – СПб.: Издательство Пушкинского фонда. – 1993: URL: <http://www.litmir.co/br/?b=82191&p=37>
Яновский Василий Семенович (1906–1989), прозаик, литературный критик, публицист, мемуарист. С 1922 г. жил в Варшаве, с 1926 г. в Париже, где, судя по его воспоминаниям, часто пересекался с Буниным в повседневных житейских ситуациях, с 1942 г. и до конца жизни – в Нью-Йорке.
9. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в идейной дихотомии «двух Иванов»: Бунин – Шмелев лишь последний заявлял себя «монархистом-консерватором с демократическим оттенком». – См. запись в дневнике Муромцевой-Буниной от 29 июня 1923 г. – Устами Буниных // Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редак. Милицы Грин. Т. 2. – Мюнхен: Possev-Verlag. 1980–1982. С. 93.
10. *Бакунцев А. В.* Речь И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (По материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома Русского Зарубежья имени А. Солженицына. Т. 4. – М.: ДРЗ им. А. Солженицына. 2014. Сс. 293-294.
11. *Яновский В. С.* Поля Елисейские: Книга памяти: URL: <http://www.litmir.co/br/?b=82191&p=35>
12. Вошинский Николай Никодимович (1900–1958), художник, преподаватель. В 1920 г. выехал с театром в Харбин, откуда перебрался в Париж. Занимался портретной живописью, исполнял театральные декорации. В 1939 г. уехал в Австралию. В 1947 г. вернулся в Советский Союз. Преподавал в школе в Брянске рисование и черчение. Этот отзыв автору сообщил художник Валентин Воробьев (р. 1938 г., с 1980 г. живет в Париже), бывший одним из учеников портретиста в 1950-х гг., см.: *Воробьев В.* Враг народа. Воспоминания художника. – М.: НЛЮ. 2005.
13. Шор Давид Соломонович (1867–1942), российский и палестинский пианист, педагог, музыкально-общественный деятель, деятель сионистского движения, правозащитник. Основатель и участник московского «Трио Шора». См.: *Шор Д.* Поездка в Палестину: URL: <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer2/Shor1.htm>. В 1907 году Иван Бунин и его будущая жена Вера Муромцева совершали поездку в Египет и в Святую Землю: в Яффо, Иерусалим, Хеврон, на Тивериадское озеро (Кинерет) и в Хайфу. Впечатления от этой поездки легли в основу цикла «палестинских» рассказов и стихотворений Бунина, а также описаны в книге: *В. Н. Муромцева-Бунина.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М.: «Вагриус». 2007.
14. *Ум-эль-Банин.* Последний поединок Ивана Бунина // «Время и мы». 1979. № 40. С. 9.
15. И. А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке

- русских и зарубежных мыслителей и исследователей; *Witczak Patryk*. Иван Бунин в воспоминаниях Н. Берберовой, И. Одоевцевой и З. Шаховской // *Polilog. Studia Neofilologiczne*. – 2011. – № 3. Сс. 41-51.
16. *Дымов О.* То, что я помню. Т. 1, гл. 13 // В кн. *Дымов Осип*. Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия. – Иерусалим: Из-во Еврейского университета. 2011. Сс. 488-491.
17. *Хазан Владимир*. «Отблеск чудесного» прошлого. Переписка М. А. Осоргина и А. В. Бахраха в годы Второй мировой войны // «Новый Журнал». – 2011. – № 262; URL: <http://www.newreviewinc.com/?p=660>
18. *Одоевцева И.* На берегах Сены: URL: <http://www.litmir.co/br/?b=135427&p=70>.
19. *Яновский В. С.* Поля Елисейские: Книга памяти. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=82191&p=35>
20. О гражданском подвиге И. Бунина, спрятавшего во время облавы на евреев в своем доме в Грассе и таким образом спасшего от депортации и верной гибели в нацистских лагерях уничтожения супругов Александра и Стефу Либерман, см. *Уральский М.* «Спасенный Буниным»: Александр Борисович Либерман / В сб.: РЕВА, ред.-составитель Э. Зальцберг. Кн. 10. – Торонто – СПб. 2015. Сс. 170-188; также: Под бунинской кровлею // «Новый Журнал». 2015. № 281; URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2015/281/pod-buninskoj-krovleju.html>
21. См. *Бунин Иван*. «Не до любви теперь людям» // «Дружба народов». 2005. № 1; URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/1/bu17.html>
- Цион, Сергей (Самуил) Анатольевич (Аронович; 1874–1947), российский политический деятель, штабс-капитан, эсер, активный участник «Свеаборгского восстания» 1906 г., после подавления которого бежал в Англию, где занимался журналистикой. После Февральской революции вернулся в Россию, один из ближайших соратников А. Ф. Керенского. В 1917 г. эмигрировал в Швецию, где заявлял себя как журналист и переводчик. Был секретарем шведского Общества друзей русской культуры. Оказывал значительную материальную помощь Бунину во время войны.
22. Письма А. Бахраха к М. Осоргину от 30.09.1940 г. и 04.10.1942 г. – см. *Хазан Владимир*. «Отблеск чудесного» прошлого. Переписка М. А. Осоргина и А. В. Бахраха в годы Второй мировой войны.
23. *Бахрах Александр*. По памяти, по записям. Литературные портреты. – Н.-Й.: Товарищество зарубежных писателей. – 1979. С. 9.
24. *Яновский В. С.* Поля Елисейские: Книга памяти. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=82191&p=36>
25. См.: Юбилей И. А. Бунина // «Русское слово». – 1912. № 246 (25 октября). С. 6; № 247 (26 октября). С. 7; № 248 (27 октября). С. 6; № 249 (28 октября). С. 6; № 250 (30 октября). Сс. 6-7; *Бабореко А. К.* Бунин. – М.: «Молодая гвардия». – М. 2009. Сс. 198-200.

26. И. А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. – С. 368.
27. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции: URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/missiya-emigracii.htm>; Бакунцев А. В. Речь И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи. Сс. 268-337.
28. Республиканско-демократическое объединение (РДО) возникло в 1924 г. в результате соглашения широкого круга лиц, среди которых – деятели различных демократических партий, от левых кадетов до правых социалистов, а также члены самых разнородных общественных организаций. В Париже возглавлялся Милюковым П. Н. (1859–1943). В Германии организация существовала с 1929 г. как внепартийное объединение граждан, признающих необходимым становление в России республиканско-демократического строя.
29. Будницкий О. В., Полян А. Л. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). – М.: «Новое литературное обозрение». – 2013. Подробно положение российских евреев в начале XX в. рассмотрено в кн. Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). – М.: РОССПЭН. 2005.
30. Мережковский Д. Еврейский вопрос как русский // «Щить». – М.: Русское общество для изучения еврейской жизни. – 1915. Сс.136-138: URL: <http://www.vehi.net/merezhkovsky/evreis.html>;
31. Ахиезер А. С. Антисемитизм в России: взгляд культуролога // «Вестник Еврейского университета в Москве». Вып. 1. – М. – Иерусалим: 1992. Сс. 8-9; Белов Вадим. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. – М.: «Книга по требованию». 2012. Сс. 101-102.
32. Бакунцев А. В. Речь И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции»... Сс. 272-274.
33. Устами Буниных. С. 85; Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов. Под общей ред. О. Н. Михайлова. – М.: ИМЛИ. 2003; Публицистика 1918–1953 годов. – М.: «Наследие». 1998; Великий дурман. Неизвестные страницы // Составление, вступительная статья, примечания О. Василевской. – М.: Совершенно секретно. 1997; Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М.: «Вагриус». 2007.
34. Русско-еврейская диаспора: Очерки истории // Автор-составитель и гл. ред. Михаил Пархомовский. – Иерусалим. 2012. С. 61.
35. Бунин И. А. Гегель, фрак, метель. – М.: «Пропаганда». 2003: URL: <http://www.litmir.co/br/?b=5267&p=42>
- Цетлина (урожд. Тумаркина) Мария Самойловна (1882–1976). Доктор философии, общественно-политический деятель, издатель, благотворитель. Участник революции 1905 г., член партии социалистов-революционеров. В 1919 г. через Константинополь уехала во Францию. Вместе с мужем издавала литературный журнал «Окно» (1923–1924), держала литературный салон. Член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Была

хозяйкой бала Союза русских писателей и журналистов в Париже (1929). В 1932 г. вошла в комитет Общества друзей «Современных записок». В 1940 г. уехала в Лиссабон, в 1942 г. – в США, жила в Нью-Йорке. Во время Второй мировой войны помогала русским эмигрантам и их семьям в США и в Европе. Передала коллекцию книг мужа главной библиотеке государства Израиль – Еврейской национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме. На основе ее с мужем коллекции картин в Рамат-Гане (Израиль) был создан Музей русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных.

36. Цетлин Михаил Осипович (1882–1945). Поэт, прозаик, литературный критик, редактор, издатель, благотворитель. Участвовал в революции 1905–1907 гг., член партии социалистов-революционеров, поддерживал ее материально. Член редакционной комиссии издательства «Молодая Россия». В России издал сборники «Стихотворения» (Москва, 1906), «Глухие слова: Стихи 1912–1913 гг.» (Москва, 1916). Переводил П.-Б. Шелли, Э. Верхарна, Г. Гейне, И.-Х.-Ф. Гёльдерлина, Р.-М. Рильке и др. В 1912 г. в Париже издал сборник стихов «Лирика». Писал под псевдонимом *Амари*. В 1919 г. выехал во Францию. Жил в Париже. Работал в семейном чайном предприятии Высоцкого. Редактор отдела поэзии в журнале «Современные записки» (1920–1940). Сотрудничал в газете «Последние новости» со дня основания. Вместе с женой издавал и редактировал литературный журнал «Окно» (1923–1924), держал литературный салон. Поддерживал материально многих русских эмигрантов. Участник собраний литературных объединений «Зеленая лампа» (1927–1931), «Кочевье» (1929–1932), Франко-русских собраний (1929–1930). Член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, член правления Тургеневской библиотеки. В 1942 г. вместе с М. А. Алдановым основал «Новый Журнал», был его гл. редактором. В Париже издал сборники стихов «Прозрачные тени» (1920), «Кровь на снегу» (1939), прозу «Декабристы» (1933). Автор книги «Пятеро и другие» (Нью-Йорк, 1944). Участник сборников: «Русский сборник» (Париж, 1920), «Петербург в стихах русских поэтов» (Берлин, 1923), «Якорь» (Берлин, 1936), «Памяти О. А. Фондаминской» (Париж, 1937) и др.

37. См. письмо М. А. Алданова к М. С. Цетлиной от 7.01.1949 г. / *Партис* 3. Марк Алданов // «Слово / Word». 2007. № 54. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2007/54/pa11.html>

38. И. А. Бунин – М. С. Цетлиной в кн.: *Винокур Надежда*. Сквозь волны времени. – Raleigh: Lulu Enterprises. 2011. Сс. 100-101: URL: http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/vinokur_skvoz_volny_vremeni_2011.pdf.

39. *Дубовиков А. Н.* Выход Бунина из Парижского Союза писателей / «Литературное наследство». Т. 84. Кн. 2. – М.: «Наука». 1973. Сс. 398-407; *Пархомовский М. А.* Конфликт М. С. Цетлиной с И. А. Бунинным и М. А. Алдановым / В сб.: *Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе*. Т. 4. – Иерусалим. 1995. Сс. 310-325.

40. Устами Буниных. Т. 2. С. 85.
41. У Леонарда было два младших брата-компаньона – Адольф (18..? –1941) и Виктор (1880–1962), все они тесно сотрудничали с фирмой Картье. – См. *Nadelhoffer Hans. Cartier*. – London: Thames &Hudson Ltd. 2007. Pp. 125-126.
42. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сентиментальный_роман
43. Милль (Mille) Пьер (1864–1941), французский журналист и писатель.
44. Франс (France) Анатоль (Франсуа Анатоль Тибо; 1844–1924), французский писатель и литературный критик. Член Французской академии (1896). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1921), деньги от которой он пожертвовал в пользу голодающих России.
45. Устами Буниных. Т. 2. С. 80.
46. *Тамара Пахмусс*. Письма Зинаиды Гиппиус Владимиру Злобину, 1922–1923 // «Лебедь». 1998. 01.01: URL: <http://lebed.com/1998/art757.htm>
47. ОПТ (ORT) – Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев – еврейская просветительская и благотворительная организация, действующая в разных странах, основана в 1880 в России. Штаб-квартира Всемирного союза ОПТ (WorldORT) находится в Лондоне. Общество предоставляет техническую помощь и профессиональную подготовку в рамках международных программ экономического и социального развития.
48. В начале 1950-х гг. он выпустил в свет автобиографическую книгу *Rosenthal L. The Pearl Hunter. An Autobiography of Leonard Rosenthal*. – New York: Henry Schuman. 1952, иллюстрированную Рахель Розенталь.
49. Розенталь (Rosenthal) Рахель (1926–2015), американская и французская художница и танцовщица, выдающийся мастер перфоманса. О ней см.: URL: <http://www.ctvnews.ca/entertainment/rachel-rosenthal-experimental-performance-artist-dies-at-88-1.2372325>; https://en.wikipedia.org/wiki/Rachel_Rosenthal; *Bettendorf M. Virginia B. Rachel Rosenthal: Performance Artist in Search of Transformation*// *Woman's Art Journal*. – 1987/1988. – Vol. 8. No. 2. Pp. 33-38.
50. *Дымов О. И. А. Бунин*. В кн.: *Вспомнилось, захотелось рассказать...* Т. 2. С. 73.
51. *Fedulova Rosa. Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov, II. 1948 –1953* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – 1982. – V. 23. – № 23-3-4. P. 474.
52. См. Примечание 17 в *Алданов Марк*. Письма из Ниццы. // Публикация М. Адамович. – «Новый Журнал». 2012. № 267: URL: <http://www.newreviewinc.com/?p=1067>;
53. Столкин Абрам Яковлевич (1882–1964), юрист, журналист, участник общественных организаций, благотворитель. Работал в отделе судебной хроники «Русского слова» в Москве, сотрудничал в петербургском отделении газеты. Эмигрировал в США, печатался в газете «Новое русское слово». На протяжении многих лет оказывал материальную помощь нуждающейся русской интеллигенции, в том числе Бунину. «Доллары Столкинда и [Лит[фонда

получил через Лионс. кредит <...>», – сообщает Бунин Алданову в письме от 16/17 ноября 1949 года (*Fedulova Rosa. Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov, II. 1948–1953*). После войны Столкинд жил на юге Франции (Канны, Ницца). Содействовал созданию центра по лечению онкологических заболеваний, пожертвовал городу Ницце замок и несколько тысяч гектаров земли для устройства консерватории и технической школы. Награжден орденом Почетного легиона (1954). Почетный гражданин Ниццы. Завещал значительную сумму Литературному фонду в Нью-Йорке и Иерусалимскому университету для создания кафедры гражданского права.

54. Атран (Atran) Эфроим (Франк) Залман Самуилович (в США сменивший имя на Frank Z.; 24.09.1885, Смела Киевской губернии, Российская империя, – 11.06.1952, Н.-Й, США), предприниматель, филантроп. В 1925 г. эмигрировал в Бельгию, затем в 1925 г. – в Берлин, занимался производством и сбытом текстиля. Впоследствии перевел фирму во Францию. В 1940 г. эмигрировал в США, продолжил свой бизнес в Нью-Йорке.

55. EYDES (Evidence of Yiddish Documented in European Societies): The Language and Culture Atlas of Ashkenazic Jewry). – Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 2008. S. 309.

56. Бахметьев (Бахметев) Борис Александрович (1880–1951), инженер-гидравлик, политический и общественный деятель Русского Зарубежья. С 1917 г. жил за границей. Организатор и глава Российского гуманитарного фонда в США. Один из основателей Архива русской эмиграции (ныне – Бахметевский архив, Колумбийский университет).

57. Едвабник Абрам Павлович (1886?–1949), общественный деятель, филантроп. Окончил лейпцигский Высший коммерческий институт. В Москве вошел в дело отца – крупнейшего торговца льна. После революции переселился в Ригу, долгие годы жил в Париже. Сотрудничал в Обществе здравоохранения евреев (ОЗЕ). Предоставлял Обществу свою квартиру для собраний. В начале 1940-х переехал в Нью-Йорк. Либерман Семен Исаевич (1881–1946), предприниматель, отец знаменитого американского художника и скульптора Александра (Alex) Семеновича Либермана (Liberman; 1912–1999). Учился в Венском университете. Меньшевик, участник революционного движения 1905 г. После подавления революции переехал в Киев, работал в компании по экспорту древесины. Входил в экспертную комиссию лесного департамента Министерства земледелия. После революции входил в Главный лесной комитет. Организовал первое в России самостоятельное хозяйственное предприятие «Северолес», был его директором-распорядителем. В 1926 г. приехал во Францию, жил в Париже. В 1940 г. уехал в США. Опубликовал очерки в журнале «Новоселье» (1943) и «Новом Журнале» (1944). Автор книги воспоминаний «Дела и люди: На советской стройке (Нью-Йорк, 1944). Эттингтон М. Я. – очевидно, Эттингтон (Эйтингтон) Макс Яковлевич (Ефимович) (1881–1943), двоюродный брат Н. И. Эйтингона

(Эттингтона), известного агента НКВД (см. ст. М. Буянова «Тайная жизнь Зигмунда Фрейда» («Совершенно секретно». 1998. № 8. С. 31)). М. Я. Эттингтон – психиатр, выходец из России, Белорусия; многолетний президент Международного психоаналитического и Палестинского психоаналитического обществ. На собственные средства выпускал книги по психоанализу, в том числе З. Фрейда. В 1920-е гг. Эттингтон фактически содержал семью Фрейда (ученый неоднократно благодарил его за финансовую помощь). Жил и работал в Германии. В 1933 году, после прихода Гитлера, эмигрировал в Палестину, имел бизнес в США. По некоторым данным (Stephen S. Schwartz, Robert Conquest), М. Эттингтон был связан с НКВД (принимал участие в похищении ген. Миллера, убийстве Игнатия Рейсса и сына Троцкого Льва Седова), что, однако, окончательно пока не подтверждено. Фридман – личность не установлена.

58. См. Из переписки В. Н. Буниной и Т. М. Ландау // Публикация Ек. Рогачевской в кн. И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. – М.: «Русский путь». 2004. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1959_iz_perepiski_very_buninoj_i_t_landau.shtml

59. О деятельности Литфонда см. *Уральский М., Новак М.* Нью-йоркская газета «Новое русское слово» и ее первые издатели // «Новый Журнал». 2015. № 279. Сс. 292-317.

60. Вейнбаум (Вайнбаум) Марк Ефимович (1890–1973), журналист, юрист, редактор, издатель. В 1913 г. эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. С 1922 по 1973 гг. главный редактор и соиздатель НРС. – см. *Уральский Марк, Новак Марина.* «Новое русское слово»: история одной знаменитой газеты русско-еврейской диаспоры США// РЕВА. Кн. 11. Ред.-состав. Э. Зальцберг. – Торонто – СПб. 2015. Сс. 9-61; «Новое русское слово»: 1910–1985 годы // «Новый Журнал». 2015. № 279 и 280. Сс. 292-317, 268-284.

61. В первую очередь здесь имеется в виду и упомянутый скандал по поводу выхода Бунина из парижского Союза писателей и журналистов, см. выше *Пархомовский М. А.* Конфликт М. С. Цетлиной с И. А. Буниным и М. А. Алдановым.

62. См.: *Уральский М.* Илья Маркович Троцкий – публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании / В сб. РЕВА. Кн. 9. Ред.-сост. Э. Зальцберг. – Торонто – СПб.: 2014. Сс. 82-162; «Нетленность братских уз»: Переписка И. М. Троцкого, И. А. Бунина и М. А. Алданова // «Новый Журнал». 2014. № 277. Сс. 256-306.

63. См.: *Уральский М.* «Новое русское слово»: 1910–1985 годы // «Новый Журнал». 2015. № 280. Сс. 268-284; Память сердца: буниниана Ильи Троцкого // «Вопросы литературы». – 2014. – № 6. Сс. 325-344.

64. М. Алданов – Г. М. Лунцу от 21 июля 1949. См. *Алданов Марк.* Письма из Ниццы. // Публикация М. Адамович / «Новый Журнал». 2012. № 267:

URL: <http://www.newreviewinc.com/?p=1067>

65. *Ум-эль-Банин*. Последний поединок Ивана Бунина// «Время и мы». 1979. № 41. С. 43-44. URL: http://www.vtorayaliteratura.com/pdf/vremya_i_my_041_1979.pdf. В кн.: *Бабореко А.* Бунин. Жизнеописание. – М.: «Молодая гвардия». 2000, со ссылкой на личный архив А. Седых в Йельском университете приводится несколько иной вариант текста данного письма: «Решаюсь наконец сказать вам вот еще что: я стал *очень* слаб, задыхаюсь от эмфиземы легких, летом чуть не умер (*буквально*) от воспаления легких, два месяца пролежал в постели, разорился совершенно на докторов, потом на бесполезное лечение эмфиземы (ингаляцией), которое мне стоило 24 тысячи... Короче сказать: мне пошел 79-й год и я так *нищ*, что совершенно не знаю, чем и как буду существовать. И вот, от совершенного отчаяния, прошу вас – сделайте ради Бога что-нибудь для меня, – попросите, например, Кусевицкого и добрых людей, знакомых его, помочь мне хоть немного. Возможно, что просьба моя глупа и безнадежна – тогда сожгите это мое позорное письмо»:

URL:<http://mreadz.com/new/index.php?id=17040&pages=179>

Кусевицкий (Koussevitzky) Сергей Александрович (1874–1951), известный русский и американский музыкант-исполнитель (контрабас), дирижер и композитор еврейского происхождения. В 1909–1920 гг. руководил российским, а в 1924–1949 Бостонским симфоническим оркестром. В эмиграции с 1920 г.

66. Calmann-Lévy – знаменитое парижское книжное издательство, основанное в 1836 г. французскими евреями братьями Мишелем (1821–1875) и Кальмусом («Calmann»), 1819–1891) Леви. В нем издавались такие крупнейшие писатели XIX–XX вв., как Бальзак, Флобер, Бодлер, Жорж Санд, Стендаль, Ренан, Гюго, А. Франс, М. Пруст – см. *Grynberg Noémie*. La fulgurante saga familiale des frères Lévy, inventeurs de l'édition moderne //Israel Magazine. 2010: URL: <http://www.noemiegrynberg.com/pages/genies-juifs/la-fulgurante-saga-familiale-des-freres-levy-inventeurs-de-l-edition-moderne.html>

67. *Седых Андрей*. Звездочеты с Босфора. URL:<http://mreadz.com/new/index.php?id=49797&pages=1>

68. *Троцкий И.* Среди нобелевских лауреатов (письмо из Стокгольма) // «Последние новости». 1930. 21.12. (№ 3560). С. 3; Получат ли Бунин и Мережковский Нобелевскую премию? (письмо из Стокгольма) // «Сегодня». 1930. 30.12. (№ 360). С. 2.

69. *Уральский Марк*. Память сердца: буниниана Ильи Троцкого // «Вопросы литературы». 2014.

70. *Уральский М.* Илья Маркович Троцкий – публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании / В сб.: РЕВА. – 2014.

71. *Уральский М.* «Нетленность братских уз»: Переписка И. М. Троцкого, И. А. Бунина и М. А. Алданова...

72. Алданов имеет в виду Александра Васильевича Бахраха. – см. *Уральский Марк*. Под бунинской кровлей...

73. Имеется в виду ОПТ.

74. Ханин (Chanin) Натан (1887–1965), публицист, лидер еврейского социалистического рабочего движения в России, а затем (с 1912 г.) в США. Член совета директоров многих американских еврейских организаций: Джойнт, ОРТ, Конгресса еврейской культуры и др.

75. В начале 1950-х 1 доллар США стоил около 350 франков.

76. «...хирург был первоклассный, русский француз Дюфур, потомок того книжника, у которого был при Пушкине книжный магазин». *Бабореко А. К.* Последние годы И. А. Бунина (новые материалы) // «Вопросы литературы». 1965. № 3. Сс. 253-256.

77. Троцкая (урожд. Шварцберг) Анна Родионовна (1882–1957), филолог, выпускница историко-филологического факультета Венского университета, жена И. Троцкого, с которой Бунины и Алдановы были лично знакомы. В архиве И. М. Троцкого сохранилась парадная фотография, сделанная в конце декабря 1933 г. знаменитым стокгольмским «придворным» фотографом Мойше (Moisé) Бенков (Benkow, наст. Бенковиц; 1894–1952), на которой запечатлены герои бунинской «нобелианы»: И. Бунин, В. Бунина-Муромцева, Г. Кузнецова, С. Де Шоссен с супругой, А. Седых и М. Троцкий с супругой.

78. *Яновский В. С.* Поля Елисейские: <http://www.litmir.co/br/?b=82191&p=34>

79. См.: *Партис З.* Марк Алданов...

80. Устами Буниных; «Жаль, что так рано кончились наши бабьи вечера» (Из переписки В. Н. Буниной и Т. М. Ландау).

81. *Партис З.* Марк Алданов... Значительная часть этой переписки хранится в Нью-Йорке в Бахметевском архиве, куда ее определила Т. М. Алданова.

82. *Уральский М.* «Нетленность братских уз»...; *Марченко Т. В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). – Köln – München: Bohlau Verlag. 2007. Сс. 548-578.

83. *Дубовиков А. Н.* Выход Бунина из Парижского союза писателей; *Пархомовский М. А.* Конфликт М. С. Цетлиной с И. А. Буниным и М. А. Алдановым; *Партис З.* Марк Алданов...

Брюль

Ренэ Герра

Юрий Анненков – между кистью и пером

Первоклассный живописец. «Острый рисовальщик» (по выражению Абрама Эфроса¹). Непревзойденный портретист. Изящный карикатурист. Блестящий график. «Едкий и внимательный иллюстратор» (по определению Михаила Кузмина). Смелый театральный декоратор и художник кино, сценограф и модельер. Изобретательный режиссер-постановщик. Теоретик авангардного театра и художественный критик. Блистательный беллетрист и мемуарист... В одном лице – художник слова и художник кисти и карандаша. И все это – Юрий Анненков. «Некая добрая фея чуть не с колыбели одарила его целой гаммой разнообразных талантов», – писал о нем в своих воспоминаниях А. В. Бахрах². С Юрием Павловичем Анненковым меня связала долгая дружба, и сегодня, перебирая подаренные мне художником книги, вглядываясь в его полотна, я невольно опять вспоминаю этого удивительного человека.

Необычайность, точнее, неординарность его долгого жизненного и творческого пути бесспорна. Юрий Анненков является, несомненно, одной из значительных знаковых фигур своего времени. Его имя окружено различными легендами. По меткому определению А. Раннита³, он *был одновременно и творимой легендой, и деятельной реальностью*.

Судите сами: потомок Павла Васильевича Анненкова, первого редактора и издателя произведений А. С. Пушкина, сын Павла Семеновича Анненкова, народовольца, близкого друга Веры Фигнер, сосланного в Западную Сибирь за участие в заговоре с целью покушения на жизнь Александра II... После возвращения из ссылки финансовое положение Павла Семеновича настолько поправилось, что стало возможным построить два дома под Петербургом. Юрий родился в Петропавловске 11 (23) июля 1889 г. В 1894 г. семья вернулась из ссылки в Петербург, где будущий художник проводит детство и юность, выезжая на все лето в Куоккалу (ныне Репино) на берегу Финского залива. Напомним, что особое значение Куоккалы в русской культуре XX века связано прежде всего с тем, что здесь в 1903 году в усадьбе «Пенаты» поселился И. Е. Репин. Дом Анненковых прозвали «литературной дачей». У них гостили знако-

мые отца – В. Короленко, Е. Чириков, В. Фигнер, бывали К. Чуковский, Л. Андреев...

Весной 1906 г. за участие в нелегальном рукописном журнале, в котором юный художник помещал карикатуры политического характера, Юрий был исключен из 6-го класса 12-й казенной гимназии с «волчьим билетом», после чего был определен в частную гимназию С. А. Столбцова, параллельно занимаясь рисованием и живописью в Центральном училище технического рисования барона А. Д. Штиглица, которое спустя несколько месяцев покинет. Уже в 1907 г. в Куоккале у К. И. Чуковского молодой Анненков знакомится с Репиным. В следующем году Юрий поступает на юридический факультет Петербургского университета. Довольно типичное начало художественной биографии в конце XIX – начале XX в., достаточно вспомнить В. Кандинского, закончившего юрфак Московского университета. Параллельно с университетскими занятиями Анненков, вместе с Шагалом, посещает рисовальные классы студии Савелия Зейденберга. Летом 1909 г. вместе с учителем он отправился на этюды в Боровичи. В это время, по свидетельству художественного критика М. В. Бабенчикова, он увлекался импрессионистами и писал в русле этого направления пейзажные этюды, ню и портреты⁴.

1909–1910 гг. были для Анненкова временем выбора жизненного пути: продолжать ли серьезное юридическое образование или посвятить себя целиком искусству? К. И. Чуковский вспоминал впоследствии: «В первый же день нашего знакомства он (Павел Семенович) сказал мне, что у него есть сынишка, студент, но ‘кто знает’ – может быть, из него выйдет поэт, а может быть, художник? Звали этого сына Юра, и в то время он был на распутье: то исписывал горы бумагами стихами, то – если не ел и не спал – рисовал. Рисовал ненасытно и жадно все, что попадало ему на глаза, – деревья, будки на морском берегу, собак, лошадей, людей. Как-то незаметно у меня на глазах вырос и окреп его талант»⁵. Осенью 1909 г., видимо, окончательно решившись посвятить себя искусству, Анненков пробует поступить в Академию художеств, но безуспешно, – и оказывается в мастерской Я. Ф. Ционглинского, по совету которого весной 1911 г. едет учиться в Париж. Там он снова встретился с Марком Шагалом и с товарищем детства Иваном Пуни, подружился с О. Цадкиным, М. Кислингом, Я. Липшицем, познакомился с А. Модильяни и А. Архипенко. Из летних работ Ю. Анненкова 1911 года сохранился только большой портрет маслом И. Пуни, написанный в манере французских мастеров XIX века, который уже сорок лет хранится в моем собрании.

В Париже Юрий учится сначала в студии Мориса Дени, потом переходит в студию Феликса Валлотона, чье непосредственное влия-

ние на графику Анненкова отмечают все исследователи. Одновременно посещает академии Р. Жюлиана, «Гранд Шомьер» и «Ла Палетт». Вместе с Пуни и С. Балабановым он снимает на Монпарнасе скромную мастерскую по адресу дом 9, ул. Кампань-Премьер, что в переводе – «Первый поход», – в двух шагах от знаменитых кафе «Ротонда», «Дом», «Клозери де Лиля». Спустя несколько десятилетий, по капризу судьбы, Анненков поселится на той же улице, д. 31bis, но уже в более просторной мастерской в прекрасном доме стиля «модерн» – и останется там до конца своих дней. Юрий Павлович с юмором комментировал это знаковое совпадение: «Это улица моего первого и последнего похода».

Монпарнасские годы оказались важной вехой в творчестве молодого петербургского художника, на которого в свое время оказало сильное влияние творчество Малявина, что дало Я. Ционглинскому повод называть Анненкова «Малявиным в студенческой тужурке». Затем, как отмечает Бабенчиков, последовало увлечение русской иконой, Федотовым, Ван Гогом, Сезаном. Именно в Париже Анненков в полной мере ощутил биение напряженного пульса художественной жизни и увлекся авангардными течениями, достижениями кубизма и футуризма, стал полноправным членом парижской художественной богемы.

В 1912 г. Анненков уезжает из Парижа в Бретань, в городок Роскофф, и там, заинтересовавшись работами биологической станции, остается при ней в качестве вольнослушателя до поздней осени. Кроме художественно-научных иллюстраций к диссертации об активностях турецкого зоолога Зиа Бей-Нафильяна, Анненков, как многие мэтры, работавшие здесь до него, посвятил Бретани целый ряд живописных и графических работ.

Неслучайно именно в Париже он впервые выставил свои картины: весной 1913 г. на Салоне «Независимых» были представлены «Эскиз церковной стенописи», «Богоматерь» и большое полотно – кубистический пейзаж «Вечер».

По возвращении в Петербург в октябре 1913 г., он начинает активно сотрудничать со знаменитым журналом «Сатирикон», а затем с «Новым Сатириконом», работает иллюстратором в журналах «Театр и искусство», «Отечество» (под ред. Л. Андреева), «Солнце России», «Лукоморье», «Аргус»... Кроме журнальной графики, с 1916 г. он стал заниматься книжными иллюстрациями и дизайном (для книг Н. Евреинова «Театр для себя»⁶ и «Представление любви»⁷; по приглашению Чуковского – для знаменитого сборника «Елка. Книжка для маленьких детей»⁸; выполнил иллюстрации к сказке М. Горького «Самовар» и к стихам Н. Венгрова «Блошки»; для дет-

ской книги Г. Маршала «Вильгельм Телль и его товарищи»⁹ – тоже по заказу Чуковского; для повести Ю. Юркуна «Дурная компания», а позже для книги А. Беленсона «Искусственная жизнь»). В моем книжном собрании экземпляр «Дурной компании» (*Юр. Юркун. Дурная компания. Рисунки Юр. Анненкова. – Петербург: Изд. «Фелана», 1918 г.*) с дарственной надписью: «Моему нежному Тиночку, самому дорогому, самому любимому на свете. Ю. Анненков. 1919, декабрь, Петербург». У меня также хранится экземпляр книги Беленсона (*Александр Беленсон. Искусственная жизнь. Вступительная статья Н. Н. Евреинова. Обложка и 13 рисунков в тексте Юрия Анненкова. – Петербург: Изд. «Стрелец», 1921*) с надписью: «Моему родному Тинку в день отъезда из Петербурга. Не забывай. Скоро будем вместе. Твой Юра. Петербург. 19.4/IX.21».

Уже осенью 1913 г. режиссер А. Кугель приглашает Анненкова (по совету Н. Евреинова) оформить спектакль «*Homo sapiens*» в театре «Кривое зеркало». Дебют в «Кривом зеркале» приносит Анненкову успех, известность и новые предложения. Так началась его долгая театральная карьера: на протяжении полувека Анненков создал эскизы костюмов и проекты декораций к более чем 130 постановкам; работал как сценограф, режиссер и театральный художник. Его наперебой приглашали многие: Н. Н. Евреинов – в Летний театр в Куоккале оформлять балетные миниатюры, а чуть позже балетные номера в «Привале комедиантов», где он как балетмейстер поставил несколько танцев – «Детский кэк-уок» К. Дебюсси и «Опыт хореографической всенощной» для Ольги Глебовой-Судейкиной и Елены Гальпериной (танцовщица хореографической группы МХТ; Ю. Анненков познакомился с ней в июне 1914 г. в куоккальском театре, а 22 января 1915 г. она стала его первой женой); Л. И. Жевержеев – в Троицкий театр; Ф. Ф. Комиссаржевский – в театр-студию им. В. Ф. Комиссаржевской в Москве, где Анненков себя проявил как один из основоположников экспрессионизма в русском театре («Гимн Рождеству» по Ч. Диккенсу, 1914; «Ночные пляски» Ф. Сологуба, 1915). С 1915 г. по приглашению Никиты Балиева он оформляет спектакли и программы, ставит номера пантомимы и танцев для «Летучей мыши», позже, в 1916–1917 гг., готовит программы для Ольги Глебовой-Судейкиной в артистическом кабаре «Привал комедиантов».

Годы революции для Анненкова ознаменовались творческим подъемом и бурной деятельностью в самых различных жанрах. В 1917 г. он начинает графическую и живописную серию портретов современников, которая принесла ему громкую славу. «Юрий Анненков достиг тогда в Петербурге апогея своей известности. Не только известности, но и славы... Работоспособность его была изу-

мительна, как и его продуктивность. Но, несмотря на то, что он трудился целыми днями, он ухитрялся всюду бывать и не пропускал ни одного литературного собрания или вечера. Знаком он был решительно со всеми поэтами и писателями и со многими из них дружил. Маленький, подвижной, ловкий, всегда оживленный, с моноклем, как бы ввинченным в правый глаз, во френче полувоенного образца, он проносился по Дому искусств и по Дому литераторов, успевая всех повидать, со всеми поговорить и посмеяться», – вспоминала позднее Ирина Одоевцева в своей мемуарной книге «На берегах Сень»¹⁰.

Для современного российского читателя он и до сих пор прежде всего – автор известных портретов: А. Ахматовой (вариант этого портрета – в красках (бум., гуашь, 1921 г.) был продан 14 июня 2013 г. на аукционе «Сотбис» в Лондоне за 1,38 млн. долларов), Ф. Сологуба, А. Ремизова, М. Кузмина, Е. Замятина, М. Бабенчикова, А. Бенуа, И. Репина, Н. Альтмана, К. Чуковского, Н. Евреинова, А. Вольнского, В. Каменского, В. Хлебникова, Л. Андреева, Б. Пастернака, В. Шкловского, В. Ходасевича, Г. Иванова, В. Пяста, А. Дункан, С. Есенина, М. Горького, А. Эфроса, А. Глазунова, М. Зощенко, Б. Пильняка, Н. Никитина, Вс. Мейерхольда (карандашный портрет Мейерхольда был продан 28 ноября 2012 г. на аукционе «Сотбис» в Лондоне за 1,7 млн. долларов), А. Лурье, Ф. Комиссаржевского, О. Глебовой-Судейкиной, В. Мотылевой, Н. Петрова, С. Алянского, З. Гржебина (портрет маслом издателя З. И. Гржебина был продан 7 июня 2010 г. на аукционе «Сотбис» в Лондоне за 1,8 млн. фунтов стерлингов), И. Ионова (портрет И. И. Ионова, заведующего Ленгизом, воспроизведен в книге «К семилетию ленинградского отделения Государственного издательства. 1918–1925», Ленгиз), А. Тихонова (директора издательства «Всемирная литература», одного из основателей знаменитого литературного общества «Дом искусств», завсегдаем которого был Анненков) и многих других. Кубофутуристический портрет маслом советского литературного деятеля А. Н. Тихонова был продан 24 ноября 2014 г. на аукционе «Кристис» в Лондоне за 4 млн. фунтов стерлингов. Не менее известны хрестоматийные иллюстрации Анненкова к «Двенадцати» А. Блока (1918) – непревзойденные шедевры книжной графики (*Александр Блок. Двенадцать. Рисунки Ю. Анненкова.* – Петербург: «Алконост», 1918). Издание отпечатано в количестве 300 нумерованных экземпляров, из коих 25 раскрашены Ю. Анненковым от руки. В моем собрании хранится именной экземпляр Валентины Ивановны Мотылевой с дарственной надписью: «Моей милой девочке. Юрий Анненков, 1919 г. Москва»; экземпляр № 42, весь раскрашенный Ю. Анненковым; а также именной экземпляр № 68 Николая Эрнестовича Радлова с тремя надписями: «Николаю Эрнестовичу

Радлову автору заглавных букв с искренним приветом Александр Блок. 1 марта 1919»; «Николаю Эрнестовичу Радлову на память о нашей дружбе и в благодарность за огромную помощь – обложку. Юрий Анненков. 1.Ш.19 г. Петербург»; «Дорогому Николаю Эрнестовичу Радлову на память с надеждой дальнейшего сотрудничества с 'Алконостом'. С. Алянский. 1.Ш.1919 г.». Еще один экземпляр третьего издания (Петербург, 1918) – с дарственной надписью: «Дорогому Ренэ Юльяновичу Герра, с самыми лучшими чувствами – Ю. Анненков. Париж. 1970». А также первый перевод на французский язык: «Alexandre Blok. Les Douze. Traduction définitive de Y. Sidersky. Dessins de J. Annenkoff. Paris, Au Sans Pareil, 1923» (тираж для библиофилов – 15 экз. на голландской бумаге, нумерованные от 1 до 15). В моем собрании – экземпляр № 7. В 1967 году вышел новый перевод: «Alexandre Blok. Les Douze. Traduit et présenté par Eliane Bickert. Dessins de Georges Annenkov. Paris, Librairie des cinq continents, 1967». Первый тираж – 2 тыс. экземпляров. В моем собрании экземпляр с дарственной надписью: «Ренэ Юльяновичу Герра, дружески – благодарный Юрий Анненков. Париж. 1969». В начале 1970-х годов американское издательство Ardis Publishers, Ann Arbor, Michigan, выпустило факсимильное издание (Александр Блок. Двенадцать. Рисунки Ю. Анненкова. Петербург: «Алконост», 1918), которое мне подарил сам художник: «Дорогому Ренэ Юльяновичу Герра это американское переиздание 'Двенадцати' А. Блока в твердом переплете. С дружескими чувствами – Юрий Анненков, Париж, 1973».

Красноречиво посвящение К. Чуковского на его книге об А. Блоке: «Моему милому другу Ю. Анненкову»¹¹. Анненков тогда разработал самобытный тип графического портрета, который писал, как правило, с натуры. Он создал целую галерею портретных изображений своих знаменитых современников Серебряного века, с большинством из которых он лично общался или даже дружил. В 1922 г. Евгений Замятин отмечал основную особенность анненковских портретов: «Ни одной второстепенной детали, ни одной лишней черты, только – суть, экстракт, синтез, открывающийся глазу в сотую доли секунды, когда собраны в фокус, спрессованы, заострены все чувства. Эти портреты – экстракты из лиц, из людей, и каждый из них – биография человека эпохи».

В первые советские годы Анненков получает правительственные заказы и пишет не только портрет В. И. Ленина, но и картины для Совнаркома, для Коминтерна, для Музея революции и Музея Красной армии. В 1918 – нач. 1919 г. он преподает в Государственных свободных художественных мастерских в Москве, с апреля 1919 года назначен на должность профессора, руководил живописной мастер-

ской Петроградских ГСХМ, позднее ПГСХУМ (Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские – бывшая Академия художеств), но 10 августа 1920 г. его мастерская была закрыта. Вернувшись в Петроград, Анненков ставит как режиссер и художник свою инсценировку пьесы Л. Толстого «Первый винокур», где впервые осуществляет принцип «динамических декораций» и объединяет на сцене актеров драмы, цирка и эстрады. Этот спектакль оказал значительное влияние на развитие «авангардного» театра, в первую очередь – на работу режиссеров В. Э. Мейерхольда и С. Э. Радлова. В 1919 г. он публикует на страницах газеты «Жизнь искусства» (18 ноября № 295, сс. 2-3) статью-манифест о новом принципе декораций под заглавием «Ритмические декорации». Зимой того же года читает на эту тему доклад на Курсах мастерства сценических постановок. Этот доклад лег в основу его известной статьи-манифеста «Театр до конца», прочитанной им публично в Доме литераторов 25 апреля 1921 г. и вскоре напечатанной в журнале «Дом искусств» (№ 2, сс. 59-73). А в театральном альманахе «Арена» (1924) опубликована его статья о новом театре «Естественное направление». В своих статьях и манифестах он развивал оригинальную концепцию «беспредметного» «театра до конца» и претворял в жизнь собственные теоретические идеи в экспериментальных спектаклях¹². Анненков входил в Высший совет Дома искусств (ДИСК) по художественному отделу, и в мае 1920 г. он принял участие в коллективной выставке художников членов ДИСКА в залах ОПХ; участвовал также в оформлении журнала «Дом искусств», 1921 (№№ 1, 2).

Анненков продолжает плодотворно работать в области журнальной и книжной графики: обложка и иллюстрации для «Лада»¹³, «Красного милиционера» (№ 1 (15). – Петербург, январь 1921. Обложка и портреты Ф. Энгельса, Марата, Дантона, Жореса и др. иллюстрации. В моем собрании экземпляр с дарственной надписью: «Моему дорогому соавтору. Ю. Анненков» / №№ 2-3 (16-17). – Петербург, март 1921. Портреты Кибальчича, Перовской, Желябова, Гельфман, Рысакова, Варлена, Риго, Тьера, Журда, Ферэ, Курбе, Готье, Ренана, Верлэна, Сен-Виктора, Дюма, Некрасова и иллюстрации); «Стрельца» (сборник третий и последний под ред. А. Беленсона. – СПб, 1922. Рисунки в тексте Ю. Анненкова. В моем собрании экз. № 212 с дарственной надписью: «Дорогому моему историку, Ренэ Юльяновичу Герра, на добрую память – Ю. Анненков. Париж, 1973»); «Красной Нивы»¹⁴, альманаха «Круг»¹⁵, журнала «Современный Запад»¹⁶, а также для своей «авторской» книги стихов «1/4 девятого»¹⁷. А также – для А. Ремизова (*А. Ремизов. Царь Максимилиан.* – Петроград: «Алконост», 1920. Обложка Ю. Анненкова). В моем собрании есть

экземпляр с надписью автора: «Глебу Владимировичу Чижову одновременно вышла книга в Госиздате разыгран театр на Лиговке в январе 1921 с гармонью впечатление потрясающее и смеху и слез. Ал. Ремизов». Для Ремизова же были оформлены «Царь Додон» (рисунки Л. С. Бакста, марка Ю. П. Анненкова, кавалера Обезьяньего знака. Изд. «Обезьянья Великая и Вольная Палата». – Пг., 1921). В моем собрании – экземпляр № 254 с дарственной надписью: «Ренэ Юльяновичу Герра – очень дружески. Ю. Анненков. Париж, 1970»; экз. № 207 с надписью: «Александру Васильевичу Бахраху русская пастораль. Алексей Ремизов. 7.П.22»; экз. № 189 с надписью: «Глебу Владимировичу Чижову давно хотел оставить вам эту книгу, а подумал о вас – 22 июня 1941, – и вот в первую встречу сегодня 22-7 (ровно месяц) берите. Алексей Ремизов. Paris, 1941», на шмуцтителе – подпись Ремизова 1921 года. Были также оформлены книги Н. Евреинова¹⁸, В. Шкловского¹⁹, Вс. Иванова²⁰, Б. Пильняка, Н. Венгрова, В. Пяста, Н. Лескова, Н. Никитина, К. Чуковского, Н. Тихонова, Д. Лондона, А. Безыменского, Э. Голлербаха²¹...

К 1 мая 1920 г. он ставит в Петрограде на площади перед Фондовой биржей грандиозную первомайскую мистерию «Гимн освобожденному труду» (совместно с А. Кугелем и С. Масловской, художники-декораторы М. Добужинский и В. Шуко). Еще одна широкомасштабная постановка при его участии – «Взятие Зимнего дворца» на площади Урицкого (Дворцовая площадь) 7 ноября 1921 г. (главный режиссер Н. Евреинов, режиссеры А. Кугель и Н. Петров, организатор Д. Темкин, художник Ю. Анненков; 8 тыс. действующих лиц и 150 тыс. зрителей²²). Тогда же в Государственном институте художественной культуры (ИНХУК) Анненков выставляет абстрактные металлические скульптуры-конструкции. С момента открытия нового театра «Вольная комедия» 9 ноября 1920 г. в нижнем зале бывшего «Пала-Театра» (во главе которого стал политработник Балтфлота Л. Никулин), Ю. Анненков остается его главным художником, точнее – зав. художественной частью, до лета 1922 г., оформляет многие премьеры, расписывает зал и фойе театра, а также интерьер кабаре «Балаганчик» при этом театре. Наиболее яркой постановкой была пьеса Н. Евреинова «Самое главное» (преьера 20 февраля 1921 г.), успех был триумфальный. За первый сезон она прошла более ста раз. В 1922 г. Анненков получает предложение от БДТ оформить написанную в 1920 г. пьесу немецкого драматурга-экспрессиониста Г. Кайзера «Газ». Незадолго до отъезда за границу, в апреле 1924 г., он оформляет на родине свой последний спектакль «Бунт машин» А. Н. Толстого (переработка пьесы К. Чапека «R.U.R.»), разрабатывая идеи движущихся, ритмически изменяемых беспредметных декораций. Эти аван-

гاردные постановки с включением в сценографию экспрессионистских элементов – цирковых номеров, а также механических и цветовых новаций – стали в театральном мире подлинным событием.

В мае 1922 г. на выставке «Мира искусства» в Аничковом дворце экспонируются 20 портретов работы Ю. Анненкова, а осенью того же года в петербургском издательстве «Петрополис» выходит его книга «Портреты» с текстами Евгения Замятина, Михаила Кузмина и Михаила Бабенчикова – первая и до сих пор единственная его монография по-русски. (*Юрий Анненков. Портреты.* – Петербург: «Петрополис», 1922. Тираж – 900 нумерованных экз.) В моем собрании есть экземпляры № 125 с надписью: «Дорогим Екатерине Андреевне и Ренэ Юльяновичу Герра – очень дружески – Ю. Анненков. Париж, 1972»; № 541 с суперобложкой на французском языке; № 758 и еще два экземпляра в суперобложке.

Именно портреты ключевых фигур послереволюционной России являются значительной частью художественного наследия Анненкова и убедительной художественной характеристикой той бурной и, вместе с тем, созидательной эпохи. В своем предисловии к собранию выполненных им портретов Анненков отмечал: «Работая над портретами, я не имел циклового задания... но, собранные вместе, портреты неожиданно приобрели для меня значение итога моих личных переживаний за последние годы. И если иные изображенные мною люди запечатлели себя в истории наших дней, а иные обречены на безвестность, то все они без изъятия отмечены одним и тем же знаком: революцией, – и все они служат мне живым напоминанием о тех трагедиях и надеждах, падениях и подъемах, путем которых нам суждено было пройти вместе, бок о бок, – друзьям и врагам одинаково... Я чувствую неразрывную органическую связь с изображенными здесь людьми».

В 1923 году художник оформляет «Приказ Реввоенсовета Республики 5 февраля 1923 г. Москва № 279 к пятилетию Красной Армии», получает заказы на серию портретов советских партийных деятелей и военачальников: Л. Каменева, Г. Зиновьева (4 портрета), А. Луначарского, В. Мейерхольда, К. Радека, Л. Троцкого (2 портрета), В. Антонова-Овсеенко, Э. Склянского, К. Ворошилова, Н. Муралова, М. Роя, М. Енукидзе, В. Зофа. Все они вошли в альбом «17 портретов», изданный в 1926 г. в Ленинграде (со вступительной статьей наркома просвещения А. В. Луначарского), когда Анненков был уже за границей; портреты В. И. Ленина (получивший первую премию на Всесоюзном конкурсе 1924 г.), М. Н. Тухачевского и И. В. Сталина, отвергнувшего свое изображение, в альбом включены не были. Как пишет сам портретист во втором томе своих мемуаров: «В 1928 г., через два года после выхода в свет моего альбома, этот альбом был,

по приказу Сталина, изъяты в СССР из всех библиотек, магазинов и частных собраний и преданы уничтожению...»

В конце июля 1924 г. Анненков со второй женой, В. И. Мотылевой, артисткой 1-й студии МХТ, едет по официальной командировке в Венецию на XIV Международную биеннале для оформления советской экспозиции. В центре зала, рядом с работами Петрова-Водкина, Архипова, Кустодиева, Кончаловского, Малевича, Лентулова, Экстер и др., были выставлены и его живописные портреты. В их числе – гигантского размера портрет во весь рост Льва Троцкого, написанный в 1923 г. по заказу Реввоенсовета для московского музея Красной Армии, портреты А. Тихонова и В. Полонского, а также графические портреты А. Бенуа, А. Эфроса, М. Бабенчикова. Из Венеции Анненков заехал в гости к М. Горькому в Сорренто. 24 августа 1924 г. он вместе с Валентиной Мотылевой уже в Париже, а 4 декабря с И. Эренбургом и В. Маяковским присутствует на открытии советского полпредства. Весной 1925 г. он оказался в составе советской делегации на Международной выставке декоративных искусств и современной художественной промышленности, на которой получает золотую медаль за иллюстрации к «Двенадцати». После этой выставки он останется в Париже до самой своей смерти 12 июля 1974 года.

Второй парижский период жизни художника – время плодотворной работы, сначала – в станковой живописи. Анненков пишет виды Парижа («Латинский квартал», «Сен-Сюльпис», «Триумфальная арка», «Эйфелева башня», «Люксембургский сад», «Пантеон», «Фортификации Парижа», «Угольщики» и пр.), предместья Парижа («Синее предместье», «Красная казарма», «Казарма с памятником», «Богадельня», «Предместье с мостиком», «Пейзаж с писсуаром...»), портреты («Бретонец», «Старая бретонка», «Рыбак с трубкой», «Старуха...»), ню, пейзажи («Бретонский пейзаж с церковью», «Бретонский пейзаж с курицами», «Синий пейзаж», «Архитектурный пейзаж...»), интерьеры, натюрморты (с чайником, с апельсинами), цветы, букеты («Розовый», «Зеленый», «Красный», «Белый», «Желтый», «Черный» и др.), серию «Бутылки». Эти работы он показывает на персональных выставках (в престижных парижских галереях: «Billier», 1927; «Quatre Chemins», март 1928; «Bing», декабрь 1929, май 1930; «Art et Décoration», июнь-июль 1934; в галерее «Crillon» в Филадельфии в 1931 и 1934 гг.; в галерее Беккера в Нью-Йорке в 1931 г.), и салонах: Осеннем, Независимых, Тюильри, Аренье, «Новых реальностей», также – в групповых выставках (в Париже: «Clarté» 1926, «Paris Moderne» 1926, 1927 и 1928, Bernheim-Jeune 1927²³, Zak 1929, W.Hirshman 1930; в Брюсселе во Дворце изящных искусств 1928²⁴). Параллельно он создает иллюстрации для различных немецких и

французских изданий. В 1927 г. он выполнил девять рисунков пером к книге Ивана Голля «Die Eurokokke»²⁵, изданной в Берлине, восемь литографий к книге Э. Д'Астье «Приключения американки»²⁶ и еще восемь литографий к книге Л. Дюртена «Преступление в Сан-Франциско»²⁷, также одну литографию для юбилейной книги к 300-летию сказок Перро²⁸.

Как в живописи, так и в графике Анненкова интересуют бытовые мотивы, связанные с жизнью Парижа и его предместий: уличные сценки, гуляющая толпа. Художник настолько сумел проникнуть в самую суть этого города, что французский писатель-академик Жюль Ромен в предисловии к книге Луи Шероннэ «Extra-Mugos» с литографиями Ю. Анненкова²⁹ даже предложил в 1928 г. присвоить одному из парижских пригородов имя Georges Annenkoff.

Семь его работ³⁰ показаны в 1928 г. в Москве на выставке «Современное французское искусство» в Третьяковской галерее. Вот что писал А. Луначарский в своей вступительной статье для каталога: «Интересной и естественной особенностью нашей выставки будет участие в ней многих русских живописцев, постоянно или временно живущих в Париже, дающих своеобразное смешение их собственных, более или менее русских тенденций и отражений парижского влияния. Разве не интересно посмотреть, как пишут теперь после довольно длительного пребывания в Париже такие, хорошо нам известные, художники, как Анненков и Экстер...». Статьи об этой выставке – последние упоминания в советской прессе об Анненкове как о выдающемся живописце.

4 марта 1928 г. прошел вернисаж его персональной выставки в галерее «Aux Quatre Chemins». В том же году выходит в свет книга «Современное русское искусство»³¹ известного французского поэта, писателя и художественного критика Андре Сальмона с обложкой и тремя репродукциями картин Анненкова. В июне 1929 г. на первой выставке «Les Jeunes Graveurs Contemporains» были выставлены пять его литографий к книге «Extra Mugos», а в мае 1930 г. на второй выставке – два офорта («Клубника», «Скрипка») и две литографии («Букет» и «Интерьер»). В декабре 1930 г. была издана его монография на французском языке с текстом искусствоведа Пьера Куртиона³², а в 1931 г. две его работы воспроизведены в альбоме «Русские художники в Париже», обложка работы И. Билибина (Русские художники в Париже / L'Art russe à Paris. – Paris, Edition de «La Russie et le Monde Slave»; издание газеты «Россия и славянство»). Текст Л. Львова был опубликован на французском и русском языках. В моем собрании этот экземпляр – с надписями и автографами художников Н. Исаева, Л. Зака, Д. Бушена, Н. Глушенко, К. Беклемишевой и Ю. Анненкова.

В тридцати четырех карандашных рисунках к книге П. Боста «Цирк и Мюзик-холл» (1931) наглядно видно, что уже давно Анненков покорен богатством движения человеческого тела, его пластикой (в моем собрании хранятся №№ 4, 9 и № V с дарственной надписью: «Моей дорогой Тиночке на память об очень многом. Юрий Анненков. 1948, Париж» и нумерованный экземпляр с надписью: «Очаровательной Екатерине Андреевне Герра – с искренним восхищением. Юрий Анненков. Медон, 1972»). – *Pierre Bost. Le Cirque et le Music-Hall. Illustré par G. Annenkoff. – Paris: Au Sans Pareil, 1931.* Первые 60 экз. тиража предназначались для библиофилов. Часть из них, отпечатанная на веленовой бумаге Lafuma, была нумерована от 1 до 50, из которых 30 первых экз. предназначались для «Друзей Au Sans Pareil»; другая часть пронумерована I-X и напечатана на бумаге «Мадагаскар»). В своей статье «Веселый санаторий», посвященной цирку и опубликованной в «Жизни искусства» (Петроград, 2 ноября 1919 г.), Анненков изложил идею о целительном воздействии цирка на психику утомленных цивилизацией горожан: «Спешите в цирк: цирк – наилучший санаторий для застарелых и хронических горожан... Искусство всегда обладало способностью лечить недуги, искусство цирка владеет этим качеством вдвойне... Искусство цирка – одно из самых тонких и великолепных искусств!.. Искусство цирка – совершенно, ибо оно абсолютно»³³.

В 1931 г. М. Г. Корнфельд решил возобновить издание журнала «Сатирикон»³⁴ и, несмотря на свою перегруженность, Анненков, под разными псевдонимами, главным образом А. Шарый, стал делать для него ядовитые шаржи на представителей советской элиты – и, конечно, Сталин был его любимым героем.

Продолжалась за границей и интенсивная театральная работа Анненкова: с 1928 г. он создает эскизы декораций и костюмов для театра «Летучая мышь» Н. Балиева («Испанский танец» Т. Жевержеевой; «Сарказмы» С. Прокофьева; пьесы «Бублички» и «Еврейская свадьба»; балет «Этруская ваза»). В 1930 г. – декорации (9 эскизов) и костюмы (35 рисунков) к «Пиковой даме» в постановке Ф. Ф. Комиссаржевского и к «Ревизору» в постановке М. А. Чехова в театре «Мадлен»³⁵, а также к опере Анри Соге «Контрабас» по рассказу А. П. Чехова (4 эскиза декораций и 45 рис. костюмов). В 1932 г. он выполнил декорации и костюмы для балетной труппы Брониславы Нижинской («Вариации» на музыку Бетховена и «Ревнивые комедианты» на музыку Скарлатти в Опера-Комик³⁶). В 1935 году снова сделал эскизы декораций к спектаклю «Ревизор» в постановке группы МХТ (в моем собрании хранятся два эскиза декораций к этому спектаклю – картон, акварель, гуашь). Позднее Анненков сотрудничал с Дж. Ба-

ланчиным, Л. Мясиним, С. Лифарем. В целом, он оформил за рубежом более ста драматических, балетных и оперных спектаклей. За 50 лет работы в театре (1913–1962) Анненков создал эскизы костюмов и декораций к более чем 130 постановкам.

Пьеса В. Набокова «Событие», поставленная 4 марта 1938 г. Ю. Анненковым в Русском театре³⁷, стала, по словам В. Ходасевича, «действительным событием нашей театральной жизни»³⁸. Пьеса прошла четыре раза (4, 6, 13, и 20 марта), и, судя по воспоминаниям Н. Берберовой («Курсив мой»), это означало большой успех. Зато другая пьеса В. Набокова – «Изобретение Вальса» – так и не была поставлена, хотя была объявлена в постановке Ю. Анненкова и должна была быть третьей постановкой третьего сезона Русского театра³⁹. В моем собрании хранился эскиз декорации Ю. Анненкова к пьесе В. Набокова «Изобретение Вальса» (бум., акварель), но он был украден в Москве в 1995. (Воспроизведен в каталоге выставки «Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции. 1920-е – 1970-е» в ГТГ. – М.: Авангард, 1995, с. 58). Премьера новой пьесы В. Сирина, объявленная на 10 декабря 1938 г., не состоялась...

С 1933 г. Анненков начал работать во французском кинематографе: он создавал костюмы, а иногда и декорации, к шестидесяти фильмам, среди которых были и шедевры мирового кино; сотрудничал с такими режиссерами, как А. Грановский, А. Литвак, Г. Пабст, М. Л'Эрбье, В. Туржанский, А. Ганс, Ж. Деланнуа, П. Бланшар, Кристиан-Жак, А. Кайатт, О. Уэллс, А. Жансон, М. Офюльс, К. Отан-Лара, Ж. Беккер. В 1955 г. за костюмы к фильму М. Офюльса «Мадам де...» (1953) Анненков стал номинантом на премию «Оскар» Американской академии киноискусства «за лучшие костюмы в мировой кинематографической продукции». О своей работе в кино Анненков написал книги: «Одевая кинозвезд» (1951) и «Макс Офюльс» (1962) – обе на французском языке, а также опубликовал в 1945 году блестящую статью «Vers le septième art»⁴⁰ в первом номере журнала «Cahiers de la Nouvelle époque», в котором он напечатан рядом с Н. Б. Бердяевым, Ж. Одиберти, Ж. Мадоль, К. де Грюнвальд. В моем собрании есть 2 экземпляра «Одевая кинозвезд» («En habillant les vedettes») с дарственными надписями: «Дорогому Андрею Михайловичу Ланскому, великоллепному художнику, с лучшими чувствами. Юрий Анненков. Париж, 1957» и «Марусе и Тамаре Васильевнам, моим друзьям на память о постоянной ругани. Ю. Анненков. Париж, 1952» и оригиналы заставок и концовок. (*Georges Annenkov. En habillant les vedettes.* – Paris, éd. Robert Marin, 1951. Для подписчиков выпущено 150 экз. на бумаге pur fil du Marais. Второе издание: *Georges Annenkov. En habillant les vedettes.* – Paris, Ed. Quai Voltaire, 1994, – с прекрасным

предисловием известной французской писательницы Анны Вяземской, дочери И. В. Вяземского, по матери – внучки писателя Франсуа Мориака). У меня также есть 3 экземпляра «Мах Ophuls» с дарственными надписями: «Дорогому Якову Николаевичу Горбову – дружески. Ю. Анненков. Париж, 1962»; «Дорогому другу Ренэ Юльяновичу Герра – на долгую память. Юрий Анненков. 7 сентября 1973. Париж»; «Прелестной Екатерине Андреевне Герра – на память о медонских встречах. Юрий Анненков. Медон, 1973» – и часть эскизов костюмов. (*G. Annenkov. Мах Ophuls. – Paris, éditions du Terrain Vague, 1962.*)

Исследователи творчества Анненкова сходятся во мнении, что он смог бы сделать в области книжной иллюстрации гораздо больше, если бы не был так увлечен и занят работой в кино. Однако Анненков находил время для оформления книг и на русском языке. Он выполнил обложки для двух книг своего друга М. Осоргина (в моем собрании – экземпляр с дарственной надписью автора: «Юрию Павловичу Анненкову с благодарностью за обложку, с сожалением, что нас забыли. Paris, 18. 8. 38. Мих. Осоргин») ⁴¹; для книги М. Слонима (в моем собрании есть экземпляр с дарственной надписью автора: «Дорогому Гайто Ивановичу [Газданову] на память о не литературных разговорах. Марк Слоним. Париж, март 1933») ⁴²; для сборника стихов своей молодой подруги ⁴³, также как и для стихотворного сборника С. Маковского (*Сергей Маковский. Вечер. Вторая книга стихов (1918–1940). – Париж, 1941.*). В моем собрании есть два экземпляра с дарственными надписями: «Владимиру Васильевичу Вейdle на память о погибшем 'Возрождении'. Сергей Маковский. 19 декабря 1941 г. Париж»; «Сергею Ростиславовичу Эрнсту на память о Париже 1941 г. Сергей Маковский. 29 авг. 1941. Париж». Анненков также сделал иллюстрации для книги стихов М. Ильина ⁴⁴ и сказок Н. Кодрянской «Золотой дар» (*Наталья Кодрянская. Золотой дар. – Париж, 1964.*). В моем собрании есть экземпляр с надписями автора и художника: «Рэне Юльяновичу Гэрра с дружеским приветом. Нат. Кодрянская. 15 окт. 1968 г. Paris» и «Дорогому Ренэ Юльяновичу Герра, на товарищескую память, дружески – Юрий Анненков. Париж, 1973». Имеются у меня также экземпляры с дарственными надписями: «Дорогому Георгию Викторовичу Адамовичу спасибо за дружбу! Наталья Кодрянская. 1964, Paris»; «Дорогому Михаилу Львовичу Кантору с сердечным приветом! Наталья Кодрянская. 24 нояб. 1964»; «Гайто Ивановичу Газданову с сердечным приветом. Наталья Кодрянская. 26 ноября 1964 г. Paris»; «Милым моим друзьям Гале [Кузнецовой] и Марге [Степун] на добрую память. Ваша Наташа Кодрянская. Paris, 1964»; «Дорогой Ирине Владимировне Одоевцевой

сердечно. Наталья Кодрянская. Paris 1964»; «Виктору Андреевичу Мамченко с дружеским приветом. Наталья Кодрянская. Paris. 1964»; «Елене Александровне Холмогоровой с сердечным приветом. Наталья Кодрянская. 25 мая 1964»; «Дорогому Юрию Константиновичу Терапиано с сердечным приветом. Наталья Кодрянская. Paris. 1964»; «Дорогой Ольге Николаевне Можайской. Наталья Кодрянская. Paris. 1964» и др.

Храню я и «Итальянские негативы» К. Померанцева⁴⁵. По просьбе С. Лифаря Анненков сделал рисунок для каталога второй выставки «Пушкин и его эпоха»⁴⁶ (1949) и для программ «Вечер балетов»⁴⁷ (1961 и 1966⁴⁸). Также Анненков сделал обложки для книг И. Одоевцевой «На берегах Невы» (*Ирина Одоевцева*. На берегах Невы. – Вашингтон, издатель Виктор Камкин, 1967). В моем собрании есть три экземпляра с дарственными надписями: «Ренэ Юльяновичу Герра в память 22 июня в Ганьи с сердечным приветом. Ирина Одоевцева. 22.VI.69»; «Через семь лет этой надписи делаю новую – уже не просто Ренэ Герра, а моему другу Ренэ Герра, который мне очень дорог. Ирина Одоевцева. 1976»; «Дорогому Ренэ Герра в день выхода – с его настоящей помощью ‘Золотой цепи’ с надеждой, что он так же поможет выйти в свет ‘На берегах Сены’. Очень дружески. Ирина Одоевцева. 29 мая 1975 г.»; «Ренэ Герра ценителю русской поэзии в день выхода ‘На берегах Сены’. Ирина Одоевцева. 6 октября 1983 г. Париж». Она же подарила мне оригинал обложки работы Ю. Анненкова. Работал он и над книгами М. Булгакова «Собачье сердце» (1969), А. Солженицына «Раковый корпус» (1968), «В круге первом»⁴⁹ (1969), изданных в Париже YMCA-Press.

Вплоть до Второй мировой войны Анненков продолжает свою серию портретов: В. Маяковский, В. Пудовкин, И. Эренбург, А. Барбюс, С. Эйзенштейн, А. Довженко, Н. Балиев, И. Бабель, Л. Никулин, А. Толстой, Л. Красин, Б. Суварин, Л. Блюм, Ш. Дюллен, С. Прокофьев, М. Равель, А. Оннегер, А. Павлова, О. Спесивцева и др. В послевоенные годы он по-прежнему сотрудничал с театром, в основном французским. Создал декорации и костюмы для семи пьес Э. Ионеско⁵⁰, шести пьес Ж. Тардьё⁵¹, а также для Ф. Дара⁵², Ф. Карко⁵³, Т. Уильямса⁵⁴, Шницлера⁵⁵ и др. В 1956 г. Анненков принял участие в организации фестиваля авангардного искусства в Марселе, а в ноябре 1957 г. оформил и поставил в театре «Старая голубятня» собственную инсценировку «Скверного анекдота» по Ф. М. Достоевскому⁵⁶. Уместно напомнить, что в 1945 г. вышел по-французски в переводе Алексея Ремизова и Жана Шюзевиля «Скверный анекдот»⁵⁷, роскошное издание на отдельных несброшюрованных листах, вложенных в футляр, с пятнадцатью полосными иллюстрациями, не считая заста-

вок и концовок, – Ю. Анненкова. Эта книга Ф. М. Достоевского должна была выйти в Берлине на русском языке в издательстве «Петрополис», но так и не вышла из-за войны. У меня сохранилась обложка несостоявшегося издания, которую я воспроизвел в «Русском Альманахе» (Париж, 1981, с. IX).

А годом позже, в том же издательстве, на французском языке выходит его сценический вариант «Скверного анекдота»⁵⁸ в восьми актах под авторством Б. Темирязов. В моем собрании – экземпляр № 19 и два нумерованных экземпляра с дарственными надписями: «Милому Александру Васильевичу Бахраху на память о Монпарнасе и Латинском квартале очень дружески. Юрий Анненков (Б. Темирязов), Париж, 1946»; «Дорогому Ренэ Юльяновичу Герра, на память о наших чаепитиях – дружески Ю. Анненков. Париж, 1973». Здесь Анненков выступает как автор текста под литературным псевдонимом, а как художник по гриму – под своим именем. В этой книге художник использовал образы главных героев, уже им созданных для издания «Скверного анекдота» 1945 года, и дополнил их образами героев второстепенных, – всего 25 карандашных рисунков. Более сорока лет Юрий Анненков работал над инсценировкой этого рассказа Достоевского. В первый раз еще в 1914 г. он создал костюмы и декорации для сценической постановки рассказа в московском Театре им. В. Ф. Комиссаржевской, а в 1919 г. попытается поставить спектакль по этому рассказу в московском театре «Эрмитаж», но театр закроют. В «Кривом зеркале», в 1923 году, – новая постановка «Скверного анекдота» режиссера и сценографа Анненкова.

В Париже он оформлял не только книги, но и афиши (4 плаката для кинематографа, изд. Рах-Film, Париж, 1928), рекламные буклеты и каталоги (каталог к фильму Лео Жоаннон «Шалость»⁵⁹, книга-буклет и 4 афиши к знаменитому фильму Г. Пабста «Атлантида»⁶⁰, 1932; для фирм пластинок Pathé (1932, 1934 и 1935); Photo-Phono Montmartre, 1933 и т. д.).

До поры до времени Анненков двояко относился к советской власти, вплоть до августа 1946. В первое десятилетие жизни в Париже он активно посещал советское посольство. Кстати, в 1929 году в Москве вышел скандальный роман Б. Ясенского «Я жгу Париж» с иллюстрациями Ю. Анненкова⁶¹. Долгое время у него сохранялись отношения с полпредством и советскими организациями; он выполнил заказ на портрет полпреда Л. Красина, делал обложки для брошюр и экономического бюллетеня торгпредства СССР во Франции, для торгово-промышленных выставок и для путеводителей по советским выставочным павильонам (1925, 1927 гг.). В это же время он публикует статьи в газете полпредства «Парижский вест-

ник». Тема его озорных статей – цирк, творчество Мейерхольда. Вопреки утверждению некоторых российских анненковедов, Анненков в конце 1920-х гг. еще не окончательно порвал с советской властью; как ни странно, он продолжал с ней сотрудничать и в 1930-е годы. В один прекрасный день, после того как я в очередной раз ему позировал, Анненков мне подарил прелюбопытный номер ежемесячного журнала «Наш Союз» (7-8 / 79-80 /, 1936 г.) – органа «Союза возвращения на Родину», где были напечатаны его воспоминания. На последней странице, в хронике, можно прочесть: «В среду 1 июля в помещении ‘Союза возвращения на Родину’ состоялся вечер памяти Горького. Вступительное слово сказал тов. Горелый. Выступал хор Союза; тов. Д. Вульвсон и А. Львов читали из произведений Горького. Художник Юрий Анненков поделился своими воспоминаниями о покойном писателе. Эти воспоминания мы помещаем в сжатом виде в настоящем номере». Дальше узнаем, что журнал «Наш Союз» организовал в июне в просоветской галерее Зак первую выставку работ русских художников, «объединяющим признаком этих художников является убеждение, что художественное творчество невозможно в отрыве от великого социального и культурного строительства, происходящего сейчас в Советском Союзе. В выставке приняли участие художники: Анненков, Барт, Васильева, Воловик, Гончарова, Grimm, Добринский, Карский, Кикоин, Козинцева, Кольская, Ларионов, Левин, Мансуров, Пикельный, Пуни, Сутин, Терешкович, Фальк, Шагал, Шапиро, Экстер и др.». А до этого, 18 апреля того же 1936 года, состоялся юбилейный вечер журнала «Наш Союз», в художественном оформлении программы к этому вечеру приняли участие Анненков, Барт, Билибин, Блюм, Богуславская, Васильева, Грановский, Grimm, Зданевич, Козинцева, Мансуров, Пикельный, Пуни, Терешкович, Фальк, Федер, Цадкин⁶²... Это издание не скрывало свое предназначение – оно, по собственному признанию, с июля 1936 г. «расширяло работу по объединению русских деятелей искусства во Франции, стоящих на советской платформе». Из журнала «Наш Союз» (№№ 9-10, 1936) узнаем, что в помещении «Союза возвращения на Родину» Юрий Анненков выступил с докладом о современном искусстве. В эти же годы Анненков встречался в Париже с собратьями по перу из СССР – Маяковским (1924, 1925, 1927 и в последний раз в Ницце в 1929 г.), Мейерхольдом (1926, 1928, 1930), Эренбургом⁶³ (1925, 1926, 1934, 1946), Симоновым (1946), Пильняком (1933), Бабелем (1928, 1932, 1933 и 1935 гг.), Пастернаком (1935), Фединым, Замятиным (с февраля 1932 по март 1937), А. Толстым (1935, 1937) и др., а также с агентом влияния Львом Никулиным (Лев Вениаминович Ольконицкий), с которым он познакомился еще в

редакции дореволюционного «Сатирикона». Он не мог не знать, что Никулин с журналистским удостоверением часто выезжал за границу на своей машине и жил то в Париже, то на юге Франции, то в Испании. По старой памяти Анненков в начале 30-х гг. написал портрет «любимца спецкомиссий и загранотделов» (по меткому выражению моего доброго знакомого, известного буниноведа А. К. Бабореко), который хранится в моей коллекции. После приобретения этого портрета маслом и получив от В. И. Мотылевой фотографию начала 30-х годов, на которой Ю. Анненков и Л. Никулин стоят перед мастерской художника в Пасси (ул. Буало), я как-то спросил Юрия Павловича: как он мог встречаться в Париже с таким известным литературным стукачом, по доносам которого писателей арестовывали и расстреливали? Недаром о нем сочинили две красноречивые эпиграммы: «Никулин Лев – стукач-надомник / Недавно выпустил двухтомник / И это все читать должны / России верные сыны»; «Каин, где Авель? Никулин, где Бабель?» А Анненков мне просто ответил: «Еще в Петрограде, в 1920-м, мы вместе работали в театре ‘Вольной комедии’...». Позже он мне подарил эскиз занавеса для этого же театра.

С 1945 по 1946 гг. Анненков активно сотрудничает с «Союзом русских патриотов». 9 февраля 1945 г. Союз открыл выставку картин, пожертвованных художниками для продажи с аукциона в пользу бывших советских военнопленных и депортированных. Свои работы предоставили русские художники и скульпторы Ю. Анненков, Н. Гончарова, А. Ланской, М. Ларионов, П. Мансуров, И. Пуни, Л. Сюрваж, К. Терешкович, С. Фотинский, Н. Ходосевич... Организатором выставки была Надежда Леже-Ходосевич (Галерея Рене Друэн. Газета «Русский патриот», Орган Союза русских патриотов во Франции, 13.01.1945, 10.02.1945, 03.03.1946). С марта 1945 года Анненков поддерживает отношения уже с «Союзом советских патриотов», под эгидой которого три раза выступал и выставлял свои картины. Скажем, 14 и 28 марта 1945 в Союзе (отдел лекций и курсов) состоялся диспут на тему: «Театр должен быть доступен массам». Вступительное слово произнесла Н. Петрункина, доклад о задачах театра сделал Н. Н. Евреинов. С критикой эмигрантского театра выступил Ю. П. Анненков. Присутствовали представители артистического мира (заседание происходило на 4, rue de Galliéra, Paris 16e. – Газета «Русский патриот», 10.03.1945; газета «Советский патриот», Орган центрального правления Союза советских граждан во Франции, 25.03.1945; «Честный слон», еженедельная литературно-сатирическая газета, 24.03.1945. / Парижский отдел Союза советских патриотов). На собрании деятелей искусства под председательством А. В. Говорова в целях «поднятия престижа русского искусства во

Франции» решено было учредить орган, осуществляющий контроль за выступлениями эмигрантов во всех областях искусства (худ. совет ССП). Было принято предложение Г. М. Поземковского об устройстве под эгидой ССП показательного спектакля. Присутствовали: Ю. П. Анненков, В. М. Греч, М. С. Давыдова, А. П. Ладинский, М.Ф. Ларионов, Н. А. Роцин, М. А. Струве. (Газета «Советский патриот», 30.11.1945. / Собрание Парижского отдела Союза советских патриотов). Был учрежден Художественный совет при ССП; председателем Совета был избран А. В. Говоров, секретарем – М. А. Струве. Совет одобрил сообщение Ю. П. Анненкова о готовящейся им постановке оперы Мусоргского «Сорочинская ярмарка»... (Газета «Советский патриот», 07.12.1945. / 30 июля 1946 г. Союз советских патриотов). На одном из вечеров состоялся доклад Ю. П. Анненкова «О творчестве русских художников за последние 25 лет за границей, о его значении и возможности влияния на русское искусство в будущем». В заключение вечера выступил советник советского посольства А. Г. Абрамов (4, rue de Galliéra, Paris 16e. – Газета «Советский патриот», 26.07.1946; 02.08.1946. Газета «Русские новости», 02.08.1946). 20 мая 1945 г. «Союз советских патриотов» (худ. отдел) провел открытие первой выставки русских художников и скульпторов. Представлены были Ю. Анненков, Л. Бенатов, Н. Гончарова, Н. Исаев, М. Ларионов, П. Мансуров, Р. Пикельный, С. Поляков, И. Пуни... Выставка работала до 12 июня по адресу 4, rue de Galliéra, Paris 16e («Русские новости», 01.06.1945; «Советский патриот», 26.05.1945; 02.06.1945). В мае 1946 года Союз организует выставку художников и скульпторов по случаю первой годовщины победы над фашистской Германией. В контрольную комиссию по оформлению выставки вошли М. Ларионов, С. Делоне, Л. Сюрваж, М. Мане-Кац, Х. Орлова, А. Певзнер, С. Фотинский, Ю. Анненков... (Помещение ССП. Газета «Советский патриот», 24.05.1946).

В июле 1946 года Анненков участвует во встрече с И. Эренбургом и К. Симоновым в квартире совпатриота А. Руманова. Он опубликовал в газете «Советский патриот» (орган «Союза советских патриотов») две статьи. И только после доклада Жданова 14 августа 1946 г. с выпадами против Ахматовой и Зощенко Анненков бесповоротно изменил свою политическую ориентацию и занял активную антисоветскую позицию. 13 февраля 1947 г. Анненков наконец получил нансеновский паспорт – стал «невозвращенцем» и апатридом. Позже он был избран членом Союза русских музыкальных деятелей, Объединения русских писателей и поэтов. В феврале 1949 года Объединение русских писателей и поэтов провело собрание, посвященное обсуждению вышедшего номера журнала «Новоселье».

Присутствовали: Ю. Анненков, Г. Адамович, Н. Гончарова, М. Ларионов, Ю. Терапиано, Н. Тэффи и С. Прегель (на квартире А. М. Элькина. – «Русские новости», 18.02.1949). 16 июня 1950 года Объединение открывает цикл литературных вечеров, посвященных обсуждению новых произведений. Первый литературный вечер приурочен к выходу нового номера журнала «Новоселье». Вступительное слово произнес Г. В. Адамович. Выступали А. М. Ремизов (отрывок из рассказа Гоголя «Вий»), М. Ф. Ларионов (о значении журнала «Новоселье» в жизни русского литературного Зарубежья). Свои новые стихи прочли ред. журнала С. Прегель, Н. Оцуп, В. Корвин-Пиотровский; прозу – Б. Пантелеймонов и Б. Темирязов. Литературные вечера-собрания Объединения проходили два раза в месяц («Русские новости», 16.06.1950; 23.06.1950). 26 июня 1953 г. Объединение провело вечер памяти С. Есенина. Доклады сделали Г. В. Адамович – «Есенин», Ю. П. Анненков – «Мои встречи с Есениным», В. Н. Ильин – «Есенин – Лель», С. К. Маковский – «Есенин в Нью-Йорке». Стихи поэта прочитала артистка М. Пискунова и члены Объединения. (Объявление о вечере – «Русские новости», 19.06.1953). В 1951 году Анненков подал заявление о получении французского гражданства, но получил отказ. С этого же года участвует в антисталинской пропаганде, публикуя карикатуры в изданиях французской антикоммунистической организации «*Raix et Liberté*» («Мир и свобода»).

Анненков становится и членом Союза русских писателей и журналистов во Франции (председателем был тогда Б. К. Зайцев). Он принимал активное участие во многих вечерах и собраниях Союза. 26 января 1959 г. Союз русских писателей и журналистов в Париже провел вечер памяти А. М. Ремизова под пред. Б. К. Зайцева. С воспоминаниями о писателе выступили проф. Пьер Паскаль, Ю. Анненков, С. Прегель, Б. Зайцев (Зал РМОЗ. – «Русская мысль», 05.02.1959). 3 июля 1960 г. Союз русских писателей и журналистов во Франции, редакции журнала «Грани», еженедельника «Посев», ежемесячника «Свобода» и альманаха «Мосты» провели собрание памяти Бориса Пастернака. Вступительное слово произнес председатель собрания Б. К. Зайцев (о набросках романа «Доктор Живаго»). Стихи из «Дневника доктора Живаго» прочел Георгий Раевский. Выступали: проф. В. Зеньковский, Ю. П. Анненков, Л. О. Бек (от Народно-трудового союза), К. Д. Померанцев, А. А. Сионский (от Центрального объединения политических эмигрантов из СССР). А. И. Лабинский исполнил «Траурный марш» Шопена. Б. К. Зайцев прочел стихотворение Б. Пастернака «Рождественская звезда» (Зал РМОЗ. «Русская мысль» 16.07.1960). 21 апреля 1961 г. Союз провел вечер Ирины Одоевцевой. Вступительное слово произнес Г. Адамович, Ю. П. Аннен-

ков рассказал о своих встречах с Ириной Одоевцевой в Петербурге, а Одоевцева прочла отрывок из поэмы и стихи. («Русская мысль», 11.05.1961).

19 апреля 1963 г. Союз русских писателей и журналистов в Париже решил восстановить довоенную традицию «блистательного Монпарнаса», начав серию вечеров поэзии. Первый вечер прошел под председательством Б. К. Зайцева и А. А. Шика. Вечер открыл Ю. Анненков, рассказав о предреволюционной поэзии и о творчестве А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама, Г. Иванова, Г. Адамовича, В. Хлебникова и др. Выступали: С. П. Жаба, С. Прегель, А. и Т. Величковские, А. Горская, Н. Евсеев, В. Злобин, О. Можайская, И. Одоевцева, К. Померанцев. 29 ноября 1963 г. Союз провел вечер памяти Георгия Иванова. Вступительное слово произнес Георгий Адамович. Юрий Анненков рассказал о встречах с Г. Ивановым в эпоху «Апполона» и «Бродячей собаки», Юрий Терапиано – о «Посмертном дневнике» Г. Иванова и читал стихи из «Дневника». Стихи Г. Иванова прочли Ирина Одоевцева, Софья Прегель и Кирилл Померанцев. 12 ноября 1966 г. Союз организовал большой литературный вечер под председательством Б. К. Зайцева, посвященный памяти Анны Ахматовой. К. Д. Померанцев прочел текст речи Г. Адамовича (тот не пришел по болезни). Ю. П. Анненков прочел статью советского писателя и журналиста А. Урбана («Звезда», 10 марта 1966). Стихи поэта читали С. Прегель, И. Туроверова. Померанцев прочел стихотворение из «Реквиема» и стихотворение Е. Евтушенко «Памяти Анны Ахматовой» (на 26, av. de New York, 16e. – «Русская мысль», 22.11.1966). 19 декабря 1969 г. прошел вечер, посвященный Александру Блоку. С докладами выступили Ю. П. Анненков, проф. П. Е. Ковалевский, С. П. Жаба, Н. Я. Лидарцева (воспоминания о Блоке и его современниках – А. Ахматовой, О. Глебовой-Судейкиной и др.). Стихи поэта прочли Белла Рейн, А. А. Горская и И. И. Туроверова (26, av. de New York, 16e. – «Русская мысль», 08.01.1970).

В 1961 году Анненков стал членом Общества бывших студентов СПб университета⁶⁴, а в 1963 его избрали членом правления Общества охранения русских культурных ценностей (его председателем был мой покойный друг историк П. Е. Ковалевский, который предложил Анненкову написать статью «Русские в мировой кинематографии»⁶⁵ для «Золотой книги русской эмиграции»). Анненков писал в «Возрождении»: «Вспоминая много фильмов, я спрашиваю: почему они не называются *русскими* фильмами и не включены в историю *русской* кинематографии? Такой вопрос отнюдь не продиктован шовинистическими чувствами, мне совершенно чуждыми. Я просто хочу восстановить историческую правду и справедливость».

В январе 1967 года Анненков вошел в состав особого исполнительного комитета по изданию этой книги и стал его секретарем.

В январе 1967 года был организован особый исполнительный комитет по изданию «Золотой книги русской эмиграции» под председательством С. М. Толстого (в книге предполагалось осветить культурную, художественную, литературную и научную деятельность всего Русского Зарубежья в течение 50 лет. «В состав комитета вошли: М. А. Джаншиев, Л. Н. Немиров и С. М. Лифарь (вице-пред.), Ю. П. Анненков (сек.), В. В. Вейдле, Н. В. Вырубов, инж. Е. А. Вечерин, П. Е. Ковалевский, А. А. Шик. В состав Редакционной комиссии избраны: проф. В. В. Вейдле (пред.), Ю. П. Анненков, инж. Е. А. Вечерин и П. Е. Ковалевский. При Исполнительном комитете был образован Почетный комитет под пред. Б. К. Зайцева в составе: академики Жозеф Кессель и Анри Труайя, проф. Пьер Паскаль, Питер Устинов, Б. Н. Лосский, Осип Цадкин, Андрей Ланской и др.» («Русская мысль», 06.05.1967) «25 октября 1967 г. Особый исполнительный комитет по изданию ‘Золотой книги русской эмиграции’ под пред. С. М. Толстого, Общество охранения русских культурных ценностей (ООРКЦ). Собрание, созванное для обсуждения вопроса о сборе материалов по изданию. С докладом о документах, находящихся в распоряжении Редакционной комиссии, выступил П. Е. Ковалевский. Работу по сбору информации проделали: Е. А. Вечерин (о работе зарубежных организаций и об инженерах), А. К. Требинский (о музыкальных деятелях – композиторах, дирижерах, пианистах, скрипачах, камерных певцах и хормейстерах), И. А. Гарднер (о церковных хорах), Ю. П. Анненков (о кинематографе и театральных художниках), А. А. Шик (о русском театре), Н. М. Зернов (о русских философах и мыслителях), С. М. Лифарь (о деятелях балета), П. Н. Грабар (о русских сотрудниках Пастеровского института), А. Б. Серебряков (о русских художниках).» («Русская мысль», 09.11.1967)

В моем собрании есть еще две книги, изданные для испанских коммунистов, с обложками Анненкова («10 Años de Terror Blanco», 1927, и «Pioneros Alerta», 1929, обе – издательство Adelante, Брюссель).

Он также сделал обложки для книг Мадлен Паз «Черный брат»⁶⁶ и Пьера Фронде «Реальные и оригинальные сказки»⁶⁷. Проиллюстрировал книги Гастона Бонер «Боги в деревне»⁶⁸, Доре Огризек «Париж такой, каким мы его любим»⁶⁹ и Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» на итальянском языке в переводе профессора Этторе Ло Гатто (*Nikolaj Nekrasov. Chi vive bene in Russia? Gelo, naso rosso. A cura di Ettore Lo Gatto. Illustrazioni di Jurij Annenkov. – Bari: De Donato editore, 1968*). В моем собрании хранится экземпляр с дарст-

венной надписью: «Дорогому другу Ренэ Юльяновичу Герра – на память. Ю. Анненков. Париж, 1973».

Юрий Анненков не мог обойти своим вниманием и жанр эротической книги, традиционный раздел *curiosa* французского книжного искусства, в который внесли немалый вклад и другие русские художники-эмигранты: Б. Григорьев, Н. Глущенко, Ф. Рожанковский, С. Иванов, М. Лагорио, И. Греков, Е. Клементьев, Д. Соложев, Ж. Минаш. У Анненкова вышли две изящные книги маленького формата в футляре с иллюстрациями «Histoire de Madame la Comtesse des Barres par Monsieur l'Abbé de Choisy»⁷⁰ (1945) и «Histoire de Madame de Sancy par Monsieur l'Abbé de Choisy»⁷¹ (1946).

В эмиграции раскрылся и его литературный дар⁷². На самом деле его писательская карьера началась еще в Петрограде, в 1919 году, изданием его сборника стихов «1/4 девятого», а в самом начале 1920-х годов Анненков опубликовал свои два первых рассказа⁷³. Анненков приобрел в Париже широкую известность как писатель под псевдонимом Борис Темирязов, когда в берлинском издательстве «Петрополис» в феврале 1934 г. вышел его роман «Повесть о пустяках». М. Осоргин в письме М. Вишняку от 5 февр. 1929 г. писал: «Ничего не знаю о Темирязеве; не имел от него ни строчки со дня напечатания его рассказа; писал ему, соблазнял присылкой печатных о нем отзывов, просил его послать вам расписку. *Я опять сомневаюсь о его реальности* (курсив М. Осоргина. – Р. Г.), если только он не г-жа Торгулова (sic!), что, кажется, невероятно. Я даже думал, не Замятин ли он, вообще – не советский ли писатель, тайно работающий». (Письма Михаила Осоргина Марку Вишняку. – Нью-Йорк, «Новый Журнал», № 178, 1990, с. 284). Кстати, благодаря М. Осоргину, отрывок из «Повести о пустяках» был опубликован в газете «Последние новости» (№ 4066, Париж, 10 мая 1932, с. 2. / *Iouri Annenkov. La révolution derrière la porte.* – Paris, Edition Lieu Commun, 1988 / *Iouri Annenkov. La révolution derrière la porte.* – Paris, Ed. Quai Voltaire, 1994 / *Юрий Анненков. Повесть о пустяках. Комментарий А. А. Данилевского.* – СПб: Изд. Ивана Лимбаха, 2001 / *Б. Темирязов. Повесть о пустяках.* Вступ. ст. М. Геллера, послесловие И. Обуховой-Зелинской. – М.: «МИК», 2001). Роман хвалили (не зная сначала, кто скрывается под псевдонимом) М. Осоргин, В. Ходасевич, Ю. Фельзен⁷⁴, В. Унковский⁷⁵, С. Риттенберг⁷⁶, П. Балакшин⁷⁷. Скажем, вот что писал А. Савельев: «В 1928–29 гг. в ‘Современных записках’ были напечатаны два рассказа Б. Темирязева (‘Домик на 5-й Рождественской’ и ‘Сны’). По содержанию, тону и словесной ткани они настолько отличались от произведений эмигрантской литературы, что в авторе заподозрили скрывавшегося за псевдонимом талантливый советский писатель».

Пять лет спустя вышла объемистая 'Повесть о пустяках'. Появление книги усилило ненужное любопытство к личности автора, проникшее, к сожалению, и в критику. В такой рекламе повесть Темирязева, безусловно, не нуждается. Она заслуживает внимания независимо от того, по какую сторону рубежа находится местожительство автора» (*А. Савельев (Шерман С. Г.)*. Б. Темирязов. Повесть о пустяках. – «Современные записки», LV, Париж, 1934, сс. 427-428). Но были и критические высказывания, например М. Кантора: «Не рядится ли в волчью шкуру Б. Темирязов, автор недавно вышедшего романа 'Повесть о пустяках'? Раскроешь эту книгу наугад – и быстро возвращаешься к главному листу: действительно ли место издания Берлин? не Москва ли? не Госиздат ли ее выпустил? Но затем, принявшись за чтение, быстро убеждаешься, что первое впечатление обманчиво, что 'советского' в книге только и есть, что приемы и 'приемчики', в существе же книга лишена специфического привкуса советской литературы. Это – литература tout court. ...Откуда это? Эренбург, Федин, Олеша, Шкловский? Ясно, во всяком случае, что все это – от литературы, и еще точнее: от литературы советской. У Темирязева нет, повторяем, политической тенденции..., но 'письмо' его, но фактура его романа сводится почти исключительно к использованию готовых клише советского изделия. Зачем понадобилась эта волчья шкура, довольно притом уже полинявшая?...» (*М. Кантор*. В волчьей шкуре. – «Встречи», № 4, под ред. Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора. – Париж, апрель 1934, сс. 182-183). Вот что писал уже в марте того же года один из авторитетных эмигрантских литературных критиков Марк Слоним: «В русских литературных кругах Парижа волнение и недоумение: кто такой Б. Темирязов, книга которого – 'Повесть о пустяках' – несомненное событие. Псевдоним ли это одного крупного русского художника или же действительное имя какого-то никому неведомого писателя, который в тишине и безвестности вырос до подлинной зрелости. Но каковы бы ни были домыслы и догадки, одно неоспоримо: Б. Темирязов или тот, кто под этим именем скрывается, – яркий и талантливый беллетрист, написавший блестящую книгу»⁷⁸. Под этим же литературным псевдонимом во второй половине 20-х годов уже были опубликованы в журнале «Современные записки» два рассказа Анненкова: «Домик на 5-й Рождественской» (№ 37, 1928) и «Сны» (№ 39, 1929). Г. В. Адамович первым отметил рассказ «Домик...» как «вещь живую», «художественно убедительную» и «человечески искреннюю» и высказывал свою радость по поводу этой публикации «в журнале, который внимательно читается и долго сохраняется». По его мнению, новый рассказ показал несомненную даровитость молодого автора и значительный рост его писательского мастерства по

сравнению с дебютом. («Последние новости», № 2850, Париж, 10 янв. 1929. С. 2). П. М. Пильский, известный в Прибалтике литературный критик, писал в своей рецензии: «Должен понравиться – рассказ Б. Темиряева... кое-где автор захотел шегольнуть отделкой, и в этом намерении он не потерпел провала. Чувствуется литературная культура, вкус, полезная боязнь излишеств, необходимое чувство меры, а беллетристические прикрасы, временами явная придумка, не нарушают правдивости общего тона. Это – признаки хорошей беллетристической школы... у Темиряева надо признать благодатную литературную традицию» («Сегодня», № 11, Рига, 11 янв. 1929, с. 3). Также и в письме М. Осоргина М. Горькому от 18 января 1929 г. из Парижа: «...из начинающих интересен, по-моему, Б. Темиряев ('Домик на 5-й Рождественской') в посл[едней] книжке «Совр[еменных] зап[исок]», он – эмигрант очень недавний. Его рассказ мне удалось пристроить в «Совр[еменных] зап[исках]», вообще не склонных давать приют новым именам...» (С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. – М., 2002. С. 462.). В. Сирин-Набоков в своей рецензии писал: «Читатель найдет немало хорошего... в рассказе Темиряева... (о судьбе обитателей этого домика во дни революции)... Рассказ ярок и отчетлив...» («Современные записки». XXXVII. «Руль» № 2486, Берлин, 30 янв. 1929, с. 2. / В. В. Набоков. Собр. соч. русского периода в 5 т. – СПб, 1999, т. 2, с. 670).

А еще раньше, в 1927 году, появился рассказ Анненкова «Любовь Сеньки Пупсика», завоевавший первое место на 4-м конкурсе парижского литературного журнала «Звено» на лучший рассказ⁷⁹. В 1937 г. Анненков закончил роман «Тяжести» – зарисовки нравов русской эмиграции вкупе с воспоминаниями о жизни в дореволюционной России; фрагменты этой «разорванной эпопеи» были напечатаны в «Современных записках» № 59 (1935), № 64 (1937) и в «Русских записках» № 3 (1938). Историк русской литературы в изгнании Глеб Струве метко отметил: «И рассказы, и романы Темиряева характеризуются разорванной, многопланной композицией, без центральных персонажей, иногда с повествованием, развертывающимся в обратном порядке, и любовью к гротеску. Это – чистейший сюрреализм»⁸⁰, а также писал о влиянии Белого и Замятина («влияние Замятина чувствовалось очень явственно»). Та же тема – в романе Анненкова «Рваная эпопея», опубликованном в парижском литературном журнале «Возрождение», № 71 (1957) и № 73 (1958). В 1960 г. в «Новом Журнале» (№№ 59-61) появилось продолжение «Рваной эпопеи», а затем в «Возрождении» (№№ 100-105) вышло автобиографическое повествование Анненкова «Побег от истории» – об исходе из оккупированного Парижа.

Во время немецкой оккупации Франции Анненков смог поставить в своей сценографии оперный спектакль на музыку П. Чайковского «Пиковая дама» (декабрь 1940 г. и 30 апреля, 8 и 27 мая 1943 г.). Большая роскошная программа с цветной обложкой и девятью цветными иллюстрациями Ю. Анненкова, в том числе портрет П. Чайковского и А. Пушкина, была издана по этому случаю в 1940-м (*La Dame de Pique. Opéra en 7 tableaux d'après A. Pouchkine. Musique de P. Tchaïkovsky. Mise en scène par G. Annenkoff. Chorégraphie de Serge Lifar. Paris, décembre 1940. Couverture et dessins du programme de G. Annenkoff.*). В моем собрании хранятся три экземпляра с надписями: «М. Н. Колотинской в память о совместной работе и достижениях (привет мужу). Ю. Анненков»; «Восторженный поклонник Пиковой Даме Марусеньке Давыдовой Сергей Лифарь. На добрую память Ренэ Герра. Париж»; «Благодарная Ренэ Юльяновичу Герра за редкую находку программы незабываемой 'Пиковой дамы' в постановке Юрия Анненкова, моего друга юности. Мария Давыдова»; «Неоценимому, незаменимому другу Ренэ Герра, на память о нашей встрече, о которой всегда помню с большой симпатией и благодарностью. Мария Давыдова. 31.10.81. Paris». Была издана и маленькая программа «*La Dame de Pique. Spectacle organisé par Mme Nina Alexinsky. Salle Pleyel, 30 avril 1943*» – с обложкой и девятью иллюстрациями Ю. Анненкова. В моем собрании два экземпляра с надписями: «Милой Тамаре Васильевне Чулуповой всегда признательный Юрий Анненков. Paris, 1943»; «Очаровательной Тане Чулуповой в извинение за испорченный праздник Пасхи. Юрий Анненков. Париж, 1943»; «Милому Ренэ Юльяновичу, верному другу всего русского искусства. Мария Давыдова».

В том же 1943 году был поставлен и «Евгений Онегин» (15, 20, 29 мая и 5 июня 1943 г.). Сохранилась программа с обложкой и пятью иллюстрациями Ю. Анненкова – *Eugène Onéguine. Scènes lyriques en 7 tableaux d'après A. Pouchkine. Musique de P. Tchaïkovsky. Spectacle organisé par Mme Nina Alexinsky. Salle Pleyel, 20 mai 1943*. В моем собрании экземпляр с надписью оперной певицы Марии Давыдовой: «Милым, очаровательным Екатерине Андреевне и Ренэ Юльяновичу, моим новым друзьям с надеждой, что наша связь окрепнет и не оборвется. М. Д. 4/IV/73». А также – опера М. Мусоргского – А. Черепнина «Женитьба» (22 мая и 2 июня 1943 г.)⁸¹. Все постановки шли на одной из самых престижных парижских сцен – в большом зале Плейель, рядом с русским православным храмом на рю Дарю, недалеко от Триумфальной арки.

В эти же годы был снят не один культовый фильм, в которых Анненков отвечал за костюмы и грим: «Дикая бригада» (реж. М. Л'Эр-

бье, 1939), «Кавалькада любви» (реж. Р. Бернар, 1940), «Герцогиня де Ланже» (реж. Ж. де Баронселли, 1942), «Понкарраль, полковник империи» (реж. Ж. Деланнуа, 1942), «Секреты» (реж. П. Бланшар, 1943), «Вечное возвращение» (реж. Ж. Деланнуа, 1943), «Единственная любовь» (реж. П. Бланшар, 1943), «Горбун» (реж. Ж. Деланнуа, 1944).

После войны Анненков дополнил свою галерею новыми прекрасными портретами: Андре Жид, Луи Жуве, Жан Кокто, Жан-Луи Барро, Жерар Филип, Пьер Брассер, Даниэль Желен, Шарль Дюллен, Жак Одиберти, Макс Офюльс, Витторио де Сика, В. Инкижинов, Д. Темкин, О. Цадкин, М. Ларионов, И. Пуни, А. Ланской, П. Гримм, С. Шаршун⁸², М. Алданов, Кристиан Берар, Э. Ло Гатто, Б. Филиппов, А. Раннит, С. Лифарь, Б. Зайцев⁸³, Р. Герра⁸⁴ и др. В ноябре 1958 года на Монпарнасе состоялась большая выставка театральных декораций, костюмов и портретов Ю. Анненкова. По этому случаю был издан изящный буклет с текстами Ю. Анненкова и драматургов Жака Одиберти и Эжена Ионеско – *Dans le cadre des activités théâtrales de Dominique. André Preston et la cinémathèque française présentent Georges Annenkov. Novembre 1958. Dominique 19, rue Bréa, Paris 6e*. Были выставлены анненковские портреты А. Андреева, Ж. Одиберти, К. Отан-Лара, Н. Балиева, Ж.-Л. Барро, А. Бенуа, К. Берара, П. Бланшара, Р. Блэна, П. Брассера, Ф. Карко, Ж. Кокто, Ф. Комиссаржевского, Кристиана-Жака, А. Довженко, Ш. Дюллена, Н. Евреинова, А. Жида, М. Горького, В. Хлебникова, С. Лифаря, М. Ларионова, М. Маяковского, В. Мейерхольда, С. Эйзенштейна, А. Оннегера, Э. Ионеско, Л. Жуве, М. Офюльса, Ж. Пабста, Ж. Филипа, В. Пудовкина, В. де Сика, С. Прокофьева, М. Сольдатти, О. Спесивцевой, В. Туржанского, М. Равеля, Э. Верхарена, Ж. Витали. В том же году вышла книга Анненкова о В. Маяковском «Париж и разные поэмы. Неизвестный Маяковский»⁸⁵.

В мае 1945 года в просоветской еженедельной литературно-сатирической газете «Честный слон» (№№ 10, 12) под ред. Д. Кобякова появились заметки Ю. Анненкова, а в июле в первом послевоенном литературном журнале «Встреча» опубликован его рассказ «Ночное путешествие» – рядом с рассказом Ивана Бунина «Мистраль», с прозой Гайто Газданова, Леонида Зурова и стихами Сергея Маковского, Юрия Терапиано, Антонина Ладинского⁸⁶. В 1950 году в последнем номере литературно-художественного журнала «Новоселье» под ред. Софи Прегель, рядом с И. Буниным, А. Ремизовым, Н. Тэффи, Анненков был напечатан разом и как Б. Темиряев, и как Ю. Анненков⁸⁷. С 1957 года он стал постоянным автором журнала «Возрождение» (более 40 публикаций), также печатался в журналах «Опыты» (№ 2, 1953; № 3, 1954, Нью-Йорк), «Новый Журнал» (1956–1962, Нью-

Йорк), «Грани» (№ 51, 1962, Франкфурт-на-Майне) и «Мосты» (№ 9, 1962, Мюнхен), а с 1963 года Анненков стал сотрудником еженедельной газеты «Русская мысль», в которой печатал, почти до конца жизни, статьи о парижской художественной жизни и о новых выставках (более 200 публикаций). В «Русской мысли» Ю. Анненков с 1967 года вел рубрику «Художественные выставки» и написал о З. Серебряковой, О. Цадкине; в 1969 г. – о С. Шаршуне, С. Полякове, Л. Бенатове, М. Васильевой, Г. Вахевиче, М. Блюме, П. Кремне, М. Адлене; в 1970 году о Ф. Гоziасоне, С. Шаршуне, Р. Пикельном, П. Ино (Вычегжанин), М. Адлене, М. Кикоине; в 1971 г. – о Н. Леже (Ходосевич), О. Цингере, Д. Бушене; в 1972 г. – о М. Андреевко, В. Хмелюке, Л. Воловике, М. Адлене; в 1973 г. – о П. Гримме, Л. Бенатове, Ф. Гоziасоне...

Он неоднократно выступал на вечерах Союза русских писателей и журналистов, в Клубе Народно-трудового союза (НТС)⁸⁸ с докладами о творчестве А. Блока, Б. Пастернака, М. Горького и воспоминаниями о В. И. Ленине и на вечере Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)⁸⁹ с воспоминаниями о встречах с А. Толстым, В. Сахновским, И. Бабелем, И. Эренбургом и артистами МХТ. Он также печатал политические статьи антисоветской направленности в различных изданиях Франции⁹⁰, Англии, Италии, Америки и Германии. В том же немецком сборнике «Старые – молодым» участвовали Г. Адамович, Н. Арсеньев, В. Вейдле, Б. Зайцев, Л. Зандер, В. Зеньковский, Н. Лосский, М. Новиков, Н. Осипов, Ф. Степун, Н. Тимашев (Старые – молодым. Сборник. – Мюнхен: Изд. Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960. Статья Ю. А. «К молодым художникам СССР», сс. 11-30). У меня хранится уникальный экземпляр с надписями: «Моему другу – Ренэ Юльяновичу Герра с самыми лучшими пожеланиями. Юрий Анненков. Париж. 1973»; «Милому Ренэ Герра дружески В. Вейдле»; «Дорогому Ренэ старый портрет дружески. Бор. Зайцев. 23.V.70» и другие экземпляры с эклибрисом Ю. П. Анненкова и один – с памятной надписью: «Ренэ Юлиановичу Герра последний из оставшихся в живых участник этого сборника. В. Вейдле. 9/VII/1979».

В пятидесятые и в начале шестидесятых годов Анненков создает мемуарные портреты известных писателей, художников, композиторов, политических деятелей. В подзаголовке его книги «Дневник моих встреч», вышедшей в Нью-Йорке в 1966 году, не случайно значится: «Цикл трагедий». Действительно, в этих рассказах, где реальность зачастую переплетена с вымыслом, трагическая напряженность объединяет вереницу людских судеб и придает им некую ценность. Своей динамичностью, живостью изложения они обязаны идеальной зрительной памяти и наблюдательности самого мемуариста. Эти

мемуары и художника, и писателя, ибо Анненков создал «двойную портретную галерею» – визуальную и словесную (*Юрий Анненков. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Вступительные статьи Алексиса Раннита и Евгения Замятина. – Нью-Йорк, изд. Международное литературное содружество, 1966.*). Главы и отрывки мемуаров печатались сначала в эмигрантских журналах «Опыты» (№ 2, 1953; № 3, 1955), «Новый Журнал» (№ 47, 1956; № 65, 1961; № 67, 1962; № 72, 1962), «Возрождение» (№№ 85, 88, 93, 1959; №№ 99, 102, 106, 1960; №№ 124, 126, 129, 132, 1962; №№ 134, 141, 1963; №№ 148, 150, 1964; №№ 193, 1968), «Мосты» (№ 9, 1962), «Грани» (№ 51, 1962) и др. В моем книжном собрании хранятся экземпляры «Дневника моих встреч» с дарственными надписями: «Ренэ Юльяновичу Гэрра – на память о нашей очень приятной встрече – дружески. Юрий Анненков. Париж, 1968»; «Дорогому другу – Ренэ Юльяновичу Гэрра на память о частых встречах. Париж, 1973. Юрий Анненков»; «Дорогому другу Ренэ Юльяновичу Гэрра – с лучшими чувствами. Юрий Анненков. 1973»; «Екатерине Андреевне Зербино – на память о наших редких встречах – с дружескими чувствами. Юрий Анненков Париж [1970]»; «Дорогой Екатерине Андреевне Гэрра, с самыми дружескими чувствами. Ю. Анненков. Париж, 1973, и с теми же чувствами дружбы и восхищения от критика Анненкова А. Раннита. 1978». Книга вышла и на японском языке в Токио в 1971 г., мне ее подарил и надписал автор: «Дорогому другу Ренэ Юльяновичу Гэрра с самыми лучшими пожеланиями. Юрий Анненков. Париж, 1973».

Юрию Анненкову была суждена долгая творческая жизнь в различных ипостасях, сначала в России, а затем полвека – в эмиграции, во Франции. И его судьба во многом показательна для всей истории русской культуры XX века. Поистине это был сын бурного времени, где «эпохи бури и натиска» сменяли одна другую.

Постскриптум. В марте 2014 г. в Париже на улице 76, Фобур Сент-Оноре, в знаменитой галерее Шарпантье, напротив Елисейского дворца, состоялась выставка с каталогом работ художников-эмигрантов из моего собрания. Были выставлены 42 работы 25-ти самых выдающихся и легендарных русских художников⁹², по одной-две работы каждого (полотна и графика). Анненков стал единственным исключением и, чтобы отметить 125-летие со дня его рождения и 40-летие со дня смерти, я его представил семью работами высочайшего класса. А в Москве, с 16 апреля по 20 мая 2014 г., в Трубниковском переулке, 17, прошла весьма скромная выставка «Юрий Анненков. Портреты, иллюстрации и театральные наброски из собрания Государственного литературного музея», посвященная

исключительно доэмигрантскому периоду его творчества. В двух маленьких залах филиала Государственного литературного музея были выставлены несколько десятков известных графических портретов работы Анненкова (В. Ходасевича, Ф. Сологуба, К. Чуковского, В. Пяста, Е. Чирикова и др.), иллюстрации к поэме А. Блока «Двенадцать» и к повести «Дурная компания» Ю. Юркуна, расстрелянного по писательскому делу в 1938 г., и к рассказу М. Кузмина «Воображаемый дом», а также книга стихов самого Анненкова «1/4 девятого» с иллюстрациями, раскрашенными от руки. Увы, до сих пор почему-то не было в России в государственных музеях Москвы и Петербурга персональной выставки Ю. Анненкова – одного из самых известных русских художников XX века. До сих пор нет ни альбома, ни серьезной монографии на русском языке. Комментарии излишни...

Будучи не просто знакомым, а другом обаятельного, радушного, жизнелюбивого, уникального Юрия Павловича, о чем красноречиво свидетельствуют мой портрет его работы и многочисленные дарственные надписи и фотографии, я больше сорока лет целенаправленно и целеустремленно собираю его творческое наследие: графику и полотна, пейзажи, натюрморты, автопортреты и портреты и, конечно, книги с его обложками, иллюстрациями, изданные еще в России или уже во Франции; фотографии, письма, периодику, оттиски и вырезки с его текстами... Одним словом, всевозможную документацию о его жизни и творчестве. На сегодняшний день моя Анненковиана, несомненно, самая крупная во Франции, на Западе, а может быть, и в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Абрам Эфрос*. Русская группа. Каталог выставки «Современное французское искусство». – М., 1928. С. 29.
2. *А. Бахрах*. По памяти, по записям. Литературные портреты. – Нью-Йорк, «Новый Журнал», № 190-191, 1993. С. 382 / *Александр Бахрах*. Бунин в халате. По памяти, по записям... – М.: «Вагриус», 2005. С. 455.
3. *А. Раннит*. О рисунках Юрия Анненкова. К годовщине смерти художника. – Нью-Йорк, «Новый Журнал», № 120, 1975. С. 111.
4. *Юрий Анненков*. Портреты. Текст Евгения Замятина, Михаила Кузмина, Михаила Бабенчикова. – «Петрополис», 1922. С. 80.
5. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М.: «Искусство», 1979. С. 31 / М.: «Премьера», 1999. С. 14 / М., «Русский путь», 2006. С. 29.
6. *Н. Евреинов*. Театр для себя (Ч. 2, 3). – Пг., 1916.
7. *Н. Евреинов*. Представление любви. Монодрама в 3-х действиях. – Пг.: Изд. Н. И. Бутковской, 1916. Обложка и портрет автора раб. Ю. Анненкова.
8. Сборник «Елка: Книжка для маленьких детей». Сост. Александр Бенуа и К. Чуковский. – Пг.: Изд. «Парус», [1918].

9. *Г. Маршал*. Вильгельм Телль и его товарищи. – Пг.: Изд. «Парус», 1918. Обложка Ю. Анненкова.
10. *Ирина Одоевцева*. На берегах Сены. – Париж, 1983. С. 153 / М.: «Художественная литература», 1989. Сс.193-195 / М.: «Согласие», 1998. Сс. 789-791 / М.: «Эллис Лак», 2007. Сс. 738-739 / М.: АСТ, 2009. Сс. 241-242 / М.: «Астрель», 2011. Сс. 625-627.
11. *К. Чуковский*. Книга об А. Блоке. – Петроград: «Эпоха», 1922. С. 5.
12. «Театр без прикладничества» (сокращенное изложение статьи «Театр до конца»). – «Вестник театра», № 93/94, М., 15 авг. 1921. Сс. 3-6.
13. «Лад», 1-й сборник. Издание музыкального отдела Н.К.П. – Петербург, июль 1919. Рисунок на обложке Ю. Анненкова.
14. «Красная Нива», литературно-художественный еженедельный журнал под ред. А. В. Луначарского и Ю. М. Стеклова. № 25. – М., 24 июня 1923. «На самолет, пролетарий!» (ориг. рис. Ю. Анненкова. С. 5).
15. «Круг», альманах артели писателей, № 1. – Москва – Петербург, 1923; «Круг II», 1923; «Круг III». – М.–Л. 1924; «Круг IV». – М.–Л. 1925. Обложки раб. Ю. Анненкова.
16. «Современный Запад», № 2. – Петербург – Москва: ГИЗ «Всемирная литература», 1923. Обл. Ю. Анненкова / «Современный Запад», № 3. – Москва – Ленинград: ГИЗ «Всемирная литература», 1924. Обложка раб. Ю. Анненкова.
17. Юрий Анненков. 1/4 девятого. – Петроград: Изд. «Сегодня», [1919]. Обложка и рисунки раб. Ю. Анненкова. В моем собрании два экз. и оригиналы обложки и первой иллюстрации.
18. *Н. Евреинов*. Самое главное. – Петербург: Государственное издательство, 1921. Обложка Ю. А. В моем собрании два экз. самого Ю. Анненкова с его эскибрисом и экз. с дарственной надписью: «Льву Ивановичу Пумпянскому с сердечным приветом. Н. Евреинов 3/1/925».
19. *Виктор Шкловский*. Революция и фронт. Петроград, 1921. Обложка Ю. А. В моем собрании экземпляр с дарственной надписью автора: «Дорогому А. В. Бахраху от беглого Виктора Шкловского с искренней благодарностью. Дано в Германии. Kleiststrasse, 34».
20. *Вс. Иванов*. Седьмой берег. – Москва – Петербург: Изд. «Круг», 1922. Обл. и изд. марка раб. Ю. Анненкова. / *Вс. Иванов*. Бронепоезд 14-69. – М.: Г.П.П. «Красная Новь», 1923. Обложка Ю. А.
21. *Бор. Пильняк*. Никола-на-Посадях. Рассказы. Кн. 3. М.–Пг.: «Круг», 1923. Обложка Ю. А.; *Н. Венгров*. Зверушки. Стихи маленьким. [М.], ГИЗ, 1921. Два рисунка Ю. А. к стихотворению «Блошки»; *В. Пяст*. Ограда. – Берлин – Пг. – М.: Изд. З. И. Гржебина, 1922. Обл., шмуцтитул, издат. марка Ю. А.; *Н. С. Лесков*. Заячий ремиз. – Москва – Петербург: Изд. «Круг», 1922. Обложка и марка издательства раб. Ю. А.; *Н. Никитин*. Рвотный форт. – М. – Пг.: ГИЗ, 1922. Обложка Ю. А. / Сейчас на Западе. – Л.– М.: ГИЗ, 1924. Обложка Ю. А.; *К. Чуковский*. Мойдодыр. – Пг. – М.: Изд.

- «Радуга», 1923. Картинки Ю. Анненкова; *Николай Тихонов*. Брага, вторая книга стихов 1921–1922. – Москва – Петербург: «Круг», 1922. Обложка и марка издательства раб. Ю. А.; *Джек Лондон*. Железная пята. – М.: Изд. «Красная Новь», 1923. Рисунки и обложка Ю. П. Анненкова; *А. Безыменский*. Как пахнет жизнь. Предисловие Л. Троцкого. – Москва: Изд. «Красная Новь», 1924. Обложка Ю. А.; *Э. Голлербах*. Пути новейшего искусства на Западе и у нас. – Ленинград: Изд. П. П. Сойкин, 1930. Рисунок на обложке Ю. Анненкова. Тираж – 100 нумерованных экз. В моем собрании экз. № 83.
22. *Nina Gourfinkel*. Théâtre russe contemporain. – Paris: La Renaissance du Livre, 1931. Pp.130-132; 135-138.
23. Groupe des artistes russes Mir Iskoustva. Exposition du 7 au 19 juin 1927 chez MM. Bernheim-Jeune, Editeurs d'Art. 83, rue du Faubourg Saint-Honoré, Paris-VIIIe. В моем собрании несколько экземпляров каталога с дарственными надписями Д. Бушена.
24. Art russe ancien et moderne. Palais des Beaux-Arts de Bruxelles, mai-juin 1928. В моем собрании несколько экземпляров с надписями Ю. Анненкова, Н. Исаева, Д. Бушена, Л. Зака, Н. Исцеленнова, Л. Лагорио, Г. Шильяна, М. Добужинского и один экземпляр на особой бумаге, не предназначенный для продажи.
25. *Iwan Goll*. Die Eurokokke. – Berlin: Martin Wasservogel Verlag, 1927. Тираж 900 экз. и 10 нумерованных экз. от I до X с подписью автора. В моем собрании – № 539 и все оригиналы. Второе издание: *Ivan Goll*. Die Eurokokke. Roman mit neun Zeichnungen von Geores Annenkoff. – Berlin: Argon Verlag, 1988 г.
26. *Emmanuel d'Astier*. Passage d'une américaine. – Paris: Au Sans Pareil, 1927. Тираж 300 экз.: два из них – на японской бумаге с двумя сюитами гравюр, нумерованные 1 и 2; 18 экз. – на голландской бумаге с одной сюитой, нумерованные от 3 до 20; 280 экз. – на веленовой бумаге Lafuma, нумерованные от 21 до 300; и отдельно для «Друзей издательства Au Sans Pareil» выпущены 20 именных экз. на vélin de cuve, с двойной сюитой гравюр, нумерованные от I до XX. В моем собрании один из 18 экз. на голландской бумаге и экз. № 159.
27. *Luc Durtain*. Crime à San-Francisco. Récit orné de huit lithographies originales de Georges Annenkoff. – Paris, Au Sans Pareil, 1927. Тираж 775 экз.: 20 именных экз. – на бумаге Arches с двойной сюитой гравюр только для «Друзей издательства Au Sans Pareil», нумерованные от 1 до 20; 20 экз. – на японской бумаге с двойной сюитой, нумерованные от 21 до 40; 40 экз. – на голландской бумаге с одной сюитой, нумерованные от 41 до 80; 45 экз. – на голландской бумаге, нумерованные от 81 до 125; 650 экз. – на веленовой бумаге Lafuma, нумерованные от 126 до 775. В моем собрании № 15 (напечатанный для М. Jean Maugen), №№ 76,80 (с дарственной надписью В. И. Моты-левой: «Моему ненаглядному Тинку. Ю. А. 1929») и №№ 152, 249, 522, 539, а также часть оригиналов.

28. Les Contes de Perrault. Edition des 33 Graveurs. – Paris, Au Sans Pareil, René Hilsun & Cie, Editeurs, 1928. Тираж 340 экз. В моем собрании № 102 на веленовой бумаге Montgolfier d'Annonay.

29. *Louis Cheromet*. Extra-Muros. Préface de Jules Romains. Lithographies originales (26) par Georges Annenkoff. – Paris: Au Sans Pareil, 1929. Библиофильское издание отпечатано на листах разного размера, меньшие из которых предназначены для литографий, что сразу их выделяет. Тираж – 270 экз., который включал 30 экз. – на бумаге grand vélin d'Arches с сюитой литографий на старинной японской или китайской бумаге, зарезервированных для «Друзей издательства Au Sans Pareil» и пронумерованных от 1 до 30; 20 экз. – на старинной японской бумаге с сюитой литографий на китайской бумаге, пронумерованных от 31 до 50; 220 экз. – на белой веленовой бумаге, пронумерованной от 51 до 270. В моем собрании экземпляры №№ 6, 34, 44, 81, 179 и оригиналы иллюстраций.

30. 130. Вид предместья. Perspective de banlieue. Х.м. 71x90. Подпись справа внизу: G. Annenkoff; 131. Розовый дом. Maison rose. Х.м. 90x71. Подпись справа внизу: G. Annenkoff; 132. Вид предместья. Perspective de banlieue. Х.м. 71x98. Подпись слева внизу: G. Annenkoff; 133. Натюрморт. Nature-morte. Х.м. 180x160. Подпись справа внизу: G. Annenkoff; 134. Автопортрет. Autoportrait. Бум. кар., тушь. 63x48. Подпись справа внизу: G. Annenkoff; 135. Натюрморт. Nature-morte. Б., гуашь. 63x48. Подпись посередине внизу: G. Annenkoff; 136. Натюрморт. Nature-morte. Бум., гуашь 62x48. Подпись справа внизу: G. Annenkoff. В моем собрании №№ 131 и 134.

31. Art russe moderne. Préface par André Salmon. – Paris: Editions Laville, 1928.

32. Georges Annenkoff par Pierre Courthion. Paris, Edition des Chroniques du Jour, 1930. Тираж – 351 экз., из них 6 экз. – на бумаге Arches с одной гуашью и с одним офортом Анненкова, пронумерованные от 1 до 6; 45 экз. – на бумаге Arches с одним офортом, пронумерованные от 7 до 51; 300 экз. – на веленовой бумаге, пронумерованные от 52 до 351. В моем собрании № 46, 349.

33. *Юрий Анненков*. Театр! Театр! Сборник статей. – М.: Издательство «МИК», 2013. Сс. 57, 60.

34. «Сатирикон». Еженедельное издание. Ред. М. Корнфельд. – Париж, 4 апреля – 15 октября 1931 (№1-28). Комплект этого иллюстрированного журнала хранится в моем собрании.

35. Théâtre de la Madeleine. Programme saison 1932–1933. Les 25 ans du Théâtre de la Chauve-Souris de N. Balieff. Les maquettes des décors et des costumes dans ce programme sont de MM. G. Annenkoff, N. Benois, M. Dobuzinsky, N. Popoff, N. Remizoff, S. Soudeikine et S. Tchekhonine.

36. Программа государственного театра «Opéra-Comique», июнь 1932 // Programme du Théâtre national de l'Opéra-Comique. Grande saison russe. Ballets Nijinska. «Variations». Composition pour la danse de Bronislava Nijinska, adaptation pour orchestre de thèmes et variations de Beethoven par Vladimir Pohl,

décors et costumes de Georges Annenkoff. «Les Comédiens jaloux», Ballet pantomime d'après les thèmes de Scarlatti, scénario et chorégraphie de Bronislava Nijinska, décors et costumes de Georges Annenkoff. В моем собрании хранится эскиз декорации Ю. Анненкова к балету «Les Comédiens jaloux» в постановке Брониславы Нижинской (бум., акварель, гуашь, 1932 г.).

37. Премьера пьесы В. Сирина «Событие» в Русском театре. Постановщик Ю. П. Анненков. «Последние новости», 06.03.1938; 09.03.1938; 12.03.1938; 19.03.1938 / «Возрождение», 11.03.1938 / «Иллюстрированная Россия», №№ 12, 13. 1938.

38. В. Ходасевич. «Событие» В. Сирина в Русском театре. – Париж, «Современные записки», № 66, 1938. Сс. 423-427.

39. См. газету «Последние новости» № 6430, 3 ноября 1938 г. и № 6439, 12 ноября 1938, 15.11.1938. / 13 ноября 1938 г.: – о первом авторском чтении драмы В. В. Сирина «Изобретение Вальса» и готовящейся постановке в Русском театре худ. Ю. П. Анненковым.

40. G. Annenkoff. Vers le septième art (К седьмому искусству). Cahiers de la Nouvelle époque (Тетради Новой эпохи) 1, Paris, 1945. С. 113-124.

41. Михаил Осоргин. Книга о концах. – Берлин: «Петрополис», 1935. Обложка Юрия Анненкова.

Михаил Осоргин. Повесть о некоей девице. Старинные рассказы. – Таллинн: Изд. «Русская книга», 1938. Обложка Ю. Анненкова.

42. Марк Слоним. Портреты советских писателей. – Берлин – Париж: «Парабола», 1933. На обложке портрет Б. Пастернака раб. Ю. Анненкова.

43. Нат. Беляева. Нищета 1942–1944. – Париж: Изд. «Птицелов», 1945. В моем собрании экземпляр с дарственной надписью: «А. Бахраху, моему первому критику. Нат. Беляева 1945».

44. Максимилиан Ильин. Память. Стихи. – Париж, 1954. Портрет автора и 13 рисунков Ю. Анненкова.

45. К. Померанцев. Итальянские негативы. – «Мосты», № 10, Сс. 69-113; № 11. Сс. 125-159. Мюнхен: Изд. ЦОПЭ, 1963, 1965. С двенадцатью иллюстрациями Ю. Анненкова (ч/б, тушь).

46. Exposition «Pouchkine et son époque». Paris: 26 juin – 10 juillet, 1949. Lycée russe de Paris. Рисунок на обложке G. Annenkoff.

47. Soirée de Ballets. Programme. Sous la Direction Artistique de Serge Lifar, 1961. Au profit des Œuvres Sociales de l'Union des Mutilés et Invalides Russes, Anciens Combattants résidant en France. Vendredi 17 février 1961 à 21 heures. Salle des Congrès, Maison de la chimie 28 bis, rue Saint-Dominique, Paris. Обложка G. Annenkov. В моем собрании экз. с автографом С. Лифаря на обложке и надписью оперной певицы М. Давыдовой: «A René Guerra comme souvenir des années passées/ Ренэ Герра в память об ушедших годах» и оригинал обложки.

48. Soirée de Ballets. Sous la direction de Serge Lifar. – Paris: Salle Pleyel, 18

février 1966. Programme présenté par Robert Manuel. Imp. Beresniak, 18, Fg. du Temple, Paris 11e. Au profit des Œuvres Sociales de l'Union des Mutilés et Invalides Russes, Anciens Combattants résidant en France. Обложка G. Annenkov.

49. В моем собрании экземпляр с дарственной надписью: «Дорогому Ренэ Юльяновичу Герра – на память. Ю. Анненков. Париж, 1973».

50. Декорации и костюмы Ю. Анненкова для пьес «La jeune fille à marier», «Le Maître», «Le connaissez-vous?», «La Nièce épouse», «Le rhume onirique», «Le salon de l'automobile» Ионеско (Eugène Ionesco), в постановке Жака Полиери (Jacques Poliéri). Paris, Théâtre de la Huchette, 1953.

51. Декорации и костюмы Ю. Анненкова для пьесы «Le Guichet» Жана Тардье (Jean Tardieu), в постановке Жака Полиери (Jacques Polieri). Marseille, Gymnase de la Terrasse de la Cité radieuse, Festival de l'Art d'avant-garde, août 1956 et pour «Hiver ou les Temps du verbe», mise en scène de Jacques Poliéri, Théâtre de la Huchette, 1956.

52. Декорации и костюмы Ю. Анненкова для пьесы «Jésus-la-Caille». Adaptation théâtrale de Frédéric Dard, mise en scène Pierre Valde. Teatr «Gramont», март 1952. «Русская мысль», 12.03.1952.

53. Ю. Анненков работал для театра «Le Gouffre» в 1946, создал костюмы для спектакля «d'Araches» по роману Ф. Карко (Francis Carco) «Jésus-la-Caille», в постановке Пьера Вальда (Pierre Valde). В моем собрании хранится эскиз театральной афиши пьесы «Jésus-la-Caille» (бум., гуашь), воспроизведен в каталоге выставки «Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции 1920-е – 1970-е» в ГТГ. – М.: «Авангард», 1995. С. 58.

54. Декорации и костюмы Ю. Анненкова для пьесы «La Rose tatouée» («Татуированная роза») Теннесси Уильямса (Tennessee Williams) в постановке Пьера Вальда (Pierre Valde), Teatr «Gramont», 1953.

55. Декорации для пьес Артура Шницлера (Arthur Schnitzler) «Зеленый попугай» и «Портрет».

56. «Scabreuse aventure» de Dostoïevsky. Adaptation scénique de Georges Annenkoff. Textes français de Robert Doll. 2 actes en huit tableaux. Mise en scène, décors et costumes de l'adaptateur. Chorégraphie Bella Reine. Théâtre du Vieux Colombier. Буклет с текстом Ю. Анненкова.

57. Th. M. Dostoïevsky. Scandaleuse histoire. Traduction originale d'Alexis Remizoff et Jean Chuzeville. Illustrations de Georges Annenkoff. Préface de Luc Durtain. – Paris, Les Editions des Quatre-Vents, 1945. Тираж – 806 экз.; 20 экз. – на тряпичной бумаге «Isle-de-France» специально для «Издательства Четырех Ветров», пронумерованы от I до XX и 6 экз. – не для продажи на той же бумаге, маркированы от А до F; 750 экз. – на бумаге pur fil Johannot, нумерованы от 1 до 750 и 30 экз. – не для продажи на той же бумаге, маркированы Н. С. Иллюстрации в книге ретушированы вручную белой и серой гуашью, раскрашены в технике пошуара. Раскраска осуществлена под наблюдением М. Г. Корнфельда (издатель «Сатирикона»). В моем собрании № V с ориги-

- налом (тушь, гуашь) неопубликованной иллюстрации. № Н. С. с дарственной надписью: «Тиночке, которая помогла мне сделать эту книгу, – Юра. Париж, 1946»; № 139 с дарственной надписью: «Дорогому Ренэ Юльяновичу Герра – с дружескими чувствами – Юрий Анненков. Медон, 1972»; № 363 с экслибри-сом Г. Чижова и надписью А. Ремизова: «Передаю этот авторский экземпляр Глебу Владимировичу Чижову-Холмскому на вербу 1946 13 апреля мое предисловие во 'Встречах' Копытчика в № 2 примечания в рукописи (XI–XII 1944). Alexei Remizoff. 27.III.1946. Paris». На самом деле речь идет о статье А. Ремизова «Скверный анекдот» (Потайная мысль Достоевского из каторж-ной памяти), «Встреча», сборник второй, изд. редакционной коллегии под председательством Сергея Маковского (он же Копытчик), Париж, ноябрь 1945. Сс. 22-28. №№ 411, 451, 458, 489, 531 и большая часть оригиналов.
58. В. *Temiriaseff*. Fâcheuse aventure. Pièce en huit tableaux d'après Th. M. Dostoïevsky. Adaptation française de Robert Dol. Etudes de maquillage de G. An-nenkoff. – Paris : Aux Editions des Quatre-Vents, 1946. Тираж для библиофилов – 50 экз. на бумаге chromo supérieur; 35 экз., пронумерованных от 1 до 35, и 15 экз. не для продажи, пронумерованы от I до XV.
59. Escapade. Film de Léo Joannon d'après un scénario original de Gérard A. Fos-ter. Dialogues de Roger Vitrac. [Без года]. В каталоге четыре акварели Ю. Ан-ненкова, оригиналы хранятся в моем собрании.
60. Romain Pinès présente un film de G. W. Pabst L'Atlantide réalisé d'après l'œuvre de Pierre Benoit de l'Académie Française. Production Nero-S.I.C. Société Internationale Cinématographique. Paris. 1932. Обложка и рисунки Ю. Аннен-кова. Тираж – 1500 пронумерованных экз. на бумаге Rives à la cuve. В моем книжном собрании № 1313 и один оригинал (С. 18).
61. *Бруно Ясенский*. Я жгу Париж. Роман-газета № 8 (20) – М., 1928 / М.: «Московский рабочий» 1929, 251 с. Обложка, портрет автора и 23 рисунка пером Ю. Анненкова – М., 1930 (в книжном формате).
62. Юбилейный вечер журнала «Наш Союз». Программа. – Париж, 18 апре-ля 1936. Обложка программы худ. В. Барт. Задняя обложка Ю. Анненкова. Рисунки программы: худ. Фотинский, Грановский, Федер. В моем собрании хранятся два пронумерованных экз. – № 108 и № 120.
63. Доклад Ильи Эренбурга «С Монмартрского холма и с Воробьевых гор» (об искусстве, о родстве русских художников с французскими, о натурализ-ме, о классицизме и прочем). На докладе председательствовал Ю. П. Аннен-ков. Salle des Sociétés Savantes, 8 rue Danton, Париж, 9 февр. 1926. В 1934 году на Монпарнасе в кафе «Dôme» Анненков нарисовал портрет Эренбурга.
64. Объединение бывших студентов СПб. университета. «Чашка чаю». Ю. П. Анненков поделится своими воспоминаниями об Александре Блоке. Помещение Морского собрания (61, rue Boissière, Paris, 16e) 30 апр. 1961. / «Русская мысль», 27.04.1961; «Русское Воскресенье», национальная надпар-тийная газета, 22.04.1961.

65. *Юрий Анненков*. Русские в мировой кинематографии. – «Возрождение», № 200, авг. 1968. Сс. 122-129; № 201, сент. 1968. Сс. 114-126; № 202, окт. 1968. Сс. 113-121; № 203, ноябрь 1968. Сс. 101-112; № 204, дек. 1968. Сс. 71-83. П. Е. Ковалевский пишет в книге «Зарубежная Россия...» в главе «Кинематограф» о работе Анненкова: «Если бы Ю. П. Анненков не произвел этой кропотливой работы, то совершенно исключительное по своему разнообразию участие русских в седьмом искусстве осталось бы неотмеченным, и поэтому надо быть благодарным ему за его труд». (*П. Е. Ковалевский*. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа Русского Зарубежья за полвека (1920–1970). – Paris, Librairie des Cinq Continents, 1971.)
66. *Magdeleine Paz (Magdeleine Marx)*. Frère noir. – Paris: Ernest Flammarion éditeur, 1930.
67. *Pierre Frondaie*. Contes réels et fantaisistes. – Paris: Emile-Paul Frères éditeurs, 1930.
68. *Gaston Bonheur*. Les Dieux au village. Pièce en trois actes (1943). Dessins de George Annenkoff. – Paris : Aux Editions des Quatre-Vents, 1945.
69. Doré Ogrizek. Paris tel qu'on l'aime. Préface de Jean Cocteau. – Paris : Edition Odé, 1949. Двадцать три цветных полосных иллюстраций для титульных листов каждой новой главы. Для этого же издания делали иллюстрации еще четыре художника-эмигранта: Д. Бушен, А. Серебряков, А. Арнштам и его сын Кирилл. В моем собрании экземпляр с надписью В. И. Мотылевой: «Тиночке виноватый навсегда Юра. Париж, 1950».
70. Histoire de Madame la Comtesse des Barres par Monsieur l'Abbé de Choisy. – Paris: Aux Editions des Quatre-vents, 1945. Тираж – 650 экз. на тряпичной бумаге Vergé pur chiffon, нумерованных от 1 до 620 и 30 экз., не предназначенные для продажи, отмеченные знаком Н. С. К каждому экземпляру прилагается свободная сюита из девяти литографий на несброшюрованных листах по числу глав в книге. Литографии выполнены в монохромном коричневом тоне цвета сангины. Иллюстрации в книге многоцветные. В моем собрании экземпляр со знаком Н. С. с дарственной надписью В. И. Мотылевой: «Тине Анненковой, кому посвящены все мои работы. Юра. Париж, 1946» и экземпляры №№ 137, 225, 390, 535, 576.
71. Histoire de Madame de Sancy par Monsieur l'Abbé de Choisy. – Paris : Aux Editions des Quatre-vents, 1946. Тираж – 650 экз. на тряпичной бумаге Vergé pur chiffon, нумерованных от 1 до 620 и 30 экз., не предназначенные для продажи, отмеченные знаком Н. С. К каждому экземпляру прилагается свободная сюита из девяти литографий на несброшюрованных листах по числу глав в книге. Литографии выполнены в монохромном коричневом тоне цвета сангины. Иллюстрации в книге многоцветные. В моем собрании два экземпляра со знаком Н. С., один с дарственной надписью В. И. Мотылевой: «Дорогому Тинку еще одна маленькая книжечка. Юра. Париж, 1946» и экземпляры №№ 110, 291, 491, 548.

72. L'émigration russe. Revues et recueils, 1920–1980. Index général des articles (Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке, 1920–1980. Сводный указатель статей). – Paris, Institut d'études slaves, 1988. Сс. 28-29, 481 / *А. Толстой*. Анненков Юрий (Жорж) Павлович. Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. – М., РОССПЭН, 1997. Сс. 36-38 / *Е. С. Померанцева*. Анненков Юрий Павлович. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Писатели Русского Зарубежья. – М., РОССПЭН, 1997. С.36-39 / *И. А. Ревякина*. Повесть о пустяках. Сс. 54-55 и *С. А. Коваленко*. Дневник моих встреч. Сс. 55-57. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Книги. – М.: РОССПЭН, 2002 / *Б. Ю. Бобрцов*. Анненков. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь в 3 тт. Том 1 А-Ж. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Сс. 86-88.
73. *Ю. А.* Два короля республики. – «Красный милиционер». № 1 (15), Пг., 1921. Сс. 14-20 / *Анненков Ю.* Гибель богов. – «Жизнь искусства». № 14 (837), Пг., 4 апр. 1922. С. 3.
74. *М. А. Осоргин*. – «Последние новости», № 4725. Париж, 1 марта 1934. С. 3; *В. Ф. Ходасевич*. – «Возрождение», №3200. Париж, 8 марта 1934. С. 3-4; *Ю. Ф[ельзен]*. Б. Темиряев. Повесть о пустяках. Изд. «Петрополис», 1934. – «Числа», №10, Париж, 1934. Сс. 288-289. Фельзен, в частности, писал: «Вот книга, не похожая ни на что другое в эмигрантской литературе, не примыкающая ни к каким ее течениям и движениям. Напротив, 'Повесть о пустяках' слита с иным миром, противоположным эмигрантскому, с литературой советской и еще точнее – с некоторыми романами эпохи НЭПа... К тому же Темиряев природно талантлив...»
75. *В. Унковский*. Повесть о пустяках (письмо из Парижа). – «Новое русское слово», № 7742, Нью-Йорк, 8 апр. 1934. С. 8.
76. *Библиофил (С. А. Риттенберг)*. Б. Темиряев – Повесть о пустяках. – Журнал Содружества, № 7 (19), Viipuri (Выборг), 1934. Сс. 32-33.
77. *П. Балакишн*. Критические заметки: Б. Темиряев – Повесть о пустяках. – «Новое русское слово», № 7756, Нью-Йорк, 22 апр. 1934. С. 8.
78. *Марк Слоним*. Хроника наших лет. – «Иллюстрированная жизнь», № 2, Париж, 22 марта 1934. С. 10.
79. Жюри в составе Г. Адамовича, З. Гиппиус и К. Мочульского. Итоги конкурса были обнародованы в литературном еженедельнике «Звено», № 229, 19 июня 1927 г. Б. Темиряев получил первую премию в 1000 франков.
80. *Глеб Струве*. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 276 / *Глеб Струве*. Русская литература в изгнании. 2-е издание, исправленное и дополненное. – Париж: YMCA-Press, 1984. С. 276 / *Глеб Струве*. Русская литература в изгнании. Издание 3-е, исправленное и дополненное. – Париж – Москва: YMCA-Press – «Русский путь». 1996. С. 187.

81. Mariage. Comédie musicale en 3 actes d'après N. Gogol. Musique de M. Mousorgsky et A. Tchérépnine. Spectacle organisé par Mme Nina Alexinsky. Salle Pleyel, 22 mai et 2 juin 1943. Программа с обложкой и шестью иллюстрациями Ю. Анненкова. В моем собрании хранится экземпляр с дарственной надписью: «Дорогой Тиночке. Юра. Париж, 1943».
82. Изумительный портрет Сергея Шаршуна 1952 г. (бум., тушь). Безусловно, самый удачный, хотя его также рисовали М. Андрееенко, Ф. Гозиассон, Л. Зак, С. Иванов и многие другие.
83. Портрет Бориса Зайцева (56x38,2; бум., кар.) 1968 года подарен мне с надписью: «Вот вам, дорогой Ренэ Юльянович Герра, этот портрет Бориса Константиновича Зайцева. Ю. А.». Был украден в Москве в 1995 г.
84. Мой портрет 1970 года, насколько я знаю, является его самым последним.
85. V. Maiakovski. Paris et poèmes divers. Maiakovski inconnu par Georges Annenkov. Portrait, traduction et notes par G. Annenkov. – Paris, éd. Pierre Jean Oswald, 1958. Для библиофилов было выпущено 40 нумерованных экз. на бумаге Vergé baroque à barbes thè.
86. Б. Темирязов. Ночное путешествие (рассказ). – «Встреча». Сборник Объединения русский писателей во Франции. Париж, июль 1945. Сс. 5-9.
87. Б. Темирязов. Разговор о разговоре. Сс. 67-73 / Ю. Анненков. Второе возрождение и русские художники за границей. Сс. 169-178. – «Новоселье», № 42-44. – Париж – Нью-Йорк, 1950.
88. Литературный вечер, посвященный А. Блоку. Вступительное слово Л.О. Бека. Доклад о творчестве поэта сделал Ю. П. Анненков. – Клуб НТС (125, rue Blomet, Paris 15e), февраль 1961. («Русская мысль», 09.03.1961); Литературный вечер, посвященный Б. Л. Пастернаку. Вступ. слово сказал Л. О. Бек. Доклад о творчестве поэта сделал Ю. П. Анненков. Стихи Пастернака прочли А. Горская и Ю. Анненков. – Клуб НТС, май 1961. («Русская мысль», 27.05.1961); Литературный вечер. С воспоминаниями о Ленине и Горьком выступил Ю. П. Анненков. Краткие речи произнесли В.И.Жестков и В. В. Лазарев. – Клуб НТС, июль 1961 («Русская мысль», 20.07.1961).
89. «Русская мысль». 03.05.1961.
90. Под маской советского искусства. – «Возрождение», № 102, Париж, июнь 1960. Сс. 19-28; Памяти Бориса Пастернака. – «Возрождение», № 102, Париж, июнь 1960. Сс. 130-132; Путь Маяковского. – «Возрождение», № 106, Париж, октябрь 1960. Сс. 62-91; Об Ахматовой в СССР. – «Возрождение», № 184, Париж, апрель 1967. Сс. 122-128.
91. Появлялись и репринтные издания: Дневник моих встреч. Том 1. – М.: «Советский композитор». Без даты (тираж 100 тыс. экз.); Дневник моих встреч. Тт. 1, 2. – М.: «Художественная литература», 1991 (тираж 75 тыс. экз.); Дневник моих встреч. Тт. 1, 2. – Ленинград: «Искусство», 1991 (тираж 50 тыс. экз.); Дневник моих встреч. – М.: Изд. «Захаров», 2001 (тираж 5 тыс.

экз.); Дневник моих встреч. Издание дополненное, под общей редакцией проф. Ренэ Герра. – М.: «Вагриус», 2005 (тираж 5 тыс. экз.).

92. Collection René Guerra ou la peinture de l'âme russe / Коллекция Ренэ Герра, или живопись русской души. Sotheby's. Galerie Charpentier 76, Rue du Faubourg Saint-Honoré, Paris 8e. Список художников: Ю. Анненков, А. Бенуа, Л. Бакст, К. Сомов, И. Билибин, С. Чехонин, Д. Стеллецкий, Н. Калмаков, К. Коровин, Ф. Малявин, Б. Кустодиев, Н. Гончарова, Н. Миллиоти, С. Судейкин, Б. Григорьев, А. Яковлев, Д. Бушен, А. Ремизов, П. Мансуров, С. Шаршун, А. Ланской, М. Андреевко, К. Богуславская, С. Поляков, Н. де Сталь.

Париж, декабрь 2015

Юкио Накано

Из переписки Глеба Струве *К проблеме жанра дистопии**

Вчитываясь в тексты русских писателей-утопистов XX века, понимаешь, что в их дистопиях тема взаимоотношений России и Запада занимала важное место. Творчество А. Чаянова и Е. Замятина убедительно отразило, в том числе, и этот межкультурный конфликт. Их утопии, написанные в 1920-х годах, переизданные и прославившиеся после Второй мировой войны в США, указали на дихотомию России как родины дистопии XX века и Запада как мишени русского утопического воображения. А помог разобраться в этом современному читателю эмигрант, литературовед Глеб Петрович Струве.

В предисловии к книге Александра Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» Глеб Струве упоминает Дж. Оруэлла и говорит о ярком контрасте между утопиями этих двух авторов. Согласно Струве, утопия Чаянова отличается и от дистопии Оруэлла, и от сатирической утопии Замятина. Он вспоминает: «...начатое в 1920-м году, главное действие повести Чаянова происходит, как и у Орвелла, в 1984 г., когда герой ее, Алексей Кремнев, пробуждается от долгого сна в стране крестьянской утопии. Совпадение дат в повести Чаянова и в романе Орвелла весьма занятно, но, вне всякого сомнения, совершенно случайно. Орвелл об утопии Чаянова почти наверное никогда не слыхал и не мог слыхать: он и [о] романе Замятина узнал впервые от меня, а я должен сознаться, что о 'Путешествии' Чаянова совершенно запомнил, когда писал свою книгу о советской литературе, о чем сейчас могу только со стыдом жалеть»¹. Оруэлл читал книгу Г. Струве «Советская и русская литература» и нашел в ней имя Е. Замятина, сделал даже заметки о его утопии для своего будущего романа «1984», но ничего не знал о

* Данное исследование было сделано при поддержке Grant-in-Aid for Young Scientists (B), JSPS KAKENHI Grant Number 25770126. В статье использованы материалы архива Gleb Struve Papers в the Hoover Institution Archives, Stanford University, а также The Aleksander Bacherac Papers и The Vladimir Weidle Papers, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive, Columbia University. Автор благодарит архивы за предоставленную возможность работать с данным материалом.

Чаянове. О выборе даты «1984», так странно совпавшей с чаяновской, Г. Струве пишет: «В случае Орвелла выбор даты был почти наверное продиктован простой перестановкой двух последних цифр: хотя он и начал писать роман несколькими годами раньше, готов он был к изданию в 1948 г. Что касается Чаянова, то выбор им той же даты был более или менее произволен: он, очевидно, решил показать, чем будет крестьянская Россия ровно через полвека после свержения большевиков.»² Как предположил Р. Смит, профессор Бирмингемского университета, в комментариях к книге Чаянова, оба писателя могли позаимствовать «1984» из 21-й главы антиутопии Джека Лондона «Железная пята» (1908)³: «Ныне объявлено, что предстоит новый набор для строительства Эсгарда – чудо-города, который должен намного превзойти Ардис, когда последний будет окончательно завершен. (Сноска 118: ‘Строительство Ардиса было завершено в 1942 году, строительство Эсгарда — только в 1984 году хр. эры. (Курсив мой. – Ю. Н.) Всего Эсгард строился пятьдесят два года. В работе принимала участие постоянная полумиллионная армия рабов. Временами число их превышало миллион, не считая сотен тысяч рабочих из привилегированных каст и множества архитекторов и художников’)⁴. Предположение Смита имеет основания. 12 июля 1940 года в журнале «Трибун» Оруэлл опубликовал рецензию на четыре книги: «Железную пята» Джека Лондона, «Когда спящий проснется» Герберта Уэллса, «О дивный новый мир» Олдаса Хаксли и «Секрет лиги» Эрнеста Браммы: «Стоит сравнить ‘Железную пята’ с другим художественным романом о будущем, который был написан немного раньше и которому ‘Железная пята’ кое-чем обязана, а именно – ‘Когда спящий проснется’ Г. Д. Уэллса...»⁵

Первый русский перевод «Железной пята» увидел свет в 1912 году, так что и у Чаянова была возможность прочитать Лондона, к мысли о котором он мог вернуться после событий 1917-го (дата, которая также фигурирует в романе Дж. Лондона). Первая часть книги А. Чаянова «Путешествие моего брата...» была опубликована в 1920 году, книга осталась неоконченной. Смит в своих комментариях также упоминает о возможной связи между Замятиным и Чаяновым: Замятин писал роман «Мы» в 1920–1921 годах, когда утопия Чаянова была уже опубликована.

Глеб Струве был знаком с этими тремя писателями. И сделал многое, чтобы их наследие не пропало для русской литературы. Как уже говорилось, он познакомил Оруэлла с произведением Замятина и подарил ему французский перевод романа «Мы». (Глеб Струве вместе со своей второй женой, Мари Кригер, перевел роман Оруэлла «Скотский хутор» на русский язык. Перевод широко распространял-

ся среди русских эмигрантов. Украинский историк Игорь Шевченко также перевел текст Орвелла на украинский язык, и известно, что его перевод распространился уже в лагерях ди-пиб⁶.)

Когда в Нью-Йорке было открыто Издательство им. Чехова, Струве предложил выпустить роман «Мы», что и было сделано в 1952 году. 31 марта 1976 года Глеб Струве опубликовал свое предисловие к переизданию чаяновского «Путешествия...» в «Новом русском слове»⁷. 25 октября 1979 года Александр Бахрах опубликовал свои воспоминания о Чайнове в парижской газете «Русская мысль» и Глеб Струве сразу отреагировал на публикацию, указав на ошибки. В письме Струве Бахраху от 13 ноября 1979 года он пишет: «Хочу сказать несколько слов о Вашей статье. Меня огорчило, что несмотря на всю мою переписку с Вами о Чайнове, Вы допустили в ней фактические неточности. <...> Простите, что я ставлю Вам на вид Ваши ошибки или неточности, но мне кажется, что, если уж воскрешать Чайнова (я полагаю, что этот очерк должен войти в Вашу книгу), то лучше по возможности избежать фактических ошибок. А во всем остальном Ваша статья – прекрасная.»⁸ Напомним, что произведение репрессированного А. Чайнова в СССР было недоступно. (Арестованный по делу «Трудовой крестьянской партии», «кулацко-эсэровской группы Кондратьева – Чайнова», он был расстрелян в 1937 г. в Алма-Ате). В Зарубежной России его «Путешествие...» также забыли. Как заметил Струве в письме Бахраху, роман был переиздан в восьмитомном собрании сочинений А. Чайнова лишь в 1967 году во Франции. Книга с предисловием Глеба Струве была издана в 1981 году.

Надо отметить, что после переезда в США в 1950-е годы (Струве начал работать на кафедре славянских языков в Беркли с 1 июля 1947 года⁹), Глеб Петрович проделал невероятно большую работу по изданию запрещенных русских писателей, как и писателей-эмигрантов. В 1950–1960-х годах Глеб Струве и Борис Филиппов издали Мандельштама, Ахматову, Пастернака, Цветаеву и др. Эти издания стали основой для исследований по русской литературе XX века даже в Советском Союзе.

Известно, что Г. П. Струве контактировал с литературоведами на его родине. В письме Владимиру Вейdle от 3 ноября 1962 года он упоминает: «Я недавно получил интересный биографический материал об О. Э. Мандельштаме, а также кой-какие неопубликованные его произведения. По секрету могу Вам сказать, что кое-что из этого будет мною напечатано (под псевдонимом) в ближайшем номере ‘Мостов’. И также под секретом: материал этот идет от одного очень известного советского литературоведа <...> которого Вы, может быть, знали. Я за этот год установил – к сожалению, пока чисто временный – контакт

с некоторыми людьми там в литературном и академическом мире и знаю, какой там интерес ко многому, что издается здесь»¹⁰

Владимир Вейдле был одним из важных и постоянных адресатов Г. П. Струве. В письме от 15 августа 1935 года (в этот период они оба были авторами франкоязычной газеты «Le Mois») Струве пишет: «Я хотел послать Вам свою книгу о советской литературе, но, к сожалению, не располагал достаточным количеством экземпляров; издатель же мой страшно скуп на рассылку рецензионных экземпляров. Я все же убедил его послать экземпляр в ‘Le Mois’, и если, как я надеюсь, Вы там еще работаете, то, вероятно, Вы видели книгу.»¹¹

Книга «Советская и русская литература» была издана в 1935 году в британском издательском доме «Routledge». В предисловии Струве упоминает о своем предшественнике в London University Дмитрие Святополк-Мирском и о своем долге продолжить просветительскую и исследовательскую работу Мирского (как известно, ученый покинул Англию в 1932 году, вернувшись в СССР, где и погиб в ГУЛаге)¹².

В письме Владимиру Вейдле от 25 февраля 1977 года Г. Струве вспоминает: «Я Мирского в 1922 году встречал в Лондоне, но позже видел только раз – в окно, когда он уже стал членом британской коммунистической партии и готовился к отъезду, а я сел на его место в Лондоне <...> Я собираюсь с одним молодым английским славистом, который давно собирает материал о Святополке-Мирском и хочет писать книгу о нем, напечатать ее одновременно по-русски и в его английском переводе»¹³. Возможно, что этим славистом был Джеральд С. Смит, который впервые издал биографию Д. Святополка-Мирского на английском языке. У Струве имя молодого слависта часто появлялось и в переписке с другими писателями.

О себе, о прошлом, Глеб Петрович писал редко. Одним из таких воспоминаний является письмо Владимиру Вейдле от 14 апреля 1977 года: «Я знал, что Вы учились на историческом отделении, но думал, что Вы могли все же бывать в пушкинском семинарии и встречать Оксмана и Маслова. Впрочем, вспоминаю, что Вы где-то писали, что филологов своего поколения в университете почти не знали. Сам я Оксмана не знал (мое эпистолярное знакомство с ним относится к 60-м годам), но он хорошо знал другого филолога этого поколения, Юрия Ал-дровича Никольского (Вы, может быть, помните его работы о Фете? кое-что было напечатано в зарубежной ‘Русской мысли’). А Юра Никольский был старшим братом моего самого близкого товарища по Выборгскому коммерческому училищу Сережи Никольского. Мы в последних классах сидели за одной партой. Вместе начинали писать стихи. Оба напечатали в нашей ‘Школьной газете’ статьи о выставке ‘Трамвай В’»¹⁴. Эссе «Трамвай В», написанное в марте 1915

года, было переиздано к восьмидесятилетию Г. П. Струве в «Русской мысли» 4 мая 1978 года¹⁵.

Когда Струве издал книгу «Русская литература в изгнании» в 1956 году, первый период Чеховского издательства уже заканчивался. Книга явилась началом исследования о русской и советской литературе как о едином процессе. По словам Струве цель его книги была «дать максимально объективную картину развития русской эмигрантской литературы»¹⁶. Струве последовательно проводил мысль о русской зарубежной литературе как о «временно отведенном в сторону потоке общерусской литературы». Он верил, что этот поток «вольется в общее русло» русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Струве Глеб*. О Чайанове и его утопии. Предисловие // *Ив. Кремнев (А. Чайанов)*. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. – Нью-Йорк: «Серебряный век», 1981. С. 8.
2. Там же. Сс. 8-9.
3. *Смит Р.Е.Ф.* Несколько слов об источниках романа Г. Орвелла «1984» // *Кремнев Ив. (А. Чайанов)*. Указ. соч. С. 92.
4. *Лондон Джек*. Железная пята. URL: http://royallib.com/book/london_dgek/geleznaaya_pyata.html
5. *Orwell George*. Review of *The Iron Heel* by Jack London; *The Sleeper Wakes* by H. G. Wells; *Brave New World* by Aldous Huxley; *The Secret of the League* by Ernest Bramah. // *The Complete Works of George Orwell*. Volume 12. – London: Secker & Warburg. 1998. P. 210.
6. *Grimes William*. Ihor Sevcenko, Byzantine and Slavic Scholar, Dies at 87. – New York Times, 5 Jan. 2010.
7. *Струве Глеб*. Об Чайанове и его утопии. // НРС, 31 марта 1976.
8. The Aleksander Bacherac Papers Box 4, Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.
9. Gleb Struve Papers, Box 1-8, Hoover Institutions Archives, Stanford University. Copyright Stanford University.
10. The Vladimir Weidle Papers. Box 3. Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.
11. The Vladimir Weidle Papers. Box 3...
12. *Struve Gleb*. Soviet Russian Literature. – London: George Routledge & Sons, Ltd., 1935. viii.
13. The Vladimir Weidle Papers. Box 3...
14. Ibid.
15. *Струве Глеб*. Мой литературный дебют. – «Русская мысль», 4 мая 1978 г.
16. *Струве Глеб*. Русская литература в изгнании. – Париж: YMCA-Press, 1984. Сс. 6, 7.

Амир Хисамутдинов

Православие и русская Аляска

Становление русской общины в Северной Америке берет начало с продажи территорий Российско-Американской компании (РАК). 30 марта 1867 г. был подписан договор об этом, а 18 октября того же года в Ново-Архангельске состоялась передача всей территории американским представителям. На основании 3-й статьи договора русское население имело право в течение трех лет вернуться в Россию или же принять американское гражданство. До 1877 г. все население Аляски находилось в подчинении военных властей США, затем руководство перешло к департаменту казначейства. Многие отмечали, что американцы в это время управляли населением гораздо хуже, чем правление РАКа. Наблюдалось повсеместное притеснение как коренного населения, так и немногочисленной русской общины. Повсеместно стали закрываться школы, открытые в свое время РАКом. А. Гончаренко заявлял: «Несчастливые дети в Аляске со дня перемены флага шлеются на улицах в праздности и пьянстве. Русское духовенство на Аляске вовсе оставило детей без всякого призрения»¹.

Многочисленные жалобы о притеснении русских дошли до Санкт-Петербурга. 123 русских и креолов, в основном пожилые люди, бывшие служащие РАКа, обратились с общим ходатайством помочь им переехать во Владивосток. При детальном рассмотрении прошения выяснилось, что вовсе не все подписавшие его хотят вернуться в Россию, большинство просто испытывают материальные проблемы. Это письмо заставило американские власти беспокоиться, и сенатор Гаррисон внес соответствующий законопроект. С 5 мая 1884 г. вступил в силу закон, установивший гражданское управление Аляской. «Одним словом, – писал Г. Лозинский, – поторопившись с продажей Аляски, правительство обнаружило большую непредусмотрительность в отношении населения, говорившего на русском языке и православного. В результате получился чрезвычайный урон для русского дела, уцелевшего только благодаря тем глубоким корням, которые оно успело пустить, вопреки всем ожиданиям, в сознание не только креольского, но и туземного населения»².

Назвать точную цифру русских, оставшихся на Аляске, трудно,

но несомненно то, что это число было незначительным. В то же время здесь жило немало смешанных семей. «Былая русская отсталость, – писал И. К. Окунцов, – чувствуется в Аляске и по сие время. Там по праздникам все еще напевают: ‘Придытэ выно пийте!’ Пьют почти все русские люди. Пьют и их пастыри. Экономическое положение их незавидное. Много работают, охотятся, рыболовничают, но мало получают, а условия жизни дорогие. В Аляске все, кроме рыбы и мяса, дорого. Все же там есть значительное скопление русских выходцев»³. Повсеместное оживление американской экономики в начале 20 века внесло некоторое изменение в жизни русских на Аляске.

В 1907 г. на Аляску привезли группу жителей Кавказа для работы на железной дороге. Для их вербовки на Кавказ отправился американец, который заманивал всех рассказами о том, как много на Аляске золота. Набралась группа из 40 осетин и черкесов, которые через Либаву выехали в Нью-Йорк. «Когда пароход подходил к Статуе Свободы, – писала газета «Новая заря», – горцы решили выйти на американскую землю в черкесках с газырями, в папахах, с кинжалами и шашками, в ноговицах. Когда пароход подошел к пристани, кавказцы выстроились и представляли красивое зрелище. Иммиграционные власти были так удивлены и поражены, увидев неизвестных людей в невиданной форме, вооруженных, что они запросили свое бюро, что делать с горцами. Не представляло ли это вооруженное нападение на Америку? В конце концов их спустили на берег, но они очутились под арестом. Кавказцы не знали английского языка, и не было никаких переводчиков. Наконец, иммиграционные власти попросили священника русской церкви помочь им разобраться с кавказцами»⁴. Под поручительство священника прибывшим разрешили спуститься на берег. Вскоре они уехали в Сиэтл, а оттуда на Аляску. Здесь они хорошо обустроились. «У кавказцев много детей – настоящие ингуши, – писал тот же Окунцов. – Иные тут пооткрывали духаны. У некоторых имеются упряжки собак в 800 долларов или оленьи фермы. Кавказцы мечтают о том времени, когда они смогут перебраться на Анадырь и похозяйничать в северо-восточном углу Сибири»⁵.

Во время деятельности РАКа ее главная контора располагалась в Ново-Архангельске (Ситка). С продажей компании русских здесь почти не осталось, но продолжала действовать Свято-Михайловская церковь, построенная в 1848 г. Вокруг ее прихода и собирались немногочисленные русские жители окрестных мест. Важным событием в истории Ситкинской церкви было посещение ее президентом Гардингом 22 июля 1923 г. Епископ Алексей преподнес ему просфо-

ру с изображением на ней Казанской иконы, а церковный староста П. И. Костромитинов – часть кольчуги А. А. Баранова. В 1927 г. все документы на Ситкинский кафедральный собор были переданы митрополиту Платону. Прихожане решили восстановить права на управление церковью и предложили Иоанну (Злобину) вернуть в Ситку церковное имущество, в частности, книги. Собор, красивый памятник старины, сгорел 2 января 1966. При пожаре погибло много редчайших вещей. В ноябре 1976 г. состоялось торжественное освящение восстановленного храма. В Ситке существовали также русский приют для мальчиков и единственная русская семинария, которая была закрыта в 1909 г.

В столице штата Аляска Джуно имелся небольшой приход. В 1894 г. из Москвы были присланы деньги на постройку Свято-Николаевской церкви и приходского дома. Немного позже поступили средства на постройку школы. Земля для этих построек была пожертвована. Имелась земля и для православного кладбища. Со временем многое стало приходиться в запустенье. Из-за финансовых сложностей был продан церковный дом. Так как приход был немногочисленный, верующие так и не смогли его сохранить. К 1930 г. в Джуно жило еще несколько русских. Один из них, А. Кашеваров, говорил: «Я считаю себя русским, и мы между собой говорим по-русски и думаем по-русски. Мы – это несколько семейств, которые остались на Аляске после 1867 г.»⁶.

Единственным связующим звеном бывших служащих РАКа и членов их семей друг с другом была Православная Церковь. Священный Синод регулярно выделял средства как на постройку храмов, так и на поддержание школ. Последний (времени РАКа) епископ Аляскинский Павел вернулся в Россию. В 1870 г. Ново-Архангельская викарная епископская кафедра стала самостоятельной, и епископ Иоанн (Митропольский) получил титул Алеутского и Аляскинского. В 3-й статье договора о продаже территорий РАКа была статья о том, что Православная Церковь будет находиться под защитой правительства США. К сожалению, в дальнейшем все сложилось иначе. «Мы имеем здесь два кладбища, – писал Митропольский, – одно (общее) – вне городской крепости, а другое частное (малое) – в городе. Как скоро снят был военный пост, разрушение началось с общего кладбища. Там изрублены и перетащены все кресты и оградки на могилах, так что теперь нет и следа кладбища. Затем сломана и растаскана городская крепость, разрушена вся ограда нашего малого кладбища, и начинается разрушение самого кладбища, рубятся кресты и растаскиваются оградки на могилах. На этом кладбище была православная церковь, которая за ветхостью, года четыре назад, была

разобрана, а на том месте, где был святой престол, поставлена маленькая часовенка, огороженная с четырех сторон. В настоящее время пол ограды уже разрушен, а скоро можно ожидать разрушения и самой часовенки»⁷. Разрушения коснулись построек Православной Церкви по всей Аляске; налицо было сворачивание православной деятельности.

В 1872 г. кафедру епископа перевели в Сан-Франциско. Несмотря на это, архиереи продолжали больше следить за деятельностью Православной Церкви на Аляске, чем на других американских территориях. Много трудностей выпало на долю епископа Нестора. Во время одной из поездок он решил покончить жизнь самоубийством, выбросившись в море. «С одной стороны, – писал епископ Леонтий, – у него было на ответственности огромное дело устройства кафедры в Сан-Франциско, при необходимости выказать свет Православия пред инославием, со всем величием и красотой богослужебных форм нашей отечественной Церкви, притом в самых культурных условиях современной жизни. С другой стороны, его томило духовное обязательство не оставлять без душевного попечения простосердечных и убогих пасынков природы в северной Аляске, нуждавшихся в постоянной привязанности, в заботах о них и в жизни с ними в самых примитивных условиях сурового севера»⁸.

После смерти епископа Иоанна аляскинские приходы управлялись из Санкт-Петербурга, а на местах – Аляскинским духовным правлением. В сентябре 1891 г. Алеутскую кафедру занял епископ Николай. В это время здесь было 9 приходов и 30 часовен, прихожанами которых являлось 15 тыс. человек. Постепенно православная жизнь стала налаживаться, и на рубеже 19 и 20 веков достигла своего расцвета. В 1904 г. на Аляске по отчету епископа Иннокентия было 20 церквей, 60 часовен, 20 священников и 40 учителей. В основном прихожанами были представители коренных народностей. Действовала Уналашская школа, которая получила в 1893 году название «Двуклассная церковно-миссионерская школа с причетническим курсом имени Иоанна Вениаминова»; также существовал детский приют имени Сергия Радонежского; были открыты школы в Ситке (им. Иннокентия Вениаминова) и в Кадьяке. В 1906 г. произошло еще одно знаменательное событие. Указом Священного Синода от 31 октября Чукотская миссия была присоединена к Аляскинскому викариату – благодаря тому, что туда было легче добраться. 1 сентября того же года Иннокентий открыл Ситкинскую семинарию.

Во время Первой мировой войны была предпринята попытка возрождения русской культуры на Аляске. Свидетельством этого

стало издание журнала «Православная Аляска», первой номер которого вышел в конце 1916 года, а второй – в феврале 1917 года (28 с.). Затем вновь наступил застой. «Русский язык, – писал епископ Алексей, – до сих пор сохранился среди туземцев во многих местах Аляски благодаря Церкви. Богослужение совершается на церковнославянском языке. Конечно, американцы стараются ввести английский язык. С этой целью везде открыты Public school, и русский язык исчезает»⁹.

В 1929 г. на Аляску приехал архимандрит Иоанн. Вначале его назначили настоятелем на острове Св. Павла, а в 1936 г. перевели настоятелем кафедрального собора в Ситке. В 1942 г. он был назначен администратором церковью Аляски. Его деятельность на этом поприще была успешной. 10 марта 1946 г. в Свято-Троицком соборе Иоанн был хиротонисован в сан епископа. Своей ближайшей задачей он поставил открытие пасторской школы. В то время на Аляске жили и русские священники. На о. Святых Петра и Павла с 1937 г. служил священник М. Баранов, который занимался и просветительской деятельностью среди русских, постоянно публикуя свои впечатления о жизни на Аляске. На этом острове проживали около 250 православных алеутов.

Американские православные деятели не оставляли Аляску без внимания. Первым в Америке, кого Церковь решила канонизировать, стал монах Герман, похороненный на о. Еловый, около Кадьяка (постановление собора Американской митрополии от 11 марта 1969)¹⁰. Долгое время на о. Кадьяк служил архимандрит Герасим Шмальц, бывший монах Оптиной пустыни, который провел на острове полвека. Он писал: «Русский язык еще слышен, но уже не в каждом селении. Его забывают дети русских отцов и алеуток-матерей. И удивляться тут нечему, так как русских школ у нас нет, зато американские – в каждом селении; американизация идет всюду, русское вовсе вытравливается. Богослужение в своей церкви я служу по-славянски, а проповедую по-русски. Но в других селениях, где по-русски никто не знает, возгласы приходится говорить по-английски, а проповедовать при помощи переводчика»¹¹. Особенно большие проблемы возникали, если свирепствовали эпидемии, когда целые селения вымирали, а выжившие дети отдавались в протестантские приюты или семьи. Естественно, никто из них уже не знал о своем русском прошлом.

Аляска постоянно входила в состав Северо-Американского митрополичьего округа. К 1938 г. на ней было 16 приходов, около 10 часовен, церковью в Ситке, Джуно, на о. Прибылова и т. д. Такое устойчивое положение продолжалось многие годы. Епископ Алексей отмечал:

«Моя паства насчитывает около 8 тысяч душ, все туземцы, большинство из них алеуты, которые считают себя русскими, хотя по-русски они не говорят»¹². К 1947 г. на Аляске находилось до 100 церквей и часовен, прихожанами которых были алеуты, эскимосы и другие коренные народности. Одно время некоторые приходы хотела занять Московская патриархия, но американские власти не дали разрешения.

Русская периодическая печать Аляски зародилась в Сан-Франциско благодаря Агапию Гончаренко, священнику из Греции, бежавшему в Англию. Одной из причин этого, как писал сам Гончаренко, был его предполагаемый арест за «сочувствие крепостным братьям, проповедовал их освобождение»¹³. Поработав у Герцена, Гончаренко решил уехать на Аляску, чтобы быть ближе к России. 1 января 1865 г., имея греческий паспорт на имя священника Агапия из Афин, Гончаренко высадился в Бостоне. Имея тесные связи с Герценом и Огаревым в Лондоне, он хотел основать на Аляске независимое русское издание, которое могло бы снабжать нелегальной литературой русский Дальний Восток. Гончаренко стал первым русским и греческим православным священником в США и сыграл важную роль в жизни русской диаспоры в Америке. Сразу по приезде он открыл русскую домовую церковь на квартире греческого консула в Нью-Йорке, затем освятил место для будущей церкви в Новом Орлеане. Чтобы заработать деньги для типографии, Гончаренко преподавал греческий язык и занимался граверными работами. Вскоре он купил шрифты и отправился в Калифорнию, чтобы оттуда уехать на Аляску. 6 ноября 1867 г., приехав в Сан-Франциско, он узнал, что территория Российско-Американской компании продана США. Понимая, что в Ситке он сразу же попадет под цензурную власть американских военных властей, Гончаренко решил обосноваться в Сан-Франциско и оттуда посылать литературу на Аляску.

В первом номере своего издания А. Гончаренко писал: «Мы видим, что Америка и Сибирь обращаются лицом к лицу, чтобы работать вместе на пользу человечества. Понимая это, мы поставили в Америке русский станок, сознавая, что книгопечатание есть единственное средство соединять народы, низвергать всякого рода идолов и способствовать благоденствию народов»¹⁴. Чуть позже Гончаренко более конкретно пояснил цель своего издания. С одной стороны, он хотел заняться просветительской деятельностью среди русских в Америке, не оставляя без внимания и алеутов, знающих русский язык. С другой, – его привлекала возможность распространять свое независимое издание в Сибири и на русском Дальнем Востоке.

Со временем Гончаренко пришлось отказаться от распространения своего издания в России, и он целиком сконцентрировался на тихоокеанском побережье США. Особенно важное значение он придавал разъяснению прав бывших служащих РАКа, оставшихся на постоянное местожительство в Америке. «Вы находитесь теперь в отношении к другим штатам или областям как младший несовершеннолетний брат к старшему – совершеннолетнему. В скором времени из Вашингтона будет определен временный управитель, он изъяснит вам установления, законы и обычаи Союзного народа, заведет школы и устроит порядок во всем. Через год или два, когда вы обучитесь Союзным порядкам, сами себе изберете управителя между вами. Кто знает, быть может, Иван или Петр, которые теперь занимаются рыбной ловлей, через два года будет губернатором в вашей стране (будет таким барином, как бывший ваш князь Максутов). В республике управители избираются выборно, да Петр, рыбак, умный малый, он сумеет делать порядки в Вашем округе, дадите за него большинство голосов, и он будет губернатором. В Америке – у кого голова на плечах и в голове-то не пусто, тот князь, тот барин. А глас Народа – глас Божий!»¹⁵.

Гончаренко объяснял, что никаких обязательств у русских перед компанией нет. Они могут покупать и продавать, где хотят. Немаловажным было и то, что Гончаренко сообщил сведения о минимальной заработной плате (5 долларов в день), существовавшей тогда в США. Гончаренко настаивал на продолжении просвещения русского населения на Аляске, на замене военного положения гражданским управлением. Он посылал бесплатно около 200 номеров своего журнала на Аляску. «Несмотря на все свои неудачи и трудности, – писал он, – я иду по начатому пути прямо, не отступаю ни на один шаг перед сопротивлением врагов моих и врагов справедливости. Я хочу правды, стремлюсь к пользе вашей и, веря в успех, иду грудью вперед, не оглядываясь на прежние неудачи, смотря на победу с надеждой и верой. Прощу вас, друзья мои, действуйте со мною и не отвергайте моих братских советов. Я один не могу достигнуть цели, т. е. вашего благоденствия. Вы должны помочь мне трудолюбием, честностью и трезвым поведением заслужить уважение американцев»¹⁶.

Подводя итог своей годовой деятельности, Гончаренко писал: «Тяжелое было время! Я был писателем, наборщиком, заносчиком, делал всю работу сам, один, работал до усталости, до умерщвления, сокращая расходы, чтобы даром посылать вам журнал, дабы вы знали, что вы – свободны, что вы – граждане республики. Невольная сила меня влекла к вам. Были минуты, что я отчаивался в продолжении моей работы, издержки требовались большие, от вас я не полу-

чал вознаграждения за труд. Но русский человек, страдающий от депрессии богатства с одной стороны, а, с другой, – сибиряки каторжные, полные доблести и чести, далее наши свободные лондонские друзья, их знакомые виды и образы давали нам веру и силу работать для вас во имя Свободы»¹⁷. Эти слова были напечатаны в последнем номере его журнала.

Перед началом Второй мировой войны большого русского населения на Аляске не наблюдалось. Из Харбина сюда перебралась небольшая группа русских. Когда бывший офицер капеллевской армии С. В. Меркурьев организовал Общество ветеранов Великой и Гражданской войн, оно насчитывало всего 8 человек. После окончания войны русская община Аляски пополнилась за счет русских староверов, которые сначала уехали из Китая в Бразилию, а оттуда в штат Орегон, где их беспокоила проблема ассимиляции.

«В Орегоне нам стало трудно, – писала Олимпиада Басаргина, – потому что американцы окружали нас, и для пользы детей мы стали думать о переезде на другое место. Мы стали посылать людей в Аляску, чтобы они осмотрели местность. Прохор Мартюшев и Григорий Гостевский ездили на Аляску несколько раз и нашли эту землю. Прохор и Павел Касачев поехали покупать землю в кредит, но дали часть денег наличными»¹⁸. 22 июня 1967 г. русские приобрели 640 акров земли в южной части Кенайского полуострова. Вскоре началось переселение из Орегона¹⁹. В новом поселке, получившем имя Николаевск-на-Аляске, был избран Волостной совет. К 1974 г. жители построили новую школу, в которой имела русская программа. «Все старообрядцы нашего поселения, – писал П. Г. Мартыненко, – носят исключительно свои национальные костюмы: вышитые рубашки, широкие цветные сарафаны. Также и дети в школу ходят в своих костюмах. Благо, в Америке не наблюдается никакой формы. Учителя обоего пола приобрели наши костюмы и нередко приезжают в национальных костюмах. Жизнь наша на Аляске стабилизируется с каждым годом. Развели молочный скот, кур, огороды, оранжереи. Главная доходная статья – рыбный промысел»²⁰. В настоящее время в Николаевске-на-Аляске возводится новый православный храм.

Анализируя этапы русского присутствия на Аляске, можно сделать вывод, что его расцвет пришелся на период деятельности Российско-Американской компании. В дальнейшем число русских пополнялось лишь за счет редких переселенцев и сезонных рабочих, но память о русской истории в 49-м штате Америки сохраняется. В море слышатся русские позывные старообрядцев-рыбаков, в православные храмы по-прежнему заходят коренные жители Аляски, помня заповеди своих предков, а на географических картах навечно

остались русские имена. Тема Русской Америки остается очень популярной в России: продолжают выходить книги и статьи, посвященные истории Российско-Американской компании, время от времени совершаются научно-туристические поездки из России на Аляску. Российские чукчи нередко заезжают к своим соседям-эскимосам, а Берингов пролив становится местом спортивных соревнований двух стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гончаренко А. Благодарность и просьба // *Alaska Herald*. 1869. № 26 (1февр.). С. 6.
2. Лозинский Г. Русская печать в Аляске и для Аляски // «Временник» Общества друзей русской книги. 1938. Вып. 4. С. 242.
3. Окунцов И. К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке / Предисл. изд-ва. – Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. С. 73.
4. М. Т. Зароченцев. Об Аляске // «Новая заря». 1946. 25 сент.
5. Окунцов И. К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Предисловие... – С. 74.
6. Цит. по: Гельригель А. Русские американцы в Аляске // «Новая заря». 1931. 25 дек.
7. Митропольский Н. Ситха после 1867 года // Юбил. сб. в память 150-летия Рус. Православ. Церкви в Сев. Америке / С архипастырского благословения Его Высокопреосвященства Высокопреосвященного Феофила, архиепископа Сан-францисского, митрополита всея Америки и Канады. Ч. 2. – Нью-Йорк: Изд. юбил. комиссии, 1945. С. 81.
8. Леонтий. Постепенное уяснение собственных задач Православной Церкви в Новом Свете: Епископы Иоанн и Нестор // Юбил. сб. в память 150-летия Рус. Православ. Церкви в Сев. Америке... Сс. 84 -87.
9. Цит по.: Лозинский, Г. Русская печать в Аляске и для Аляски... С. 250.
10. Причисление старца Германа Аляскинского к лику святых // «Новая заря». 1969. 20 марта.
11. Как живут на Аляске // Хлеб Небесный. – Харбин, 1930. № 9. Сс. 31-32.
12. Церковная жизнь на Аляске / Беседа с епископом Алексием Алеутским и Аляскинским // «Новая заря». 1938. 12 янв.
13. Гончаренко А. Мое – вкратце: (Автобиография) // *Alaska Herald*. 1868. № 23 (15 дек.). С. 6.
14. Гончаренко А. (Обращение к читателям) // *Alaska Herald*. 1868. № 1 (1 марта.). С. 4.
15. Гончаренко А. Руссо-американцы и алеуты! // *Alaska Herald*. 1868. № 12 (1 июля). С. 6.
16. Гончаренко А. Руссо-американцы и алеуты! // *Alaska Herald*. 1868. № 23 (15 дек.). С. 8.

17. *Гончаренко А.* Руссо-американцы и алеуты! // *Alaska Herald*. 1869. № 27 (15 февр.). С. 7.
18. *Basargin O.* A story of Николаевск (Nikolaevsk): As told to O. Basargin by S. Kalugin / Ed. and transl. O. Basargin and etc. – Alaska: Nikolaevsk school, 1984 (May). P. 1. Рус. и англ.
19. *Мартюшев П.* Николаевск-на-Аляске // «Родные дали». – Лос-Анджелес, 1978. № 292 (июль). Сс. 28-30.
20. *Мартыненко П. Г.* Николаевск на Аляске // «Русская жизнь». – Сан-Франциско, 1978. 15 апр.

Владивосток

Валентина Синкевич

«Обратная гениальность»

«Обратная гениальность» – это выражение Владислава Ходасевича (1886–1939). Такое качество он находил у некоторых поэтов, присылавших ему стихи для отзыва в печати. Он говорил, что «написать гениально-плохие стихи так же трудно, как и гениально-хорошие». (Слова Ходасевича цитирует Юрий Терапиано (1892–1980) в своей мемуарной книге «Встречи», 1953). Можно прибавить, что «гениально-плохие» стихи писались и пишутся во все времена поэтами, нередко твердо уверенными в своей гениальности (без слова «обратной», конечно). Трудно ли дается им творчество? Судя по впечатляющему объему их продукции – не очень. Нередко эти поэты энергично «проталкивают», вернее – героически «пробивают» свои творения в печать. Во «Встречах» Терапиано приводит стихи таких поэтов.

Например, сохранились такие строки белградского поэта (попавшие уже в интернет), в красно-синих тонах описавшего самоубийство Иуды Искарриота: «Висел Иуда на осине – / Сначала красный, после – синий». К сожалению, только две эти строчки сохранились, сама поэма на евангельскую тему погибла с архивом Ходасевича во время войны. Он скончался за год до захвата Парижа фашистами. Нацисты сослали его вдову-еврейку в концлагерь, квартиру разграбили, а бесценный архив, в котором многое было вывезено еще из России, варварски уничтожили.

А вот еще образец «обратной гениальности» из книги Терапиано. Варшавский поэт Лев Гомолицкий так изображает воскресение усопших:

...Усопшие играют детки:
О смерть, где мудрый твой ужал?
И в саване какой-то ветхий,
Стуча костями, пробежал.

Можно заметить, что «обратная гениальность» не исключает живое воображение и своеобразный поэтический словарь, не лишенный неологизмов. Ведь Гомолицкий дает нам почему-то отсутствующую

щее в русском языке, слово «ужал». Беззубые змеи и пчелы *жалят*, а не кусают своим ядовитым *жалом*, и на теле ужаленного остается именно «ужал», а не укус, как правильно, в общем-то, пишет варшавский поэт.

А вот еще один варшавский поэт – С. Барт, описывает такое свое состояние:

В слезах, в обидах, в судорогах
Вопи, душа, которой нет.
И пусть завоюют на порогах
Тела, которых тоже нет.

А я храню в сознании чахлою,
Которое, пожалуй, есть,
Ночную мусть, ночные страхи,
И мне во тьме ни стать, ни сесть.

Вопи, кричи, моя обида!
О, злые, злые имена
И ты, ничтожный мир Эвклида,
И те, и эти письмена.

В этом стихотворении автор говорит, что сознание у него «пожалуй, есть», хотя и чахлое. Читатель с ним, «пожалуй», согласится, но добавит, что оно у него к тому же немного помутившееся. Зачем ему, например, взывать к душе, «которой нет», чтобы она вопила? И зачем он хочет, чтобы выли на порогах «тела, которых тоже нет»? Поэт мог бы повопить и повыть сам. Должна же быть у него хотя бы крепкая, а не тоже чахлая глотка. Возможно, тогда ему показались бы менее ничтожными «и те, и эти письмена».

Но приведенные стихи написаны поэтами еще первой эмиграции. А писалось ли нечто подобное в более близкие к нам времена? Опираясь на опыт работы с поэтами времен второй и третьей волны, уверенно говорю: да, писалось.

Дело в том, что я много лет редактировала и издавала поэтический ежегодник «Встречи». В какие-то считанные годы к этому донкихотскому изданию можно было бы даже применить слово «успех» (со строчной буквы, конечно). Обилие получаемого мной материала свидетельствовало о том, что тогда это периодическое издание было единственным в своем роде. «По долгу службы» я получала груды стихов из разных уголков земного шара с просьбой прочитать, откровенно высказаться и – напечатать. Здесь, конечно, самое неприятное

было то, что слишком часто приходилось не печатать, а насчет «откровенно высказаться» – не оберешься: от стихов в восторге жена или муж, и все близкие и дальние родичи...

Знаменитые предсказатели бесконечно угрожали стоящим на пороге концом мира, но никто из них ни разу не предсказал стремительно надвигающуюся эпоху всемогущего Интернета, перевернувшего решительно все вверх дном. В издательских делах тоже. В них мне понятно стало только то, что мой поэтический ежегодник «Встречи», единственный в те годы в Зарубежье, ни один уважающий себя современный читатель не взял бы сегодня в руки. К слову: я уже несколько раз слышала: «Без компьютера сейчас писать, вообще невозможно». Может, посоветовать «бескомпьютерным» взяться за гусиное перо? Писали же им Шекспир или Пушкин. И у них получалось неплохо. Но вернемся к теме гениальности, хоть и «обратной».

Я помянула «свой» ежегодник не всуе. Среди присылаемых мне для печати стихов попадались некоторые из разряда «гениальных наоборот». Например, поэзия Александра Ростовского безусловно относилась к такому ряду. Сам поэт давно уже не «ныне здравствующий», его вдова скончалась тоже, детей не было, – я не затрону ничьих родственных чувств, рассказав об этом поэте.

Александр Николаевич Ростовский родился в 1909 году в Ростове-на-Дону, умер в 1987 в живописном городке Керхонксон на севере штата Нью-Йорк. После войны он эмигрировал в США (вторая эмиграция, ди-пи). До выхода на пенсию работал в пекарне. Английский не осилил, но наша «мова» далась американским хлебопекам, и на языковой барьер он не жаловался. Работал он в пекарне только «ради куска хлеба» (который, говорили, Ростовский выпекал хорошо). А для души у него была поэзия. Он страстно ее любил и также страстно «проталкивал» в печать.

Сомнений в своем необыкновенно ярком таланте у Ростовского не было. Но редакторы журналов редко печатали его стихи. Эту ситуацию поэт видел так: редакторы читали его стихи завистливыми глазами (сами-то написать не могут!) и от черной зависти к его таланту либо отказывались публиковать, либо своей бездарной рукой выбрасывали из стихотворения все самое талантливое, гениальное, и в таком изуродованном виде публиковали. Ростовский обижался, жаловался, страдал. Мне же говорил и писал: «Сделали по-своему и всё испортили!», «тулите горбатого к стенке». И, наконец, оплатил подлым завистникам (включая меня грешную) таким стихотворением:

Уйдите, завистники слова,
Несчастные пни и трусы!

Кто знает, которого снова
Положат из нас на весы...

Я тоже в историю ездил,
Поэтов ощупывал нить,
Чтоб опытом собственных лезвий
Эпоху по-своему брить.

Во мне не копайтесь – дам сдачи –
Иному повинен ключу:
Я радуюсь, плачу иначе,
Я даже – иначе молчу.

Известно, что копаться в нем никто из редакторов не собирался, но они, «пни и труссы», понимали, что Ростовский не только радовался, плакал и молчал иначе, но и стихи писал *совершенно* иначе, чем поэты многих времен и жанров. Взять хотя бы его непреодолимую тягу к метафорам и своеобразным сравнениям. Например:

...Ушли и тучи в круг собравшись –
Бродяжить больше нету сил.
Уже и месяц нависевшись,
Ревниво тучу прокусил.

Или: «И склонясь, ива в виде раздетом / Голосит у пруда на щеке...» А вот сравнение нашей бессмертной души со «сношенным башмаком»:

Я сам, как мир, попал впросак...
И в политическом разврате,
Душа, как сношенный башмак,
Совсем лишилась восприятий...

Исходя из своего богатого опыта, утверждаю: у сношенного башмака восприятие куда лучше, чем у несношенного!

Как почти у всех поэтов, у Ростовского была и любовная лирика. Вот образец:

Я обнимаю георгины,
Как мрак вечернюю зарю.
Я перекидал все причины,
Я в ожидании горю!

И вот она бежит – в прическе!
В румянце влажном вянет клок,
В золе ресниц, как в платье блески,
И с плеч сползающий платок.

Я обласкал ее глазами,
И чуть несдержанно спросил:
«Скажите, милая, что с Вами?»
Она – чуть в нос – «не тратьте сил!»

Это, конечно, не «Стихи о Прекрасной Даме», – ну уж какие есть.

Все эти примеры поэзии Ростовского взяты из его единственного сборника «Иду по горизонту». Он издал книгу (на свои средства, разумеется) в 1987 году, за год до смерти. В ней поэт поместил все стихи, не попавшие в печать по вине «завистливых редакторов». Здесь он обошелся без них – и был доволен.

А в печати появлялись, изредка, как я уже говорила (даже у строгого Романа Гуля в «Новом Журнале»), стихи Ростовского несколько иные. Почти всё – пейзажная лирика. Но в ней ни разу не появлялась ива «в виде раздетом», да и месяц, хотя и «нависевшись», не кусался, а вел себя тихо-смирно, как ему полагается. То есть эти стихи были... не совсем его. Причем любовной лирики, насколько мне известно, в печати вообще не было.

Знаю, что о поэзии Александра Ростовского иные критики могут сказать: безграмотность, безвкусие. И будут правы. По-своему правы. Но я бы сказала, что, подправленные, его стихи теряли что-то свое – искреннее, нутряное.

Филадельфия

«Жить, просто жить СКВОЗЬ ГОДЫ, НОЧИ, ДНИ...»

Интервью Дмитрия Бобышева журналисту Ю. Горячевой

Дмитрий Бобышев – поэт, переводчик, эссеист и профессор Иллинойского университета (США). Родился в Мариуполе (11 апреля 1936), вырос и жил в Ленинграде. В 1963 году Анна Ахматова посвятила ему стихотворение «Пятая роза». На Западе с 1979 года. Дмитрий Бобышев – автор поэтических сборников «Зияния» (Париж, 1979), «Звери св. Антония» (Нью-Йорк, 1985, совместно с Михаилом Шемякиным), «Полнота всего» (Санкт-Петербург, 1992), «Русские терцины и другие стихотворения» (Санкт-Петербург, 1992), «Ангелы и Силы» (Нью-Йорк, 1997), «Жар-Куст» (Париж, 2003), «Знакомства слов» (Москва, 2003), «Ода воздухоплаванию» (Москва, 2007). Бобышев – автор-составитель раздела «Третья волна» в «Словаре поэтов русского зарубежья» (Санкт-Петербург, 1999; соавторы – Валентина Синкевич, Вадим Крейд). Автор трилогии литературных воспоминаний «Человекотекст», которая была полностью опубликована издателем Чарльзом Шлаксом (Idyllwild, CA, 2014).

Юлия Горячева: – Дмитрий Васильевич, вы – известный поэт, переводчик, критик. В России вас до отъезда в 1979 году не публиковали. Сейчас у вас много поэтических сборников, публикации в толстых российских журналах, чрезвычайно интересная книга мемуаров «Человекотекст». Вы довольны тем, как сложилась ваша творческая судьба?

Дмитрий Бобышев: – Если добавить к списку несколько самиздатских книжек, то их получится не меньше дюжины. Кроме того, оказавшись на Западе, я почти все публиковал в русскоязычной периодике, при этом сознательно рассылал написанное как можно шире – в журналы и газеты на обоих побережьях Соединенных Штатов, во Францию, Германию, в Израиль... То, что было переведено на английский, доходило даже до Индии. Более крупные сочинения, такие, как поэмы и циклы стихов, безотказно брали в парижском «Континенте» или в нью-йоркском «Новом Журнале». А статьи и рецензии охотно печатала еженедельная газета «Русская Мысль» в Париже. Эти издания считались очень солидными, так что я был только рад. Другое дело – судьба книг, которая, после неудачных попыток издания в Советском Союзе, в новой жизни складывалась очень извилисто и неровно!

Первая книга стихов «Зияния» была издана в Париже, когда я еще находился в Ленинграде. Тираж, конечно, маленький, но книга получилась весьма объемной: из нее можно было бы выкроить текстов на несколько сборников. Туда я включил многое из того, что написал в России: любовные, пейзажные стихи и поэмы, композиции духовного характера – «Медитации», «Стигматы», «Вещественная комедия»... Книга вышла как раз вовремя, к моему приезду в Нью-Йорк, когда появились первые рецензии, в общем-то очень положительные: Александр Бахрах, Юрий Иваск, Наталья Горбаневская, Василий Бетаки, Кира Сапгир...

К тому моменту это было просто замечательно! Но со временем, когда текстов, написанных в Новом Свете и с новым опытом, накопилось достаточно для новых книг, – дело как-то не заладилось... Вот загадка для любителя закулисных тайн: в периодических изданиях я был по-прежнему желанным автором, престижный «Континент» только что напечатал мои «Русские терцины» – большой по объему и содержанию текст, готовый для отдельной книги, – а критики в упор не замечали моих публикаций. У других авторов выходили книга за книгой, а у меня за 10 лет жизни в свободном мире – ничего! Редакторы издательств тоже вели себя странно: разговаривали уклончиво, а то и попросту обманно брали рукопись, заключали договор на словах или даже письменно, и – никакого результата. Может быть, кто-то тормозил? Не знаю.

И вот тут-то, словно *deus ex machina*, появился чудо-богатырь художественного мира Михаил Шемякин и предложил мне издать книгу стихов с его иллюстрациями и его же расходами на бумагу и печать. Еще бы не согласиться! В результате появился роскошно изданный, полиграфически почти безупречный (печатался в Италии) бестиарий «Звери святого Антония» с оригинальным, написанным «под Шемякина» стихотворным текстом. Одна беда: книгу эту, так же, как и «Зияния», трудно достать, – тираж ее был на корню разворован (буквально из-под ног художника, пока он давал интервью на своей выставке в Третьяковке), и она теперь – добыча для коллекционеров.

Последующие книги, изданные в России во время перестройки, тоже достать нелегко, но по другой причине: из ряда вон плачевно изданные, полные дефектов и опечаток, они, едва достигая прилавков, куда-то проваливались, терялись в издательских банкротствах... А жаль – в них были хорошие тексты, может быть, самые важные для меня: например, «Полнота всего», а также долгожданные «Русские терцины и другие стихотворения».

Были после этого еще книги, но я продолжаю мечтать об одно-

томнике стихотворений и поэм. Собрать их воедино будет нелегко, а найти издателя еще трудней. Подобные книги выпускаются в серии «Библиотеки поэтов», но там печатают только ушедших. Так что с этим проектом лучше не торопиться...

Ю. Г.: – *Национальным неврозом и русской мечтой была эмиграция. Вы, знаток всех четырех волн эмиграции в США, как относитесь к этому? Продолжите, пожалуйста, фразу, «эмиграция для литератора – это...»*

Д. Б.: – Я бы сказал прежде всего: для страны – это огромная интеллектуальная потеря. Ведь уезжает наиболее активная, решительная, склонная к переменам часть населения. Когда в России началась перестройка, я просто разводил руками: мы в Зарубежье уже перестроились десятилетием раньше! С первых шагов мне помогал Юрий Павлович Иваск, русский поэт и литературовед, ребенком эмигрировавший с первой послереволюционной волной из России в Эстонию, а затем, вместе со второй послевоенной, – в Америку. В предисловии к антологии «На Западе», составленной им из поэтов обеих волн, Иваск писал: «Эмиграция – это всегда несчастье. Но это и увлекательное приключение на всю жизнь». С первой частью его максимы я не согласен, – ведь для многих беженцев эмиграция была спасением. А вторую часть разделяю полностью. Для меня как для литератора – это прежде всего внезапное расширение сознания. И захлестывающий поток новых впечатлений. И возможность двойного зрения, то есть такого взгляда, который позволяет увидеть самого себя, культуру или страну одновременно изнутри и извне. Всё это чрезвычайно нужные и, безусловно, положительные факторы для любого творчества. Одновременно эмиграция создает сильнейший стресс, который пробуждает в человеке неведомые ресурсы, ведет к открытию в себе неожиданных энергий и возможностей, но и нередко вызывает в результате опасную депрессию.

В Америке я застал представителей предыдущих волн эмиграции – при том, что сам принадлежу к третьей. Между ними не было особенного доверия, несмотря на общность судеб, а порой даже возникал антагонизм. Как ни странно, их разделяло то, что должно было объединять, – Россия. Дело в том, что каждая из волн унесла свой образ страны, которую они оставили. У первой волны эмигрантов он был идиллическим, у второй – страшным, а у третьей – унылым и душным, – так что общего согласия не возникло.

Но в своем вопросе Вы упоминаете и четвертую волну эмиграции. На мой взгляд, это уже просто миграция, то есть не вынужденное бегство из страны, но переселение по доброй воле с сохранением гражданства, жилья и собственности, права возвращения, – это очень

важное отличие от тех, кто уезжал *навсегда*. При том совершенно излечивается ностальгия! Я уповаю на то, что свобода передвижений, на которой настаивал сам Велимир, «председатель Земного Шара», навсегда сохранится в России.

Ю. Г.: – *Критик Александр Карпенко охарактеризовал «Человекотекст» как энциклопедию духовных поисков человека и одну из лучших «тотальных» книг, написанных на русском языке»... Верно ли он отобразил ваш творческий замысел? Что значит «тотальная книга»? Довольны ли вы реакцией критики и поклонников на ваш трехтомник?*

Д. Б.: – После диких, враждебных отзывов – сначала на публикации отдельных глав в журнале «Октябрь», а затем и первой книги трилогии, когда меня сравнивали с Сальери и Дантесом, любое теплое слово отзывалось во мне благодарностью. Таким «спасительным елеем» на душу были рецензии Евгения Терновского в «Новом Журнале» и «Мостах» и Александра Карпенко в «Зарубежных записках». Вы спрашиваете, не перехвалил ли Карпенко мою книгу? Не мне судить. Во всяком случае, отвергнуть его похвалу я не могу, а к его мнению стоит прислушаться, он ведь не только критик, но и поэт, и бард, и обожженный войной ветеран Афганистана, а значит, и обладатель особого опыта. И, действительно, он проник в замысел книги глубже, чем я ожидал. Например, он сравнил процесс воспоминания с палиндромом, то есть с прочтением жизни и в обратном порядке! Это – интересное, оригинальное суждение.

Я не знаю, что он имеет в виду, называя мое жизнеописание «тотальной книгой». Этого термина я прежде не встречал. Может быть, он считает «Человекотекст» книгой для всех, то есть и для «посвященных», и для широкого читателя? Или даже «настоящей книгой»? Нет, о таком я и мечтать не могу.

Ю. Г.: – *При том, что вы не были явным диссидентом, не писали политических стихов, вас не печатали в Советском Союзе, а Бродского, примкнувшего к вашему ахматовскому кружку, – подвергли суду? Почему?*

Д. Б.: – Для начальства и для политической охраны мы (то есть круг моих литературных приятелей) явно были диссидентами – с «чуждыми» стихами и настроениями, а иначе почему нас не печатали, затирали, провоцировали, обзывали в прессе «сорняками» или «бездельниками, карабкающимися на Парнас»? Да, на Красную площадь с протестом против оккупации Чехословакии вышли немногие, решившиеся пострадать «за нашу и вашу свободу». Но и мы разделяли их взгляды и, начиная с середины 50-х годов, знали о преступлениях советской власти, презирали коммунистическую идеологию,

слушали «враждебные голоса», обменивались самиздатом и запрещенной литературой, подписывали письма протеста и – да! – писали политические стихи. Были и у меня протестные стихи в поддержку венгерского восстания 1956 года. С ними я выступил публично, и этот случай описан в мемуарной книге Давида Шраера-Петрова «Друзья и тени». Стихи я уничтожил, опасаясь доноса и обыска. К счастью, никто не донес, хотя неприятности все же пришли, но уже по поводу независимой стенгазеты «Культура», – эту историю я описал в первом томе «Человекотекста». А после фельетона в «Известиях» и ареста Александра Гинзбурга за издание подпольного альманаха «Синтаксис», в котором я принял участие, все-таки был у меня тайный обыск на работе – интересовались моими записями. Там я ничего запретного не держал.

Меня спрашивали: почему взяли Бродского? Вспомните, это же был Советский Союз! Не говоря уж обо всех расстрелянных и замученных при Сталине, сажали поэтов и при Хрущеве, и позже, – например, поэтессу Наталью Горбаневскую заточили в казанскую психбольницу; поэтессам Ирине Ратушинской и Юлии Вознесенской тоже пришлось вкусить лагерной похлебки, а поэт Юрий Галансков так и не вышел живым из брежневского Дубровлага. Когда был опубликован пресловутый фельетон «Окололитературный трутень», это воспринималось как угроза применить новый «закон о тунеядстве» к целому кругу лиц, замеченных в инакомыслии и нестандартном образе жизни. Среди них были мои знакомые, да я и сам каким-то боком оказался туда вовлечен. Дело в том, что авторы фельетона приписали Бродскому три отрывка из моих стихов, довольно дерзких, и вменили их ему в осуждение. Я как автор сделал официальное заявление с протестом, но его игнорировали. Я полагаю, что Бродского арестовали не только за стихи. Еще ранее, посетив приятеля в Самарканде, он оказался замешан в провокацию и был задержан. Тогда гэбэшники его отпустили. Но, как у них водится, после первого ареста второй был предсказуем.

Ю. Г.: – *У вас есть прямые зарифмованные цитаты из бердяевской работы «Смысл творчества»: «Сказано, в конце концов, / что Творец творит творцов». Излюбленная бердяевская мысль распознается здесь без труда: если человек создан «по образу и подобию» Божьему, то главная его ипостась – творческая; подобием Творца может быть – и должен быть – только творец... В мемуарах рассказывается, как вы крестились в России. Как вы пришли к вере? Тяжело ли православному христианину в современной Америке?*

Д. Б.: – Верующим должно быть везде легко. Они, как благочестивые отроки из Книги Даниила, в печи огненной славят Господа. В самом

деле, что может быть плохого для верующего в Америке, где религиозная свобода гарантирована Конституцией? Я, например, живу вблизи от парка, где в одном конце находятся мормонская церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней и рядом – масонская ложа, а в противоположном конце стоит греческая православная церковь Трех Иерархов, в которую мы с женой Галиной Романовной ходим на Пасху. У греков, правда, поют по-другому, чем в русских церквях, но когда в ночи идет крестный ход с огоньками свеч, делается на душе умирно, легко и тепло. А возле нашего дома бывают слышны колокола лютеранской церкви Доброго Пастыря. Все христианские церкви празднуют по единому календарю. Россия, как всегда, на две недели отстает от крещеного мира, но пасхальные и рождественские службы мы слушаем по интернету из храма Христа Спасителя в Москве или из Казанского собора в Петербурге.

К вере я пришел в атеистической стране, где был, буквально как у Пушкина, «духовной жаждою томим». Я бурно читал авторов Серебряного века Андрея Белого, Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус (Антон Крайнего), Вячеслава Иванова, от них перешел к книгам русских мыслителей-идеалистов и религиозников Владимира Соловьева, Николая Федорова, Николая Лосского, Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Павла Флоренского, Семена Франка, Льва Шестова; читал Якова Бёме, Григория Нисского, Отцов Церкви, Жития святых, Дмитрия Ростовского... пока в голове не произошел, как теперь бы сказали, «информационный взрыв». Он произошел во сне, в виде откровения, когда стало, на этот раз как у Гоголя, «видно далеко во все стороны света». И я уверовал, а затем, осознав себя внутри церковных стен, принял Крещение.

Ю. Г.: – *Центральное место в «Человекотексте» занимает переписка со Stanisлавом Красицким, легендарным питерским поэтом, ныне отцом Стефаном. В каких отношениях находятся для вас сегодня человек и текст? А в каких – религия и поэзия?*

Д. Б.: – Отец Стефан пошел дальше всех поэтов нашего поколения: он служит не словам, словам, а – Слову. Но со своей поэзией он расставался драматически, предав огню, словно Гоголь – «Мертвые души», – прекрасные ранние стихотворения. В его случае человек (вероятно, с болью!) отсек себя от текста. К счастью, многое осталось на руках у друзей и почитателей, продолжая вращаться в самиздате. В переписке с ним я пытался понять мотивы такого бескомпромиссного решения. При всем уважении к его духовной честности, меня ужасало такое аутодафе; мне казалось, что, если следовать евангельской притче, он, имея талант, не растратил его, конечно, но все-таки закопал в землю, – вместо того, чтобы развить его и умножить.

Отец Стефан, явившийся вместо Красовицкого, не то что бы полностью отрицает стихи, но предписывает им полное подчинение религии: шаг влево, шаг вправо недопустимы, а поэзия в такой клетке просто дохнет. Ей нужна свобода, непредсказуемость и смелость, свежесть взгляда и даже такое «языческое» свойство как вдохновение. А если ей придать еще искру божественности, получается не просто поэзия, а Жар-птица! Я сам мечтал о таких поэмах и даже пытался их сочинить: «Медитации», «Стигматы»...

Ю. Г.: – *Как вы определяете свой поэтический стиль?*

Д. Б.: – «Стиль – это человек», как заявил еще в XVIII веке французский академик Жорж Бюффон. А человек меняется. Вначале я писал весело, иронично, с оглядкой на опыт обериутов и, в особенности, Заболоцкого. Затем – образно, мажорно, не без влияния Пастернака, но не забывая о «примате звука», – о красе женщины или пейзажа. Или истово и печально, когда писал об умирающем Севере, о некрасоте жизни. А то и контрастно, смешивая бытовую лексику и архаизмы, которые казались мне великанами среди слов. Юрий Иваск называл этот стиль «необарокко». Мировой вершиной и недосягаемым образцом является здесь державинская ода «Бог».

Америка подсказала новые краски и другую технику; я как бы перешел с масла на акрил. Но если брать все написанное в целом, а особенно большие поэмы, то это – трансцендентализм, то есть устремление за пределы видимого, чувственного, эмпирического... Под таким названием существовала группа американских поэтов XIX века: Уолдо Эмерсон, Генри Торо, Уолт Уитмен... Вот к ним я бы и хотел себя причислить.

Ю. Г.: – *Кто ваш главный Учитель?*

Д. Б.: – Светочем для меня стал Райнер Мария Рильке. Под воздействием его метафизической прозы я впервые сам взялся за перо. И впоследствии я отыскивал его стихи в разных переложениях – особенно в переводах Сергея Владимировича Петрова – и домысливал их до авторского замысла, в котором мгновенное смыкалось с вечным, а земное с небесным. Вот кто был истинным трансценденталистом! Меня поразила его фраза: «Россия граничит с Богом», – и я отправился в северные странствия искать эту границу. Увы, я застал там разрушенные часовни и вымирающие деревни...

Ю. Г.: – *В ваших воспоминаниях ярко описана Анна Ахматова. Она посвятила вам стихотворение «Пятая роза». И с вашей легкой руки, вернее, из вашего стихотворения «Все четверо», посвященного памяти Ахматовой, в обиход вошло выражение «ахматовские сироты»... Что, оглядываясь, цените в общении с ней – литературные наставления или жизненные уроки?*

Д. Б.: – Ахматова – это событие на всю жизнь. Встречи, общения и разговоры с ней, дружба, которой она одарила в свои поздние годы и меня, и узкий круг моих сверстников-поэтов, оказались благословением, счастливой метой для моей, как оказалось, неровной и не гладкой литературной судьбы. Я ведь эмигрант, демонстративно чужой и здесь, и там, и я не претендовал ни на какие лавры. Но когда ко мне обращаются с анкетами издатели справочников *Who is Who*, я неизменно ставлю в графе наград «Пяту розу».

Все было важно в общении с ней – и острота литературных оценок, и мощь позднего творчества, и то, как она держалась в литературе и в жизни. Даже цвет ее глаз, когда я глядел на нее при разговоре, открывал новые смыслы в ее стихах. Помимо ахматовских глав «Человекотекста», на эту тему у меня написано небольшое эссе «Око Ахматовой».

Ее памяти я посвятил восемь восьмистиший, назвав их «Траурные октавы». Они вошли в парижский сборник 1976 года на десятилетие смерти Ахматовой. Одна из октав – это словесная зарисовка ее похорон, где я называю поименно четырех поэтов, стоящих над гробом, словно «ахматовские сироты». Этим я хотел показать глубину их скорби и, помимо общекультурного, еще и личный характер утраты. Есть в архивах многократно опубликованная фотография Бориса Шварцмана, которая подтверждает верность моего наброска. А выражение «ахматовские сироты» оказалось подходящим для историков литературы и прижилось как обозначение нашей группы.

Ю. Г.: – *Так сложилось, что без вашего имени практически не обходится ни одна биография Иосифа Бродского. Молва приписывает вам роль его соперника. Вы также соперничали с ним и в поэзии. Из мемуаров ясно, что вы считаете это, условно говоря, поэтическое соревнование с Бродским незаконченным... Разве это «якобы соперничество» не было закончено присуждением Бродскому Нобелевской премии по литературе?*

Д. Б.: – В этих вопросах мне слышатся отголоски мифа о Бродском, отзвуки его непомерного культа, согласно которому он «выше, выше Пушкина» и в принципе ни с кем не сравним. Между тем, поэзия так устроена, что в ней *что* угодно можно сравнить с *чем* угодно и, соответственно, *кого* угодно с кем угодно. По одной шкале выигрывает одно явление, по другой – другое. И все же лучшие стихи Бродского остаются высоким образцом. Я искренне загрустил, когда так безвременно закончилась его жизнь. В «Новом Журнале» за 1996 год было опубликовано мое прощальное слово «Вослед уходящему» в память об Иосифе.

Ю. Г.: – *В «Диалогах с Иосифом Бродским» Соломона Волкова Иосиф*

Александрович проводит параллель между вашей четверкой и четверкой Золотого века: «Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был Пушкиным. Дельвигом, я думаю, скорее всего, был Бобышев. Найман, с его едим остроумием, был Вяземским. Я, со своей меланхолией, видимо играл роль Баратынского». В какой степени вы согласны с этим определением?

Д. Б.: – Ну это, конечно, игровое сравнение, своего рода литературная шутка, рассчитанная на реакцию собеседников или собеседниц, которые должны были всплеснуть руками и воскликнуть: «Ну что вы, Иосиф Александрович, как можно? Это вы, вы – наш Пушкин!»

Мне попадались в интернете и другие забавные сравнения, когда мы оказывались тремя мушкетерами с д'Артаньяном – Бродским – во главе. Здесь уже Рейн был Портос, я – Атос, а Найман – Арамис. А вот еще смешней: наша четверка – это поэтическое соответствие квартету «Битлз»! Нелепо, но симпатично, потому что подтверждает то единение четырех, которое давно распалось, а все-таки существует. Вспоминаю свое стихотворение о крылатых львах, посвященное Рейну. Оно описывает пешеходный мостик через Екатерининский канал в Петербурге. Четверо грифонов на посту охраняют его. Они хотели бы разлететься, но не могут: их сдерживают железные скрепы. Литературный смысл этого образа очевиден, но лишь недавно его разгадал московский поэт Слава Лён.

Ю. Г.: – *Вы как автор работ о поэтах третьей эмиграции, вместе с Валентиной Синкевич и Вадимом Крейдом, участвовали в составлении «Словаря поэтов Русского Зарубежья», вышедшего в Санкт-Петербурге в конце 90-х. Есть ли желание взяться за антологию поэзии четвертой волны или XXI века?*

Д. Б.: – Нет, это была бы огромная работа, ведь появилось так много новых поэтов! Их и всегда было много, но сейчас происходит небывалое цветение, особенно в связи с интернетом, а точнее, из-за стыка сетевой литературы и бумажной, из-за новых журналов (при том, что еще существуют и старые «толстяки») и новых издательских возможностей.

А со «Словарем поэтов» я намаялся, потому что мне досталось писать о третьей волне, то есть о еще живых действующих поэтах. Как я ни старался быть объективным в персоналиях, случались и обиды моих «героев», и мои собственные упущения. Дело в том, что из-за одного из соавторов на несколько лет застопорился выход справочника, и к концу 90-х именно моя часть уже сильно отставала от жизни, а исправлять на ходу не получалось. Но книга все равно оказалась нужной, и я замечал впоследствии, что мои оценки были приняты и обильно цитировались в критике.

Ю. Г.: – Кого из славистов считаете наибольшими знатоками поэзии Русского Зарубежья?

Д. Б.: – Это, прежде всего, Глеб Струве, эмигрант первой волны, автор основополагающей, хотя и пристрастно написанной «Русской литературы в изгнании», и его коллега Борис Филиппов, эмигрант второй волны, которым мы обязаны изданием наиболее полных на тот момент собраний Гумилева, Ахматовой, Волошина, Пастернака, Мандельштама и Клюева, когда они были запрещены в СССР. За тот же период времени: Владимир Марков, специалист по русскому футуризму, составитель и переводчик двуязычной антологии; Юрий Иваск, автор сотен статей и всеохватной «Похвалы российской поэзии». Позднее – Виктор Террас, составитель очень солидного справочника «Настольная книга Русской литературы (*Handbook of Russian Literature*)»; Вольфганг Казак, автор трех изданий (немецкого, русского и английского) «Лексикона русской литературы XX века»; уже в наше время – Кларенс Браун, специалист и первопроходец по Мандельштаму; Джон Бейли, критик, знаток русской литературы, к мнениям которого прислушивались во всем англоязычном мире. Моя коллега Темира Пахмусс, ревностная хранительница наследия Зинаиды Гиппиус; Джордж Гибиан, исследователь и русских классиков, и абсурдистов, составитель очень ходкой среди славистов хрестоматии по XIX веку. Переводчик Бродского Джордж Клайн. Морис Фридберг, специалист по цензуре и мой босс по Славянскому отделению Иллинойского университета. Джудит Хемшмайер и Роберта Ридер, благодаря которым вышло полное двуязычное собрание стихотворений Ахматовой. Ренэ Герра, крупнейший во Франции коллекционер и знаток искусства русских эмигрантов. Американец Джим Кейтс и англичанин Джеральд Смит – каждый выпустил двуязычную антологию современной поэзии. И молодое поколение в славистике, буквально идущее по горячим следам новейших поэтов – Эмили Лайго и Марго Розен.

Ю. Г.: – Многие годы вы занимались преподавательской деятельностью в Иллинойском университете. В «Человекотексте» упоминается, что вы разработали новый метод преподавания русской литературы. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Д. Б.: – Честно говоря, мое новаторство было вынужденным. Как вы знаете, я закончил Технологический институт и потому не изучал системно филологию и теорию литературы. Но называл себя «практическим филологом» и, конечно, читал из интереса работы Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума, Бахтина, Проппа; более поздних Лихачева, Гуревича, Аверинцева, следил за научными журналами... Если их тексты казались скучными, я себя не насиловал, бросал.

При этом могли возникать и собственные идеи, которые я пытался осуществлять в своих сочинениях.

Когда в Милуоки, штате Висконсин, мне предложили вести курс «Русская литература XX века (в переводах)», я составил список для чтения и решил излагать студентам то, что сам думаю о предмете. Общим подходом для каждой из книг было обнаружение ее символической структуры, без которой не состоялось бы внутреннего единства произведения. И я, что называется, «на глазах изумленной публики» обнаруживал эти структуры, а для наглядности рисовал их схематически на доске. Так, я выводил пятиконечную звезду из «Зависти», бабочку из «Лолиты» и ангела из «Доктора Живаго». А «Москва-Петушки» были уже снабжены авторскими графиками, что очень удачно подтверждало мой метод. Мне было интересно самому, и это передавалось слушателям.

В дальнейшем, когда я получил преподавательскую работу в Иллинойском университете, я тоже постоянно вносил разнообразие в занятия: вводил интернет, когда он был еще технической новинкой, выбирал нестандартные или спорные материалы для чтения, побуждал студентов применять творческие приемы, чтобы лучше вникнуть в художественный текст, – вплоть до пародии, стилизации и деконструкции, но никогда не заставлял зубрить наизусть. Это отзывается спустя годы: в память о «хорошо проведенном времени» я получаю рождественские открытки – то от служивого откуда-нибудь из Ирака или Афганистана, то от новоиспеченного профессора из американской глубинки.

Ю. Г.: – *Американская преподавательская деятельность характеризуется формулой «Publish or Perish». А чему были посвящены ваши научные статьи?*

Д. Б.: – Да, «публикуйся либо пропадай», это правильно. От количества научных публикаций зависит статус преподавателя. Но какие работы можно считать сугубо научными, а какие нет? В науке о литературе эта граница выглядит размытой. Как бы то ни было, я, конечно, писал о том, что лучше знаю и больше люблю, – о поэзии XX века. Некоторые статьи (на английском языке, разумеется) печатались в журналах по славистике; их в Америке издается несколько, и они считаются научными. А статьи и рецензии на русском – соответственно, в русских литературных журналах. Я состоял в Ассоциации славистов и ездил на их конференции, где иногда выступал с докладами, а потом их переделывал в статьи. Но поскольку у меня был еще и дополнительный негласный статус «*Poet in Residence*», то все мои публикации засчитывались в актив Славянского отделения. Печатался я много, так что даже бывали курьезы, когда мои работы

«заимствовали» некоторые сотрудники, приписывая себе авторство в годовых отчетах.

Ю. Г.: – Известно, что вы занимаетесь переводами американской поэзии. Кто вам особенно близок?

Д. Б.: – Переводами я тоже занимался по необходимости, но не ради заработка, а в процессе подготовки моих двуязычных выступлений. Двуязычные выступления оказались совершенно необходимы, ибо они многократно увеличивали аудиторию. Мне на первых порах помогали знакомые поэты-американцы, делая это из любезности, из дружбы, совершенно бескорыстно. И я в ответ переводил их стихи на русский. Более того, я делал их частью своей программы, и переводчики сами становились оригинальными авторами, а я их переводчиком. Это очень хорошо воспринималось публикой.

В дальнейшем, когда я научился получать гранты и смог оплачивать переводы, я привлек местного поэта Майкла Ван Воллеганна. Мы вместе перевели на английский всю книгу «Звери св. Антония» и очень эффектно устроили выступление вдвоем, читая стихи по-русски и по-английски и показывая на экране великолепные иллюстрации Шемякина.

Поэт Джозеф Лэнгленд еще в начале 70-х редактировал антологию *Poetry from the Russian Underground*, где были и мои стихи. Он меня встретил дружески и очень помог сделать первые шаги на новом поприще. В ответ я вознамерился перевести на русский большую поэму Лэнгленда *Dream of Love*, но долго ломал голову над тем, что делать с таким названием. «Грезы любви»? Это невозможно слащаво по-русски! Поэма воспевала лошадей, и я решил ей дать название «Конь сердца». Все тут же встало на свои места, и поэма вошла в циклопическую антологию Е. Витковского «Век перевода».

Ю. Г.: – Ваша книга «Человекотекст» пронизана культом дружбы. А какие еще существуют ценности в вашей жизни? И какое в них занимает Слово?

Д. Б.: – Я рад, что вы это почувствовали. Кроме дружбы, истинным благословением в жизни являются любовь и благодарность, – не успехи в соперничестве, не состязательность и вовсе не какие-нибудь хемингуэвские «ирония и жалость». Да, любовь и благодарность. А Слово (но не «слова, слова, слова») остается превыше всего и сияет над всем.

Урбана-Шампэйн – Москва

БИБЛИОГРАФИЯ

Георгий Адамович. Собрание сочинений. «Последние новости». 1934–1935. Подготовка текста, составление и примечания О. А. Коростелева. – СПб.: «Алетейя», 2015. 608 с.

Георгий Адамович. Собрание сочинений в 18 томах. Том 1. Стихи, проза, переводы. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания О. Коростелева. – М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015. 640 с. 500 экз.

Георгию Адамовичу повезло с таким знающим, энергичным и верным исследователем его творчества, как Олег Коростелев. Его единичными трудами подготовлены выпущенные петербургским издательством «Алетейя» восемь нумерованных томов собрания сочинений Адамовича – разноцветные толстые томики с портретом автора на передней крышке переплета, переходящим на корешок, – которое теперь следует именовать «старым». Его же трудами делается новое собрание, рассчитанное на 18 томов, к выпуску которого приступило московское издательство «Дмитрий Сечин».

Пока это везение не абсолютно. Петербургское собрание выходило не по порядку томов и с большими перерывами: Стихи, проза, переводы (1999); Литературные беседы из «Звена». Кн. 1. 1923–1926. Кн. 2. 1926–1928 (1998); Литературные заметки из «Последних новостей». Кн. 1. 1928–1931. Кн. 2. 1932–1933 (2002; 2007); Одиночество и свобода (2002); Комментарии (2000). Нынешний, восьмой по общему счету, том является третьей книгой «Литературных заметок», хотя это название в выходных данных отсутствует. Его непростую издательскую судьбу можно представить по словам: «Примечания составлены в 2002 году, и более поздние публикации не учтены» – стало быть, тогда книга и была подготовлена к печати. И предположить, что петербургское собрание этим томом завершится, поскольку начинается московское. Второму начинанию остается пожелать удачи и, прежде всего, надежных спонсоров.

Наличие двух пересекающихся собраний сочинений одного автора, подготовленных одним исследователем, ставит читателя, (если он не специалист по данному автору), перед выбором – что оставить на ближней полке, а что переместить на дачу (на службу, к родителям, детям и т. д.). Насчет первого тома московского издания я не колебался, ибо давно люблю стихи Адамовича, а отыскать соответствующий том петербургского собрания в приличном виде не смог. Второй том московского собрания – «Литературные беседы» – пока не купил, удовлетворяясь, как читатель, соответствующими томами петербургского. Да и оформление его мне нравится, хотя и московское хорошо.

Распространяться о качестве работы Коростелева нет надобности. Он лучший современный истолкователь творчества Адамовича, знаток его биографии, отличный публикатор и комментатор. Разве что два слова о примечаниях. Примечания к «старому» собранию представляются излишне подробными в справках о лицах, сведения о которых легко найти в интернете; тем более, в нем есть аннотированный именной указатель – необходимая принадлежность любого серьезного издания. Может, не всегда стоит комментировать общеизвестные цитаты вроде «французского с нижегородским» или «пока не требует поэта...» Читающие Адамовича это знают, не знающие в руки не возьмут. Это относится к примечаниям, подготовка которых закончена в 2002 г. Уверен, в новом собрании они будут лучше.

Первые «изборники» Адамовича были ожидаемо ориентированы на его итоговые книги – «Одиночество и свобода» и «Комментарии». Петербургское собрание включает не только их переиздание (особенно хороши «Комментарии» со *всеми* текстами автора в этом жанре, от заметок в последней книге альманаха «Цех поэтов» до «Оправдания черновиков», появившегося уже после книжного издания), но и газетно-журнальную критику. То, что литературная хроника Адамовича, появлявшаяся обычно раз в неделю, без «расчета на вечность», «выдержала испытание временем», говорить уже не приходится, – ясно, что выдержала. О многих ли критиках это можно – по справедливости – сказать? Читать Адамовича *интересно*, даже если он пишет о неинтересных, забытых и неизвестных авторах (эти страницы можно пролистать, но у меня – рука не поднимается). И *полезно* читать – не только критику, но любому, кто стремится связно выражать свои мысли в письменном виде.

Значение Адамовича-критика в пояснениях тоже не нуждается. Приведу лишь одну точную оценку Коростелева: «Если считать историей литературы не просто ряд беллетристических произведений <...>, но и самосознание ее, осмысление путей ее развития <...>, то многих даже очень маститых авторов из истории эмигрантской литературы можно изъять, и она будет лишь неполной, более тусклой, но в основе останется самой собой <...>. Адамовича из истории литературы Русского Зарубежья не вынешь, без него она рассыпается, остаются обломки» (*Коростелев О. А.* От Адамовича до Цветаевой. Литература, критика, печать Русского Зарубежья. – СПб., 2013. Сс. 23-24). Лучше не скажешь.

Первый том «нового» собрания – отличный повод перечитать стихи и прозу Адамовича (о переводах говорить не буду). Как поэту ему повезло тройне – полный, тщательно подготовленный корпус поэтических произведений Адамовича вышел тремя изданиями,

включая «Новую библиотеку поэта». Конечно, способствовал тому и скромный объем – полного Бальмонта и Брюсова у нас нет и не предвидится; полный Сологуб выходит только сейчас. Перечитав стихи Адамовича, могу сказать одно – превосходный поэт. Это я понял лет тридцать назад, впервые прочитав «Чистилище», и мнения не изменил.

Особого разговора заслуживает художественная проза Адамовича. Коростелев абсолютно неправ, заявив: «Даром прозаика Адамович не обладал» (с. 606). Если он не обладал, то кто обладал? Адамович демонстрирует как раз выдающееся дарование прозаика, особенно в поздних вещах «Начало повести» и «Игла на ковре», а объем написанного здесь не при чем. (От Василия Комаровского осталась всего одна вещь в прозе – «Сабинула», но ее качество дает автору право числиться среди лучших русских прозаиков начала века). Впрочем, и ранние рассказы Адамовича, особенно «петербургские», вызывающие в памяти аналогичные опыты Георгия Иванова, мастерски написаны и читаются с удовольствием и интересом. В отличие от Сергея Ауслендера, Юрия Юркуна или Виктора Мозалевского, которых, видимо, Коростелев имел в виду, говоря о близости Адамовича-прозаика «к прозе М. А. Кузмина и его многочисленных в то время подражателей». (с. 606). Не играя в карты, не могу в полной мере оценить рассказ «Рамон Ортис», но думаю, что заядлый картежник Адамович здесь «технически» безупречен.

Примечания к первому тому «нового» собрания адекватны степени доступности – недоступности информации, нужной читателю такого издания. В них нет ничего лишнего и не пропущено, кажется, ничего важного. Единственно неудачна идея – поместить в примечания большое и содержательное предисловие к переводу «Незнакомца» А. Камю, которое в оригинальном издании находилось перед текстом повести, где ему и место.

Переход от «старого» к «новому» собранию сочинений Адамовича прошел плавно и успешно. В наши дни надо быть очень большим оптимистом, чтобы рассчитывать в обозримом будущем поставить на свои полки все восемнадцать томов, но надеяться на это необходимо. «Потому что как же иначе.»

* * *

Всеволод Иванов. Красный лик. Мемуары и публицистика. Составление, вступительная статья В. А. Росова. – СПб.: АНО «Женский проект»; «Алетейя». 2015. 672 с. 1000 экз.

Статья в ежедневной газете живет сутки – столько же, сколько сам газетный лист. Это учитывают и автор, и редактор, и читатель. Для

собирания газетных статей в книгу – и, значит, придания им долговечности – должны быть серьезные основания. Сразу вспоминаются многотомные собрания передовиц Михаила Каткова из «Московских ведомостей», сборники статей Мориса Барреса и Шарля Моррасса времен Первой мировой войны. Апофеоз канонизации злободневной газетной статьи и даже заметки – полное собрание сочинений Ленина, который в документах в графе «профессия» не раз писал: «журналист».

Новый сборник литературного наследия Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971) – «белого» публициста, затем «красного», затем благополучного советского писателя, – включает воспоминания о Гражданской в Сибири и на Дальнем Востоке и публицистику; на четыре пятых он состоит из газетных статей. Последние извлечены из малодоступных – точнее, из доступных лишь редким исследователям – периодических изданий, разбросанных по российским и зарубежным архивам, а потому их качественная републикация заслуживает благодарности.

«Красный лик» открывается предисловием составителя – известного историка и знатока наследия Зарубежной России (в частности, семьи Рерихов) Владимира Росова. Оно освещает вехи биографии Вс. Иванова и дает характеристику его политических взглядов и разнообразных литературных трудов.

Композиционно книга распадается на три части. Первая – переиздание мемуарной книги Иванова «В гражданской войне. (Из записок омского журналиста)», вышедшей в Харбине в 1921 г. Вторая – статьи из владивостокской «Вечерней газеты» за 1921–1922 гг., до занятия города «красными». Третья – статьи из русской харбинской газеты с китайским названием «Гун-Бао» за 1928–1929 гг. Из огромного наследия Иванова-журналиста составитель отобрал статьи тех лет, когда Иванов руководил указанными газетами, то есть не был связан никакими ограничениями, высказывая свои взгляды.

Содержательно книга тоже распадается на три части, что в целом совпадает с ее композицией. Мемуары – они и есть мемуары, хоть и написаны по горячим следам «исхода» автора из Омска после низложения и расстрела Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака: его памяти «с великой болью» посвятил книгу автор. Первая группа статей посвящена откликам на актуальные текущие события, что в наибольшей степени соответствует специфике газетного листа, живущего сутки. Вторая группа – статьи «общего характера»; часть публикаций такого рода Иванов сам собрал в книгу «Огни в тумане. Думы о русском опыте» (1932), переизданную в России в 1992 г. Среди владивостокских статей преобладают злободневные, среди харбинских – много «общих». Точнее, в харбинский

период даже отлики на текущие события становятся для автора поводом порассуждать о «вечных вопросах».

«В гражданской войне» – ценное мемуарное свидетельство благодаря обстоятельности и видимой точности рассказа, но адекватную оценку его достоверности может дать только специалист. В то же время это эпизод политической и идеологической борьбы, шедшей в раздираемом противоречиями лагере «белых», который представлялся монолитным только в «красной» пропаганде. Иванов был убежденным «колчаковцем» и противником социалистов всех мастей, что отразилось в его владивостокской публицистике. «Широкий спектр общественно-политических взглядов Иванова, отраженный в приморской печати, еще требует своего кропотливого анализа», – отметил В. А. Росов (с. 13). Настоящая книга станет незаменимым источником для будущего исследователя, который возьмется за эту тему.

Переиздание злободневных газетных статей давних лет – дело неблагодарное. «Широкому читателю» они редко бывают интересны; «узкий» специалист по данной теме их, как правило, знает. Историк широкого профиля – самый перспективный читатель – зная ситуацию в целом, не знает подробностей, потому и обратится к подобной републикации за разъяснениями и уточнениями. Статьи Иванова являются ценным материалом по истории Приамурского Временного правительства братьев Меркуловых и последнего режима «белого Приморья» во главе с генералом М. К. Дитерихсом, но – опять-таки в силу своей злободневности – пригодны для дальнейшего «использования» лишь при наличии подробного комментария.

В рецензируемом издании нет никакого научного аппарата, даже именного указателя. На его отсутствие посетует каждый читатель, взявший книгу в руки, ибо содержание многих статей останется ему непонятным без дальнейших поисков хотя бы в Интернете. В текстах Иванова наряду с известными или «находимыми» персонажами встречаются случайные, лишь раз упомянутые лица, поэтому составление аннотированного именника могло растянуться на годы. Но даже простой именной указатель существенно облегчил бы работу со столь информативной книгой.

Если «злободневные» тексты Иванова интересны лишь узкому кругу специалистов, то «общие» достойны широкой аудитории. Все статьи «Красного лика» имеют откровенно – я бы даже сказал – яростно антибольшевистский характер. Они направлены против всех сил, которые автор считает антинациональными, – от Ленина, Троцкого и Сталина до Милюкова и Керенского. Поучительно перечитать эти страстные и искренние раздумья русского патриота в канун столетия русской революции, которое, кажется, собираются

отмечать в государственном масштабе, присоединив к Октябрю и Февралю. По мнению В. А. Росова, «публицистика Иванова – это не просто полезное чтение для ученого и обывателя, в хорошем смысле слова, но необходимый сегодня программный кодекс, что делать в жизни каждого дня и как обустроить Россию» (с. 22). С последним, даже симпатизируя взглядам Иванова, не могу согласиться, хотя многие его высказывания и наблюдения стоит запомнить.

«Милюкову везет. То его били, то в него стреляют. Очевидно, популярность его растет. Как бы ни относиться к стрельбе вообще, но холодным умом следует признать, что выстрелы эти <...> – первые выстрелы, означающие суд над русской революцией и над ее хозяевами» (1922; с. 208). «Что такое революция в России? Революция в России вытекла из желания пожить на широкую ногу» (1922; с. 279). О большевиках: «Их стихия – раздор, война, распри и интриги» (1922; с. 229). «Советская дипломатия за границей – это дорогая бобровая шапка на просунутой в чужую дверь нечесанной, обовшивевшей голове» (1922; с. 284). «Кто такой спец? Это человек, который умеет. В этом он – прямая противоположность пролетарию, который, как оказалось, ничего почти не умеет» (1928; с. 358). О Ленине: «Личность он – безусловно, гениальная. Устроить таковую заваруху на Руси, предать многие миллионы русских людей смерти через пули накокаиненного чекиста, или через голод, или через гражданские войны – это стоит многого. <...> Ленин перейдет в историю? О, конечно. Героем? Ах, ни в коем случае. <...> Это не Наполеон! Это Смердяков, пролезший путем неисполнимых обещаний в Наполеоны!» (1922; с. 271).

И еще много в том же духе. Удивительно, что автор подобных высказываний не только стал работать на СССР (это как раз не самое удивительное), но после этого выжил и прожил долгую и, видимо, спокойную жизнь. К этому контексте, отношения Вс. Н. Иванова с советской разведкой и пропагандой ждут отдельного, подробного и честного исследования. И здесь нельзя не согласиться с последней фразой предисловия В. А. Росова: «Будем надеяться на новые открытия».

Василий Молодяков, Токио

* * *

А. А. Самцевич. Русские и украинцы в вооруженных силах Независимой Державы Хорватии. 1941–1945 / Samcevič A. A. Rusi i Ukrajinци u oružanim snagama Nezavisne Države Hrvatske. 1941–1945. – Загреб, 2015, 381 с. +12 илл.

Книга Андрея Андреевича Самцевича издана в хорватской столице одновременно по-русски и по-хорватски, в одном переплете.

Независимая Держава Хорватия была провозглашена усташами, профашистской партией крайних хорватских националистов, в Загребе 10 апреля 1941 – после того, как немецкие войска, преодолев сопротивление югославской армии, заняли город. По названию, книга особого интереса у меня не вызвала, однако получив ее, я сразу понял, что имею в руках интересное и очень нужное исследование. А. А. Самцевич собрал по крупицам сведения о русских, служивших в вооруженных силах НДХ, – работа огромная, так как в годы войны и коммунистической власти в Югославии многие документы были утеряны.

Начну с того, что НДХ – это не только Хорватия в нынешних границах, но и присоединенная немцами в 1941 г. к Хорватии Босния, Герцеговина и часть Воеводины, включая пригород Белграда Земун, объявленный в те времена городом фольксдойчей, живших в Воеводине, принадлежавшей Австрии еще в 1699–1918 гг., а затем – Югославии, до ее разделения и оккупации в апреле 1941-го. Для фольксдойчей в 1941 году немцы создали немецкую автономную область, откуда призывали местное население в армию – однако не считали их равноправными с немцами, имевшими подданство Германии.

Некоторые русские, служившие первоначально в югославской армии и взятые в плен в апреле 1941 года, изъявили желание вступить в армию НДХ, и были освобождены, как и военнопленные хорваты, согласившиеся служить НДХ. Этим русским и посвящена книга А. Самцевича, – но и не только им. Автор решил включить в книгу и материалы по украинцам, оказавшимся в Хорватии, хотя речь идет не об украинцах, сражавшихся с большевиками в рядах Русской многонациональной армии генерала П. Н. Врангеля, а о тех, кто был переселен австрийцами в Боснию из Галиции еще в конце XIX века (период Австро-Венгерской империи).

Вообще, о русских в Сербии написано немало книг (скажем, потопком эмигрантов А. Б. Арсеньевым, проживающим в Сербии, да и рядом сербских историков), как и об украинцах в Боснии и Хорватии. А вот о русских в Хорватии, вернее, в Загребе, написана только одна книга – Т. В. Рыбкиной-Пушкадией, «Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба» (Загреб: Посольство РФ в Республике Хорватия, 2006). Так что исследование А. Самцевича дает хотя и не полную, но все же картину жизни русских в Хорватии за пределами города Загреба.

Глава 1 названа: «Общая характеристика положения эмиграции на территории Хорватии». В ней рассматриваются основы правового статуса русских эмигрантов; органы руководства русской и украин-

ской общин; политические и общественные организации и их издательская деятельность, а также участие русского духовенства в становлении и развитии Хорватской Православной Церкви.

Рассказывая о создании организации русских разведчиков (русских скаутов), автор пишет: «Говоря о других русских объединениях, нельзя обойти вниманием небольшую молодежную организацию, созданную во второй половине 1941 г. в городе Баня-Лука. В мемуарах Ростислава Полчанинова можно найти следующие воспоминания о ней: ‘В августе 1941 г. в Баня-Луку приехал Юра Лукин, который до того был вожаком звена в Мостаре <...> Согласно моей инструкции, работа должна была вестись под названием ‘Русская национальная молодежь при русской колонии’, но Юра Лукин предпочел название НОРМ – Национальная Организация Русской Молодежи, под которым уже велась работа в Германии...» (с. 27-28 – по-хорватски, с. 215-216 – по-русски). Хотя А. А. Сацевич и ссылается на мою книгу, цитата приведена не до конца, что важно; у меня далее сказано, что «...все это было внешней стороной работы, но была и внутренняя. Подпольный отряд имени св. Владимира, который был разделен на звенья». Возражая мне, непосредственному участнику тех далеких событий, Самцевич пишет: «Несмотря на несомненный интерес данных свидетельств, нельзя отрицать, что в действительности история организации выглядела немного иначе, а именно: 22 октября 1941 г. русская колония в Баня-Луке оповестила управление полиции о формировании организации под названием Национальная молодежь русской колонии (НМРК), как одного из ее отделов...» Историк А. А. Самцевич прав, что надо доверять не воспоминаниям, а документам. Он прав и в том, что небольшая молодежная организация в Баня-Луке начала свое существования с 22 октября 1941 года. Так думало и подконтрольное немцам управление хорватской полиции.

Однако в моей книге воспоминаний «Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941–1951 годов» (М.: Посев, 2009, 416 с.) есть глава «Скауты-разведчики в Югославии уходят в подполье. Апрель-июнь 1941». Там обо всем случившемся сказано ясно и более подробно. Хорватская полиция в Баня-Луке думала, что имеет дело с маленькой группой подростков, которые разучивают русские песни и во что-то там играют, а в действительности то была довольно крупная организация, которая работала не только в Баня-Луке, но и в Сараеве и Загребе. Об этом в конце главы сказано: «Так в 1942–1943 гг. вышло несколько номеров издания молодежи Русской колонии в Загребе ‘Ярославна’» (с. 30, с. 217). Значит, эта «маленькая молодежная организация» была не только в Баня-Луке, но и в Загребе. Журналу «Ярославна» у меня в воспоминаниях посвящена целая

глава. Единственный, случайно сохранившийся у меня номер этого подпольного журнала ныне хранится в архиве ОРЮР в Сан-Франциско.

Когда ньюйоркский исследователь М. Шагов стал в 1971 году собирать материала для «Указателя русской зарубежной периодики», он упомянул этот журнал и, благодаря этому, «Ярославна» стала известна в научных кругах. Упомянул журнал и Й. Качаки в своей «Библиографии русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославия), 1920–1945 гг.» (Нидерланды: Арихем, 1991, 352 с.) и в дополненном издании по-сербски «Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији. Библиографија Радова. 1920–1944» (Белград, 2003, 452 с.).

Помню, как меня однажды в администрации дипийского лагеря Шлейсгейм спросили, как это получилось, что ОРЮР сразу и вдруг, с первого дня, заработала во всех лагерях. Я ответил, что это случилось потому, что ОРЮР вел всю войну подпольную скаутскую работу и не только сохранил прежние кадры, но и подготовил новые, а организации, которые временно прекратили свою работу, кадры потеряли. И я почувствовал, что мне не верят, потому что им трудно понять, зачем и как это можно было делать в условиях оккупации.

Работа велась с детьми и юношеством с разрешения местных и оккупационных властей под видом маленьких и между собой не связанных организаций, не вызывавших никаких подозрений. Вот и А. А. Самцевич поверил, что в Баня-Луке никакой работы до 22 октября 1941 года не велось.

Р. Полчанинов

Р. В. Полчанинов. Мы, сараевские скауты-разведчики. Дети Белого движения. Югославия. 1921–1941». – М.: Посев, 2015, 287 с. + 32 с. илл.

11 ноября 2015 года в Доме Русского Зарубежья им. Александра Солженицына состоялась презентация новой книги Р. В. Полчанинова. Автор – человек, ставший свидетелем многих исторических событий и посвятивший себя всецело служению России. В своей книге Р. В. Полчанинов делится с читателями воспоминаниями о жизни русских, которые были вынуждены покинуть родину вместе с частями Добровольческой армии после трагических событий Октябрьского переворота и последовавшей за ним Гражданской войны. Среди беженцев был и маленький Ростислав с родителями. Рассказом об этом своем исходе Полчанинов начинает книгу. Он отмечает: важным было то, что «русская армия, их семьи и близкие... не бежали в поиске лучшей жизни, а отступали с оружием в руках, чтобы продолжить борьбу». Понимание этого жило в умах и сердцах

многих русских в изгнании, в том числе – еще совсем юных Ростислава и его друзей, сараевских скаутов-разведчиков. Их вклад в общую борьбу выражался на тот момент в создании национальной патриотической организации разведчиков-скаутов, в сохранении идентичности.

Русское разведчество выжило, вернувшись в 90-х годах на родину, и в этом большая заслуга так называемых «сараевцев» – Ростислава Полчанинова, Бориса Мартино, Святослава Пелипца, которых, по словам автора книги, с 1931 года в Сараево называли «три мушкетера», – и их друга, боснийца-мусульманина Малика Мулича. Мулич выучил русский язык; в 1937 году он основал III Белградский отряд русских скаутов-разведчиков Ермака Тимофеевича, проводил лагерные сборы скаутов и был инструктором КДВ (Курсы для вожаков) и КДР (Курсы для руководителей). По воспоминаниям современников, Малик Мулич душой ощущал, что есть «русскость», и умел заражать этим чувством ребят вокруг.

Сам Полчанинов признается, что цель его книги – «показать сегодняшнему читателю ту эпоху русской истории, которой он был свидетелем и участником». «Воспоминания» повествуют, как он с родителями оказался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев – сначала в местечке Ада в Войводине, а впоследствии – в Сараево; как строилась жизнь русских эмигрантов в 1921–1941-х годах на территории радушно принявшей их страны.

Условно книгу можно разделить на две части. К первой части относятся сведения о роде Полчаниновых и воспоминания автора о ранней юности. Эти рассказы очень трогательны – как, например, история о первой елке и Рождестве в русской колонии в Сараево; о встрече весны в детском саду и булочках в виде птичек с изюминками; об игре в бумажные солдатики; о многочисленных интересных коллекциях юного Ростислава и, конечно, о незабываемом моменте в мальчишеской жизни, когда именно ему поручили вручить букет цветов генералу Врангелю, приехавшему в 1922 году посетить русских в Сараево. Автор создает ту атмосферу, которая царила на Балканах в межвоенный период, использует в описаниях яркие, эмоциональные краски, дает четкие исторические справки.

Ко второй части книги относятся воспоминания о разведческом пути автора и саревцев и их деятельности. Начинается эта часть с главы «Как мы стали скаутами», в которой описывается, как автор и его друзья Борис Мартино и Слава Пелипец записались в югославские скауты зимой 1931 года, а уже в апреле того же года деятельные ребята связались с Центральной штаб-квартирой русских одиночных скаутов в Европе, чтобы вступить в русскую скаутскую организацию.

Последующие главы посвящены разведческой работе сараевцев, привлекавших все новых и новых молодых людей. Особенно интересен рассказ о курсовых лагерях (БКС) для руководителей и для вожаков разведчиков, участником которых был Полчанинов. Мне как разведческому руководителю было важно увидеть, как зарождалась система воспитания и обучения разведческих кадров, как велась работа с одиночками, которой Ростислав уделял большое внимание, так как с декабря 1935 года он стал начальником отделения одиночных скаутов-разведчиков в Югославии. Работа была крайне важна, так как судьба разбросала русских по всем уголкам света, и зачастую в том или ином месте их было слишком мало, чтобы создать полноценный отряд разведчиков. Но и таких людей старались не потерять из виду. Р. В. Полчанинов вел с ними активную переписку, приезжал к ним, координировал их действия.

Ценность книги Р. В. Полчанинова в том, что это – эксклюзивное свидетельство о событиях истории национального разведчества как части жизни русской эмиграции на Балканах. События передаются от лица непосредственного их участника, сомневаться в их достоверности не приходится. Книга снабжена именным указателем, содержащим около 500 имен. Мемуаристы редко сопровождают воспоминания указателями, хотя такое добавление повышает научное значение книги, что хорошо понимает Р. В. Полчанинов.

Труд Полчанинова позволяет и по-новому взглянуть на исторические для русского разведчества события. Автор этой рецензии много лет работает руководителем русских разведчиков, организации, которая не прекращала существование все эти десятилетия – со дня основания. Можно с уверенностью утверждать, что книга Ростислава Полчанинова – пример служения для сегодняшних членов нашей организации. Пример того, как молодые люди без особой поддержки взрослых делали важное, серьезное и тяжелое для них дело.

Анна Смутная, инструктор НОРД «Русь»

Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 4. – М.: «Русский путь», 2015. 296 с.

«Мне хочется именно Вам писать обо всем, наверное, чтобы почувствовать, что есть еще кто-то, с кем он был наравне, кто сильный, у кого своя правда.» Так писала почти полвека назад Александру Исаевичу Солженицыну Мария Владимировна Фаворская, дочь великого художника, сообщая о смерти отца и приглашая писателя в мастерскую отца.

Владимир Андреевич Фаворский был одним из немногих, кто в

самые трудные и опасные годы советского террора сохранял верность национальным духовным традициям. Его небольшие гравюры несли какой-то свет вечности. В мастерской Фаворского А. Солженицын побывать не успел. Уже сняли Хрущева и начинался тяжелейший период в жизни писателя. Сталинисты поднимали голову, Александр Исаевич готовился к худшему и не мог терять ни единой минуты. В мастерскую великого графика приходила уже Наталия Дмитриевна Солженицына, когда зять Фаворского, скульптор Дмитрий Шаховской, работал над крестом на могилу Александра Исаевича. «Бывают странные сближения...»

Небольшая переписка Солженицына с Фаворскими представлена в очередном, уже четвертом выпуске «Солженицынских тетрадей». Их четко, год за годом, готовит к изданию Отдел по изучению наследия А. И. Солженицына Дома Русского Зарубежья. Задача «Тетрадей» – публикация неизвестных текстов писателя. Однако в четвертом альманахе публикуются также материалы, связанные с памятью о тех, кто был близок Александру Исаевичу.

«Солженицынские тетради» представляют стенограмму выступлений на прощании с Еленой Цезаревной Чуковской во время вечера ее памяти. Близкие и те, кого она одарила своим присутствием в жизни, отдали последнюю благодарность этой удивительной женщине. Эта маленькая, хрупкая женщина, на удивление организованная, в свое время приносила Солженицыну материалы для «Архипелага ГУЛага», распространяла и печатала его обжигающие строки. На нее несколько раз нападали, однажды она попала в более чем странную автокатастрофу – но остановить ее ничто не могло. Блистательный археограф, с первыми ветрами перестройки погрузилась Елена Цезаревна в подготовку к печати произведений деда, великого сказочника и историка литературы Корнея Ивановича Чуковского, и матери, несгибаемой Лидии Корнеевны.

Любому, кто хоть чуть-чуть соприкасался с жизнью и судьбой автора «Архипелага ГУЛаг», имя Клода Дюрана скажет о многом. Издатель, публицист, переводчик, он был проводником Солженицына в запутанном мире европейского издательского дела и норм авторского права. Став литературным агентом Солженицына и его настоящим другом, Дюран сумел пробить стену отчуждения вокруг писателя на Западе. Во времена, когда многие из зарубежной интеллектуальной элиты были убеждены в правоте теории социализма «с человеческим лицом», Дюран смог приблизить солженицынское слово к миру. Светлой памяти этого замечательного человека посвящен ряд очерков, вошедших в четвертый выпуск.

Многое для понимания выбора Солженицыным своего непро-

стого жизненного пути даст переписка Александра Исаевича с подругой матери – Марией Васильевной Скороглядовой-Крамер. В 1953 году писателю был поставлен диагноз: рак. В это время он находился в ссылке в забытом Богом и людьми казахстанском городке Кок-Терек. В столь сложный период и завязывается его переписка со Скороглядовой-Крамер. «...Настроение у меня неизменно хорошее. Я научился жить по мудрой русской пословице: ‘счастью не верь, беды не пугайся’. Само ощущение жизни есть уже награда – в несчастье (sic) оно бывает даже острее и глубже, чем в счастье...» Он вспоминает о матери, говорит о чувствах, которые ему навевают бесконечные казахские ветры: «Осенние ночи и слышимая тишина одиночества – очень приятное и возвышенное сочетание для души, чего нельзя сказать о теле. Осень – мое любимое время года. Это – Чайковский, Шопен, лучшее из Пушкина и Чехова. Все эти годы непрерывной тесноты, многолюдности, многоголосой суеты я мечтал именно о такой осенней тишине и покое»... В этих частных строках уже угадывается писательский четкий, упругий стиль, продуманность каждого слова.

Очерки и записи, сделанные А. Солженицыным в Вермонте, получили в альманахе название «Литературная коллекция». «Солженицынские тетради» уже публиковали наброски писателя о Булгакове, Лескове, Астафьеве. В этом выпуске мы имеем возможность познакомиться с его размышлениями над пьесами Островского. В них нет коленопреклоненности. Солженицын совершенно не принимает «Не в свои сани не садись», не все ему нравится в «Доходном месте»: «Обнаженность приемов, возникает вялость от неинтересности, незаполненности действием, и диалоги неживленные, и куда испарился их сверкающий язык?»... Зато самые добрые слова вызывают у Александра Исаевича «Гроза», «На всякого мудреца довольно простоты», «Лес». И вот – заключение: «У Островского – весьма самобытная драматургия. По сути – он создал русский национальный театр».

Много нового для заинтересованного читателя содержит этот том «Солженицынских тетрадей». Возвращение писателя продолжается.

* * *

Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. 14-15 мая 2015. К 70-летию Великой Победы. – М.: «Русский Путь», 2015. 664 с.

На заседание Круглого стола международной конференции в Доме Русского Зарубежья эту удивительно обаятельную женщину внесли на кресле, на пятый этаж. Там уже собрались участники –

гости из Бельгии, Аргентины, Франции, Израиля, Греции, Италии, Польши, Сербии, исследователи из многих российских регионов. Прилетела и она – Светлана Юрьевна Завадовская, чтобы рассказать о своем отце, замечательном востоковеде, расшифровщике древних африканских надписей, французском дипломате, участнике Сопротивления Юрии Николаевиче Завадовском. Форум стал одним из самых заметных общественных и культурных событий во время празднования юбилея победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

До сих пор тема участия русских эмигрантов в событиях Второй мировой войны – одна из наиболее острых в истории российских изгнанников. Почему многие из них приняли участие в армиях Оси, а другие, чью жизнь также раздавила Советская власть, с первого дня четко решили: надо защищать родину от гитлеризма. Истории этих судеб, исследования о борьбе русских эмигрантов с нацистами, уникальные документы из государственных и частных архивов и создали 661-страничный том, изданный по итогам конференции. Составители – Марина Сорокина и Константин Семенов – в короткий срок собрали тексты докладов и выступлений и подготовили эту книгу к печати.

Ни такого форума, ни подобной книги до сих пор не было. Отдельные разделы издания посвящены истории участия в войне русских эмигрантов во Франции и Югославии, в других осмысляется опыт сопротивления нацизму в странах Европы, Южной Америки и в Китае. Настоящей «жемчужиной» издания стала предоставленная архивом МИД РФ стенограмма беседы советского посла во Франции Александра Богомолова (предвоенный и послевоенный периоды) с представителями Русского Зарубежья. Среди них, к примеру, Василий Маклаков, бывший посол Временного правительства, вице-адмирал Михаил Кедров, бывший командующий ВМФ Вооруженных сил Юга России... Встреча происходила 12 февраля 1945 года, и этот уникальный документ показывает, какие изменения происходили в сознании эмиграции, для которой победа стала прежде всего триумфом их родины.

В книге развернуто огромное полотно героев и судеб. Вы можете прочесть письма с фронта правнука создателя «Войны и мира» Никиты Ильича Толстого, впоследствии одного из патриархов отечественной филологии и славяноведения. Сын белого офицера, выросший на Балканах, Никита Толстой был участником сербского партизанского отряда, потом солдатом советских войск, а после войны вернулся в СССР. Взявшие в руки этот том прочтут о судьбе одного из руководителей Земгора во Франции, одного из ближайших друзей генерала де Голля, – о Николае Васильевиче Вырубове. Он

был в Англии, когда началась война. «Есть такое понятие, как нравственный долг. Если разбойники врываются в дом, надо помочь хозяину», – объяснял он свое решение принять участие в военных действиях. Из-за отсутствия английского гражданства Вырубов не мог быть призван в армию Великобритании; он отправился в Африку, чтобы присоединиться к подразделениям де Голля. А как не упомянуть статью о князе Сергее Сергеевиче Оболенском – участнике движения младороссов?! Во время Второй мировой войны члены «Союза молодой России» оказались в рядах Сопротивления. Одна из статей рассказывает о матери Марии; также мы узнаем о легендарном немецком антифашисте и подпольщике, уроженце Оренбурга Александре Шмореле, распространявшем в фашистской Германии «Листовки Белой Розы» – прокламации против нацистского безумия. Уверен, значительный интерес вызовет публикация документов ученого-биофизика Сергея Степановича Чахотина, ученика академика Павлова, – в сборнике представлен план его книги «Насилие над массами путем политической пропаганды». И это лишь небольшой перечень тем, вошедших в это фундаментальное издание, которое в силу уникальности собранных здесь текстов будет востребовано многими историками и широким читателем.

* * *

И. Л. Жалнина-Василькиоти. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. – М.: Старая Басманная, 2015. 480 с.

На солнечной земле Эллады побывало уже несколько миллионов россиян. Но вряд ли многие из них знают о русском военно-морском кладбище в афинском порту Пирей. Там похоронены морские офицеры, казаки, адвокаты и писатели, их спутники жизни, – те, кто завершил свой путь в Греции, оказавшись там после революции и Гражданской войны. Во времена «черных полковников» это кладбище было снесено почти до основания. Чтобы спасти хоть какую-то память о своих товарищах, русские эмигранты облицевали часовню святой Ольги, построенную там же, плитами с могил. Так и стоит эта небольшая церковь, до верха закрытая табличками с кладбища. Имена гардемарин, капитанов, матросов... Это кладбище в греческом порту – подлинный символ трагедии и триумфа российского изгнания. К сожалению, почти забытый. О тех, кто нашел последний приют в раскаленной греческой земле, и рассказывает новая книга Ирины Жалниной-Василькиоти.

Почти тридцать лет живя в Греции, Жалнина-Василькиоти посвятила жизнь спасению наследия русской эмиграции. Она переписывала фамилии с могил, добираясь до самых дальних островов,

встречалась со стариками, их детьми и внуками, делая все, чтобы не пропали письма и бумаги. Сутками работала в архивах и библиотеках. Выдирала сорняки на заброшенных могилах и неутомимо билась за спасение исчезающих погостов.

Несколько лет назад в московском издательстве «Русский Путь» вышла ее книга «Родной комок земли сухой... Русский некрополь в Греции». И вот сегодня – новый труд. Перед читателями разворачиваются страницы жизни последнего российского императорского посланника в Греции Елима Петровича Демидова, потомка знаменитого уральского рода, и его жены Софьи Илларионовны, урожденной Мусиной-Пушкиной. Сколько они сделали, собирая средства для больных и изувеченных русских солдат и моряков, которые попали на землю Эллады. Напомним, что на Салоникском фронте в годы Первой мировой воевали и русские войска.

Читатели узнают о легендарном герое, четырежды Георгиевском кавалере Владимире Дейтрихе Белуха-Кохановском, председателе Союза русских военных инвалидов в Греции. Мы прикоснемся к судьбе протоиерея Ильи Апостолова, едва не расстрелянного большевиками за участие в боях в составе Дроздовской дивизии, принимавшего участие, вместе с Великой княгиней Еленой Владимировной, в создании в Афинах Русского старческого дома. (Отец Ильи впоследствии стал епископом Монреальским и Канадским.) Конечно, книга рассказывает и о самой княгине, племяннице Александра III, принцессе Греческой и Датской. Как и о королеве эллинов, легендарной Ольге Константиновне. Всех этих людей объединяло благородство, самопожертвование и неистребимое желание помочь русским эмигрантам, оказавшимся на краю гибели. А ведь в Греции, измотанной войнами и беженцами, и для своих граждан не всегда хватало средств.

И. Жалнина-Василькиоти приводит много документов из государственных российских и греческих архивов и, что особенно ценно, из частных собраний, – посвященных сбору средств в помощь беженцам, просьбам к властям об открытии русских церквей и госпиталей... Уверен, что настоящим открытием для многих станет история жизни Николая Дулгера-Шейкина: он сумел внедриться в гестапо и оттуда передавал сведения антифашистскому подполью. Хочется рассказать и о поддесауле Анатолии Белофастове, ставшем одним из самых знаменитых греческих летчиков, и об архимандрите Тимофее Саккасе, и сегодня возглавляющем Дом престарелых им. Святой Троицы в Афинах, и о графине Шереметьевой, урожденной княжне Юсуповой, и о многих других. В рецензии трудно перечислить всех героев этой книги. Предоставим читателям самим познакомиться с ними.

Виктор Леонидов

Лев Бердников. Евреи в царской России: сыны или пасынки? – СПб.: «Алетейя». 2016. 432 с.

Для начала позволю себе небольшое воспоминание. Как-то в молодости разговорился я с моим шефом-академиком, евреем. «В нашем Научном совете вы можете писать о чем угодно и о ком угодно – кроме... евреев. В царской России еврейская проблема всегда была одной из острейших. Обе стороны – и христиане, и иудеи – по большей части трактовали ее национально и политически сугубо тенденциозно. На то были свои причины. И у вас, скорее всего, так получится. А уж тогда не избежать вам зубоскрежетной критики с двух сторон». Разговор состоялся задолго до перестройки, на дворе стояло еще крутое идеологическое время, и я внял совету старого академика. С тех пор прошло много лет. Еврейская тема заняла надлежащее место в российской литературе. Вышло множество статей и книг, в том числе капитального характера (Скажем, А. Солженицын. Двести лет вместе. – М., 2003 г.; Г. Костырченко. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М., 2001, и др.). И вот в этом году появилась еще одна книга на эту тему. Книга необычная, в известном смысле даже и уникальная.

Свое историческое исследование бытия евреев на русской земле Л. Бердников начинает с великого княжения Ивана III (1440–1505) и заканчивает императорством Павла Первого (1796–1801). Анализируя жизнь евреев «под порфирой» этих монархов, автор намечает, как представляется, четыре основных направления «иудейской политики» русских царей. Прежде всего, это политика, диктуемая и проводимая под воздействием религиозного (православного) контента. Последовательно осуществляемая, она ставила евреев в положение непримиримых врагов Христа, подлежащих гонениям, изгнанию, а то и уничтожению.

Во втором варианте, монархи, озабоченные строительством и укреплением государства, храня православие, уделяли, тем не менее, много внимания экономике, финансам, торговле, вообще – деловым отношениям. В этих сферах, понятно, находилось место и для иудеев.

Но обстоятельства реальной жизни часто вынуждали монархов следовать третьим – так сказать, «смешанным», – направлениям. Как заклятые враги, евреи подвергались преследованиям и гонениям, и, в то же время, многие из них, проявлявшие деловые качества и мастерство, привлекались к «государевой службе». Привлекались, прежде всего, теми монархами, которые в полной мере проявляли заботу о развитии и укреплении страны. И уж совсем невероятная редкость, когда вдруг монарх без всяких условий и оговорок покро-

вительствовал иудеям. Основываясь на этих типах государственной «еврейской» политики, Л. Бердников развертывает перед читателями отлично выписанную картину жизни и деятельности иудеев, по тем или иным причинам оказавшихся на территории Руси в XV–XVIII вв.

Вот Московское княжество при Великом князе Иване III. Всегда действующий с расчетом, строго прагматично, этот по-настоящему великий князь совершенно чуждался какого-либо предвзятого отношения к иудеям. Они без особых препятствий пребывали в русских городах и селах, а сам князь вел оживленную переписку с богатыми еврейскими купцами Крыма. Вполне вероятно, что облегченное положение иудеев содействовало проникновению на Русь так называемой «ереси жидовствующих». Иван III поначалу не только не преследовал еретиков, но, как говорили, и сам будто бы «прикладывал ухо к ереси». Православное священство гневно ополчилось против «жидовствующих». На Ивана III было оказано мощное давление, и он вынужден был отступить. На Соборе 1504 года «жидовствующих» предали проклятию – и затем суровым карам: сожжению, тюремным заключениям, ссылке в отдаленные монастыри. Есть свидетельства, будто бы Иван III покаялся перед смертью и если это так, Л. Бердников справедливо называет Ивана III «гонителем евреев поневоле». Однако гонения нарастали при преемниках Великого князя, достигнув апогея при Иване IV Грозном, о котором писали: «Как ни был жесток и неистов, однако же не преследовал и ненавидел никого, кроме жидов, которые не хотели креститься и исповедывать Христа: их он либо сжигал живыми, либо вешал или бросал в воду».

Со смертью Ивана Грозного, а затем его сына, царя Федора Ивановича, оборвалась династия Рюриковичей. И после недолгого царствования Бориса Годунова Русское государство погрузилось в Смуту. Лишь в 1613 году воцарилась новая династия – Романовых. Уже первые ее представители – Михаил Федорович и его сын Алексей Михайлович (получивший прозвание «Тишайший») – хорошо сознавали, что перестройка страны после Смуты требует масштабных работ, а следовательно, привлечения из-за рубежа (а также, с захваченных в ходе войны территорий) разного рода деловых, мастеровых искусных людей. Среди оказавшихся на русской земле было немало и иудеев. Алексей Михайлович всемерно поощрял переход иудеев на русскую службу. Среди них было множество ремесленников; наиболее необходимых и полезных ему специалистов он приближал ко двору. В этом Алексей Михайлович был первым и предвосхитил своего великого сына Петра. «Евреи, – пишет Л. Бердников, – приезжали и жили в стране без всякой утайки. А это означало, что они пользовались правом жить в России. И конкретная миграционная политика

царя такое право как раз подтверждала.» (с. 41) Евреи свободно проживали во всех крупных российских городах. Там для них обычно выделялись слободы, особенно если поселявшиеся в них принимали христианство (между прочим, мою «малую родину» – четыре будущие Мещанские улицы в Москве, отведенную Алексеем Михайловичем под «мещанскую слободу» для переселенцев из Польши, называли «слободой перекрестов»). Л. Бердников пишет, что в царствование Алексея Михайловича иудеи жили в России, в сущности, «безо всякой злобы и вреда». Но при этом Тишайший требовал принятия «жидовинами» Креста. И надо согласиться с Л. Бердниковым, назвавшего Алексея Михайловича «Тишайшим прозелитом», – то есть, обратителем иудеев в христиан.

В лице Петра Великого мы встречаемся с монархом, чья «иудейская политика» вызывает, пожалуй, наибольшие дискуссии в среде историков. Действительно, в огромном письменном наследии и высказываниях Петра можно встретить противоречивые мнения о евреях. Петр I не раз называл их плутами, обманщиками и т. п. Вместе с тем, он прямо говорил о том, что ему лично все равно – крещеный или обрезанный, – «лишь бы дело знал». Думается, что это следствие понимания Петром того, что разобщение этих двух народов – русского и иудейского – пока не преодолено. В 1698 году к Петру в Амстердаме обратился бургомистер города с просьбой разрешить въезд в Россию еврейским купцам. «Мой друг, – ответил ему царь, – вы знаете нравы и обычаи евреев, а также знакомы с русскими. Я также знаю и тех, и других, – и поверьте мне: еще не пришло время для встречи этих двух народов. Скажите евреям, что я благодарю их за их предложение и понимаю ту выгоду, которую мог бы извлечь...»

Все, что мы знаем о Петре, дает основание верить в эту его весьма глубокую мысль. Прочитируем Л. Бердникова: «Великий реформатор был действительно революционером – он впервые и единственный раз в истории России – до реформ Александра 2-го – ввел в высшие коридоры российской власти значительную группу евреев крещеных» (с. 64). В «гнезде Петровом» находилось немало выкрестов, во многом содействовавших царю-реформатору «придать бег державный рулю родного корабля». Вот некоторые, наиболее известные имена: П. П. Шафиров, А. М. Дивьер, А. П. и Ф. П. Веселовские. Да, в окружении Петра были и завзятые «жидоеды», например А. Д. Менщиков, требовавший «жидов в Россию ни с чем не пускать». Но сам Петр Великий, считает Л. Бердников, «благожелательно относился ко многим евреям, которых возвел на высокие должности Российской империи, и хотя считал, что время для исторической встречи русско-

го и еврейского народов еще не настало, понимал выгоды от сотрудничества с иудеями на благо своих соотечественников. В этом вопросе он, несомненно был прагматиком...» (с. 67).

«Иудейскую политику» Петра Великого можно считать противоречивой, но в целом она была благоприятной для проживания евреев на территории Российской империи. Этого ни в коем случае нельзя сказать о преемнице Петра, его супруге Екатерине I. Л. Бердников справедливо называет ее «карманной императрицей», а карман, в котором она находилась, принадлежал «полудержавному властелину» Александру Меншикову, ненавистнику иудеев. Не без его прямого давления императрица приказала «жидов, как мужеска, так и женска пола, которые обретаются на Украине и в других российских городах, тех всех выслать вон из России на рубеж незамедлительно и впредь их ни под какими образами в Россию не впускать...» (с. 69) Царствование Екатерины I было недолгим, но при этом одним из самых «лихих» для иудеев.

Когда престол заняла Анна Иоанновна, племянница Петра (дочь его брата Ивана), для российских евреев, мнилось, наступила некоторая «оттепель». Хотя, по свидетельству князя М. Щербатова, Анна Ивановна не отличалась умом и была малообразована, она обладала трезвым взглядом на многие вещи и весьма прагматическим подходом к делам. При ней выходили царские постановления, разрешавшие иудеям, пусть временно, возвращаться в Россию для торговли и ремесленничества. Зачастую это «временное» превращалось в постоянное. А многих евреев (крещеных и даже некрещеных) Анна Ивановна приближала к своей особе.

Когда в ноябре 1741 г. дочь Петра Великого и Екатерины I Елизавета Петровна решилась на государственный переворот, чтобы свергнуть младенца – законного императора Иоанна Антоновича и его мать, правительницу Анну Леопольдовну, она вопрошала собравшихся петровских гвардейцев: «Вы ведь знаете, чья я дочь?!» Они знали. Елизавета Петровна стала императрицей. Однако кровное родство с Петром Великим – это было, пожалуй, все, что она получила от отца. Антисемитизм Елизаветы носил чисто религиозный характер. Если ей говорили, что деловые и торговые связи с иудеями могут принести пользу Отечеству, она отвечала: «Мне не нужна интересная выгода от врагов Христовых». Неудивительно, что под ее скипетром иудеи подвергались жестоким преследованиям. По ее указу 1742 года предписывалось «всех жидов, какого бы звания или достоинства не был... выселить за границу... и в нашу империю не впускать» (с. 120). Укрывателям же евреев и прочим ослушникам грозил «высочайший гнев и тягчайшее наказание». Тем не менее,

этническая неприязнь к евреям у Елизаветы отсутствовала: при ее дворе было немало крещеных евреев, которых она возвышала.

Екатерина II (урожденная принцесса Софья Ангальт-Цербтская, вышедшая замуж за внука Петра Великого – Петра III и в 1762 году ставшая российской императрицей) показывала себя представительницей просвещенного абсолютизма. Она вела переписку и поддерживала личные связи с французскими энциклопедистами, заявляла о приверженности их идеям, в том числе таким важным для России, как раса и вера. В «Наказе комиссии о составлении Нового Уложения» (1768) она предписывала: «Равенство граждан состоит в том, чтобы все подвержены были одним и тем же законам... В толь великом государстве, распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма бы вредны, для спокойствия и безопасности своих сограждан, был бы порок запрещения или недозволения различных вер...» Однако в реальных обстоятельствах императрица нередко вела себя иначе и порицала коммерческую деятельность евреев. «Эти люди, – откровенничала она с Дидро, – все себе заграбастуют и потому вызовут больше неудовольствия, чем дадут выгоды» (с. 137). «И все же, – полагает Л. Бердников, – можно заключить, что положение просвещенной монархини призывало Екатерину к терпимости и равноправию ‘без различия расы и веры’, хотя симпатий непосредственно к евреям она, как и некоторые французские философы-энциклопедисты, не питала» (с. 137-138). Пусть так. Но надо помнить, что именно Екатерина исключила из официальных бумаг оскорбительное словечко «жид».

Говоря об отношении Екатерины II к еврейству, нельзя не рассказать о человеке, который, без сомнения, оказывал на нее огромное воздействие. «По счастью, евреи обрели тогда неожиданного и самого надежного защитника, – пишет Л. Бердников. – Нашелся в русской истории 18 века государственный муж, который без обиняков и лавирования заговорил об их правах во весь голос. То был всесильный сподвижник и фаворит Екатерины, фельдмаршал и светлейший князь Григорий Потемкин-Таврический.» Он отличался исключительной веротерпимостью; в его окружении находилось немало евреев, в том числе раввинов. Годы Потемкина были «золотыми годами для русского еврейства» (с. 151). «Фактор Потемкина» представляется значимым, а на каком-то этапе даже определяющим в еврейской политике Екатерины. Не исключено, что отчасти под его влиянием в 1772 г. она предоставила евреям присоединенных в Российской империи территорий определенные права гражданства. Многие евреи считали вхождение в состав России залогом улучшения своего положения. И не случайно, в мае 1786 был опубликован указ с признанием граждан-

ского равенства евреев. Россия опередила в этом Европу! Однако указы-указами, а действительность часто оборачивалась мрачной стороной для евреев. Черта еврейской оседлости, проведенная Екатериной II в конце ее царствования, после смерти Потемкина, еще более столетия будет отделять евреев от остального населения империи.

Если для не слишком искушенного читателя юдофильство светлейшего князя Тавриды может показаться неожиданным, то доброжелательство, проявляемое к иудеям и иудаизму императором Павлом I, тем более удивительно. Между тем, сей монарх исходил из того, что «Христос – во всех, – и в принявшем крещение, и в иудее, и в язычнике». Он стремился понять любой религиозный выбор. И привечал евреев, а также тех, кто разрабатывал планы и проекты, приобщавших их к промышленному производству и сельскому хозяйству. Всячески поощрял Павел и расширение еврейской торговли, в том числе и за пределами черты оседлости. Предложения о выселении евреев из больших городов Павлом отвергались. Есть свидетельства о том, что в годы императорства Павла в Петербурге и Москве существовали довольно большие еврейские общины. Почти всегда в конфликтах между еврейскими общинами и местными чиновниками Павел брал сторону евреев. Не повезло даже великому поэту и, по совместительству, министру юстиции Гавриле Державину, который в одном из донесений уверял царя в том, что евреи находятся «в общем противу христианства злодействе» (с. 163). Император повелел оставить это доношение «в стороне». «Именно Павел, – пишет Л. Бердников, – первым из российских венценосцев всерьез озаботился благоустройством иудеев в империи. Этот монарх вовсе не считал их врагами и ненавистниками христиан. И славен он тем, что первый и, пожалуй, единственный из монархов российских был начисто лишен антисемитизма, в том числе религиозного» (с. 169).

Временем Павла I Л. Бердников завершает анализ «еврейской политики» русских монархов. Продолжение ее монархами XIX–XX веков он не затрагивает. Лишь в главе «Дресс-код и самовластие» рассказывается о запрещении евреям носить национальную одежду и «переодевании» их в европейские (русские) костюмы и платья. В 1844 году указом Николая I было запрещено «употребление и ношение еврейской одежды (в присутственных местах). За нарушение взымался внушительный штраф. Этот указ можно рассматривать не столько как антиеврейскую меру, но как акт, направленный на сближение иудеев с коренным народом империи. У меня сохранилась фотокарточка более чем 100-летней давности. На ней – группа моих предков. Все они одеты так, что их невозможно отличить от их соседей – русских людей. Я еще хорошо помню моего деда: он ‘при выхо-

дах' был одет, 'как все', но дома набрасывал на плечи талес и молился своему Богу».

Нет сомнений, что большой интерес вызовет у читателя Второй раздел книги – «Литературные портреты», из которого можно узнать о многих русских евреях (в том числе и о принявших православие), дотоле мало известных или вовсе забытых, но славившихся и прославивших Россию в ее истории.

Читая главу за главой, мы приблизимся к ответу на трудный вопрос, которым Л. Бердников озаглавил свою книгу: в те далекие царские времена евреи были сынами или пасынками России? – Приблизимся, если замечательный автор позволит внести маленькую (но весомую) поправку в формулировку: заменить «или» на «и». И тогда получится, что в России всегда были еврей-сыны и еврей-пасынки. Как, впрочем, бывает везде и всюду.

Генрих Иоффе, Монреаль

Стипендиальный Фонд имени кн. Алексея Щербатова Дворянского общества Америки

Дворянское Общество Америки (Russian Nobility Association in America) – общественная филантропическая организация, поддерживающая нуждающихся в гуманитарной и медицинской помощи, а также в получении образования в США и странах мира.

Ежегодно Стипендиальный Фонд имени кн. Алексея Щербатова / The Scherbatow Scholarship Fund Дворянского общества Америки (RNA) присуждает специальный денежный грант студентам, нуждающимся в финансовой поддержке в текущем академическом году.

Претенденты на грант, выбранные на общей основе с учетом их академических знаний, потенциально полезных для развития будущих проектов RNA, их личных характеристик и финансовых потребностей, получают от организации стипендию для частичной оплаты их образования. Каждый год RNA выделяет на стипендии определенный процент от всех пожертвований в пользу организации, а также – индивидуальные пожертвования, внесенные непосредственно в Стипендиальный фонд.

Фонд, носящий имя кн. Алексея Павловича Щербатова, был учрежден после его смерти в 2003 году в память о его жизни и достижениях. А. П. Щербатов был президентом Russian Nobility Association in America на протяжении 31-го года. Защитив кандидатскую степень по истории в Columbia University (Нью-Йорк), Щербатов преподавал историю и политические науки в университете, работал в Толстовском Фонде, помогая новым русским эмигрантам. Его деятельность как историка была отмечена наградами многих российских, европейских и американских организаций. По словам самого А. П. Щербатова, все, что он делал и писал, – все во имя России.

RNA выражает благодарность всем тем меценатам, благодаря чьей помощи существует и действует Стипендиальный фонд.

RNA приветствует и призывает всех желающих стать спонсорами Стипендиального Фонда им. кн. Алексея Щербатова. Все пожертвования RNA на территории США списываются с налогов.

Пожертвования можно сделать, оформив чек на имя Russian Nobility Association in America и выслав его по адресу: Mrs. Roberta Maged; DRG International Inc. 841 Mountain Avenue; Springfield; NJ 07081

Russian Nobility Association in America

ОБ АВТОРАХ

АРАНОВ Михаил (Ленинград). Инженер. Окончил Ленинградский Политехнический институт. Пишет стихи и прозу. Публикации в журналах: «Невский альманах», «Дети РА», «Крецатик», «Студия», «Зарубежные записки», «Литературный Европеец» и др. Повесть «Вернутся ли голубив ковчег» вошла в Лонг-лист «Русской премии» за 2013 год. Живет в Германии.

БОБЫШЕВ Дмитрий Васильевич (1936, Мариуполь). Поэт. В 1960 встретился с А. А. Ахматовой и вошел в ближайший круг ее молодых друзей. В США с 1979 г., профессор Славянского отделения Иллинойского университета. Автор поэтических сборников: «Зияния» (1979), «Звери святого Антония. Бестиарий» (1989, совм. с М. Шемякиным), «Полнота всего» (1992), «Ангелы и Силы» (1997) и др. Стихи и статьи печатались в «Русской мысли», «Гранях», «Вестнике РХД», «Континенте», «Синтаксисе», «Знамени» и др.

ГЕРРА Ренэ, доктор филолог. наук Парижского университета; литературовед, собиратель, хранитель и исследователь культурного наследия Зарубежной России. Автор или составитель 35 книг о писателях и художниках-эмигрантах, из которых 24 изданы на русском языке, а также более 300 статей по литературе и искусству русской эмиграции. Печатается в НЖ с марта 1976 г., а с 1992 г. публикуется в российских газетах и журналах. Член редколлегий и редсоветов журналов и альманахов: «Русская мысль», «Русский мир», «Литературные знакомства», «Текст и традиция». Президент-основатель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции. Почетный член Российской Академии художеств (2004). Награжден орденом Дружбы РФ (2007), лауреат Царкосельской художественной премии (2009) и Литературной премии им. Антона Дельвига (2010).

ГОРЯЧЕВА Юлия Юрьевна. Междисциплинарный специалист. Окончила факультет журналистики МГУ и магистратуру Норвичского университета (США). Работала в журнале «Иностранная литература», в «Независимой газете». Сотрудничает с отечественными и зарубежными изданиями. Член Союза журналистов Москвы. Автор книг по истории Русского Зарубежья «Афон. Форт-Росс. Русское дело» (2011) и «Новая Россия – соотечественники Зарубежья: единое культурное пространство» (2012).

ГРИЦМАН Андрей (Москва). С 1981 г. в США, работает врачом. В 1998 г. закончил литературный факультет Университета Вермонта. Публикуется в литературных журналах России, США, Израиля, Франции, Германии. Автор 10 книг стихов, среди них «Ничейная земля», «Двойник», «In Transit» (англ., рум.), «Остров в лесах», «Голоса ветра», «Pisces», «Кошка», «Long Fall» (англ.) и др.; автор книги «Поэт в межкультурном пространстве». Ведущий международного клуба поэзии в Нью-Йорке и редактор журнала «Interpoezia». Член Российского и Американского ПЕН-клубов; был дважды номинирован на премию по литературе Pushcart Prize.

ДУБРОВИНА Елена. (Ленинград) – поэт, прозаик, переводчик. Автор книг стихов «Прелюдии к дождю» и «За чертой невозвращения», романа «In Search of Van Dusk»; составитель и переводчик антологии «Russian Poetry in Exile. 1917–1975. A Bilingual Anthology» (2013). Печаталась в «Гранях», «Континенте», в НРС и др. Гл. редактор ж. «Поэзия: Russian Poetry Past and Present» и «Зарубежная Россия: Russia Abroad Past and Present» (США). Ее стихи вошли в антологию английской поэзии «Liquid Gold». Лауреат Национальной литературной премии им. Шекспира. Живет в Филадельфии.

ЗАЙЧИК Марк Меирович, (1947, Ленинград). С 1973 года живет в Израиле. Автор нескольких книг прозы. Публикации в газетах и литературных журналах Израиля, России, США, среди них «Менора», «22», «Иерусалимский журнал», «Звезда», «Континент». Лауреат премии СП Израиля за документальный роман «Жизнь Бегина».

ИОФФЕ Генрих Зиновьевич (1928, Москва). Доктор исторических наук, автор более трехсот публикаций по проблемам истории России. Книги: «Февральская революция в английской и американской историографии», «Октябрь и эпилог царизма», «Белое дело. Генерал Корнилов», «Революция и судьба Романовых» и др. Живет в Канаде.

КАЦОВ Геннадий (1956, Евпатория). Поэт, журналист. С 1989 года живет в США. В 1989-91 гг. вел передачи по культуре в программе «Поверх барьеров» на радио «Свобода». Был гл. редактором ж. «Метро», гл. редактором и ведущим авторской телепрограммы на RTN/WMNВ (2000–2003). С 2010 г. – владелец и гл редактор портала RUNYweb.com. Автор книг «Игры мимики и жеста», «Притяжение Дзэн», «Словосфера», «Меж потолком и полом».

КОЙСИН Виталий Евгениевич (1977, Ленинград). В 2000 г. окончил Морской технический университет (СПб.), кандидат технических наук. Автор ряда статей по механике композиционных материалов, истории русской церковной эмиграции, военной истории.

ЛЕОНИДОВ Виктор Владимирович (1959, Москва). Литературный критик, исследователь истории Русского Зарубежья. Окончил Историко-архивный институт, кандидат исторических наук. Автор-составитель нескольких книг поэтов Русского Зарубежья и многочисленных статей по проблемам наследия русской эмиграции. Один из организаторов Архива-библиотеки Российского фонда культуры. Автор известных песен, посвященных русской эмиграции.

ЛИДСКИЙ Владимир (Михайлов В. Л., 1957, Москва). Окончил ВГИК. Поэт, прозаик, драматург, историк кино. Автор романов «Русский садизм», «Избиение младенцев», сборников стихов и киноведческих книг. Лауреат «Русской премии» (2015), премий им. Алданова и «Вольный стрелок: Серебряная пуля» (США), премии «Арча», финалист «Национального бестселлера», премии Андрея Белого, Волошинского конкурса, конкурса «Баденвайлер» (Германия), лонг-листер премии «НОС» и др. Лауреат драматургического конкурса «Действующие лица». Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов» и др. Член Союза кинематографистов Кыргызстана.

ЛЮБИМОВ Андрей (1959, Каменка, Ивановская обл.). Историк, краевед. С 1992 г. живет в США. Печатается в периодических изданиях Русского Зарубежья. Исследователь творчества известного прозаика эмиграции Сергея Максимова.

МОЛОДЯКОВ Василий Элинархович (1968, Москва). Историк, литературовед, коллекционер. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ (1993). С 1995 г. живет в Японии. Доктор политических наук (МГУ), доктор философии (Токийский ун-т), профессор ун-та Такусёку (Токио). Автор 32 книг, включая биографии Брюсова и Риббентропа, сборника стихов «Бумажный парус» и более 400 статей, рецензий и архивных публикаций. Член-учредитель Национального союза библиофилов (Россия). Лауреат Большой Азиатско-Тихоокеанской премии (Токио, 2009).

НАКАНО Юкио (1977, Фукуока). Окончил русское отделение факультета иностранных языков Токийского университета иностранных языков (2000), МГУ (2007). Кандидат филолог. наук. Преподает в Doshisha

University (Япония). Автор работ по истории Русского Зарубежья; исследователь творчества Г. Струве, Андрея Синявского и др.

ОЛЬШВАНГ Хельга (Москва). Поэт, сценарист, режиссер. Окончила ВГИК. Стихи и переводы печатались в ж. «Знамя», «Арион», «Новая Юность», «Крещатик», «Новый Мир», «Interpoezia», в книжной серии издательства Арс-Интерпрес (Нью-Йорк), в поэтических антологиях, переводились на английский, шведский и вьетнамский языки; автор книг «Девяносто шестая книга», «Тростник», «Стихотворения», «Версии настоящего», «Трое». Работает в кино с 1995 года как сценарист и режиссер (под фамилией Ландауэр). С 1996 года живет в Нью-Йорке.

РОЗЕНБЛИТ Мария Алексеевна (1943, Киевская область). Прозаик. В Русском культурном Центре Таллинна ведет литературную секцию «Проза». Член Союза писателей Москвы; член объединения русскоговорящих литераторов Финляндии и Эстонии. Публикации в ж. «Балтика», «Москва», «Молодая гвардия», в альманахах «Венский литератор», «Русский мир», «Русский стиль» и др. Живет в Эстонии с 1968 г.

УРАЛЬСКИЙ Марк (1948, Новокузнецк). Окончил МИТХТ. Был близок к московскому литературно-художественному андеграунду, в 1980-х гг. участник литературно-художественной группы «Мансарда», московского Клуба поэтов. Под псевдонимом «Николай Марин» выпустил сборники стихотворений «Янус», «Антология русского верлибра». Автор книг «Камни из глубины вод», «Немухинские монологи: портрет художника в интерьере андеграунда», «Избранные, но незванные: Историография независимого художественного движения», «Небесный залог: Портрет художника в стиле коллажа». С 1999 г. публикует стихи и прозу под собственным именем, в том числе в «NOVUM-Verlag» (Австрия), «Крещатик» (Германия) и др. С 1992 г. живет в Германии.

СИНКЕВИЧ Валентина Алексеевна (Киев). Поэт, литературный критик, эссеист. На Западе с 1942 года. Сборники стихов: «Огни», «Наступление дня», «Цветенье трав», «Здесь я живу», «Избранное», «Триада» (И. Михалевич-Каплан, В. Синкевич, Н. Файнберг), «Поэтессы Русского Зарубежья» (О. Анстей, Л. Алексеева, В. Синкевич), «На этой красивой и страшной земле», сборник эссеистики «...с благодарностью: были», «Мои встречи: русская литература Америки».

ПОЛЧАНИНОВ Ростислав Владимирович (1919, Новочеркасск). Журналист, историк, общественный деятель. С 1921 жил в Югославии, с 1942 – в Германии, с 1951 – в США. Автор книг «По русским улицам Парижа», «Заметки коллекционера», «О Югославии и русских в Югославии» и др. Автор многочисленных статей по истории Русского Зарубежья.

СТРАВИНСКАЯ Мари (Лозанна) – правнучка Игоря Стравинского и внука Юрия Манделъштама, поэта и литературного критика первой волны эмиграции. Жила и училась в Париже; работала в области импорта/экспорта. В настоящее время является Президентом Фонда Игоря Стравинского, образованного в 2008 году. В свободное время занимается волонтерской работой; увлекается фотографией, международными отношениями; много путешествует. Мать двоих детей, которые вовлечены в работу Фонда.

ХИСАМУТДИНОВ Амир (1952, Кайяк). Окончил Владивостокское морское училище и исторический факультет Дальневосточного университета. Президент Дальневосточного географического общества. Автор книг «Владивосток: этюды к истории старого города», «Терра инкогнита, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку» и др. Автор статей по истории русской эмиграции Китая и Аляски.

ЮРКЕВИЧ Анастасия (Москва). Классический музыкант, поэт, переводчик. Псевдоним Юркевич взяла в честь прапрадеда, ученого-гуманиста, воспитывавшего детей С. Мамонтова. Закончила консерваторию Детмольда (Германия) и «Моцартеум», позднее международную школу менеджмента в Зальцбурге (Австрия). 8 лет работала в ООН. В настоящее время живет в Берлине. Публикуется с 2013 года в журналах «Гвидеон», «Плавучий мост»; финалист конкурса «Поэт года 2014».

The New Review / Novyi Zhurnal is the oldest continuously published Russian-language literary quarterly

The New Review Inc. gratefully acknowledges the support of our loyal friends:

Patrons: Russian Nobility Association in America; Mr. P. Tcherepnine;

Benefactors: Mr. S.Hollerbach;

Sponsors: Mr. N. Lobanov-Rostovsky; Capital Builders Group, Mr. & Mrs. G.Lukin;

Fellows: Mr. M. Kapchits; Mrs. & Mr. B. Pushkarev; Mrs & Mr. I. Vechesloff;

Friends: Mrs. & Mr. R. Colacicchi; Mrs & Mr. V. Galitzine; Mr. A. Gritsman; Mr. A. Moussaian; Mrs. L. Obolensky-Flam; Ms. C. Raeff, Mrs. M. Sechkarev, Mrs. V. Sinkevich.

It requires the support of loyal friends for year 2016:

Patron –	\$ 5,000 and up
Benefactor –	\$ 2,000 and up
Sponsor –	\$ 1,000 and up
Fellow –	\$ 500 and up
Friend –	\$ 100 and up

The Internal Revenue Service has determined, in a letter on March 9, 1990, that The NEW REVIEW, Inc. is a tax-exempt organization and a «public charity» pursuant to the provisions of the Internal Revenue code 501 (c) (3). Contributions to The NEW REVIEW, Inc. are tax-deductible under the provisions of section 170 of the code.

Checks must be made payable to The NEW REVIEW

THE NEW REVIEW
611 Broadway, Room 902
New York, NY 10012

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Москва, Россия: Николай Сарафанников – тел.: 7-495-304-4879

Санкт-Петербург, Россия: Евгений Голлербах – тел.: 7-812-579-7581

Монреаль, Канада: Генрих Иоффе – тел.: 514-279-1045

Париж, Франция: Виталий Амурский – e-mail: vitaly.amoursky@gmail.com

Иерусалим, Израиль: Рина Левинзон – тел.: 2-586-2333

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» МОЖНО КУПИТЬ В МАГАЗИНАХ:

Дом Русского Зарубежья: 109004 Москва, Нижняя Радищевская, д. 2

Librairie du Globe: 67, Bd. Beaumarchais 75003 Paris, France

на сайте журнала: www.newreviewinc.com (кнопка: Подписка), через **PayPal**
(все дополнительные вопросы: newreview@msn.com)

ВНИМАНИЕ

С апреля 2016 года можно оформить электронную подписку на журнал.
Подробности на сайте: [www/newreviewinc.com](http://www.newreviewinc.com) (кнопка: Подписка)